This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

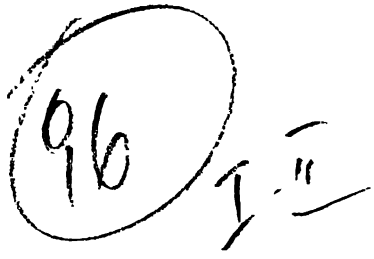
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES


96
I. II

РОДЪ КНЯЗЕЙ

ЗАЦѢПИНЫХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ШАРДИНА.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ Ф. Ф. ЛАВРЕЦОВА.

Исправленное и дополненное авторомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1883.

PG 3

Въ Государственной Типографіи.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ЗАЦѢПИНЫХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ШАРДИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Петербургъ.

Въ половинѣ марта 1740 года, по Аничкиной слободѣ, среди слякоти и грязи, ѣхали одна за другой три грузно нагруженныя кибитки, запряженныя каждая тройкою хорошо откормленныхъ коней. Передняя кибитка была съ кожанымъ верхомъ, съ особымъ сидѣньемъ для возницы и съ запятками для выѣзднаго; вообще хорошо прибранная. Другія кибитки были обиты просто рогожей. Въ первой кибиткѣ, среди пуховыхъ подушекъ и ковровъ, на перинѣ, сидѣлъ завернутый наглухо овчиннымъ, крытымъ сукномъ одѣяломъ, молодой человѣкъ въ лисьей шубѣ, невысокой собольей шапкѣ и валеныхъ сапогахъ. Онъ уткнулъ голову въ подушку и казалось дремалъ. Подлѣ кибитки, съ правой стороны, шелъ возчикъ (*), въ малахаѣ изъ волчьяго мѣха, въ овчинномъ тулупѣ, сверхъ котораго былъ надѣтъ темносиній армякъ, и въ замшевыхъ рукавицахъ, подбитыхъ заячьимъ мѣхомъ; съ лѣвой—шелъ выѣздной, въ такомъ же тулупѣ и рукавицахъ, только, вмѣсто армяка, на немъ была надѣта теплая епанча съ воротникомъ изъ крашеной лисицы. Онъ былъ въ татарской шапкѣ, опушенной собачьимъ мѣхомъ.

За этою кибиткою ѣхала другая, безъ особаго сидѣнья для возницы или возчика, а просто съ перекинутой черезъ нее и прибитой

(*) Названіе *кучера*, хотя и употреблялось въ 1740 г., но было далеко не во всеобщемъ употребленіи. Употребленіе слова *лакей*, заимствованное отъ французовъ *le Laquais* или отъ *la queue* (хвостъ), какъ выдумали парижанки называть сопровождающихъ себя людей, въ Россіи распространилось только съ послѣдней четверти прошлаго вѣка. Всего прежде въ Россіи вошло въ употребленіе слово *форейторъ;* кажется ихъ начали такъ называть съ введеніемъ крытыхъ большихъ колымагъ, стало быть еще при царяхъ Рюриковичахъ, прежде лихолѣтья; во всякомъ случаѣ не позже перваго самозванца. Только слово это постоянно коверкалось въ народномъ произношеніи, какъ коверкается впрочемъ оно и до сихъ поръ.

къ облучку доской. Она была наполнена огромнымъ количествомъ сундуковъ, чемодановъ, ящиковъ и кульковъ, между которыми кое-какъ примостился мальчикъ, лѣтъ тринадцати, дрожавшій отъ холода, потому что былъ въ одномъ только суконномъ зипунѣ и почти съ голой шеей.

Подлѣ мальчика сидѣлъ старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ чисто выбритымъ и хмурымъ лицомъ, старикъ пасмурный и сердитый. Онъ былъ одѣтъ въ овчинный, ничѣмъ непокрытый тулупъ, подпоясанный казанскимъ ремнемъ, за который былъ заткнутъ большой и широкій татарскій ножъ, въ высокіе валенки и тоже татарскую шапку; шея его была обмотана краснымъ нѣмецкимъ шарфомъ. Подлѣ кибитки шелъ только возчикъ. Послѣдняя кибитка ѣхала безъ возницы, ею правилъ самъ ѣхавшій въ ней сѣдокъ, малый лѣтъ двадцати семи, здоровенный какъ быкъ, съ красными щеками и бѣлокурыми волосами. Онъ былъ тоже только въ армякѣ и помѣщался между кулями овса и разными припасами находившимися въ боченкахъ, корзинкахъ, связкахъ, бадьяхъ и всякой другой посудѣ, дающей возможность дальней перевозки.

Караванъ, выѣхавъ изъ Московской ямской слободы, повернулъ уже на Невскую перспективу, въѣхалъ на деревянную настилку, которая, вмѣсто мостовой, тянулась отъ самой охтенской дороги вплоть до моста, между деревьями, насаженными еще Петромъ,— проѣхалъ Вшивую биржу, гдѣ стояло нѣсколько чухонскихъ саней и толпился народъ, миновалъ шорные ряды, называвшіеся тогда казанскими, такъ какъ въ нихъ преимущественно продавались сыромятныя кожи, мыло и другіе казанскіе товары,—ряды грязные до невѣроятія.

Караванъ шелъ шагомъ, медленно подвигаясь впередъ и звеня колокольцемъ передней кибитки и бубенчиками заднихъ.

По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись маленькіе домики, большею частью деревянные, съ мезонинами и вышками, между которыми стояли заборы и лежали неогороженные пустыри; чуть не на каждомъ шагу встрѣчались кабаки, харчевни, постоялые и заѣзжіе дома. Изъ нихъ, кабаки было легко узнать по воткнутымъ надъ входомъ и по сторонамъ елкамъ, а харчевни, постоялые и заѣзжіе дома,—по выступающему на улицу крытому крылечку, съ

скамьями для посѣтителей, а также по большому навѣсу кругомъ двора. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ изъ харчевенъ были вывѣски съ нарисованными на нихъ калачемъ, штофомъ водки и блюдомъ, на которомъ красовались не то пряженцы, не то булыжникъ, долженствующій изображать подаваемое въ харчевнѣ съѣдомое. Постоялые и заѣзжіе дома отличались, кромѣ того, еще болѣе или менѣе замысловатою надписью, въ родѣ: «выпей и закуси!», или «милости просимъ!», или просто лаконическимъ: «заходи!».

Караванъ подвигался; вотъ проѣхали чистенькую нарышкинскую дачу(*); изъ-за низенькихъ домиковъ и деревьевъ, обнаженныхъ отъ листвы, справа показались роскошныя палаты покойнаго фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева; а слѣва потянулась березовая рощица, изъ-за которой виднѣлось Троицкое подворье, а за нимъ растилался садъ бывшаго провіантскаго чиновника Обольянинова, съ пестро-раскрашеннымъ заборомъ, выкрашеннымъ глинянымъ филиномъ на воротахъ и золоченымъ купидономъ на дворѣ.

Проѣхавъ эту рощицу, караванъ въѣхалъ на небольшую площадку передъ узенькимъ деревяннымъ мостикомъ, выкрашеннымъ коричневою краскою. За этимъ мостикомъ бѣлѣлась знаменитая Аничкина усадьба, съ пристройками, службами, хозяйственными учрежденіями, садомъ и обширнымъ дворомъ, на которомъ лѣтомъ ходили коровы. Почти напротивъ этой усадьбы, красовалась хорошо содержимая дача Румянцева (*), съ каменными львами у подъѣзда. Дача эта, составлявшая прежде часть Аничкиной усадьбы и данная Аничкинымъ въ приданое за дочерью, долго была заколочена, такъ какъ владѣлецъ ея генералъ-аншефъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ былъ въ немилости и сперва, въ видѣ ссылки, былъ назначенъ командующимъ гилянскимъ отрядомъ, а потомъ жилъ въ своихъ деревняхъ. Жена его, графиня Марья Андреевна (**), урожденная Матвѣева, за которою и была дана эта дача отъ ея

(*) Нынѣ домъ графа Протасова-Бахметьева.

(**) Марья Андреевна Румянцева была дочь графа Андрея Артамоновича Матвѣева, сына боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, убитаго стрѣльцами въ 1682 г. и Анны Степановны Аничкиной, родной сестры стольника Михаила Степановича, которому и принадлежала Аничкина усадьба, купленная впослѣдствіи Государы-

матери, урожденной Аничковой, съ мужемъ не разлучалась и здѣсь не жила. Теперь, впрочемъ, они вернулись. Бирономъ хотѣлъ дать Румянцеву случай вновь войти въ милость и назначилъ его въ комиссію суда надъ Волынскимъ, такъ какъ желалъ, чтобы коммиссія эта состояла исключительно изъ русскихъ, но такихъ, которые дѣйствовали бы въ руку Бирона.

Проѣхавъ эту дачу (*), каравану пришлось остановиться передъ прикрытою рогатками и защищенною шлагбаумомъ заставою.

Пока изъ второй кибитки вылѣзалъ хмурый старикъ, пока онъ искалъ караулку и прописывалъ тамъ нужныя бумаги, сѣдокъ передней кибитки поднялся и оглядѣлся кругомъ. Это былъ молодой человѣкъ, съ яснымъ и глубокимъ взглядомъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Едва начинавшіеся пробиваться на верхней губѣ усы, высокій лобъ, русые волоса и сильно развитые мускулы обозначали его молодость и здоровье. Тонкія черныя брови его, почти сходились между собою на переносьѣ, т. е. были, какъ называли тогда такія брови, союзными. Выраженіе лица было замѣчательно гордо и насмѣшливо. Въ общемъ нельзя было сказать, чтобы онъ былъ не красивъ, но въ его насмѣшливой улыбкѣ было столько пренебреженія, а проницательный и упорно устремленный взглядъ его сѣрыхъ глазъ былъ такъ рѣзокъ, что, думалось, не скоро онъ встрѣтитъ такого, кто захотѣлъ бы сойтись съ нимъ, ему ввѣриться, признать въ немъ товарища и друга. Взглянувъ на него, всякій подумалъ бы: «Эге! Да это изъ молодыхъ ранній! Этотъ, не смотря на свою молодость, не разнѣжничается передъ чужимъ горемъ, не откажетъ себѣ въ удовольствіи, чтобы накормить голоднаго... Правда, за то, надо полагать, если онъ что скажетъ, то на его слово можно положиться, но вѣдь лишняго-то онъ ничего и не скажетъ!...»

Вглядываясь въ молодаго человѣка пристальнѣе, нельзя было не

ней для графа Разумовскаго. Марья Андреевна была женщина европейски образованная, знакомая съ иностранными языками и весьма пріятная. Говорятъ, что молодой еще дѣвицей она сблизилась съ Петромъ Великимъ, который и выдалъ ее замужъ за своего любимаго деньщика Румянцева, бывшаго впослѣдствіи нашимъ посломъ въ Турціи и фельдмаршаломъ. Она любила свѣтскую жизнь и имѣла значительное вліяніе на политическіе кружки своего времени; жила долго—до 90 лѣтъ. Графъ Сегюръ упоминаетъ о ней въ своихъ запискахъ.

(*) Нынѣ домъ г. Глазунова.

придти къ такому заключенію, что онъ цѣнитъ себя черезъ-чуръ высоко, черезъ-чуръ много думаетъ о своихъ достоинствахъ и не умѣетъ цѣнить достоинства другихъ. Если онъ твердъ въ словѣ, не притязателенъ, щедръ, то не отъ доброты къ другимъ, а отъ внутренней гордости. Разумѣется, все это могли говорить мужчины; другое вѣроятно думали о молодомъ человѣкѣ женщины. Но въ то время онъ находился еще совершенно внѣ женскаго вліянія и съ насмѣшкою глядѣлъ на все, на чемъ останавливались его глаза.

«И это столица! думалъ онъ.—Нашъ Зацѣпинскъ не въ примѣръ красивѣе. По-крайности грязи такой нѣтъ! А это что? Ни церкви Божіей, ни зданія тамъ какого! Хоть бы ворота-то городскія какъ слѣдуетъ сдѣлали. Просто ни на что не похоже!»

Пока онъ разсуждалъ такимъ образомъ, а возница, опустивъ вожжи, зѣвалъ на проходившій народъ, къ каравану подошла женщина.

— Елпидифоръ, ты ли это? спросила она, вглядываясь пристально въ возчика.

Елпидифоръ встрепенулся. Передъ нимъ стояла женщина, лѣтъ уже за сорокъ, повязанная темнымъ платкомъ, въ темной, на заячьемъ мѣху душегрѣйкѣ, въ темной же исподницѣ, какъ называли тогда юбку, и въ валеныхъ черныхъ котахъ, подшитыхъ кожею отъ грязи.

Что глядишь, али не призналъ? улыбаясь спросила она.

Елпидифоръ вглядывался.

— Нѣтъ, будто бы и знакомая, а признать никакъ не могу!

— А забылъ Ѳеклу?

— Ѳекла Яковлевна, матушка! радостно вскрикнулъ Елпидифоръ.—Дакакъ же ты голубушка постарѣла! Никакъ бы не узналъ!

Да времени-то прошло не мало! Вотъ ужъ годовъ больше пятнадцати какъ я тутъ въ Питерѣ маюсь. А все я тебя сразу признала! Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы ты очень перемѣнился! Бороду-то небось брѣешь, а?

— Брѣю, матушка! Такая напасть на меня нашла! Трифонъ Савельичъ, прикащикъ-то нашъ, ни съ того, ни съ сего, чуть не кажинный день вздумалъ меня въ городъ посылать, говоритъ—князь велѣлъ! Ну, тутъ, знаешь сама, много не наговоришь! А въ городъ-

отъ съ бородой не пускаютъ; говорятъ давай алтынъ на въѣздъ и на выѣздъ! Заплатилъ разъ, другой, — надоѣло, поневолѣ обрился! Не то я,—вотъ увидишь Парамонъ Михайлычъ и тотъ обрился, вотъ что! Да какъ часто въ городъ-то ѣздить придется, такъ поневолѣ...

— Пожалѣли денегъ, а души своей не пожалѣли! Эхъ, грѣхи, грѣхи! Өекла Яковлевна тяжело вздохнула.

— И рады бы не жалѣть, да откуда взять-то? Вѣдь нонче не прежнія времена, когда жили словно у Христа за пазухой! Все поборы, да налоги, все стало дорого; хоть въ могилу ложись, да и за ту платить надо! А о старой-то вѣрѣ нонче у насъ почитай и въ поминѣ нѣтъ!

— Ишь ты! а говорили, что князь новшествъ не любитъ, такъ старину держать будетъ!

— Онъ и держитъ старину, да не по вѣрѣ, а такъ, по своимъ обычаямъ! По вѣрѣ же онъ настоящій никоновецъ! Пріѣзжалъ тутъ къ намъ воевода, на поклонъ къ князю нашему зашелъ, да и говоритъ, что у насъ безпоповщина пошла, а онъ прямо, какъ есть на отрѣзъ: вздоръ, говоритъ, — никакихъ эдакихъ расколовъ у меня нѣтъ! Всѣ держатся православнаго обычая: въ церковь по старинѣ ходятъ и въ церкви Божіей вѣнчаются, всѣхъ одинъ попъ вѣнчаетъ. Да въ тотъ же день велѣлъ всѣхъ дѣвокъ и подростковъ перевѣнчать. Такъ тутъ много не наговоришь; пожалуй, не то бородѣ, головѣ радъ не будешь!

— Такъ-то оно такъ! Люди подневольные! А все бы кажись..... Съ чѣмъ вы сюда?

— А вотъ, видишь, княжича веземъ!

— Какого это? Не того ли, что при мнѣ еще Параньку къ нему въ мамки опредѣлили?

— Того самаго, матушка; а теперь, видишь, выросъ!

— Господи, Господи, время-то какъ идетъ! Что же, на службу что ли надумались? Старый-то князь вѣдь куда! Какъ потребовали княжичей на службу, такъ руками и ногами! Ни въ жизнь не хотѣлъ отдавать!

— Да и этотъ не больно лѣзъ, только Богъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось! А впрочемъ, по правдѣ сказать, и не знаю за-

чѣмъ! Призвали,—говорятъ, съ молодымъ княземъ ѣдешь, ну и дѣло съ концомъ! Трифонъ Савельичъ обѣщалъ черезъ годъ мнѣ на смѣну Фильку, фурлетора, прислать, говоритъ въ годъ пріучитъ, а Богъ его знаетъ, сдержитъ ли обѣщаніе!

— Кто же еще съ вами?

— Изъ старыхъ одинъ Парамонъ Михайловичъ, дворецкимъ и дядькою при княжичѣ состоять будетъ, да я возницею или по новому кучеромъ; а то все молодые: Федоръ Сохатый, при тебѣ совсѣмъ еще мальчишкой былъ, да мнѣ въ помощь и вообще для черныхъ работъ взятъ изъ Зубиловки, тоже молодой, Кирило Гвоздемъ! Ну, еще навачекъ; помнишь криваго Ермилку, отъ него взяли! А Селифонтъ — не знаю помнишь ли его, кажись въ ученьѣ былъ какъ ты уѣхала, — такъ тотъ на парѣ домой поѣдетъ! Съ нами-то только семь лошадей останется. Ну, а сказано, что если еще что нужно будетъ, поваръ, что ли, или конюхъ другой, или какая тамъ женская прислуга, такъ, когда устроимся, Парамонъ Михайловичъ отписалъ бы, вышлютъ! Да ты о себѣ-то разскажи, голубушка Ѳекла Яковлевна! Что ты здѣсь и какъ! Здорова ли?

— Да ничего Вотъ какъ былъ живъ-то мой Маркелъ Ивановичъ, такъ Бога гнѣвить было нечего, жили хорошо! Хоть и старовать былъ и выпить любилъ, но, самъ знаешь, какой онъ былъ досужій, да рабочій человѣкъ! Ну и то, нашихъ-то здѣсь нашлось много, а свой своему поневолѣ другъ, выбрали его въ десятники, а потомъ по хозяйской части стали употреблять, купить нужно что, али заготовить, все это онъ! Жить и было чѣмъ! А какъ померъ-то, такъ и въ проголодь подъ-часъ насидишься! Ну, а все живу и хлѣбъ жую: гдѣ постираю, гдѣ поворожу, а гдѣ и посватаю. Купцы меня любятъ, да и нашихъ здѣсь довольно развелось, въ молельщицы выбрали, поддерживаютъ тоже по усердію, такъ оно и нельзя сказать, чтобы совсѣмъ съ голоду умирала!

— А Маркелъ Ивановичъ побывшился, значитъ? Царствіе ему небесное! Усердный ревнитель церковный и слуга Божій былъ, только выпить любилъ, не тѣмъ будь помянутъ покойникъ... Елпидифоръ перекрестился и посмотрѣлъ на Ѳеклу Яковлевну ласково.— Ну, да и боялся же я его, что грѣха таить, взглянуть не смѣлъ! Сердитый онъ такой былъ, не приведи Богъ попасть подъ руку!

— Не больно знать боялся, когда молодую жену цѣловать, да ласкать приходилъ, да за печкой въ каморкѣ прятался, пока тотъ заснетъ съ похмѣлья!

— Молодъ былъ! Да и то: быль, говорятъ, молодцу не укора; оченно ужъ и ты хороша была Ѳекла Яковлевна! Такая была красавица, что другой такой нонче кажись и нѣтъ! Все бы на тебя глядѣлъ, да не наглядѣлся. Къ тому же ты начетчица была, умница! Не даромъ тогда, какъ послѣдній попъ-то нашъ умеръ, тебя вразъ всѣмъ міромъ молельщицей выбрали. Какъ ты-то уѣхала, такъ все у насъ вверхъ дномъ пошло, все и распадаться начало. Хоть бы про себя скажу: я чуть съ ума не сошелъ, года три просто какъ шальной ходилъ! Любилъ-то тебя ужъ очинно!

— Да и я тоже помоложе была, хоть и годилась тебѣ чуть не въ матери. Тебѣ, тогда, думаю, и двадцати не было, ну а я была баба въ полномъ соку! Мужъ старый, выпить любилъ, а тутъ тебя по молельнѣ мнѣ сподручникомъ сдѣлали. Все вмѣстѣ, да вмѣстѣ... какъ тутъ не быть грѣху! Поневолѣ и я по тебѣ поскучала. Ну да какъ быть! Вотъ Богъ привелъ свидѣться! Ты по старой памяти заходи ко мнѣ. Меня не забываютъ добрые люди; сходимся и тоже иногда кое-что почитаемъ! Я тебя и въ молельню нашу сведу. Уставщикомъ у насъ Ермилъ Карпычъ; изъ кущовъ онъ, богачъ большой, да это ничего, такой начетчикъ, что не приведи Господи! Самого Андрея Денисыча за поясъ бы заткнулъ, коли бы тотъ живъ былъ. А я молельщицей, какъ и у насъ была, только теперь не то, теперь у насъ не только что молитва, но и радѣнье. Придешь — увидишь! И я радѣю; знаешь, на сиротскій зубъ все что нибудь перепадетъ!

Оба замолчали. Кирилъ Гвозделомъ вышелъ изъ задней кибитки и сталъ что-то распрашивать махальнаго. Мальчишка тоже выползъ на Божій свѣтъ и началъ скакать, чтобы согрѣться.

— Ну что, озаконился? спросила Ѳекла Елпидифора какъ-то глухо.

— Какъ же, женили! Знаешь Марфутку, Парасковьину дочку, при тебѣ еще дѣвчонкою была, такъ на ней!

— И дѣтки есть?

— Есть! Старшему-то десять лѣтъ минуло. Въ прошломъ году въ Москву хотѣли въ шорники отправлять, да отмолилъ на годъ.

— Да! Время идетъ! Я вотъ старухою сдѣлаться успѣла, а ты, нечего сказать, все еще бравый молодецъ. Приходи же; посмотришь, послушаешь, можетъ и опять бороду отростить захочешь!

— Какъ не придти, голубушка! Ужъ одно, что старое помянемъ, такъ и то радость! Я хоть душу-то отведу, голубушка, право! А у тебя, Ѳекла Яковлевна, дѣтей нѣтъ?

— Нѣтъ и не было! Богъ не благословилъ! Отъ того ли, что Маркелъ Иванычъ, покойный, старенекъ для меня былъ или отъ того, что изъ-за живаго мужа съ тобой, проходимцемъ эдакимъ, гуляла, а можетъ и такъ воля Божія, только никогда и не было.

Въ это время Парамонъ Михайловичъ вынесъ бумаги, шлагбаумъ приподнялся, возчикъ или кучеръ долженъ былъ подвязать колоколецъ и взяться за возжи.—«Ну-ну, голубчики, вытягивай!» машинально крикнулъ онъ, и караванъ тронулся.

— Такъ это-то Парамонъ Михайловичъ, спросила Ѳекла.— Батюшки, безъ бороды-то онъ какой страшенный сталъ! И дома-то я его недолюбливала, когда онъ еще человѣкомъ ходилъ; а теперь-то, когда онъ въ кикимору какую-то оборотился, я ужъ не знаю...

Въ это время Парамонъ Михайловичъ проходилъ мимо.

— Парамонъ Михайлычъ! заискивающимъ голосомъ сказала Ѳекла.

Тотъ оглянулся и всмотрѣлся.

— А, Ѳекла! сказалъ онъ хмуро:—тебя еще съ твоимъ Маркелкой черти-то не унесли? Ишь какъ сморщилась! прибавилъ онъ потомъ въ видѣ любезности и сѣлъ въ свою кибитку.

— Тебѣ бы дорогу показать, проклятый, сказала про себя Ѳекла, когда тотъ уже отошелъ.—Видишь, какъ ругается! И слова-то у нихъ христіанскаго, какъ и лика человѣческаго нѣтъ, прости Господи!...

Караванъ подвигался. Ѳекла Яковлевна шла подлѣ Елпидифора. Мальчишка выпросилъ у Кирила дозволенія править лошадью и сѣлъ въ заднюю кибитку. Кирилъ шелъ рядомъ съ Ѳедоромъ.

— Куда вы пристать-то надумались? спросила Ѳекла.

— Да къ дядинькѣ; къ нему на дворъ прямо велѣли ѣхать и отъ него ужъ ждать распорядка! Ты тутъ старожилка, Ѳекла Яковлевна, вѣрно знаешь, скажи, гдѣ Зацѣпинскій-то дворъ?

— Какъ не знать! Вѣдь что ни говори, а все-таки свой! Захожу иногда, хоть и не люблю, признаться! Тамъ все какъ-то не по русскому, все по модѣ: да вѣдь мнѣ что? Стоитъ онъ, какъ бы тебѣ сказать, подлѣ дворцовыхъ портомойныхъ плотовъ. Вотъ поѣзжай Невской-то перспективой все прямо. Липы по бокамъ посажены, такъ не собьешься. Проѣдешь, сударь мой, ты этакъ ряды, т. е. не ряды, а такъ, будки понаставлены, краснымъ товаромъ торгуютъ; затѣмъ церковь Рождества, а потомъ будетъ роща; тутъ большой домъ строить хотятъ, увидишь—шесты наставлены, такъ напротивъ этихъ самыхъ шестовъ, проѣзжая нѣмецкую кирку, стоитъ полицейскій домъ, гдѣ часовые стоятъ. Домъ-отъ на рѣчку выходитъ: Мьей зовется. Черезъ рѣчку отъ него ко дворцу мостъ построенъ, Зеленымъ назвали, и въ самомъ дѣлѣ зеленой краской выкрашенъ. Ты на мостъ-отъ не въѣзжай, а, проѣзжая полицейскій домъ (*), поворотн направо, прямо по рѣчкѣ. За полицейскимъ-то домомъ будетъ другой домъ, красивый такой, это домъ князя Волконскаго; за нимъ—дворцовый прачешный домъ, противъ котораго большіе портомойные плоты стоятъ; а за нимъ сейчасъ же и Зацѣпинскій дворъ. Выходитъ онъ на рѣчку одними флигелями; заборъ между ними не мудрый сдѣланъ, а ворота каменныя и на верeяхъ-то каменные же львы посажены. Домъ стоитъ на дворѣ и глядитъ таково рѣдкостно. Кругомъ болваны, да столбы поставлены, а за нимъ садъ идетъ скрозь, на самую улицу, что къ конюшенному двору выходитъ. Сказать нечего, хорошій домъ! Да вотъ я съ тобой пойду, такъ покажу, а мимо поѣдемъ, такъ укажу кстати, гдѣ и моя каморка!

На улицѣ, между тѣмъ, начали попадаться экипажи, и чѣмъ караванъ подвигался далѣе, тѣмъ разнообразнѣе и богаче. Молодой человѣкъ съ невольнымъ любопытствомъ слѣдилъ за этими колымагами цугомъ, на шести, даже на восьми лошадяхъ, за этими линейками, фаэтонами, раскидными каретами,—саней уже мало было,—снующими взадъ и впередъ, въ сопровожденіи вершниковъ, гайдуковъ, скороходовъ, егерей и всякаго рода прислуги. Смотря на эту суету, на этотъ блескъ, для него совершенно новый, онъ невольно думалъ о своемъ дядѣ.

(*) Нынѣ домъ голландской церкви.

«И онъ, пожалуй, въ такой же колымагѣ ѣздитъ и тоже съ скороходами и верховыми. А какой онъ, желалъ бы я угадать! Неужели онъ ходитъ такимъ же куцымъ, какъ эти бѣгуны, или хотя бы какъ Зацѣпинскій воевода? Вотъ смѣшно-то! Мой почтенный дядя, князь Зацѣпинъ, и вдругъ—въ чулочкахъ, башмачкахъ, съ обтянутыми ногами, въ обгрызанномъ кафтанѣ, бритый, да еще въ парикѣ! Помоги Богъ не расхохотаться! Матушки, какая тамъ барыня катитъ! На головѣ-то у нея будто капуста выросла и цвѣты! А разволоченная развалка эта хороша, нечего сказать! И скороходы, и вершники, красиво выходитъ! За то здѣсь больше ничего хорошаго нѣтъ!»

Караванъ ѣхалъ въ это время мимо нѣмецкой кирки, подъѣзжая къ полицейскому дому. Елпидифоръ разсказывалъ Ѳеклѣ о своей свадьбѣ.

— Самъ Трифонъ Савельичъ вдругъ приходитъ...

— Неужто самъ?

— Такъ-таки самъ и пришелъ, прямо на конюшню! Я, помню, Соловья чистилъ. А онъ прямо: «что ты это, Елпидифоръ, у меня дѣвокъ смущать задумалъ? говоришь, что въ царицынскихъ скитахъ и всѣ безъ вѣнцовъ живутъ?»

— Я, судырь, говорю, ихъ не смущалъ, а сказалъ только, что коли попъ не попъ, такъ все равно и вѣнецъ не въ вѣнецъ будетъ!

— Да ты мнѣ зубы-то не заговаривай, закричалъ онъ:—говори дѣло! А то, смотри, сведу къ князю, пожалуй въ застѣнкѣ разговаривать придется! Ты говорилъ Парасковьиной дочери, что въ прежнія поры всегда у водъ, да у огня свадьбы спорились?

— Что-жъ ты? спросила Ѳекла.

— Да что мнѣ говорить-то было; я смолчалъ, а онъ велѣлъ Марфутку позвать и Моргача потребовалъ, да велѣлъ розогъ принести. Та какъ увидѣла розги-то, да взглянула на Моргача, а тотъ стоитъ жестокимъ такимъ, пучекъ розогъ въ рукахъ держитъ и имъ помахиваетъ, словно съ роднаго отца съ живаго кожу спустить готовъ,—ну, разумѣется, струсилась и разсказала все.

— Что-же онъ?

— Извѣстно, разсерчалъ!—«Ишь ты какую затѣю выдумалъ, а? А по чемъ же князь тяглы-то считать будетъ, ты объ этомъ

подумалъ-ли, а?» И велѣлъ меня сейчасъ же отстегать! Ну, а на другой день и окрутили. Она баба добрая, нечего сказать, а все бы кажется... Ну, послѣ, за нашими-то начали туго смотрѣть, всѣхъ и перевели!

Ѳедоръ, между тѣмъ, поясняетъ Гвоздилому, что вотъ тутъ, за мостомъ прямо, стоитъ зимній дворецъ(*), не настоящій, настоящій-то на Невѣ строить хотятъ, а лѣтній, хоть и деревянный, но не въ примѣръ красивѣе; а это, за рощей, домъ графа Апраксина, потомъ палаты графа Головкина (**). Въ этихъ палатахъ онъ кухоннымъ мальчишкой жилъ. А дальше-то домъ его зятя, Ягужинскаго Павла Ивановича,—генералъ отважный и развеселый былъ такой; хоть сама царица тутъ будь, такъ онъ и той зубы заговаривать началъ бы, да вотъ умеръ, что ты тутъ станешь дѣлать?

Въ это время караванъ, не переѣзжая моста, называвшагося Зеленымъ, и выкрашеннаго, въ самомъ дѣлѣ, зеленою краскою, началъ по указанію Ѳеклы, поворачивать вправо, вдоль по набережной рѣчки Мьи, чтобы ѣхать къ дому, который находился на мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается извѣстный ресторанъ подъ фирмою «Дононъ».

На встрѣчу каравану съ моста неслась карета шестернею, съ двумя форейторами, вершникомъ, двумя выѣздными на запяткахъ и двумя скороходами съ боковъ.

— Пади! Пади! кричали форейторы.

— Берегись! Берегись! кричали скороходы, несясь во всю прыть.

Но Елпидифоръ, увлекшись разговоромъ, не поостерегся и хотя успѣлъ отдернуть нѣсколько лошадей въ сторону, но все же уносныя попали въ постромки пристяжной; тѣ и другія лошади начали бить.

Выѣздные быстро соскочили съ запятокъ кареты и вмѣстѣ съ скороходами подбѣжали распутывать лошадей, ругаясь, разумѣется, на всѣ лады. Одинъ изъ нихъ началъ бить по мордѣ княжескую лошадь. Ѳедоръ счелъ своею обязанностью вступиться.

— Что ты, безпутная твоя рожа, лошадь-то бьешь? Сами виноваты, скачутъ сломя голову, а тоже озорничаютъ и скотину бьютъ!

(*) Домъ бывшій г. Коссиковскаго, нынѣ г. Елисѣева.

(**) Нынѣ Николаевскій и Александровскій сиротскіе институты и училище глухонѣмыхъ.

— Я и тебѣ морду сворочу на сторону! отвѣчалъ сердито выѣздной.—Вишь, распустились, словно на пошехонскій базаръ пріѣхали!

— Ну, братъ, шалишь! отвѣчалъ Ѳедоръ:—я у самого скорѣй рыло-то на Пошехонь поворочу!

Другой выѣздной въ это время хотѣлъ перерѣзать постромку, но Ѳедоръ схватилъ его за шиворотъ.

Кучеръ, между тѣмъ, кричалъ, форейторы вопили, выѣздные и скороходы ругались, лошади бились и ржали.

Вершникъ, видя, что Ѳедоръ не даетъ рѣзать постромокъ, сперва было думалъ взять крикомъ, но, видя, что тотъ не слушаетъ и осилилъ уже ихъ выѣзднаго, ударилъ его арапникомъ по лицу, но въ ту же секунду самъ полетѣлъ кувыркомъ съ лошади отъ тычка Гвоздолома. Крикъ, разумѣется, усилился. Экипажи началъ обступать народъ и тоже галдѣлъ.

Скороходы хотѣли было напасть на Гвоздолома, но, видя его необыкновенную силу, не рѣшались, и стали звать свободнаго выѣзднаго, пока другой боролся съ Ѳедоромъ. Къ нимъ присоединился еще другой вершникъ, должно быть передъ тѣмъ посылаемый куда нибудь. Нападеніе было уже готово и ему первый подвергся было Селифонтъ, поспѣшившій отъ кибитки къ своимъ на выручку, такъ какъ одинъ изъ скороходовъ уже смялъ его подъ себя и началъ тузить, но въ это время раздался звонкій голосъ молодаго князя.

— Перестать буянить, крикнулъ онъ и самъ вышелъ изъ кибитки.

Не смотря на то, что въ голосѣ молодаго князя слышалась еще нѣжно-пискливая, дѣтская нотка, твердый, повелительный звукъ и то, недопускающее возраженій выраженіе въ немъ гордой строгости, заставили всѣхъ разомъ остановиться. Скороходъ отпустилъ Селифонта; Гвоздоломъ спряталъ свой желѣзный кулакъ, занесенный уже надъ другимъ скороходомъ; Ѳедоръ выпустилъ изъ рукъ выѣзднаго, а другой выѣздной остановился въ своемъ намѣреніи напасть на Гвоздолома; вершникъ, поспѣшавшій было къ своимъ, тоже осадилъ лошадь и хлопалъ глазами, смотря на молодаго человѣка, который распоряжался.

— Отстегивай постромки у Арабчика, Елпидифоръ! А ты отводи свою уносную! приказывалъ молодой князь.—Заворачивай кибитку! вотъ такъ! Селифонтъ, возьми коренную подъ уздцы, ворочай! ну...

Вѣроятно, не прошло бы нѣсколько секундъ, какъ спутавшіяся лошади были бы распутаны, но изъ кареты вышелъ господинъ и презрительно, закинувъ назадъ голову и какъ-то подергивая своими морщиноватыми, бритыми губами, спросилъ, картавя:

— Какой тамъ человѣкъ разбойничать смѣть имѣетъ?

Ему никто не отвѣчалъ. Онъ разсердился.

— Кидай! опрокидывай ихъ! закричалъ разсвирѣпѣвшій нѣмецъ, увидѣвъ какъ поднимали, сбитаго съ лошади, его вершника, который едва начиналъ приходить въ себя.

— Что? Я скорѣе васъ всѣхъ велю вотъ въ эту рѣчку швырнуть! грозно, не смотря на свой полудѣтскій голосокъ, сказалъ князь.— Не смѣть подходить! Кирилъ не подпускай!

Гвозделомъ расправилъ руки и захватилъ въ кулакъ булыжникъ.

Вершникъ соскочилъ съ лошади и доложилъ своему барину, что имъ не справиться, такъ какъ у противниковъ есть страшный силачъ... Не прикажетъ ли призвать городовыхъ?

Господинъ прямо подошелъ къ князю.

Это была длинная и довольно красивая еще, бритая нѣмецкая фигура, съ маленькою треуголочкою сверхъ парика на головѣ, обвернутая кружевами вокругъ шеи и въ длинномъ, фіолетовомъ, бархатномъ плащѣ.

— Кто тутъ разбой смѣетъ чинить? спросила фигура, обращаясь къ молодому князю.

— Никто, кромѣ вашихъ людей, пренебрежительно отвѣчалъ князь.—Сами виноваты, да сами и буйствовать начинаютъ.

— Отчего дорогу дать вы не могли?

— Кто тебѣ обязанъ дорогу давать? Сами должны были своротить! Впрочемъ и тутъ мой возница своротилъ сколько было можно; не на мостки же ему въѣзжать было? А вы скачете какъ бѣшеные...

— Какъ вы разговаривать со мною такъ можете?

— Отчего не говорить, когда я говорю дѣло? гордо отвѣчалъ князь.

— Кто вы такой, что смѣете со мною такой говоръ сказывать? прикрикнулъ было расходившійся нѣмецъ.

— Что ты за ворона, что смѣешь меня такъ спрашивать? презрительно отвѣчалъ князь.

— Я ворона? я?.. О! Я гофмаршалъ двора ея величества, графъ Левенвольдъ! отвѣчалъ нѣмецъ,—кто вы, маленькій...

Вѣроятно, онъ хотѣлъ прибавить слово «скотинъ», но, взглянувъ на князя, остановился.

Князя немножко покоробило отъ слова «ея величества», тѣмъ не менѣе, онъ твердо отвѣтилъ:

— Я князь Зацѣпинъ, если ты хочешь это знать!

Имя Зацѣпина заставило въ свою очередь немножко поморщиться Левенвольда, тѣмъ не менѣе, онъ, не измѣняя своего голоса, сказалъ:

— Хорошо, молодой человѣкъ, вы увидайтъ кто изъ насъ кому уступать долженъ! Вы не забудьте это! Я позабочусь, чтобы вы не забыли!

— Я тоже прошу не забыть нашу встрѣчу и навѣрное позабочусь о томъ напомнить! дерзко отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Въ это время лошади были уже распутаны и князь сѣлъ въ свою кибитку. При помощи своихъ людей сѣлъ также въ свою карету Левенвольдъ и мигомъ исчезъ изъ глазъ съ своими скороходами и вершниками, предшествуемыми крикомъ форейторовъ. Караванъ въ это время плелся прежнимъ порядкомъ по набережной Мойки или такъ называемой тогда Мьи. По указанію Θеклы, онъ въѣхалъ на дворъ, посрединѣ котораго стоялъ небольшой, но барскій домъ, съ колонами, статуями, вазами, солнечными часами и другими подражательными затѣями французскаго Тріанона, принаровленными къ нижегородскому вкусу. Кибитка, съ кожанымъ верхомъ, подъѣхала къ выступающему изъ фасада, въ видѣ портика, крыльцу; другія двѣ кибитки, по указанію привратника, должны были въѣхать въ ворота одного изъ боковыхъ флигелей и отправиться на задній дворъ.

Къ кожаной кибиткѣ подошелъ швейцаръ.

«А что если онъ вдругъ совсѣмъ не захочетъ меня видѣть?» подумалъ невольно молодой человѣкъ и вздрогнулъ отъ гордости; однакожъ, онъ приказалъ доложить, что молодой князь Зацѣпинъ желаетъ дядюшкѣ отдать свое почитаніе. Швейцаръ позвонилъ, подбѣжалъ офиціантъ. Ему пришлось повторить то же, что было сказано швейцару. Черезъ минуту сбѣжалъ сверху другой офиціантъ и проговорилъ:

— Приказали просить и проводить въ орлеанскія комнаты.

Молодой человѣкъ задумался отъ этихъ словъ. «Что это значитъ? какія это комнаты? спрашивалъ онъ себя.—Отчего не ведутъ меня прямо къ дядѣ? Вѣдь я ему свой, близкій, родной племянникъ! Отчего же не принимаетъ онъ меня какъ своего, какъ близкаго?»

Не смотря однакожъ на эти вопросы и возникающее въ немъ сомнѣніе, онъ не сказалъ ни слова.

Ѳедоръ, при пособіи швейцара, помогъ ему выдти изъ кибитки; швейцаръ передалъ его офиціанту словомъ: «проводи»! Офиціантъ, поклонившись, повелъ его изъ просторныхъ, обставленныхъ тоже колонами и статуями и устланныхъ краснымъ сукномъ съ сѣрой дорожкой сѣней по широкому коридору въ назначенные ему покои. Тамъ встрѣтилъ его дворецкій, съ привѣтствіями и объясненіями отъ дядюшки.

Но мы должны познакомить читателей съ молодымъ человѣкомъ, прибывшимъ теперь въ Петербургъ, чтобы начать свою карьеру подъ покровительствомъ дядюшки, и начавшаго ее столь неудачно—ссорою съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ тогда любимцевъ Двора. Для этого заглянемъ, прежде, въ усадьбу его отца.

II.

Русскій помѣщикъ первой половины восемнадцатаго вѣка.

На берегу рѣки Ветлуги, въ глубинѣ костромскихъ лѣсовъ, которые въ то время по справедливости признавались непроходимыми, прихотливо раскинулось село Зацѣпино, мѣсторожденіе нашего юноши и одна изъ родовыхъ отчинъ древняго и славнаго рода князей Зацѣпиныхъ.

Зацѣпино было большое село. Оно тянулось вдоль праваго берега рѣки и состояло изъ нѣсколькихъ улицъ, перпендикулярныхъ ея теченію, застроенныхъ деревянными и большею частью весьма чистыми домиками, такъ какъ лѣсъ былъ подъ бокомъ и никто не мѣшалъ рубить его сколько душѣ угодно. Въ селѣ были: двѣ церкви—одна каменная, другая деревянная; торговая площадь, на которой тянулась линія базарныхъ рядовъ; три завода, нѣсколько кабаковъ, особое кладбище съ деревянною часовнею при немъ и высокою бревенчатою оградою отъ волковъ. Княжескій домъ или какъ говорили тогда княжескіе хоромы, — стояли на выѣздѣ изъ села, на высокомъ холмѣ, по скату котораго до самой рѣки разстилался садъ, идущій внизъ по теченію рѣки версты на полторы.

Княжескій домъ былъ тоже деревянный съ единственною каменною старинною башнею. Домъ этотъ представлялъ удивительное смѣшеніе сборной постройки. Основаніемъ ему служилъ крѣпко сложенный изъ дубовыхъ брусьевъ, на фундаментѣ изъ дикаго камня, срубъ, составлявшій часть небольшой сторожевой крѣпостцы, выстроенной однимъ изъ предковъ князей Зацѣпиныхъ еще въ то время, когда нужно было безпрестанно опасаться нападенія остяковъ, вотяковъ, вогуличей и др. югорскихъ народовъ. Въ то время вся эта страна, со всѣми своими городами и пригородами, со всѣми селами, деревнями и починками принадлежала князьямъ Зацѣпинымъ и составляла ихъ родовое великое княженіе, раздѣляясь, по обычаю рода, на нѣсколько удѣльныхъ княжествъ, зависимыхъ отъ старшаго въ родѣ князя Зацѣпина, какъ отъ старшаго брата и отца,—въ то время какъ этотъ старшій братъ и отецъ въ свою очередь считался младшимъ братомъ и удѣльнымъ княземъ великаго князя всея Руси, князя Суздальскаго, Владимірскаго и Нижегородскаго. Когда князья Зацѣпины, оставленные, даже можно сказать выданные своими удѣльными князьями, должны были уступить свое княжество и свой стольный городъ Зацѣпинскъ великому князю Московскому Ивану Васильевичу, то они выбрали для своего мѣстопребыванія эту сторожевую крѣпостцу, съ каменною дозорною башнею и пристроили къ ней брусяную избу, два терема и сѣнцы. Къ этой постройкѣ, въ планѣ представлявшей видъ молота, послѣдующіе владѣльцы придѣлывали и пристроивали, по слу-

чайнымъ требованіямъ, кому что вздумалось, каждый по своему личному вкусу. Можно себѣ представить, какой изъ всѣхъ этихъ придѣлокъ и пристроекъ вышелъ архитектурный сумбуръ! Флигеля, башни, переходы, балконы самыхъ невѣроятныхъ формъ и стилей, съ самымъ разнообразнымъ назначеніемъ и различными причудливыми украшеніями, въ видѣ пѣтуховъ, шаровъ, шпилей, коньковъ, грифовъ и цвѣтовъ,—все это было настроено, нагромождено, можно даже выразиться, напутано, безъ всякаго соображенія одного съ другимъ. Таковъ былъ зацѣпинскій домъ или зацѣпинскія палаты, построенныя грубо, некрасиво, но съ прочностью изумительною, такъ что хотя отъ времени все почернѣло, частью даже обросло, но нигдѣ не покривилось, не тронулось, и, можно было быть твердо увѣреннымъ, не тронется и не покривится еще сотню лѣтъ.

Домъ этотъ былъ окруженъ службами, хозяйственными учрежденіями, садовничьими и охотничьими домами, теплицами, сараями, амбарами и отдѣльными помѣщеніями. Къ каждому изъ такихъ помѣщеній были пригорожены садики, огороды, дворы, примыкающіе къ огромному, обсаженному липами, красному двору, соединяющемуся, съ одной стороны, съ княжескимъ садомъ, а другою стороною подходящимъ къ самой торговой площади села.

Все это было полно съ утра до ночи снующимъ взадъ и впередъ народомъ; повсемѣстно оглашалось собачьимъ лаемъ, крикомъ пѣтуховъ, мычаньемъ коровъ, блеяньемъ овецъ, ржаньемъ лошадей и руганью возчиковъ. Если кто можетъ все это себѣ вообразить, то получитъ ясное понятіе о княжеской усадьбѣ села Зацѣпина въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Въ этомъ то образчикѣ вавилонскаго столпотворенія проживалъ съ женою и дѣтьми старшій представитель знаменитаго рода князей Зацѣпиныхъ, князь Василій Дмитріевичъ Зацѣпинъ, отецъ того юноши, князя Андрея Васильевича, котораго мы видѣли въѣзжающимъ въ Петербургъ.

Это былъ худощавый, сухой, довольно высокій, но сутуловатый старикъ, съ густыми посѣдѣвшими волосами и небольшой русой, съ просѣдью, бородкой. Густыя, нависшія и тоже почти сросшіяся брови, темносѣрые сверкающіе глаза, прямой носъ и тонкія, но

безъ малѣйшаго оттѣнка улыбки губы придавали ему суровое, вмѣстѣ съ тѣмъ и грустное выраженіе. То было не выраженіе гордости его сына, пылкой, отважной, задирающей,—то была просто суровость, нѣмая, подавленная, выраженіе той же гордости сына, но молчаливой, сосредоточенной. При первомъ взглядѣ на старика, казалось, что сынъ вовсе не похожъ на него, но вглянувшись въ того и другаго нельзя было не признать, что каждая черта сына была точная копія съ лица отца, такъ что приходилось сказать, что сынъ походилъ на отца вполнѣ, но походилъ такъ, какъ ясное, свѣтлое утро походитъ на сумрачный вечеръ. Въ сынѣ была суровость и гордость, но была увѣренность въ себѣ, была сила;—въ отцѣ тоже была суровость и гордость, но—больше ничего!

За то въ глазахъ старика, въ его грустной улыбкѣ, въ морщинахъ его высоко поднятаго чела свѣтилась мысль. Мысль, разсматривающая, разбирающая, думающая, хотящая доискаться основаній, открыть начала, найти корень. Видно было, что это человѣкъ не бросающійся на рѣшенія, не полагающій, что ему все должно придти само собою; но человѣкъ оцѣнивающій всякій предметъ и событіе сообразно ихъ сущности; человѣкъ сравнивающій, обдумывающій и сознательно опредѣляющій то, чего должно было въ нихъ искать, чего должно было достигать и чего избѣгать.

Правда, что по его сдержанности, сосредоточенности и опредѣленности, можно было быть твердо увѣреннымъ, что рѣшенія, имъ окончательно принятыя, онъ уже круто приводитъ къ осуществленію; что онъ уже не колеблется, не останавливается, не сдается на полумѣры, но со всею суровостью заключившагося въ самого себя аскета выполняетъ ихъ съ неизмѣнною точностью. Но самая эта точность и неизмѣнность, самая крутость осуществленія, были только слѣдствіемъ тѣхъ колебаній, того сомнѣнія, того всесторонняго обсужденія, которыя предшествовали данному рѣшенію; поэтому были—не пустое упорство, не упрямство, а сознаніе.

Вотъ и теперь онъ въ борьбѣ съ самимъ собою. Въ его большихъ, глубоко впавшихъ сѣрыхъ глазахъ свѣтится дума; его охватила мысль. Эта мысль гнететъ его, давитъ, грызетъ... И онъ не можетъ ни одолѣть ее, ни отбросить. Она вьѣлась въ его мозгъ, охватила собою все его существо. Онъ невольно борется съ своимъ

сомнѣніемъ, невольно обращается къ себѣ и спрашиваетъ: оно ли? то ли? и невольно перебираетъ все, что можно сказать за и противъ!

Онъ былъ извѣстенъ какъ самый строгій ревнитель старины, какъ ярый и упорный врагъ всякихъ новшествъ, какими были его отецъ и его дѣдъ. До сихъ поръ онъ не отступалъ ни передъ какими затрудненіями, чтобы отстаивать то, что онъ считалъ правымъ, и удерживать все, что отъ него зависѣло, въ кругу старыхъ, вѣковыхъ обычаевъ древней Руси, переходившихъ по преданію отъ отца къ сыну и бывшихъ какъ бы неизмѣннымъ закономъ ихъ рода. Онъ стоялъ за этотъ родовой законъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ онъ не забылъ ни родоваго права Рюриковичей, призванныхъ владѣть и княжить на русской землѣ, ни порядка, коимъ право это опредѣлялось. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ онъ помнилъ все, что завѣщали ему хранить какъ святыню его отецъ и дѣдъ, которые въ свою очередь принимали эти завѣты отъ своихъ предковъ, какъ хранителей доблести стариннаго русскаго рода, колѣна Рюрика.

Въ домѣ у него все было просто, все по старинному, такъ, какъ надобно полагать, было устроено еще основателемъ села Зацѣпина, его предкомъ, тѣмъ самымъ Зацѣпинымъ, который былъ вынужденъ выѣхать изъ своего стольнаго города Зацѣпинска и уступить его по договору, вмѣстѣ съ своимъ родовымъ дворомъ и всѣмъ княженіемъ, собирателю земли русской. Это было давно, очень давно! Болѣе двухъ съ половиною вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ подписалъ этотъ договоръ. Девять поколѣній уже кануло въ вѣчность, послѣ того, какъ родоначальникъ ихъ могъ говорить о себѣ какъ о самостоятельной единицѣ древней Руси. Не смотря на то всѣ они помнили, что, умирая, онъ сказалъ дѣтямъ и внукамъ своимъ:— «Богъ наказалъ насъ, дѣти, за грѣхи наши, за грѣхи рода нашего, но въ его волѣ насъ и помиловать! То, что взято силою, силою же можетъ быть и отнято. Молитесь и ищите силы! Да не забывайте рода своего! Не забывайте, что вы есть, и чѣмъ должны быть! Не забудете,—васъ и Богъ не забудетъ!»

И они не забывали, ни на одну минуту не забывали, передавая отъ поколѣнія къ поколѣнію цѣлый рядъ преданій, пока этотъ рядъ не дошелъ преемственно до него. И онъ помнилъ эти преданія, дер-

жится ихъ во всемъ по старинѣ, какъ отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и всѣ Зацѣпины держались. Онъ говоритъ: — силой могутъ все взять, — волей не дамъ ничего! Противъ силы я тоже буду искать силы и то, что отнимутъ у меня, я также могу отнять! Онъ зналъ, что такъ думали и дѣдъ его, и отецъ, цѣлый вѣкъ отстаивавшій свои родовыя преданія, и едва не заплатившій за то своею головою въ грозное царствованіе Петра.

— Не люблю я этихъ новшествъ! говорилъ обыкновенно князь Василій Дмитріевичъ, когда ему предлагали что нибудь новое, служащее къ удобству или спокойствію. — Наши дѣды безъ нихъ тысячу лѣтъ прожили, такъ намъ мудрить тутъ нечего!

Тоже самое говорили его отецъ и его дѣдъ. И ни они, ни онъ не мудрили. Они не допускали ни малѣйшаго отступленія отъ того, что установилось вѣками, не принимали никакихъ измѣненій, которыя могли бы дать поводъ думать, что и они могутъ смотрѣть по новому.

Такая нелюбовь Зацѣпиныхъ къ новшествамъ и всякой отмѣнѣ стараго порядка, неоднократно возбуждали ошибочныя надежды тѣхъ, которые, не понимая началъ, изъ коихъ такая нелюбовь въ нихъ исходила, полагали встрѣтить въ нихъ сочувствіе, когда сами тоже вооружались противъ новаго и отстаивали старое. Эти надежды постоянно обманывались. Князья Зацѣпины видѣли новшество въ томъ, что другимъ давно уже казалось стариной. Они видѣли новшество даже въ томъ, что было нужно отстаивать отъ новшествъ. Напрасно Трубецкой и Ляпуновъ, въ смутное время на Руси, посылали посла за посломъ къ Зацѣпинымъ, — они не дали даже отзыва. Правда, предокъ ихъ былъ не прочь вести на Москву нижегородскую рать, но не захотѣлъ стать подъ стягъ Пожарскаго. «Эта нижегородская, суздальская и владимірская рать моя, говорилъ онъ: — поэтому я долженъ и вести ее на мою отчину и дѣдину Москву, которая, за прекращеніемъ московскаго дома, тоже должна быть моя! Такъ причемъ тутъ Пожарскій, какой-то стародубскій князекъ?» Напрасно хлопотали потомъ сблизиться съ отцомъ и дѣдомъ Василія Дмитріевича, сперва князь Мышецкій, потомъ князья Василій Голицынъ, Хованскій и др.; ни смуты въ царствованіе Алексѣя Михайловича, ни происки Лопухинцевъ и Кикиныхъ

ничто не могло вызвать себѣ сочувствія князей Зацѣпиныхъ и прекратить ихъ упорную пасивность. «Какое намъ дѣло до всѣхъ этихъ московскихъ затѣй? говорили они. — Наше дѣло Зацѣпинскъ, наше родовое княжество! Тамъ, что по роду приходится, еще разсудимъ! А нѣтъ, такъ пусть мутятъ, какъ хотятъ!»

Такимъ образомъ, ни государственныя, ни религіозныя, ни династическія событія не могли оторвать князей Зацѣпиныхъ отъ ихъ преемственнаго родоваго начала, не могли вызвать ихъ на активную дѣятельность. Когда Мышецкій доказывалъ князю Дмитрію Андреевичу, что патріархъ Никонъ не правъ; что все придуманное имъ — внушенное дьяволомъ новшество; что крестъ и вѣнецъ должны идти по-солонь; что знаменіе христіанства должно быть двухперстное; что нельзя по волѣ измѣнять слова, принятыя въ святыхъ книгахъ, такъ какъ «книги эти были установлены, приняты и переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ; по нимъ молились многіе сподвижники церкви и святые вѣнцы заслужили; поэтому одно изъ двухъ: или не правда, что милость Божія осѣнила ихъ, или перемѣнять ничего нельзя!»

Дмитрій Андреевичъ вслушивался въ эти слова, вслушивался долго, раздумывалъ, разбиралъ, потомъ отрѣзалъ разомъ. — Оно можетъ и такъ, княже, сказалъ онъ. — Можетъ ты и правъ, что у патріарха нашего умъ за разумъ зашелъ и онъ перемудрилъ! Можетъ и точно, что его сатанинская гордость обуяла. Да вотъ что я тебѣ скажу: дѣло-то это ихъ, поповское, а не наше, княжее. По моему, по-солонь или противу солонь, а попъ окрестилъ или обвѣнчалъ и дѣлу съ концомъ. Какое мнѣ дѣло, такъ-ли онъ читалъ, что тамъ написано. Это дѣло его совѣсти и разума. Ему дана власть рѣшить и вязать, ну пусть рѣшитъ и вяжетъ. Я принимаю то, какъ онъ рѣшитъ. А коли онъ рѣшитъ неправильно, на его душѣ грѣхъ. Мое дѣло — на дѣлѣ, да на правдѣ стоять!

Говоря это, Дмитрій Андреевичъ думалъ про себя: — «Все это затѣи московскаго боярства, ихъ чванливыя прерѣканія и мѣстническая привередливость! Ишь какую затѣю выдумалъ: поповъ учить! А тоже, говоритъ, князь! Чертовъ онъ князь, вотъ что! Я и колѣна-то эдакого Мышецкаго въ князьяхъ никогда не слыхалъ! А надѣлаетъ же онъ имъ хлопотъ, коли не съумѣютъ перехватить въ са-

момъ началѣ, и въ сотню лѣтъ не расхлебаютъ! Ну да пусть ихъ грызутся!»

Когда Мышецкій начиналъ горячиться и доказывать, что такъ нельзя, что вѣра ихняя, а не поповская, что они должны разсудить и т. п., Дмитрій Андреевичъ думалъ:

«Ври, ври, Денисычъ, съ вранья мыта не берутъ. Меня-то ужъ ты навѣрно не поддѣнешь. Да мнѣ и нельзя. Я не какой нибудь Мышецкій. Мнѣ въ ваши мѣстническіе споры, въ ваши домашніе белендрясы входить нечего. Мнѣ все равно: — Милославскій, Хованскій или хоть ты, Мышецкій, или Нарышкинъ. Всѣ одинаково слуги слугъ предковъ моихъ. Правда, первые-то нашего же рода, Рюриковичи, но прежде всего вѣдь не Зацѣпины же? А потомъ — назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ! Сами въ бояре пошли къ московскимъ князьямъ, такъ и верстайтесь съ ихъ боярами всласть.

Совершенно согласно этому разсужденію своего отца, князь Дмитрій Андреевичъ отдѣлывался отъ заискиваній всѣхъ противниковъ Петра, хотя самъ былъ его ярымъ противникомъ.

— Все это тоже новшество, тоже московская затѣя, говорилъ онъ!

И точно, оно не могло не казаться новшествомъ для него, непримирившагося еще съ государственнымъ началомъ Московскаго царства и смотрѣвшаго на самую Москву, какъ на княжество младшей отрасли ею дома.

За то, когда у него въ Зацѣпинѣ началась было безпоповщина, то онъ принялъ столь крутыя мѣры, какихъ не принималъ, ни до него, ни послѣ него, ни одинъ самый закоренѣлый фанатикъ обрядности. Вожаки раскола, думавшіе видѣть въ Зацѣпиныхъ поддержку своимъ замысламъ, голову потеряли, встрѣтивъ такое противодѣйствіе. Они не могли понять, какимъ образомъ такіе ревнители старины, какъ Зацѣпины, могли стать на сторону новшества, и въ объясненіе такой казавшейся имъ странности могли придумать только то, что высказалъ Трифонъ Савельевичъ Елпидифору, т. е. дескать, коли попы вѣнчать не будутъ, такъ по чемъ же князь свои крѣпостныя тягла считать будетъ? Не понимали они того, что для Зацѣпиныхъ не только ихъ притязанія, но и самое крѣпостное право было не старина, а новшество; такое же новшество, какъ и самое Московское царство.

Василій Дмитріевичъ такъ же стоялъ противъ раскола, какъ и его отецъ. Онъ стоялъ противъ соединенія, общенія, противъ единства. Онъ стоялъ за родъ, за отдѣльныя права, сближаемыя только общностью родового начала. Онъ себя не жалѣлъ, борясь за эти начала, точно также, какъ не жалѣли себя ни его отецъ, ни дѣдъ, ни всѣ Зацѣпины, не сдаваясь и не уступая ни на одинъ волосъ изъ того, что они признавали своимъ. Неужели всѣ эти общія усилія, вся эта борьба противъ всего, что врывалось въ жизнь, были только пустою, напрасною тратою времени?

Но вѣдь на такую трату времени, на такую борьбу ушла жизнь не одного поколѣнія. Сотни лѣтъ, отъ одного къ другому, отъ другаго къ третьему передавалось то, что ихъ поддерживало, оживляло, давало имъ силу упора. Неужели и самый упоръ этотъ былъ только недоумѣніе, былъ только ошибка?

«Нѣтъ, не можетъ быть! Могъ ошибаться я, могъ ошибаться мой отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, но чтобы ошибались всѣ, чтобы ошибались цѣлыя поколѣнія князей умныхъ и твердыхъ, чтобы, начиная отъ Ярослава Мудраго до Данилы Васильевича, отъ Данилы Васильевича до моего отца, никто не взглянулъ прямо,—этого не можетъ быть! Между тѣмъ... между тѣмъ вотъ два старца, два отшельника, ничѣмъ несходные одинъ съ другимъ, на двухъ концахъ Руси, оба одинаково пишутъ... Пусть вотъ этого я не знаю, думалъ Василій Дмитріевичъ, указывая на одинъ изъ свитковъ,— а этотъ—нашъ предокъ, знающій наши воззрѣнія, отшельникъ, умудренный самимъ отшельничествомъ, разсуждающій и обдумывающій. Онъ явно говоритъ... Какъ же это?...»

Князь Василій Дмитріевичъ сидѣлъ въ это время у себя въ своей княжей горницѣ на креслѣ съ княжескою короною. Но прежде нужно разсказать, что это за княжая горница, и что это за домъ, въ которомъ возникла эта борьба началъ.

Съ такъ называемаго краснаго крыльца, прирубленнаго къ срединѣ дома, широкая дубовая дверь, обитая толстымъ сукномъ и въ лѣтнее время всегда настежъ отворенная, вела въ просторныя сѣни съ лавками кругомъ для приходящихъ и прислуги. Изъ сѣней нѣсколько дверей вели въ различныя отдѣленія дома. Однѣ, главныя, вели въ гостиныя палаты, другія въ брусяную избу, третьи въ кла-

довыя, четвертыя на пріѣзжую половину, наконецъ, пятыя въ такъ называемую испоконъ вѣка княжую горницу.

Гостиныя палаты состояли изъ трехъ горницъ. Первая была большая комната, съ выходомъ въ садъ. Она была обшита тесомъ, украшена русскою рѣзьбою и обставлена небольшими диванчиками, съ небольшими столиками и стульями-табуретами у каждаго дивана. Посрединѣ комнаты, на низенькой скамейкѣ, стоялъ фарфоровый горшокъ съ божьимъ деревомъ, выросшимъ до самаго потолка. По угламъ стояли горшки съ растеніемъ «богородицыны слезы». На полу былъ разостланъ большой, почти во всю комнату, кизылбашскій коверъ. Вторая комната не была обита ничѣмъ. Стѣны ея были просто бревенчатыя и не стесанныя. Но къ ея стѣнамъ въ разныхъ мѣстахъ были придѣланы полки, постанцы и подставки, на которыхъ были поставлены рѣдкія произведенія китайскаго досужества: фарфоровые цвѣты, картины, сдѣланныя изъ рыбьей чешуи, разныя работы изъ слоновой и мамонтовой кости. На постанцахъ стояла также дорогая и рѣдкая посуда изъ золота, серебра, перламутра и черепахи. Эту комнату обвивалъ кругомъ мягкій диванъ, надъ которымъ висѣло нѣсколько портретовъ предковъ князей Зацѣпиныхъ. Между ними нельзя было не обратить вниманія на одинъ, изображающій больнаго, истощеннаго старца, въ монашеской одеждѣ, указывающаго на начертанныя на стѣнѣ кельи слова: «азъ упокою вы!» Посрединѣ этой комнаты висѣла серебряная съ хрустальными привѣсками люстра. Третья гостиная была обтянута холстомъ, на которомъ была нарисована соколиная охота, и обставлена стульями, безъ задниковъ, съ боковыми ручками и столиками, съ нарисованными на нихъ шашечницами. Новшество убранства этой комнаты было введено дѣдомъ Василія Дмитріевича, Дмитріемъ Андреевичемъ, страстнымъ любителемъ шахматной игры и соколиной охоты, и не разъ охотившагося съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Изъ второй гостиной былъ выходъ въ большую столовую или трапезную палату, соединенную помощью галереи или, какъ тогда говорили, галдареи съ затрапезною, кухнею и пекарнею и обставленную кругомъ посудою: серебряною, оловянною, фарфоровою и въ весьма небольшомъ количествѣ хрустальною. Изъ столовой особый

выходъ велъ во внутреннія комнаты княгини—ея уборную, швейныя, дѣвичьи, наконецъ, въ общую князя и княгини спальню, которая, переходомъ черезъ нѣсколько комнатъ, соединялась съ брусяною избою, гдѣ князь чинилъ судъ и расправу по своимъ обширнымъ имѣніямъ, и всѣ стѣны которой были заняты прибитыми къ нимъ крючками, съ навѣшанными на нихъ во множествѣ счетами, бирками, замѣтками, образцами и всѣмъ, что могло быть нужно по хозяйству.

Изъ уборной княгини лѣстница вела въ дѣвичьи терема, занятые княжнами и ихъ прислугою; изъ брусяной избы былъ ходъ въ дѣтскія комнаты княжатъ.

Пріѣзжую половину описывать нечего. Она была такою же, какія устраиваются и теперь, т. е. состояла изъ коридора съ комнатами по бокамъ. Кромѣ пріѣзжей половины, гости могли помѣщаться въ башняхъ, флигеляхъ и разныхъ пристройкахъ, гдѣ находились также помѣщенія для высшей дворни: княжеской барыни, дворецкаго, конюшаго, постельничаго, управителя, прикащика и т. д. Кромѣ ихъ, въ домѣ помѣщалось еще нѣсколько приживальцевъ и приживалокъ, два шута и одна дурка. Между службами цѣлая слобода занималась дворовыми мастеровыми и разночинцами. По тогдашней переписи число собственно дворовыхъ по селу у князя Василія Дмитріевича Зацѣпина числилось 428 душъ мужескаго пола.

Перейдемъ къ описанію княжей горницы.

Княжая горница, по назначенію своему, была то, что не только теперь, но и тогда уже звали кабинетомъ. Она состояла изъ двухъ срубовъ, представляющихъ какъ бы совершенно отдѣльныя комнаты, соединенныя между собою небольшимъ переходомъ въ два свѣта. Первая часть комнаты была обставлена кругомъ дубовыми шкафами, изъ которыхъ въ одномъ хранились фамильныя бумаги рода князей Зацѣпиныхъ, ихъ переписка, отчеты по имѣніямъ и дому; въ другомъ шкафу были книги, большею частью духовнаго содержанія, между которыми пользовалась тогда преимущественнымъ, едва ли заслуженнымъ почетомъ «Рукопись камня вѣры», Яворскаго.

Тутъ же лежало нѣсколько свертковъ, заключающихъ въ себѣ историческія преданія, географическія и этнографическія описанія разныхъ странъ, описаніе космическихъ явленій, путешествія рус-

скихъ людей въ Царьградъ и къ святымъ мѣстамъ, каковы Даніила Заточника и другихъ паломниковъ, замѣчанія о разныхъ случаяхъ въ физическомъ и атмосферическомъ отношеніяхъ. Тутъ же лежалъ Брюсовъ календарь, предсказанія Мартына Задеки и связки вѣдомостей и указовъ. Въ другихъ шкафахъ сохранялись—платье, вещи, оружіе, пояса, шапки, мѣха и другіе предметы быта и домашней утвари, чѣмъ нибудь замѣчательные въ историческомъ или художественномъ отношеніяхъ.

Вторую часть княжей комнаты, весьма свѣтлую, такъ какъ въ ней окна были прорѣзаны въ трехъ стѣнахъ, занимали: во первыхъ, въ переднемъ углу божница, большой шкафъ съ образами въ золотыхъ, серебряныхъ и шитыхъ жемчугомъ и золотомъ ризахъ. Передъ образами денно и нощно горѣли двѣ лампады, по одной на каждой стѣнѣ угла; горѣли также лампады противъ складней, сдѣланныхъ изъ золота, серебра, кипариса, чернаго дерева и слоновой кости, расположенныхъ между окнами по другимъ стѣнамъ. На заднихъ простѣнкахъ, отдѣляющихъ эту часть комнаты отъ прохода, висѣли большіе и искусной работы портреты отца и матери Василія Дмитріевича, его самого, его жены и молоденькаго мальчика, его брата, князя Андрея Дмитріевича.

Около передняго угла, ближе къ срединѣ, стоялъ большой, дубовый столъ, на которомъ лежала куча бумагъ и стояло нѣсколько образковъ и крестовъ со святыми мощами, передъ которыми тоже горѣла лампадка.

Вдоль стѣнъ этой части комнаты тянулись лавки, кругомъ стола были поставлены табуреты, скамьи и большое кресло, украшенное позолоченною княжескою короною. Лавки, скамьи, табуреты были обиты войлокомъ и покрыты зеленымъ сукномъ. Нѣсколько ковровъ висѣло между окнами на стѣнахъ. На креслѣ лежала вышитая подушка. Полъ всей комнаты былъ обитъ циновками, на которыхъ лежали дорожки изъ сѣраго, обшитаго красными каймами сукна. Передъ кресломъ на полу былъ брошенъ медвѣжій мѣхъ.

Вотъ въ этомъ единственномъ креслѣ княжей горницы сидѣлъ князь Василій Дмитріевичъ за столбцами рукописей, взятыхъ изъ его книжнаго шкафа. Столбцы эти были именно тѣ, которые вызвали вопросъ: „правъ-ли онъ, правы-ли были предки его, что от-

ставали свой бытъ и свои обычаи въ такой степени, что отдѣлились отъ самаго хода жизни, стали непонятными, даже прямо противодѣйствующими тому, чего такъ усиленно добивались, т. е. возвышенія своего рода передъ всѣмъ, что нѣкогда передъ нимъ склонялось? Правы-ли они были, что не только онъ самъ, его чада и домочадцы, но даже самый домъ, самый порядокъ жизни, имъ принятый, идутъ прямо въ разрѣзъ тому, къ чему стремятся теперь всѣ, начиная отъ императрицы до послѣдняго приказнаго и мелкой сошки помѣщика.

«Обсудимъ сначала, думалъ онъ.—Мы не верстаемся ни съ кѣмъ—это такъ. Кто долженъ быть выше всѣхъ, тому нечего и не съ кѣмъ верстаться. Но они богатѣютъ, а мы бѣднѣемъ. Это уже вопросъ, это сущность, которая не можетъ возвышать. Оно понятно, дѣло раздѣла: отецъ долженъ былъ выдѣлить одну волость, я уже двѣ. А что, если у Андрея будетъ пять сыновей, и у этихъ сыновей будетъ тоже по пяти, ему уже внуковъ, тогда, пожалуй, и выдѣлять будетъ нечего... а затѣмъ? Мы еще держимся, но почему? Потому только, что, будто нарочно, пращуръ, пра-прадѣдъ, прадѣдъ и дѣдъ все одни въ семьѣ родились, выдѣлять было нѣкому! Ну, а вотъ теперь началось... Бѣднымъ Кемскимъ князьямъ теперь, почитай, не то о родѣ, да и о хлѣбѣ думать такъ въ нору. Монахъ правъ, говоря, что коли всея Руси, отъ каменнаго хребта до Хвалынскаго моря, нашему роду дѣлить мало было, такъ достанетъ-ли какого ни на есть тамъ села Зацѣпина? А если такъ, то дѣло не на томъ стоитъ и мы, не двигаясь впередъ, явно идемъ назадъ.

Я цѣловалъ крестъ отцу и дѣду стоять твердо на родовомъ началѣ, себя для рода не жалѣть. Видитъ Богъ, жалѣлъ-ли я себя! Я не унизилъ, не обѣднилъ, ничѣмъ не уронилъ своего рода, не сталъ ни съ кѣмъ въ версту. Я держался особнякомъ, былъ тѣмъ же, что и предокъ нашъ Данило Васильевичъ. Но если выходитъ, что именно потому, что мы все стоимъ на своемъ, что не сдаемся и не отступаемъ, мы и остаемся назади, то какимъ же образомъ идти, да не то идти, а и дѣтей, и внуковъ своихъ вести по той же дорогѣ, на которой завѣдомо они должны исчезнуть, пропасть, измельчать, какъ Кемскіе, Кубенскіе, Заозерскіе и другіе наши родичи и удѣльные наши князья, потомки тоже князя Юрія и Владиміра Моно-

маха? Ну подумаемъ, разберемъ, разсмотримъ! Вонъ Толстопузовъ умеръ и оставилъ семь сыновей. Всѣмъ имъ отъ отца досталось больше, чѣмъ получилъ отъ своего отца онъ самъ. Отчего? Отъ того, что онъ варницы держалъ, торговалъ, старался свое добро увеличить, нажить. Онъ, разумѣется, не уронилъ своего рода. Вонъ Толстопузовы изъ какихъ-то офень стали богатые купцы, у которыхъ и дѣло, и капиталъ есть. Если теперь всѣ его семь сыновей будутъ также хорошо дѣло вести, а имъ вести хорошо дѣло съ деньгами ужъ легче, чѣмъ было отцу, то они оставятъ дѣтей своихъ еще богаче, хотя бы у каждаго опять было по семи сыновей. А мы? Прадѣдушка Кубенскихъ былъ очень богатъ, все Заозерье его было, а какъ выдѣлилъ пяти сыновьямъ, да у старшаго-то было опять пять, такъ у старшей-то вѣтви, изъ которой я княгиню мою взялъ, кое-что еще было, а молодшіе-то хоть коровъ гонять ступай. Вотъ те и княжество! Этого-ли мы хотимъ, этого ли добиваемся? Сосѣдъ мой по Шугароновкѣ, Каблуковъ, былъ такъ себѣ, изъ боярскихъ дѣтей, мелкая сошка! Что у него—дворовъ съ пятьдесятъ, не знаю, было-ли? А вотъ теперь, смотри: словно князь какой обстроился и, говорятъ, мошна толста! У него три сына. Разумѣется, каждый будетъ богаче и важнѣе, чѣмъ былъ онъ. А отчего? Онъ служилъ, онъ дѣло дѣлалъ! А мы что дѣлаемъ? Помню, какъ провожали брата Андрея, плакали какъ по покойникѣ; а теперь онъ въ чести, даже нѣмцы, говорятъ, ему кланяются! Отецъ назначилъ ему едва пятую часть того, что назначилъ мнѣ, а онъ давно богаче меня! А все оттого, что служитъ, дѣло дѣлаетъ, а мы спимъ. Говорятъ, береги денежку на черный день, не мотай. Хорошо. Вотъ я не мотаю и скопилъ-таки кое-что. Но тамъ какъ хочешь, а скупостью рода не поддержишь, особливо какъ надѣлы большіе дѣлать придется. Да вѣдь и дочерей нужно же устроивать, да награждать. А что если, какъ у моего отца, все черные дни будутъ и сколотить-то будетъ не изъ чего? Ясно, все въ разгромъ и разоренье пойдетъ. Какой ужъ тутъ будетъ родъ? Совсѣмъ захудать придется! Да и чего мы ждемъ? Разгрома, разъединенія! Моихъ опять правъ, когда говоритъ: не желай худаго, не то тебѣ худо будетъ, ибо въ худомъ только худое! Ну да вотъ и былъ такой разгромъ, что же, вспомнилъ-ли о насъ кто нибудь? Нашелся-ли хоть одинъ голосъ, который заговорилъ бы, что

вотъ есть родовые князья, прямые потомки князя Юрія Владиміровича, основателя Москвы, отъ старшаго внука его, Василія Константиновича, сложившаго животъ свой за Русь святую и вѣру православную противъ лютой татарвы. И что князья эти истые, настоящіе, которые ни въ службу ни въ чью, ни въ версту ни къ кому не шли, и что теперь старшіе изъ этихъ князей—князья Зацѣпины! Нѣтъ, такого голоса не нашлось. О насъ забыли. Да какъ и не забыть, когда, пожалуй, мы скоро сами себя забудемъ? Вонъ Хохлковы, такъ тѣ и князьями зваться ужъ перестали. О комъ говорила тогда Русь? кого вспоминалъ народъ? Сперва народъ выбралъ какого-то татарскаго выходца, положимъ хитраго и умнаго, но который однимъ татарскимъ именемъ своимъ, кажется, долженъ бы былъ отъ себя отталкивать. А его выбрали и онъ царилъ. Откуда же онъ взялся? Какъ его узнали? Узнали оттого, что онъ былъ первымъ служилымъ человѣкомъ, что все дѣлалось его именемъ!..

Ну, онъ не выстоялъ, и не выстоялъ, благодаря нѣмецкому новшеству: къ землѣ народъ прикрѣпить задумалъ,—въ нѣметчинѣ, видите, все такъ! Боярамъ было это на руку, но намъ, которые опирались не на бояръ, а на всю Русь православную,—разумѣется, такое новшество было не кстати. Но насъ не знали, а знали бояръ, и вотъ о насъ, которые ни передъ кѣмъ не склонялись, ни съ кѣмъ не якшались и ни отъ кого, кромѣ Бога, не зависѣли, никто и не подумалъ. Выбрали сперва Кирдяпина потомка, правда, нашего же рода, Мономаховича, но который давно въ изгояхъ считался и съ боярами въ верстѣ стоялъ! Опять, почему выбрали? потому, что его знали, а знали отъ того, что онъ былъ служилый человѣкъ, важный московскій бояринъ, съ боярами сошелся и для нихъ долженъ былъ быть хорошимъ царемъ. Не устоялъ и онъ,—что же? О комъ была рѣчь? О Мстиславскомъ, Оболенскихъ, хотя всѣ они черниговскаго колѣна, даже не Мономаховичи, и по роду далеко намъ въ версту не идутъ. Потомъ стали говорить о Трубецкихъ, Голицыныхъ, Пожарскомъ, хотя ни Трубецкіе, ни Голицыны, даже не Рюриковичи, а литовскаго рода отъ князя Гедимина, а Пожарскій пожалуй Рюриковичъ, но дальняго колѣна стародубскихъ князьковъ, и въ своемъ то родѣ числившійся въ изгояхъ, который, почитай и самъ не думалъ не то съ Зацѣпиными, но и съ Трубецкими верстаться. От-

чего же? Все опять потому, что они были служилые князья, что ихъ знали, слышали хоть имя, и что у нихъ сила была! Да чего? Какъ Кузьма Мининъ сталъ въ Нижнемъ народъ собирать, мой пращуръ Дмитрій Андреевичъ самъ въ Нижній ѣздилъ, думалъ, можетъ ему рать дадутъ. А былъ онъ молодецъ, сказать нечего, съ медвѣдемъ одинъ на одинъ боролся, такъ нѣтъ—выбрали Пожарскаго! Все отъ того, что Пожарскій былъ служилый князекъ, былъ воевода, хоть дальняго какого-то городка, и становился въ третіе подручные земской рати на правомъ крылѣ, если крыломъ заправляли Воротынскій или Долгорукій. Но его все же знали; о немъ хоть слышали; а о нашемъ пращурѣ никто, никогда и не слыхалъ!

Ну смирили смуту, опять выбираютъ, и кого же? Даже не Пожарскаго, не князя, а молодаго птенца старинныхъ служилыхъ московскихъ бояръ, которыхъ всѣ знали, которыхъ уважали, потому что испоконъ вѣка они служили на виду у всѣхъ!

Не видимое-ли указаніе, не перстъ-ли это Божій, который какъ-бы внушаетъ, что, дескать, было одно время, теперь стало другое, какъ бы указуетъ на то, что князь Ромодановскій былъ правъ сказавъ моему отцу: «дескать, прошлое ушло, теперь новое ловить нужно!» Какъ же тутъ быть? Что же тутъ дѣлать?

Положимъ, что мнѣ дѣлать уже нечего! Я свое прожилъ, мнѣ начинать теперь поздно! Но дѣти, дѣти? Ну, Андрей какъ нибудь съ Зацѣпинымъ и всѣмъ, что я ему оставлю, еще будетъ на ногахъ стоять, ну а что если у Дмитрія или у Юрія пять или шесть сыновей будутъ? Вѣдь они въ кожу Кемскихъ князей влѣзутъ! А ихъ внуки?.. Нѣтъ, такъ нельзя, никакъ нельзя!

Монахъ, нашъ предокъ и родичъ, опять правъ, тысячу разъ правъ, когда говоритъ: иже не несетъ тяготы, не зовется и къ брашну!

Но опять, неужели вся моя жизнь, вся жизнь моего отца, дѣда и всѣхъ Зацѣпиныхъ была только пустое самообольщеніе? Неужели Данило Васильевичъ, отдавъ княжество свое, уступая силѣ, долженъ былъ идти въ служилые князья, чтобы не мытьемъ, такъ катаньемъ наверстать то, что онъ терялъ?

Да! Положимъ, онъ самъ и не долженъ былъ! Но онъ и его потомки должны были смотрѣть, слѣдить, наблюдать, куда идетъ

жизнь и, согласно тому, вести дѣло. А они упорно стояли только на одномъ; удивительно-ли, что ихъ обходятъ всѣ, которые идутъ, когда они стоятъ на мѣстѣ?»

Василій Дмитріевичъ вспомнилъ своего отца, князя Дмитрія Дмитріевича Зацѣпина. Онъ былъ тоже суровый старикъ, такой же, какимъ теперь онъ самъ сталъ.

У него также были густыя союзныя брови, сѣрые выразительные глаза, сѣдые волосы и небольшая русая съ просѣдью бородка.

Онъ былъ тоже рѣшительнымъ врагомъ всякихъ новшествъ и тоже стоялъ на томъ чтобы не отступать отъ старыхъ обычаевъ древней Руси. Большую часть послѣдней половины жизни своей онъ провелъ въ упорной борьбѣ за старый порядокъ противъ преобразованій, вводимыхъ царемъ-преобразователемъ, и чуть жизнью не заплатилъ за то.

Борьба была дѣйствительно упорная. Въ рукахъ царя была сила, а въ его груди желѣзная воля, способная сломить всякое сопротивленіе. Князь Дмитрій Дмитріевичъ это сознавалъ, тѣмъ не менѣе рѣшилъ, что онъ князь Зацѣпинъ, и, ради спасенія своей головы, уступать не долженъ.

«Противъ силы, разумѣется, хитрить нужно, говорилъ онъ,—увертываться, подъ-часъ и сгибаться, но уступать—никогда! Противъ рожна не пойдешь, лбомъ стѣны не прошибешь, объяснялъ онъ.—Тутъ смекалка нужна. А смекалкой разведешь, пожалуй, и стѣна упадетъ!

Такъ онъ и сына училъ. «Нужно свое помнить, говорилъ онъ,—свое тянуть. Понемногу, а все тянуть! Посмотришь, какъ ни крѣпокъ камень, а вода, по каплѣ, и его проточиваетъ!»

И онъ не принялъ новшествъ Петра, не призналъ ихъ и не склонился. Осторожно, сдержанно, со всею уклончивостью слабости, но твердо и открыто боролся онъ противъ нихъ, отстаивалъ свои начала, и отстаивалъ съ неменьшимъ упорствомъ, чѣмъ проводилъ свои преобразованія Петръ.

Отъ дѣтей онъ не только не скрывалъ своей борьбы и своего упорства, но растолковывалъ, объяснялъ, училъ для будущаго, и не только его, Василья Дмитріевича, но и другаго сына, Андрея,

который былъ совсѣмъ еще мальчикъ, лѣтъ, эдакъ, одиннадцати не болѣе. Онъ говорилъ имъ:

— Ты что думаешь: зачѣмъ это царь насъ въ нѣмцы переряднть хочетъ и вонъ, на прикладъ, кафтаны прислалъ? Да нетолько это! И гробы-то христіанскіе запретилъ, чтобы и на томъ свѣтѣ противъ басурмановъ никакой отлички не было! Ну, говори, Василій, зачѣмъ?

«Я, разумѣется, не могъ угадать о чемъ онъ думалъ».

— Затѣмъ, чтобы старое-то все изъ головы вышло. Чтобы самый народъ-то новый сталъ. По новому наряжался, по новому думалъ, по новому и жилъ. И жизнь новая, чтобы у всѣхъ одна была. Чтобы отъ Рязани до Кіева, отъ Стародуба до Суздаля, отъ Смоленска до Архангельска и Каменнаго пояса, всѣ до одного въ немъ только и свѣтъ видѣли. Мы это понимаемъ, потому и стоимъ за старину. По старинѣ, Черниговъ самъ по себѣ, а Рязань сама собою; Кіевъ — одно, а Зацѣпинскъ — другое! А если другое, такъ сталобыть не его, а наше, какъ и вся земля теперь, отъ самаго то есть Яика вплоть до моря, благословеніемъ Божіимъ и славныхъ предковъ великаго рода нашего — вся наша, по правдѣ, по разуму... тутъ и говорить нечего! А что сила сломила, такъ это не разумъ. Ищи силы—и бери свое!

— Коли найти негдѣ? спрашивалъ братъ Андрей.

— Т. е. ты не знаешь, гдѣ ее взять. Это незнаніе твое и указываетъ на Божье наказаніе. Значитъ, грѣшенъ, когда Богъ силы не даетъ. Молись и жди! Богъ прогнѣвался на родъ нашъ за грѣхи наши, но Онъ милосердъ, проститъ и помилуетъ. А если силы нѣтъ, значитъ, время не пришло. Но ты о томъ не думай. Ты помни свое! Вѣрь, не тебѣ, такъ дѣтямъ твоимъ возвратится. Только самъ-то ты не склоняйся, не уступай, прорухи на родъ не клади. Да, дѣтки, продолжалъ онъ весело,—сложу я свою голову, отстаивая святую старину, — пусть! Ваше дѣло продолжать будетъ и себя не жалѣть. Стойте твердо за обычай, за право, за славный родъ нашъ. Терпите иго, гнитесь, но не уступайте. Не попадайте въ неволю къ нѣметчинѣ! Знайте, нѣтъ горше горя, нѣтъ лютѣе несчастія, какъ потерять землю, на которой стоишь, забыть родъ и права свои. Помните это!

И онъ разсказывалъ и объяснялъ намъ, вспоминалъ Василій Дмитріевичъ, — разсказывалъ, какъ началась русская земля; говорилъ о славномъ родѣ нашемъ и о нашемъ прямомъ, Божескомъ правѣ на Зацѣпинскъ и на Суздальское княженіе; говорилъ также, что случалось не разъ, какъ князья нашего рода, изгнанные и обиженные, скитались безъ пристанища, а въ концѣ концовъ, по волѣ Божіей, возстановлялись во всѣхъ правахъ своихъ и сіяли еще бо́льшимъ блескомъ и силою.

— Разумѣется, безъ разума нельзя, говорилъ отецъ. —Увертывайтесь, хитрите, гдѣ сила не беретъ. Наши предки тоже гнулись. Вонъ, Александръ Ярославичъ, славный воитель былъ, но и онъ въ орду ѣздилъ, татарскихъ женъ улещалъ, мурзамъ угождалъ и хану кланялся. Но берите сейчасъ свое, какъ только можете взять. Не жалѣйте же себя для рода. Отдавайте въ жертву роду все: и себя, и дѣтей своихъ, и что у кого есть дорогаго. Тогда вы будете истинными Рюриковичами, настоящими Зацѣпиными и Богъ проститъ васъ, дастъ вамъ силу и вы возьмете назадъ все, что по праву принадлежитъ вамъ. И благословятъ васъ тогда всѣ предки ваши, всѣ великіе блюстители земли русской!...

III.

Противъ силы.

Скоро ему пришлось на себѣ испытывать всю тяжесть того, на что онъ намъ указывалъ, вспоминалъ Василій Дмитріевичъ. — Скоро пришлось именно ни себя, ни дѣтей не жалѣть, пришлось нести всѣ жертвы. Первою жертвою былъ братъ Андрей.

Василій Дмитріевичъ задумался.

— Да! Какъ ни хитрилъ, какъ ни увертывался, какъ ни уклонялся отецъ, а ему пришлось потерпѣть, продолжалъ нить своихъ воспоминаній Василій Дмитріевичъ. — Царь потребовалъ молодыхъ дворянъ знатныхъ фамилій для отправки въ чужіе края учиться. Въ числѣ записанныхъ значился и молодой князь Зацѣпинъ.

Послѣ невѣроятнаго количества отнѣкиваній, колебанія, отступленій, отписокъ,—пришлось признать необходимымъ пожертвовать однимъ изъ насъ. Отецъ выбралъ брата, какъ младшаго.

И вотъ, припоминаетъ Василій Дмитріевичъ:—начали снаряжать и оплакивать брата, будто на тотъ свѣтъ. Какія заклятія надъ нимъ произносили, какія молитвы творили! Попъ пріѣзжалъ служить особый молебенъ, чтобы отогнать нечистаго духа, долженствующаго неминуемо въ чужихъ земляхъ охватить его. Надѣли на него нѣсколько ладонокъ, крестиковъ, святыхъ памятокъ, зашили ладонки въ платье, положили въ вещи, чтобы сберечь сколь возможно отъ натиска нечистой силы; окуривали его ладономъ, обрызгивали святою водою, чтобы пропитать его глубже православіемъ и чтобы басурманскій духъ долѣе не могъ его одолѣть.

Послѣ всего начали оплакивать. Помнитъ Василій Дмитріевичъ это оплакиваніе; оно продолжалось не одинъ день.

Вотъ пришло время прощанья. Мать лежала на лежанкѣ въ дѣтской, обвивала рукою голову брата, который передъ ней стоялъ, и выла. Ее поддерживали голоса десяти—двѣнадцати приживалокъ и плакальщицъ. Всѣ онѣ прибирали похоронныя причитанья и, смотря на брата, повторяли слова, обращаемыя, по обычаю, только къ покойнику:

На кого ты покидаешь насъ,
Голубчикъ, Андрюшенька!
На кого оставляешь?
Али мы тебѣ не угодили,
Али чѣмъ не потрафили?
Кто закроетъ мнѣ глаза—твоей матери?
Кто помолится со мной въ смертный часъ?
Кто поплачетъ надъ моей гробовой доской?
Я ли тебя не лелѣяла?..

Братъ обнималъ мать и горько, на-взрыдъ плакалъ; я стоялъ въ углу, тоже въ слезахъ.

Дверь отворилась, вошелъ отецъ.

Мать, какъ лежала на подушкѣ, какъ выла и плакала она передъ братомъ, съ выбившимися изъ-подъ платка волосами и распущеннымъ воротомъ сарафана, такъ и полетѣла съ лежанки на полъ, въ ноги отцу.

Я замеръ отъ испуга, вспоминалъ Василій Дмитріевичъ.

— Батюшка! отецъ родной! дорогой мой! милый! сними съ меня голову! проткни грудь насквозь! Коли виновата я, вели казнить меня! но не бери отъ меня Андрюшеньку, не отнимай у меня моей радости! Онъ дороже мнѣ жизни, дороже головы моей!

Отецъ молчаливо, съ грустью поднялъ мать, посадилъ на братнину постель, обнялъ и сталъ уговаривать.

— Полно, княгиня моя, дорогая моя! Развѣ я не дѣлалъ все что можно, чтобы избавить... Но когда такой гнѣвъ Божій нашелъ...

— Такъ, батюшка, такъ! но Андрюшу, Андрюшу... Онъ молодъ, совсѣмъ дитя! Смотри, вѣдь ты отдаешь его на закланіе... Нѣтъ, нѣтъ! Не могу! ужъ лучше Васю, онъ постарше!

— Василья? Онъ старшій, онъ нашъ первенецъ! Отъ него скорѣе увидимъ утѣшеніе. Впрочемъ, не сказано котораго... требуютъ одного... котораго хочешь... пожалуй, Василья...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сама кормила его, помнишь, какъ родился-то онъ, Вася, милый Вася! Нѣтъ, нѣтъ!.. Но Андрюша, Андрюша! За что я въ живѣ похороню его?.. И начинался опять вой, опять плачъ, опять горькія причитанія.

Когда, наконецъ, подвели его подъ послѣднее благословеніе, когда онъ палъ ницъ въ земномъ поклонѣ, мать начала заклинать его:

«На землѣ, на водѣ, на морѣ-океанѣ, не потонешь, не сгоришь и т. д.».

Отецъ не плакалъ, не стоналъ, не жаловался. Онъ благословилъ молча. И только, когда послѣдній разъ пришлось прижать брата къ своей груди, онъ сказалъ глухо:—«не забывай отца, Андрей!» Потомъ обратился ко мнѣ и таково сурово прибавилъ:

— А ты, Василій, помни, что онъ жертва за насъ! Будьте же, дѣти, настоящими Зацѣпиными, чтобы жертва не пропала!

Пожертвовавъ сыномъ, отецъ думалъ, что затѣмъ онъ можетъ быть покоенъ. Не тутъ-то было. Отецъ не зналъ царя Петра. Не прошло года, потребовали на службу не только меня, но и самого отца.

Шла война со шведами; отразилась она страшнымъ, нарвскимъ погромомъ. Царь сказалъ:

— Себя жалѣть нечего, надобно землю русскую спасать, идемъ всѣ!

— Не хочу! сказалъ отецъ. Не поѣхалъ и меня не отпустилъ.— Что я, кабальный, что-ли? Въ договорѣ сказано: ни меня, ни моихъ маетностей не касаться!

Ослушаніе указовъ Петра было тогда дѣло страшное. Чтобы отстаиваться, пришлось выносить рядъ униженій, выполнять не счетное количество поклоновъ, заискиваній, а главное, нужно было платить и много платить.

— Что же дѣлать? говорилъ отецъ.—Будемъ платить, будемъ кланяться и унижаться! Вѣдь платили же предки наши татарскимъ ханамъ, заискивали въ женахъ ихъ, мирзахъ и любовницахъ. Какъ быть? Война, всегда война; иго, всегда иго!

И отецъ не жалѣлъ ничего, платилъ и жилъ въ своемъ Зацѣпинѣ.

Но пришло время, что послѣ нѣсколькихъ повторительныхъ указовъ Петра, никакіе поклоны и заискиванія не стали помогать, никакой платежъ не выручалъ. Отъ нашихъ денегъ стали отворачиваться, какъ отъ зачумленныхъ. Требовали явиться непремѣнно. Велѣно было представить насъ живыми или мертвыми. Нужно было ѣхать; мы съ отцомъ и пропали безъ вѣсти.

Скитались мы изъ мѣста въ мѣсто, не зная гдѣ преклонить голову, что-то больше трехъ лѣтъ. Въ Зацѣпинѣ оставалась только моя мать княгиня, да сестры княжны. Но и имъ покоя не было. Чуть не каждый мѣсяцъ являлся приставъ и требовалъ княгиню.

— А князя нѣтъ?

— Нѣтъ, батюшка, отъѣхалъ!

— Куда?

— А кто его знаетъ, батюшка! У меня ему не спрашиваться стать. На то онъ мужъ. Взялъ большака, да и поѣхалъ. А куда, Богъ его вѣдаетъ! Можетъ по вотчинамъ, а можетъ и душу свою спасать,—на богомолье заѣхалъ куда. Вѣдь тоже старъ человѣкъ, и о душѣ подумать нужно!

— Не бери грѣха на душу, княгиня, вѣрно отписываетъ онъ тебѣ! Царь велѣлъ его безпремѣнно представить.

— Ни-ни! Ничего не пишетъ, батюшка! Ужъ и сама то я съ-ума схожу, не попалъ ли на лихихъ людей! Чего добраго? Пожалуй, сгубилъ свою голову.

Допытывались и у сестры. Ну да та, въ самомъ дѣлѣ, ничего не знала, такъ и допытаться ничего нельзя было.

— Такъ не знаешь, княгиня?

— Не знаю, батюшка!

— Ну, смотри, къ тому мѣсяцу я пріѣду, непремѣнно узнай! А то мнѣ тебя въ городъ везти придется!

И приставъ уѣзжалъ съ хорошимъ подаркомъ.

А мы съ отцомъ чего не перенесли, чего не испытали? Но отецъ говорилъ:—Чтожъ? Несемъ мы иго за родъ свой, за имя наше, князей Зацѣпиныхъ, чтобы не быть имъ служилыми князьями, не быть въ неволѣ, словно кабальные. Пусть сгинемъ мы, но сгинемъ честно, вольными князьями, которые никому, кромѣ Бога, не служатъ, никому не кланяются и воли своей княжеской никому не отдаютъ!

Подлѣ Зацѣпина оставаться было опасно и мы подвигались все дальше и дальше, гдѣ на лошадяхъ, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ переряженными. Были разосланы вездѣ указы схватить насъ и представить въ Москву. И мы должны были опасаться каждаго, съ кѣмъ только встрѣчались, съ кѣмъ успѣвали переломить кусокъ хлѣба.

Раза два за нами гнались сыщики и мы спаслись только находчивостью и спокойствіемъ отца. Разъ спаслись тѣмъ, что соскочили въ угольную яму и сыщики пронеслись мимо. А другой разъ успѣли перерядиться въ разнощиковъ и подладились къ сыщикамъ, угощая ихъ водкою и обѣщая указать вѣрное мѣсто, гдѣ нѣтчики прячутся.

Наконецъ, далѣе и прятаться нельзя было. Данъ былъ срокъ явиться нѣтчикамъ, а кто не явится, велѣно было приговаривать къ лишенію чести и живота, отбирать имѣніе и половину изъ него отдавать доносчикамъ и указчикамъ. Велѣно было доносить не только на тѣхъ, кого знаешь, но и на тѣхъ, кого не знаешь, но кого можешь подозрѣвать, что онъ изъ нѣтчиковъ. Тогда намъ нельзя было купить хлѣба на базарѣ, изъ опасенія попасть на доносчика и указчика, который, изъ желанія разбогатѣть на чужой

счетъ, могъ указать на насъ по одному подозрѣнію. Нельзя было войти въ церковь Божію; даже на дневной свѣтъ взглянуть. Мало ли кто подозрѣвать могъ! Мы, какъ тати какіе, должны были бояться собственной своей тѣни.

Отецъ переносилъ все и молчалъ, а за нимъ разумѣется и мнѣ говорить не приходилось.

— Говорятъ, землю православную отстаивать нужно отъ свейскаго короля, постоять за вѣру православную, оберегать церкви Божіи, города и села защищать! разсуждалъ отецъ,—кто бы не захотѣлъ постоять за родную землю? Кто бы съ радостью за нее головы не положилъ? Будто первый разъ намъ землю свою отстаивать! Отъ татаръ, ляховъ, нѣмцевъ и отъ того же свейскаго короля, отъ всѣхъ отстаивали, ну и теперь готовы! Собирай же рать по обычаю. Я своихъ зацѣпинцевъ всѣхъ до одного приведу, и самъ впереди всѣхъ пойду. Договоръ выполню свято. Вѣдь князь Григорій Данилычъ, удалая голова, предокъ нашъ, Данилы Васильевича сынъ, водилъ же по договору зацѣпинскую рать подъ Казань, хоть и не сидѣлъ уже на родномъ столѣ, тамъ и голову свою сложилъ; ну и я не прочь! Но нѣтъ! имъ не рать нужна, имъ нужно кабалу утвердить. Видишь, рать прежняя не хороша, не годится. Ополченье имъ ненужно. Они его не хотятъ, не требуютъ. Это старый порядокъ. А имъ нужно по новому. Нужно рекрутчину собрать, въ кабальные записать. Ну и записывай кого хочешь, только не князей Зацѣпиныхъ!

Разумѣется, я молчалъ, такъ какъ общаго ополченія и народной рати въ самомъ дѣлѣ не собиралось, а велѣно было только отъ волостей, отъ городовъ, да отъ общинъ рекрутъ поставлять, подводы готовить и деньги собирать.

Была зима. Мы расположились въ какомъ-то овинѣ на задворкахъ бѣдной деревушки, по дорогѣ къ Смоленску. Одѣты мы были въ сѣрые зипуны, бараньи полушубки и деревенскіе лапти. Ночью отецъ больно прозябъ. Мы собрали разнаго хламу и зажгли. Отецъ подошелъ къ костру и погрѣлся. На другой день въ сумерки я запасся дровами. Ночью опять зажгли костеръ. Было холодно. Отецъ досталъ серебряную фляжку, золотую чарку, налилъ романеи и выпилъ.—Есть хлѣбъ? спросилъ онъ. Хлѣба не было.—Нужно бы

раздобыть какъ! сказалъ онъ. На разсвѣтѣ, я вышелъ на улицу, поймалъ мальчишку, далъ ему алтынъ,—а вся деревня-то алтына не стоила,—и сказалъ:

— Ступай къ Ѳедоту и купи на грошъ хлѣба, а копѣйка тебѣ за труды будетъ!

— Къ какому Ѳедоту? спросилъ мальчикъ.

— Ну вотъ къ тому, что домъ-то большой!

— Стало къ Петру! Это у него большой домъ, онъ одинъ и хлѣбъ продаетъ!

— Да, да! къ Петру! смѣшалъ я должно быть; Ѳедотъ не продаетъ!

Мальчишка убѣжалъ, а мы съ отцемъ сѣли на завалинку у овина дожидать.

Подошли къ клѣти, по другую сторону овина, два мужика.

— Говорю, не въ порядкѣ, стало не въ порядкѣ! сказывалъ одинъ.

— Да въ чемъ непорядокъ-то? разсуждай! говорилъ другой.

— А въ томъ непорядокъ, что вотъ, въ запрошломъ мѣсяцѣ, у меня крынку масла унесли! Ну скажи, кто унесъ?

— Да ты, може самъ подъ елку снесъ, да съ пьяна-то и забылъ! А може, баба сарафанъ справить захотѣла, а тебѣ сказать и не подумала!

— Ишь ты! какъ ни баба! Ты пожалуй скажешь, что крынка сама себя унесла! Ну, а кто у Еремки по лѣту узду стянулъ?

— Хватилъ когда, по лѣту; да теперь рази лѣто? Еремка въ городъ ѣздилъ, а тамъ лихаго народу не занимать стать! А у насъ, слава те Господи, ни воровъ, ни татей не живетъ.

— Анъ живетъ!

— Живетъ? гдѣ живетъ? Въ твоей головѣ, что ли?

— Нѣтъ, не въ головѣ, а гдѣ живетъ—тамъ и живетъ!

— И ты видѣлъ?

— Коли говорю, такъ видѣлъ.

— Ну скажи, гдѣ?

— Ну-ка ты, голова, скажи, отчего по ночамъ изъ Степанова овина дымъ идетъ? Что онъ по зимамъ-то, ночью, хлѣбъ сушитъ, [illegible] ли?

— Да рази идетъ?

— Вотъ третьи сутки, кажинную ночь самъ вижу, право слово вижу!

— Да ты, по ночамъ-то, звѣзды считаешь, что ли?

— Нѣтъ, я бурку навѣдать хожу; въ закутъ поставили, такъ знаешь, навѣдывать нужно. Только вотъ иду и вижу — мѣсячно таково было — дымъ. Чтобы такое? Сперва было спужался, пожаръ думалъ...

Мы съ отцомъ слушали. Отецъ всталъ и сказалъ: — «довольно, идемъ!»

Мы не стали ждать мальчика съ хлѣбомъ и пошли околицей, стараясь ни съ кѣмъ не повстрѣчаться.

— Трехъ дней провести на мѣстѣ не дадутъ! сказалъ отецъ. Это было его первое слово ропота на нашу скитальческую жизнь.

Въ Зацѣпино — узнали мы — какого-то комисара прислали и двухъ драгунъ. Тотъ началъ тамъ все мутить по своему и мать очень стѣснилъ, такъ что ей и вѣсточки къ намъ переслать нельзя было.

Пожалѣлъ отецъ своего родоваго Зацѣпина.

— Нужно этого комисара и драгунъ его, во что бы то ни стало спровадить! сказалъ онъ.

— Чтожъ, батька, отвѣчалъ я. — Онъ, сказываютъ, занялъ Поликарпову избу и драгуны съ нимъ. Можно подобраться вечеркомъ по-позже, заколотить хорошенько кругомъ и всю избу вмѣстѣ съ ними спалить. А тамъ и поминай какъ звали!

— Ну нѣтъ! сказалъ отецъ. — Это не дѣло. Первое, свое добро жечь не приходится, а потомъ, другаго пришлютъ, и всѣ хлопоты будутъ даромъ. Да и княгиню мою жаль. Ей и теперь жутко, а тогда совсѣмъ со свѣта Божьяго сгонятъ. Пожалуй, еще подумаютъ, что она велѣла. А я тебѣ вотъ что скажу: ну, дѣлали, что могли, а коли сила не береть, дѣлать нечего — нужно смириться. Это не значитъ, что мы волей ярмо принимаемъ, когда противъ насъ чуть не цѣлое царство идетъ. Лучше голову дать снять, чѣмъ на нищенство весь родъ обречь. Пойдемъ къ царю!

Царь, однакожъ, головы не снялъ.

— Гдѣ былъ? спросилъ онъ сурово отца, когда тотъ, потупивъ голову, молча стоялъ передъ нимъ, приведенный Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгоруковымъ.

— На богомолье ходилъ, за твое царское здравіе помолиться! отвѣчалъ отецъ.

— Что долго?

— По обѣту пѣшкомъ ходилъ, ну а ноги-то не молодыя.

Отцу тогда давно за пятьдесятъ было, а отъ трудовъ и огорченій онъ казался старѣе.

Царь не сказалъ ни слова и назначилъ его къ Ромодановскому въ совѣтъ, а меня рядовымъ въ Преображенскій полкъ въ запасную роту записалъ.

Ромодановскій былъ вельможа умный, нашего рода, Рюриковичъ, отъ стародубскихъ удѣльныхъ князей, и тоже такого колѣна, которое долго удерживалось принять на себя иго служилыхъ.

Съ виду онъ былъ тоже врагъ всякихъ новшествъ, но только такъ велъ дѣла, что всѣ они въ царскую руку шли; за то Петръ его и любилъ.

Онъ сразу понялъ отца.

— Полно князь, Дмитрій Дмитріевичъ, сказалъ онъ:—выше лба уши не ростутъ, пролитое полнымъ не бываетъ!

Отецъ смолчалъ; но ни подражать, ни даже согласиться съ нимъ не могъ. Разъ даже сказалъ ему:

— Ты только Ромодановскій, а я Зацѣпинъ!... помни!

Отецъ думалъ, что тотъ разсердится, но старый и суровый князь Ѳедоръ Юрьевичъ только засмѣялся.

— Э-эхъ, братецъ, ты все свое! Пойми, что старое ушло, нужно начинать сызнова! И Ромодановскій, и Зацѣпинъ, и Меншиковъ, — все ровные князья и всѣ рабы государевой воли! Какой, братецъ, теперь родъ, когда вонъ дѣтямъ нашимъ съ рядовыхъ службу начинать приходится!

Отецъ не сказалъ ни слова, но остался при своемъ. Ромодановскій, нечего сказать, ему мирволилъ.

Мнѣ мой полкъ показался хуже каторги, вспоминалъ Василій Дмитріевичъ. — И вѣдь будто нарочно, — въ полку были больше все дворяне, да боярскія дѣти, — а меня записали въ отдѣленіе,

въ которомъ урядникомъ былъ сынъ нашего зацѣпинскаго пастуха.

Онъ подъ Нарвой еще отличился и былъ, нечего сказать, молодецъ и грамотный; службу всю произошелъ до тонкости и говорятъ былъ мастеръ обучать. Онъ имѣлъ право не только штрафовать меня всячески, но на ученьѣ даже бить. Я чуть съ ума не сошелъ, когда это узналъ.

Когда меня къ нему привели, онъ сказалъ:—«ну, княжичъ, держи у меня ухо востро! Вѣдь отецъ-то твой, старый князь, у насъ въ Зацѣпинѣ, и самъ не любилъ никому повадки давать»! И на первомъ же ученьѣ такъ сталъ меня мунштровать, что я счелъ необходимымъ поговорить съ отцомъ.

А отецъ въ это время очень прогнѣвилъ государя. Государь встрѣтилъ его и сказалъ, такъ, безъ сердца:

— Что ты Зацѣпинъ все козломъ ходишь? Не стыдно-ли? Пора, кажется, за умъ взяться, одѣться по-людски и бороду сбрить.

На эту рѣчь, сказанную милостиво и съ усмѣшкой, отецъ отвѣчалъ:

— Жизнь моя принадлежитъ вашему величеству, а борода моя—мнѣ!

И съ этими словами онъ показалъ раскольничій, оплаченный знакъ, разрѣшающій носить бороду.

Государь очень разсердился.

— Старый дуракъ! сказалъ государь:—неужели ты думаешь, что я не знаю всѣхъ твоихъ пакостничествъ и шатаній, за которыя ты давно бы живота лишенъ долженъ быть! Я тебѣ мирволилъ, но смотри, берегись!

Когда я сказалъ отцу о моемъ тяжеломъ положеніи въ полку, отецъ позвалъ къ себѣ урядника, своего бывшаго крѣпостнаго.

— Слушай! сказалъ онъ ему:—коли ты чѣмъ тронешь или какъ оскорбишь княжича, то вотъ тебѣ мое слово, что не только отца и мать, не только всю семью братьевъ и сестеръ и всѣ животы ваши, но самый дворъ, самую избу вашу со свѣту божьяго сживу, по вѣтру размести велю, бревна на бревнѣ не оставлю! Коли хочешь денегъ, онъ тебѣ дастъ! Мнѣ не занимать стать, ты знаешь; а чтобы княжича, понимаешь, ни-ни!

— Да помилуйте, ваша княжеская честь, отвѣчалъ смѣло солдатъ.—Денегъ вашихъ мнѣ не нужно, а вѣдь я ихъ милость обучать долженъ, такъ какъ же мнѣ то-ись? Вѣдь я въ отвѣтѣ буду!

— Ужъ тамъ какъ ты знаешь, а слышалъ? Я своихъ словъ даромъ на вѣтеръ не пускаю. Коли ты жалѣешь своихъ, такъ подумай.

Солдатъ подумалъ. Онъ пошелъ къ своему ротному. Нѣмецъ такой поганый былъ.—Дескать, власть ваша, ваше благородіе, а княжича учить не могу,—за своихъ боюсь!

Тотъ сейчасъ къ Меншикову, а этотъ къ царю.—Дескать, вотъ какія продѣлки старые-то роды выкидываютъ!

Государь тогда только воротился изъ Тулы—былъ чѣмъ-то тамъ недоволенъ и сердитъ.

Когда Меншиковъ сказалъ ему объ отцѣ, онъ разгнѣвался—страхъ!

— Ты говорилъ это? ты смѣлъ это говорить? вскрикнулъ Петръ, когда представили къ нему отца, по его требованію.

— Пьянъ тогда былъ, такъ и не помню что говорилъ.

Государь вспылилъ пуще.

— Пьянъ былъ, старый дуракъ! А кто тебѣ велитъ напиваться до безпамятства? Да какъ ты смѣлъ дѣлать служилому человѣку угрозы, а?

Царь оглянулся, должно быть дубинку искалъ, но дубинки не было и онъ схватилъ отца за бороду.

Черезъ секунду онъ опомнился. Эта минута была самая страшная.

— Взять его! въ кандалы, въ застѣнокъ, въ пытку! Сказать Ромодановскому, чтобы до корня добрался! Это все Милославскихъ отбросы! Да я дурь эту боярскую выбью!...Взять!

Будто изъ-подъ земли выросло четверо ординарцевъ, живо оковали отца и увели въ Преображенскій приказъ, какъ явнаго ослушника воли царской.

Плохо приходилось отцу. Не только головы лишиться долженъ былъ, но до того въ застѣнкѣ руки и ноги переломали бы.

Отецъ ни однимъ звукомъ не показалъ, что боится пытки или смерти.

— Хотите моей старой головы? сказалъ онъ Ромодановскому,— ну рубите, я шею протяну! Хотите кости ломать? я и въ томъ не поперечу, ломайте власть! А говорить мнѣ нечего: пьянъ былъ, да и только. Вотъ вамъ и весь сказъ!

— Ну что же, князь, и поломаемъ ваши косточки княжескія, за тѣмъ не постоимъ, отвѣчалъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ, посматривая на отца изъ подлобья.—Андрей Иванычъ позаботься, братецъ, чтобы завтра намъ съ утра вотъ его княжескую честь поразмять. Право лучше, князь, понадумался бы ты, да поразсказалъ намъ что есть, безъ утайки, и тебѣ бы легче, и намъ бы меньше хлопотъ. Ну а не хочешь, какъ хочешь. До завтра...

Вдругъ вечеромъ въ каморку, куда посадили окованнаго отца, входитъ тюремный сторожъ.

— А зе свѣтлѣйшій князь, я хотѣлъ разговоръ съ вами весть: тысяцу рублевиковъ маете?

Отецъ окинулъ его презрительнымъ взглядомъ.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ.

— Визу, цто благородный князь не узналъ меня. А я къ нему въ его маетность Зацѣпу съ Шмулемъ Исакицемъ изъ Полоцка хлѣбъ покупить самъ пріѣззалъ. О вей миръ, какая богатая маетность! Думаю, какъ тысяцѣ рублей у такого богатаго пана не быть.

— Что тебѣ нужно? еще суровѣе и презрительнѣе спросилъ отецъ.

— А то нузно, цто вотъ завтра свѣтлаго князя пытать станутъ. На дыбу поднимутъ, клесцами рвать тѣльце станутъ. Сказываютъ самъ князь-кесарь будетъ; ухъ, какой строгій, не приведи Богъ! А коли князь мнѣ тысяцу рублевиковъ позертвуетъ, то я двери сейцасъ отворю, кандалы сниму и до Полоцка провозу самъ, а тамъ Рига рукой подать, а изъ Риги къ нѣмцамъ и шведамъ,—куда только князь задумаетъ...

— Ты все лжешь!

— Не лгу, ясневельмозный панъ! Мнѣ вше равно бѣзать нузно. Человѣкъ я вольный, цесный еврей, а закабалилъ меня сюда князь Менсциковъ. Велѣлъ схватить и за своего музика представить. Антонъ Мануйловицъ, тотъ изъ насихъ, дай Богъ ему здоровье, меня сюда опредѣлилъ. А то бы меня давно узъ изъ пуски заштрѣ-

ляли. Здѣсь бы зить и нищего, хоть вше на трефномъ сидѣть приходится, да мнѣ никакъ нельзя. У Шмуля Исакица дочка есть, Рифка, узь такая крашавица, цто я и не видалъ такой! Я на ней зениться хочу. Отецъ не отдаетъ, за тѣмъ, цто я бѣденъ. Ну и сюда тозе не отпустить. А коли я отсюда бѣгу, да тысяца рублевиковъ будетъ, зенюсь непремѣнно, изъ Мовши здѣлаюсь Янкелемъ, и меня не то Антонъ Мануйловицъ, а самъ князь-кесарь не сысцетъ.

— Да какъ же ты меня выведешь, вездѣ заперто и часовые стоятъ?

— О вей миръ! Я шлесарь хоросій и клюци, давно, заранѣе приготовилъ. А цасовой у круглыхъ воротъ рѣсилъ со мной бѣзать, тозе изъ насихъ, княземъ Менсциковымъ со мной одинаково въ полонъ взять.

Отецъ всталъ и походилъ по каморкѣ взадъ и впередъ. Потомъ сказалъ себѣ рѣшительно: «нѣтъ, мнѣ это не рука! Коли я бѣгу, Зацѣпино въ казну возьмутъ и дѣти нищими останутся! Если же я на пыткѣ себя не оговорю, то меня можетъ замучать, а у дѣтей ничего не отнимутъ. Такъ лучше ужъ пусть мучать, да дѣти-то все князьями Зацѣпиными останутся. Да и что я въ нѣметчинѣ, или у свейскихъ народовъ дѣлать стану? Нѣтъ, не рука!»

— Нѣтъ, жидъ, отвѣчалъ онъ: — съ тобой я не пойду. А вотъ что: тысячи рублей я тебѣ не дамъ, жирно будетъ. А дамъ тебѣ рублевиковъ двѣсти, если принесешь перо и бумагу и снесешь сыну записку. Отъ него и деньги получишь.

Черезъ минуту перо и бумага были доставлены, и вотъ что онъ мнѣ написалъ:

«Любезный мой сынъ, князь Василій!

Посылаю тебѣ мое родительское благословеніе, на вѣки ненарушимое. Увѣдомляю, что меня завтра будутъ пытками разными въ застѣнкѣ мучить. Но ты будь покоенъ, ничѣмъ не только тебя, но никого не припутаю! Коли замучатъ или голову снимутъ, не горюй, но помни завѣтъ: будь какъ есть настоящій Зацѣпинъ. Женишься, будутъ дѣти, ихъ тому же учи, и будутъ надъ тобой милость Божія и мое благословеніе. Жиду дай двѣсти рублей изъ кованаго сундука. Послѣ меня Батановская волость—Андрею, все остальное—

твое. Будь ему вмѣсто отца. Благословляю обоихъ на счастье, твой отецъ, князь, теперь колодникъ.

Дмитрій Зацѣпинъ».

Письмо́ это у меня всегда въ памяти; кажется умирать буду и тутъ вспомню, какъ запыхавшись прибѣжалъ жидъ и говоритъ:— «о Боже, Боже, какія муки свѣтлому князю готовятся! И клещами сцапать будутъ, и руки вывертывать, пальцы давить и ломать, огнемъ подпаливать, воловыми жилами бить! Чузой дрожитъ отъ страха! О вей миръ, вей миръ! Пускай бѣзитъ, я провозу, я выпущу... И денегъ-то всего тысяцу просу!»

Но отецъ не боялся ни смерти, ни мукъ. Онъ сказалъ нѣтъ, и не ушелъ, какъ ни соблазнялъ его жидъ, какъ ни уговаривалъ.

Однако мучиться ему не пришлось. На другой день допросъ отложили. Потомъ Ромодановскій вступился и самъ ѣздилъ къ Меншикову. Что онъ тамъ съ нимъ говорилъ, Богъ его вѣдаетъ. Только тотъ сейчасъ же къ царицѣ. А тогда Петръ только что взялъ ее къ себѣ отъ Меншикова. Молодая, красивая была, царь очень ее полюбилъ. Она, дай Богъ ей здоровья, выпросила отцу пощаду. Меншиковъ, я думаю, такъ изъ чванства бился. Покажу, дескать, этимъ старымъ князьямъ свою силу: хочу, дескать, казню, хочу, милую.

Но отцу все-таки дѣло это такъ не прошло. Царь ему сказалъ:

— Коли ты, старый дуракъ, такъ напиваешься, что себя не помнишь, такъ вотъ тебѣ новое назначеніе: явись ты къ всешьянѣйшему князю-папѣ Никитѣ Моисѣевичу Зотову, и быть тебѣ въ его конклавѣ кардиналомъ. Да смотри! Коли у пастуха или его семьи хоть одинъ волосокъ тронешь... слышишь! Я напишу нарочно къ зацѣпинскому воеводѣ, такъ понимаешь: за одинъ волосокъ, ты головой заплатишь!

Разумѣется, послѣ такого наказа, пастуха тронуть было нельзя. Но не прошло мѣсяца, какъ мой урядникъ прибѣжалъ къ отцу, бросился въ ноги и сталъ у него со слезами просить прощенія, завѣряя и клянясь всѣмъ на свѣтѣ, что княжичу, т. е. мнѣ, первымъ слугою будетъ.

Дѣло въ томъ, что доняли его, не мытьемъ, такъ катаньемъ!

Въ Зацѣпинѣ, кромѣ отца, матери, братьевъ и сестеръ урядника, жила еще дѣвушка, тоже наша крѣпостная, дочь втораго садовника, Маланья. Эта Маланья, еще до рекрутства, невѣстой урядника была, и онъ любилъ ее больше отца-матери, больше души своей; на побывку разъ къ ней отпросился изъ Питера,—тогда онъ не былъ еще въ запасной ротѣ,—въ Зацѣпино пѣшкомъ ходилъ. Кто-то шепнулъ отцу, онъ и распорядился. Семьи урядника онъ не коснулся ни на волосъ, велѣлъ имъ всѣ льготы давать, а велѣлъ схватить Маланью и отправить ее тайно въ Шугарановскую волость, верстъ эдакъ за пятьсотъ, и тамъ велѣлъ держать ее на господской работѣ впредь до распоряженія, да такъ, чтобы никто не зналъ и не подозрѣвалъ ни гдѣ она, ни куда и по чьему распоряженію исчезла. Отецъ ея плакалъ по ней, какъ по умершей, и даже не подозрѣвалъ, что отправлена она по господскому приказу. Онъ думалъ, что просто сбѣжала дѣвка, и больше всего подозрѣвалъ урядника, думалъ—вѣрно къ нему.

О Маланьѣ воеводѣ не писали, потому ему и въ голову не приходило что нибудь о ней думать или доносить. Онъ доносилъ только, что пастухъ цѣлъ, семья его невредима и никакихъ притѣсненій себѣ не терпятъ. Маланьи между тѣмъ и слѣдъ простылъ.

Дошла вѣсть до бѣднаго жениха. Онъ свѣта не взвидѣлъ. Ударъ былъ нанесенъ туда, куда онъ не ждалъ. Онъ никакъ не полагалъ, что князь могъ даже знать о его тайной зазнобушкѣ, о его сватаньѣ и жениханьѣ. Воротясь изъ побывки, онъ все ждалъ случая выпросить царскую милость, т. е. приказъ—отдать ему дѣвку Малашку въ жены. А тутъ, хоть бы приказъ такой и вышелъ,—гдѣ ее искать. Извѣстно скажутъ: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, можетъ съ любовникомъ, а можетъ въ скиты бѣжала дѣвка, кто жъ тутъ виноватъ? Но онъ зналъ свою Маланью или можетъ быть сердце ему подсказало, только онъ прямо прибѣжалъ къ намъ и на все согласился.

Тогда моя служба пошла повольготнѣе. Нѣмецъ, ротный, не въ урядника былъ и отъ денегъ не отказывался, такъ что я служилъ на полной своей волѣ; а все же и я, и отецъ считали мою службу въ полку игомъ, тягчайшимъ, чѣмъ было иго татарское, и оба только и думали о томъ, какъ бы это иго съ насъ сложить.

Свейскій Карлъ въ Россію вошелъ. Царь поѣхалъ къ войску и насъ повели за нимъ, чтобы замѣстить убылыхъ людей въ полку. Подъ Лѣснымъ въ первый разъ я пороху понюхалъ, вспоминалъ Василій Дмитріевичъ.—Ничего! даже благодарность начальства заслужилъ. Въ Полтавской битвѣ я не участвовалъ; въ запасѣ стояли. Но когда шведы дрогнули и побѣжали, Меншиковъ и насъ захватилъ, въ догонку добивать. Почитай всѣхъ уничтожили, а кто и спасся, такъ въ полонъ попалъ. Торжество и радость были великія.

На службѣ числился я чуть ужъ не пятый годъ, капраломъ былъ сдѣланъ, а все считалъ себя въ полону и думалъ объ одномъ только, какъ бы отъ такого ига себя освободить? Насъ повели къ Пруту, противъ турокъ. Въ одной изъ стычекъ, меня взяли въ полонъ, хотя и отбивался я всѣми силами отъ проклятыхъ басурманъ, какъ и слѣдовало православному. У меня были деньги. Ихъ турки не нашли. Эти деньги помогли мнѣ бѣжать. Но убѣжавъ, я и не подумалъ явиться въ полкъ. Что я, за дуракъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы своею волею въ кабалу пошелъ? думалъ я. Ни за что! Лучше смертная казнь! Разсуждая такъ, я рѣшилъ идти прямо въ Зацѣпино, ну и пошелъ. Пришлось мнѣ пробираться тайкомъ и наугадъ, потому что дороги не зналъ, да и прятаться отъ всѣхъ нужно было. Деньги у меня всѣ вышли и я крайне нуждался. Оборванный, холодный и голодный, пѣшкомъ, прячась отъ своихъ и чужихъ, пробирался я, степями и камышами, къ Воронежу, не всегда имѣя возможность добыть себѣ кусокъ хлѣба. Но ни на одну минуту не подумалъ объявить о себѣ, явиться, хотя и зналъ, что меня, какъ бѣжавшаго изъ плѣна, примутъ за спасшагося чудомъ. Это будетъ не по нашему, говорилъ я себѣ,—будетъ не по-зацѣпински, чтобы волею въ неволю идти! Тамъ ужъ будь, что будетъ! Пусть считаютъ меня въ полону, или хотя мертвымъ, пусть возьмутъ силою! И плутался я, и маялся, а все подвигался, стараясь все на полночь, да на востокъ идти. Больше года такъ шлялся, какъ вдругъ, вмѣсто Воронежа, вышелъ на Клязьму. Ну тутъ дорога пошла знакомая. Въ этихъ мѣстахъ, мы еще съ отцомъ шатались, когда отъ службы прятались. Дѣло пошло споръе, и наконецъ, я увидѣлъ нашу зеленую колокольню Спаса нерукотвореннаго,

воздвигнутую моимъ прадѣдомъ Андреемъ Дмитріевичемъ, въ память своей первой жены. Помню, какъ я обрадовался и истинно отъ души помолился. А въ Зацѣпинѣ, по счастію, я нашелъ отца. Матери уже не было въ живыхъ.

Надоѣло царю смотрѣть на хмураго боярина и въ пьяномъ конклавѣ. А какъ онъ больше все отмалчивался и его не сердилъ, въ дѣлѣ лопухинцевъ оказался чистымъ какъ стекло, и царю доподлинно было извѣстно, что по этому дѣлу онъ и говорить не захотѣлъ, и какъ меня считали убитымъ, а о братѣ Андреѣ писали все хорошее, хвалили, — то какъ-то разъ, послѣ хорошей вышивки, царь вдругъ спросилъ:

— Ну что ты, Зацѣпинъ, все хмуришься? Сидишь словно воронъ на дубу или филинъ въ дуплѣ. Али не радъ нашей царской радости, что вотъ викторію вспоминаемъ и нашу матушку Россію прославляемъ?

— Какъ не радоваться твоей радости, государь! И я радуюсь, хотя на сердцѣ кошки скребутъ! Вонъ, сына не стало, за тебя въ бою легъ; другаго сына ты Богъ вѣсть куда заслалъ, ну пусть тебѣ служитъ! Жена съ горя померла, двухъ дѣвчонокъ на рукахъ оставила; а животы, какіе были, безъ присмотра расхищаются, пока я здѣсь сижу и въ почтенномъ соборѣ пирую. Какъ же мнѣ, царь, не радоваться и машкарой разной не утѣшаться? Велишь въ плясъ, я и въ плясъ пойду!

Петръ нахмурился и гнѣвно взглянулъ на него.

— Ну, чортъ съ тобой, старикъ! сказалъ онъ: — поѣзжай къ себѣ въ лѣсъ, коли ты все волкомъ глядишь, да не смѣй мнѣ и на глаза показываться! Сынъ твой, если и убитъ, такъ убитъ въ честномъ бою, не за меня, а за Русь святую, за вѣру православную! Другой учится и, Богъ дастъ, человѣкомъ будетъ. А что жена умерла, такъ въ этомъ никто не виноватъ, да и не всѣмъ до ста лѣтъ жить. Либо мужъ, либо жена, всегда который нибудь прежде умираетъ. Убирайся же съ глазъ долой!

Отцу не нужно было повторять этихъ словъ. На другой же день онъ уѣхалъ изъ Москвы.

Не вѣдалъ того царь, что если не хотѣлъ отецъ разговаривать ни съ лопухинцами, ни съ раскольниками, какъ послѣ ни онъ, ни я

не стали мѣшаться по дѣлу царевича Алексѣя въ заговоръ Кикина, то не потому, что съ новшествами мирились, а потому, что думали: пусть межъ собой грызутся какъ хотятъ, намъ какое дѣло? Мы—Зацѣпины!

Какъ бы тамъ ни было, но отецъ былъ уже въ Зацѣпинѣ и несказанно обрадовался, когда увидѣлъ меня. Онъ никакъ не чаялъ видѣть меня въ живыхъ. Первымъ дѣломъ его было спрятать меня отъ цѣлаго міра, спрятать такъ чтобы сто Девьеровъ не нашли. Попавшись, вѣдь я не только самъ погибалъ, не только губилъ отца, какъ укрывателя, но сгубилъ бы весь родъ свой, стало быть всѣхъ будущихъ потомковъ нашихъ т. е. моихъ и брата, князя Андрея, такъ какъ все имущество наше, какъ измѣнника-дезертира и его утайщика, подлежало бы отобранію въ казну. Скучновато было все прятаться, да что было дѣлать-то? Не въ кабалу же въ самомъ дѣлѣ было волею идти?

Но вышелъ такой случай. Дѣло мое взялся устроить Вилимъ Вилимовичъ Монсъ. Этотъ нѣмчура тогда сила была.

Отецъ подобрался къ нему черезъ Егорку Столѣтова, съ которымъ познакомился еще въ Москвѣ и кизылбашскаго жеребца ему подарилъ.

— Деньги нужны, говорилъ Егорка. Отецъ за деньгами не стоялъ.

— Что дѣлать, говорилъ отецъ.—Платимъ и кланяемся за грѣхъ предковъ нашихъ! Вѣдь сила солому ломитъ, поневолѣ солома согнуться должна!

— Въ полону у татаръ были, продолжалъ онъ, поясняя необходимость согнуться, уступить, чтобы потомъ взять свое:—татарамъ кланялись и платили; потомъ попали въ полонъ Москвѣ, — та все взяла и тоже заставила кланяться и платить! Теперь попали въ полонъ къ нѣмцамъ,—ну, нѣмцамъ кланяйся и плати, видно еще не искупили родовые грѣхи свои!

И платили, и кланялись мы Монсу, Егоркѣ Столѣтову, Матрешкѣ Балкъ, сестрѣ ея Аннушкѣ и всѣмъ, кто только случай имѣлъ. Посылали памятки Меншикову, Толстому, Ягужинскому, самой царицѣ калмычку выписали. Егорка бумагу написалъ отъ отца, что вотъ привезли меня къ нему, больнаго и раненаго, изъ хивинскаго плѣна, куда будто продали меня турки, поднявъ безъ

памяти, съ проломанной головой и съ двумя пулями въ груди, и что вотъ, въ настоящее время, я отъ всѣхъ этихъ ранъ, болѣзней и мученія самый разсудокъ потерялъ и даже свое имя забылъ, потому не человѣкъ можно сказать сталъ, и не только службы, но и ничего человѣческаго исполнять не могу. Къ этой бумагѣ приложили свидѣтельства лекарей разныхъ, кого только могли подкупить; самъ воевода и его помощникъ подписались. Однимъ словомъ, хлопотали изо всѣхъ силъ, пока не получили полной моей отставки, будто бы за ранами и увѣчьемъ.

Тогда отецъ позвалъ меня къ себѣ и говоритъ:

— Ну, Василій, теперь ты долженъ жениться. Вѣдь тебѣ уже за тридцать, давно бы пора было, да самъ знаешь, какія обстоятельства мѣшали. Теперь же пора, пора! Коли ты не женишься — родъ Зацѣпиныхъ пропадетъ. Андрея я своимъ не считаю, хотя и послалъ къ нему недавно письмо и деньги, да живетъ онъ у басурманъ, у папистовъ, возится все съ ними, учится у нихъ всякому окаянству, — долго ли до грѣха, пожалуй и самъ папистомъ или басурманомъ станетъ! Какой же онъ будетъ Зацѣпинъ? Стало быть тебѣ нужно жениться непремѣнно и откладывать дѣло въ долгій ящикъ нельзя.

Вотъ такимъ-то образомъ, вспоминалъ Василій Дмитріевичъ, состоялась моя свадьба.

Въ глухой отдаленный уголъ ветлужскихъ лѣсовъ преобразовательныя требованія царя долго не могли проникнуть. Поэтому свадьба Василія Дмитріевича происходила на точномъ основаніи преданій, сохранявшихся въ старинныхъ боярскихъ родахъ, и съ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ въ древней нашей жизни, отъ временъ язычества, даже до нынѣшняго времени. Обряды эти, составлявшіе вѣроятно часть языческаго богослуженія, такъ какъ заключаютъ въ себѣ прославленіе языческихъ божествъ, удерживались въ русской жизни, отчасти изъ суевѣрія, боявшагося измѣненіемъ свадебнаго порядка лишить себя тѣхъ благъ, которыхъ всякій ожидаетъ отъ семейной жизни, — отчасти же отъ преемственной преданности народнымъ вѣрованіямъ. Въ нихъ сохранялась неизмѣнно истинно-русская, народная старина, не тронутая ни нормандскимъ вліяніемъ, ни

татарскимъ погромомъ, ни московскимъ самовластіемъ. Поэтому обряды эти свято чтились Зацѣпиными, какъ завѣтъ предковъ.

До вѣнца Василій Дмитріевичъ невѣсты своей не видалъ и не зналъ даже, на комъ остановится выборъ его отца. Смотрѣніе невѣсты было возложено на его родную тетку, княгиню Мосальскую, которая взяла на себя трудъ объѣздить дома, гдѣ были взрослыя дѣвицы, могущія быть, по родовой гордости князей Зацѣпиныхъ, избранными въ невѣсты для одного изъ молодыхъ представителей ихъ рода.

Когда, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, между отцомъ и ею было рѣшено, что приличнѣйшею супругою для Василія Дмитріевича могла быть одна изъ княженъ Кубенскихъ, княгиня Мосальская отправилась къ Кубенскимъ и, разумѣется, была принята съ большимъ почетомъ.

Послѣ первыхъ обыкновенныхъ привѣтствій, княгиня Мосальская сказала Кубенской, что она много слышала хорошаго о ея дочеряхъ, слышала, что онѣ и красавицы, и скромницы, и рукодѣльницы, и очень бы хотѣла съ ними познакомиться. Кубенская, разумѣется, поняла въ чемъ дѣло и позвала обѣихъ своихъ дочерей: Груню и Сашу. Мосальской больше понравилась Саша, младшая сестра; но когда ей тонко, очень тонко дали понять, что прежде старшей сестры, выдавать младшую замужъ они не полагаютъ, то Мосальская, разсчитывая, что ея племяннику Василію ждать некогда и давно уже пора было озакониться, перенесла свой хвалебный гимнъ на старшую, Грушу. Эти похвалы ея были приняты княгинею Кубенскою вполнѣ сочувственно и она немедленно начала показывать Мосальской шитье и другія рукодѣлья своей княжны Груши; начала разсказывать о ея воспитаніи, добротѣ и другихъ качествахъ; представила ей нянюшку и сѣнныхъ дѣвушекъ княжны Аграфены Павловны, которыхъ княгиня Мосальская, разумѣется, щедро одарила. За обѣдомъ, княжна Аграфена Павловна сидѣла подлѣ княгини Мосальской. Она же проводила ее въ опочивальню для послѣ-обѣденнаго отдыха и сидѣла подлѣ ея постели. Въ заключеніе, для доказательства своего полнаго расположенія и уваженія, съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, чтобы показать, что ея дочь Груня — товаръ нележалый и непорченный, а дѣвушка во всѣхъ отноше-

ніяхъ хорошая, скромная и благонравная, княгиня Кубенская, угощая Мосальскую всѣмъ чѣмъ можно, сказала ей, что съ дальней дороги ей нужно отдохнуть, — шутка, безъ мала двѣсти верстъ проѣхала, — нужно оправиться, и предложила по русскому обычаю сходить въ мыльню. Мосальская не отказалась. Тогда Кубенская приказала Грунѣ сопровождать ее и угощать, наблюдая, чтобы все было хорошо, въ порядкѣ и чтобы всего было вдоволь.

Такимъ образомъ, Мосальской былъ предоставленъ случай лично удостовѣриться въ правильномъ и красивомъ сложеніи княжны, въ ея физической красотѣ и скромности. Она могла вполнѣ оцѣнить внѣшнія достоинства молодой дѣвушки, которую выбирала въ подруги жизни своему племяннику. Она убѣдилась, что будущей супругѣ его не нужно ни подкладокъ, ни фальшивыхъ косъ, ни сурьмы, ни бѣлилъ, что она не горбатая, не кривобокая, не золотушная или чахоточная, а просто хорошая дѣвушка, которая, надобно думать, будетъ хорошей женой и хорошею матерью. Возвратясь, она расхвалила Груню брату. Тотъ, не говоря ни слова, поѣхалъ самъ къ Кубенскому; переговорилъ обо всемъ, что слѣдовало, уговорился и о рядной записи. Потомъ гостилъ тамъ цѣлую недѣлю и порѣшилъ все на столько, чтобы на слѣдующей недѣлѣ можно было, благословясь, и дѣло начать. На возвратномъ пути онъ заѣхалъ просить быть сватами Вадбольскаго и Щепина, князей ихъ же рода. Устроивъ такимъ образомъ это дѣло, онъ воротился домой и велѣлъ позвать сына.

— Ну, Василій, мы съ теткой тебѣ невѣсту сыскали, на зависть. Нашего рода Рюриковичей княжна, во всемъ подходящая, и не бѣдная. Сватами пригласилъ князя Григорія, да князя Ивана Алексѣевича. На той недѣлѣ поѣдутъ. Выбирай себѣ дружку и подружьевъ.

Василій Дмитріевичъ только спросилъ на это:

— Къ кому же, родимый, ты надумалъ сватовъ посылать?

Да и спрашивать болѣе было нечего. Вѣдь перемѣнить было невозможно. Отецъ заручился за него своимъ словомъ, а развѣ можетъ слово князя Зацѣпина на вѣтеръ летѣть? Василій Дмитріевичъ былъ уже не мальчикъ, самъ понималъ, что послѣ того какъ отцы по рукамъ ударили, дѣтямъ разсуждать не приходится. На весь

родъ охулку положишь. А вѣдь онъ самъ ни за что въ мірѣ не захотѣлъ бы, чтобы на его родъ пятно легло.

Отецъ назвалъ ему невѣсту, хвалилъ ее, но это для него было совершенно безразлично. Онъ не подумалъ бы возражать, если-бы, вмѣсто Кубенской, ему назвали Вадбольскую, Ростовскую или какую бы тамъ ни было иную княжну. Онъ не сказалъ бы ни слова, если-бы даже зналъ или слышалъ, что выбранная ему отцемъ невѣста была кривобока или глуха. Вопросъ его женитьбы былъ вопросъ рода, ясно, что и рѣшать его долженъ былъ глава рода. Что же касается до него самого, то выбранный имъ дружка могъ смѣло, въ тотъ же вечеръ начинать свою: «Славу Ладу и Лелю», съ которой начиналось въ древней русской жизни величаніе жениха.

Такимъ образомъ Василій Дмитріевичъ сталъ изъ молодаго княжича настоящимъ княземъ и семейнымъ человѣкомъ. Аграфена Павловна, его жена, была дѣйствительно хорошая женщина и добрая подруга. Она завѣдывала всѣмъ въ домѣ и была хорошая хозяйка, не смотря на свою молодость. Старика тестя она берегла, ходила за нимъ какъ за ребенкомъ. Онъ жилъ долго. Андрею уже не то четвертый, не то пятый годъ пошелъ, какъ старикъ что-то очень расхворался. Мать подвела къ нему его внука Андрея.

— Батюшка, благослови внука-то! сказала она. Отецъ приподнялся. Благословляю тебя, сказалъ онъ, осѣняя ребенка образомъ. — Будь ты своему отцу и роду нашему тѣмъ, чѣмъ былъ для меня и рода нашего твой отецъ! Будь настоящій князь Зацѣпинъ! Не забывай это! Потомъ меня и жену благословилъ, послалъ свое заочное благословеніе брату Андрею и велѣлъ ему Батановскую волость отдать.

— Онъ не виноватъ, проговорилъ отецъ: — если онъ не такой, какимъ мы желали бы его видѣть. Онъ искупительная жертва за насъ. Послѣ сталъ меня благодарить, вспоминалъ Василій Дмитріевичъ. Благодарилъ за вѣрность родовымъ преданіямъ, за любовь и почтеніе къ нему.

— Помни, сказалъ онъ: — родъ прежде всего! Сына тому же учи и другихъ дѣтей, если, Богъ дастъ, будутъ. — Тутъ вспомнилъ о внучкахъ, тоже благословилъ, старшей Аграфенѣ много говорилъ

о любви и послушаніи, а младшая, Елизавета, слишкомъ еще мала была. Потомъ еще разъ простился съ нами и почилъ съ міромъ. Жена закрыла ему глаза.

— Да! Счастливо онъ съ женой живетъ вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ. Слова отъ нея поперегъ не слышалъ. — Разъ только какъ-то въ первые еще годы, изъ Москвы портниху привезли, тамъ обучалась; я и вздумалъ пошалить, вспоминалъ Василій Дмитріевичъ, — пощекоталъ тамъ ее что ли при встрѣчѣ. Увидала жена и таково тихо сказала:

— Князь Василій Дмитріевичъ! Я въ твои мужскія дѣла тамъ, гдѣ, на сторонѣ, не мѣшаюсь! Это дѣло твоей совѣсти. Но въ домѣ нашемъ, ужъ какъ ты тамъ хочешь, о чемъ нибудь такомъ и думать не моги. Не то я отъ тебя уѣду Богу молиться и въ монастырь уйду.

И не стала держать при себѣ портнихи, настояла, чтобы замужъ ее выдать, а потомъ, когда стали требовать людей Петербургъ строить и на канальныя работы, потребовала, чтобы ее съ мужемъ я въ Питеръ отправилъ. Я разумѣется не спорилъ.

Этотъ только разъ она и выказала себя, а то никогда ни слова. Всегда любящая, послушная, дѣтямъ мать, а мнѣ другъ... думаетъ Василій Дмитріевичъ, — между тѣмъ, между тѣмъ...

Лѣтъ еще за двѣнадцать до свадьбы, когда онъ, вмѣстѣ съ отцомъ въ нѣтчикахъ скитался, стараясь скрыться отъ страшныхъ указовъ Петра, — онъ былъ еще совсѣмъ юношей и шелъ куда-то въ Псковѣ, — вдругъ его обожгли чьи то глаза.

— И что это за глаза были! вспоминаетъ Василій Дмитріевичъ. — Бываютъ же такіе ясные, чистые какъ лазурь небесная! Глубоко смотрѣли на меня эти глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ въ самое сердце заглядывали!

— Бояринъ молодой помоги! сказала ему дѣвушка, сверкая своими глазами. — Съ матушкой тутъ на улицѣ, Богъ вѣсть что приключилось, обморокъ что-ли какой!

Щечки говорившей зардѣлись яркимъ румянцемъ; на рѣсницахъ засверкала слезинка, а сама она будто улыбнулась, свѣтло такъ улыбнулась.

Василій Дмитріевичъ бросился по указанію, дотащилъ старуху до скамьи, положилъ, спрыснулъ водой и позвалъ людей, которые донесли ее до дому. Онѣ жили близко.

— Что съ ней сдѣлалось? спросилъ Василій Дмитріевичъ.

— Богъ вѣдаетъ! Съ утра матушка жаловалась, а сегодня праздникъ, — какъ помолиться не идти? Только идемъ домой, вдругъ матушка опустилась, хочу поднять—силъ нѣтъ! А на улицѣ ни души. Только вотъ на счастье ты идешь. Прости, что потревожила.

Мать скоро пришла въ себя. Обѣ онѣ благодарили Василія Дмитріевича, а онъ думалъ: «Господи, бываютъ же такіе глаза, вѣдь взглянуть на нихъ радостно!»

Она оказалась дочерью какого то приказнаго, стало быть дѣвицею вовсе неподходящею быть подругой жизни свѣтлаго князя Зацѣпина. Изъ Пскова они должны были скоро скрыться. Онъ больше и не видалъ ее. Но что до того? До сихъ поръ онъ чувствуетъ на себѣ этотъ свѣтлый взглядъ, эту теплую, сердечную улыбку.

— Полжизни кажись отдалъ бы, думаетъ Василій Дмитріевичъ, — за то, чтобы эти глаза смотрѣли на него любовно, да ласково, чтобы видѣлъ онъ въ нихъ привѣтъ сердечный... Вѣдь вотъ Груня у меня добрая, хорошая! Съ нею я цѣлую жизнь счастливо прожилъ! Но все-таки въ этой счастливой жизни будто не было чего, будто было что-то пропущено,—было что-то такое, чего онъ не испыталъ и за что даже теперь, онъ, старикъ уже, готовъ былъ жизни не пожалѣть.

Но все это уже прошло! Гдѣ она? Что она? Онъ не знаетъ! Онъ устроился, женился, и ясноокая красавица ступевалась среди бурь житейской суеты. Но при воспоминаніи о ней и теперь будто щемитъ сердце, будто что-то трогаетъ, смущаетъ. Онъ схоронилъ мать, отца, сталъ отцемъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, единственнымъ владѣльцемъ села Зацѣпина и другихъ волостей, оставшихся въ его родѣ отъ ихъ сильнаго нѣкогда княжества, сталъ старшимъ представителемъ ихъ рода и теперь еще, не смотря на всѣ невзгоды, славнаго и богатаго. Старшему сыну его, Андрею, вотъ уже семнадцать лѣтъ, а старшей дочери Аграфенѣ восемнадцать и, говорятъ, красавица. Младшей дочери пятнадцать лѣтъ и тоже, говорятъ, хороша. Ну Дмитрій и Юрій еще дѣти одиннадцати

и девяти лѣтъ, но и они князья Зацѣпины, и о нихъ онъ думаетъ, очень думаетъ, и долженъ думать.

Отецъ умирая говорилъ:

— Василій, не забывай рода! Береги имя князей Зацѣпиныхъ, держи это имя честно и высоко. Научи и дѣтей тому же, чтобы и они старались поднять его, украсить, возвысить, себя бы не жалѣли для возвышенія рода своего. Научи, чтобы они были истинными князьями русской земли и помнили свое право на участіе въ княженіи надъ ней. Если ты не забудешь, сохранишь завѣтъ мой, — благословлю я тебя, благословятъ тебя и всѣ славные предки наши!..

Онъ помнитъ, какъ отецъ говорилъ:

— На брата твоего Андрея я не надѣюсь: возится тамъ съ басурманами, пожалуй и самъ басурманомъ станетъ. Но онъ жертва, очистительная жертва за насъ. Ты единственная надежда наша, на тебя смотрятъ всѣ предки наши! Оправдай же надежду предковъ своихъ!

Оправдалъ-ли онъ эту надежду? возвысилъ ли родъ свой?

Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Онъ не сталъ ни богаче, ни сильнѣе, ни выше. Напротивъ, дѣти бѣднѣе его будутъ. Но онъ всю жизнь свою посвящалъ своему роду, дѣлалъ все, что могъ, дѣлалъ то же, что дѣлали его отецъ и дѣдъ, стараясь поддержать свое имя и значеніе въ томъ видѣ, въ какомъ желали видѣть Зацѣпиныхъ всѣ предки его: независимыми, богатыми, не верстающимися ни съ кѣмъ и не уступающими никому. Да! Но возвысились ли они отъ того, усилились ли? Исполнили ли они — тѣмъ, что они дѣлали — завѣтъ, данный имъ родовымъ преданіемъ: ищи силы и возьми свое! Ясно — нѣтъ! Онъ владѣлецъ села Зацѣпина и другихъ обширныхъ имѣній, владѣлецъ дѣйствительный, настоящій князь, никому не кланяющійся, никому не уступающій, — но и только! Имѣніе его уже меньше, чѣмъ были имѣнія его отца: Батановская волость была отдана брату Андрею. У его сына Андрея имѣніе будетъ еще меньше, чѣмъ у него самого. Ведетъ-ли и можетъ-ли вести такое положеніе дѣла къ возвышенію рода?

Всѣ обычаи рода, всѣ преданія старины, весь порядокъ жизни, даже до мелочей, Василій Дмитріевичъ сохранялъ и соблюдалъ

свято. По мѣрѣ того, какъ родился каждый изъ сыновей, Василій Дмитріевичъ, по прежнему, неизмѣнному закону Рюриковичей,—закону, перенесенному еще изъ воинственныхъ обычаевъ древнихъ скандинавовъ, назначать новорожденному часть добычи,—надѣлялъ ихъ назначеніемъ особаго участка изъ своихъ имѣній. Старшему, Андрею, назначилъ онъ двѣ деревни съ небольшой усадьбой близъ Зацѣпина,—тѣ самыя деревни, которыя при жизни отца были отданы ему самому. Второму сыну, Дмитрію, онъ назначилъ прекрасную каменную усадьбу на рѣкѣ Вочѣ съ шугарановскою волостью, дающею дохода болѣе чѣмъ втрое противъ того, что онъ назначилъ старшему сыну. Третьему сыну, Юрію, онъ назначилъ почти такую же волость, какъ и Дмитрію, только по-дальше. Такимъ образомъ старшій сынъ, Андрей, казался какъ бы обдѣленнымъ противъ братьевъ, но за то, послѣ смерти отца, ему предполагалось отдать село Зацѣпино со всѣми прилегающими къ нему землями, деревнями, имѣніями и волостями, доходность отъ которыхъ болѣе чѣмъ вчетверо превышала доходность имѣній, данныхъ обоимъ братьямъ. Правда, это усиленіе его средствъ возлагало на него обязанность, послѣ смерти отца, быть для братьевъ и сестеръ вторымъ отцомъ. Въ завѣщаніи, заготовленномъ Васильемъ Дмитріевичемъ, было сказано, что онъ долженъ указывать, направлять и помогать имъ; сказано, что словомъ и дѣломъ онъ долженъ быть ихъ головой, опорой и помощью. Но въ замѣнъ того, онъ долженъ пользоваться ихъ уваженіемъ; видѣть ихъ повиновеніе и почтительную любовь къ себѣ. Дочерей своихъ князь полагалъ наградить изъ имѣній матери, данныхъ княземъ Кубенскимъ за Аграфеной Павловной. Отъ нихъ завѣщаніе требовало только послушанія: сперва отцу и матери, послѣ—старшему брату, а когда выйдутъ замужъ—мужу. Вопросъ рода заключался въ сыновьяхъ. Отъ нихъ завѣщаніе требовало сохраненія родовыхъ началъ, вѣрность имъ и самимъ себѣ, и самоотверженія къ ихъ укрѣпленію и возвышенію; поэтому сыновей Василій Дмитріевичъ старался всѣми мѣрами и надѣлить, и научить, чѣмъ могъ и какъ умѣлъ.

Во всѣхъ этихъ надѣлахъ и указаніяхъ было явное подражаніе Ярославу Мудрому и Владиміру Мономаху, также надѣлявшихъ своихъ сыновей городами и удѣлами, по ихъ старѣйшеству; столь-

ные же города свои оставлявшихъ старшимъ сыновьямъ по ихъ праву первородства и обязанности быть отцами братьямъ своимъ.

По мнѣнію Василія Дмитріевича, иначе было нельзя, было не въ порядкѣ вещей. Такъ поступилъ его отецъ, отдавъ ему Зацѣпино со всѣми волостями и имѣніями, а брату Андрею назначивъ только одну Батановскую волость; такъ поступилъ бы и его дѣдъ, если-бы у него было два сына, такъ поступали его прадѣдъ, прапрадѣдъ, пращуръ и всѣ Рюриковичи изъ рода въ родъ всегда, если только при жизни и послѣ смерти было имъ чѣмъ надѣлять дѣтей своихъ, и они успѣвали этими надѣлами распорядиться.

Этотъ родовой обычай, охватывавшій собой высшій слой населенія и вызвавшій себѣ подражаніе въ лучшихъ представителяхъ другихъ родовъ,—ввелъ въ ошибку Петра Великаго, думавшаго установленіемъ майората выполнить требованіе народной жизни въ разсужденіи поддержанія правъ первородства. Ошибка эта отразилась весьма тяжкими послѣдствіями на экономической жизни высшаго сословія, положивъ начало розни между имъ и другими слоями общества, вводя въ него понятія совершенно несродныя народной жизни. Русскій народъ, не подвергаясь никогда феодальному гнету и состоя изъ одного тѣсно связаннаго между собою племени, а не изъ побѣдителей и побѣжденныхъ, сліяніе которыхъ образовало общественную жизнь запада, не могъ смотрѣть на дѣтей своихъ иначе, какъ на естественныхъ и равноправныхъ представителей своего отца, долженствующихъ поэтому въ равной степени пользоваться всѣмъ, что имъ отцемъ предоставляется, безъ различія въ ихъ старшинствѣ. Понятіе о значеніи первородства было достояніемъ и сохранялось только въ нѣкоторыхъ старинныхъ родахъ, поставленныхъ въ исключительное положеніе, и то въ соединеніи съ понятіемъ о патріархальной власти отца, могущей распредѣлять оставляемое имъ наслѣдство между дѣтьми по своему усмотрѣнію. Поэтому установленіе майората не могло не вызвать весьма важныхъ недоумѣній и затрудненій въ русской жизни. Но въ то время, когда практическое законодательство сохраняло еще свою патріархальность, весьма трудно было отдѣлять то, что̀ составляло общее требованіе жизни, отъ того что исходило изъ исключительности положенія. Установленіе майората особенно тяжко отражалось на

дворянствѣ, хотя собственно въ видахъ поддержанія дворянства и было введено. За нѣсколько лѣтъ до начала нашего разсказа оно было отмѣнено и этой отмѣнѣ наиболѣе радовались тѣ, которые должны были бы преимущественно его желать.

Василій Дмитріевичъ, распредѣляя свое состояніе между своими дѣтьми, разумѣется, не думалъ ни о майоратѣ, ни о требованіяхъ русской жизни. Онъ думалъ только объ обычаяхъ и порядкахъ своего рода, думалъ только о томъ, какъ бы избѣжать этихъ новшествъ, которыя, благодаря почину великаго преобразователя, со всѣхъ сторонъ врывались въ русскую жизнь, подрывая собою значеніе родоваго начала, какъ естественнаго представителя старины. Онъ, князь Зацѣпинъ, не допуститъ этого въ своемъ родѣ. Онъ удержитъ этотъ наплывъ понятій, обычаевъ, порядковъ, отрицающихъ прошлое. Послѣ его смерти останется Андрей, какъ послѣ его отца остался онъ, Василій, какъ послѣ дѣда остался его отецъ, Дмитрій, которымъ они послѣдовательно изъ рода въ родъ передавали свои права, свои обычаи, понятія и все, что могло имѣть какое либо отношеніе къ ихъ роду. Правда, онъ видитъ, что жизнь идетъ въ другую сторону, получаетъ иной смыслъ. Въ этомъ новомъ направленіи значеніе рода теряется съ каждымъ днемъ. Возникаютъ новыя основанія общественности: — богатство и личный трудъ. На эти основанія опираются и изъ нихъ исходятъ — знаніе, предпріимчивость, дѣятельность и другія условія возвышенія и успѣха. Онъ видитъ, что эти и только эти начала новой жизни поднимаютъ человѣка въ глазахъ новаго общества. Онъ знаетъ и видитъ, чѣмъ еще при московскихъ царяхъ стали именитые люди Строгановы; видитъ, въ какой степени въ царствованіе Петра возвысились Демидовы, Сердюковы, Крюковы, Баженовы, — лица, неимѣвшія родоваго значенія, поднимавшіяся изъ толпы, благодаря именно знанію, предпріимчивости и дѣятельности, приведшихъ ихъ отъ труда къ богатству. А Меншиковъ, Ягужинскій, а иностранцы — Девьеръ, Остерманъ, Минихъ? Онъ видѣлъ, что самъ гигантъ-царь не задумывался жать руку простому кузнецу, когда тотъ останавливалъ на себѣ его вниманіе своею работою; видѣлъ также, что царь этотъ не считалъ для себя униженіемъ вступать въ соглашеніе съ послѣднимъ торгашемъ, когда того требовала польза

Россіи. На то его воля была! думалъ про себя Василій Дмитріевичъ. — Да, воля; но воля, основанная на практической разумности, — воля, поддерживаемая необыкновенною силою духа!... Кто что ни говори, а, царь, какъ я его вспоминаю, какъ я о немъ думаю, былъ великій царь! разсуждалъ про себя Василій Дмитріевичъ. — Правда, насиліе его было чрезвычайное, ломка страшная, но насиліе это было не только произволъ, но и разумность! Самыя новшества, которыя онъ вводилъ и которыя мы такъ ненавидѣли и ненавидимъ, были не только прихоть, самовластія, а какое-то особое, непонятное для меня стремленіе все сплотить, соединить, всему дать одинъ облицованный имъ образъ, въ который онъ хотѣлъ отлить всю жизнь древней Руси. И доказательствомъ тому, что всякое новшество, вводимое имъ, онъ испытывалъ прежде на себѣ, выполнялъ самъ. Какая тутъ прихоть, когда прежде чѣмъ напр. велѣть снести бревно, онъ самъ взваливаетъ бревно на плечо и несетъ, чтобы знать, не тяжело-ли? Когда собственно себѣ онъ отказываетъ во всемъ, даже въ новыхъ башмакахъ, но не жалѣетъ ничего на то, что ведетъ къ предположенной имъ цѣли? Когда всюду и во всемъ себя первымъ кладетъ подъ обухъ? Помню, какъ служилъ еще я, разсказывали, что когда рѣшили они напасть на вошедшія въ Неву шнявы и пошли на галерахъ и шлюпкахъ ихъ брать, то подъ огнемъ шведскихъ пушекъ впереди всѣхъ шли шлюпки царя и Меншикова. Обѣ шлюпки подошли къ борту шнявы вмѣстѣ; Меншиковъ однакожъ секундой прежде царя успѣлъ схватиться за бортъ судна и началъ было лѣзть на шведовъ, встрѣчаемый штыками, интрепелями и направленными прямо на лѣзущихъ пистолетными выстрѣлами. Царь, увидѣвъ это, окликнулъ:

— «Сашка, куда лѣзешь, дуракъ, убьютъ ни за грошъ!» Меншиковъ по этому слову царя-друга обернулся. Секундой этой царь воспользовался, заступилъ мѣсто Меншикова, заслонилъ его собою и полѣзъ вверхъ впередъ, подъ первый ударъ, проговоривъ только Меншикову: прежде отца въ петлю не суйся! Онъ вошелъ первымъ на бортъ шнявы, тогда какъ Меншикову удалось войти только вторымъ, подъ прикрытіемъ царя, котораго, разумѣется, онъ самъ хотѣлъ прикрывать.—Да! Онъ былъ именно, какъ послѣ говорили, гигантъ-царь, богатырь-царь! И вотъ, теперь, когда его

не стало, не должны-ли были бы всѣ эти введенныя имъ новшества обратиться вспять, пасть сами собою, отступить на второй планъ? Не должны-ли были бы онѣ немедленно дать дорогу старому? А между тѣмъ — нѣтъ? Онѣ съ каждымъ днемъ растутъ, развиваются, врываются въ жизнь со всѣхъ сторонъ! Теперь для меня естественный неотложный вопросъ: при такомъ положеніи, что мнѣ дѣлать съ Андреемъ?

По прежнимъ вѣковымъ обычаямъ нашего рода я выучилъ его не только тому, что самъ зналъ, но многому тому, чего и самъ не зналъ. Пускай не говорятъ, что мы — враги новшествъ, враги всякаго знанія. Знать — все хорошо, противъ этого никто и ничего не говоритъ, да въ нашемъ родѣ никогда и не бывало безграмотныхъ. Грамотѣ онъ обученъ, цифирь знаетъ, читалъ и святыхъ отцовъ и сказанія о земляхъ чужеземныхъ. Къ тому же онъ отлично ѣздитъ верхомъ, дерется по-нѣмецки на шпагахъ, плаваетъ мастерски. стрѣляетъ тоже мѣтко, чего-жъ еще? А вотъ братъ пишетъ: нужно образованіе! Какое это образованіе? изъ чего оно состоитъ, какъ получается и къ чему приводитъ? И зачѣмъ это образованіе можетъ понадобиться князю Зацѣпину? Вотъ въ позапрошломъ году наѣзжалъ сюда Волконскій и у меня былъ; спрашиваю у него, а онъ говоритъ: по французскому и по нѣмецкому учить нужно! Я было руками и ногами, но разсудивъ, подумалъ: точно, знаніе всегда знаніе! И опять, дѣлать нечего, рѣшилъ и взялъ учителя изъ плѣнныхъ шведовъ, что тутъ остался, за размѣной, должно быть русскій хлѣбъ вкуснѣе, чѣмъ печеное кна-ке-бре; пятьдесятъ рублевиковъ на всемъ готовомъ жалованья положилъ и держу; но чему онъ обучилъ, Андрея, чему учитъ Дмитрія и Юрія, — не знаю! И если обучитъ, — хорошо, когда на пользу, а если на вредъ? Какъ подумаешь — съ ума сойдешь! А тутъ еще будто нарочно два старыхъ столбца рукописей, доставленныхъ съ разныхъ сторонъ и писанныхъ разными людьми, и объ рукописи говорятъ прямо, что паденіе рода нашего—нашъ грѣхъ и искупить его можно только трудомъ и молитвою.

Отецъ Ферапонтъ—человѣкъ умный и строгой жизни человѣкъ, нашъ молельщикъ и монахъ намъ преданный! Да какъ и не быть имъ намъ преданными: весь монастырь-то усердіемъ князей Зацѣ-

пиныхъ сооруженъ и поддерживается! Вотъ онъ мнѣ и говоритъ, когда я сталъ ему разсказывать какія колебанія и сомнѣнія меня одолѣваютъ:

— Не знаю, князь! По моему малому разуму и по обѣту отрицанія отъ суеты мірской не умѣю отвѣчать на слова, въ коихъ видна гордость и славолюбіе. Смиряющійся возвышается, а гордымъ Богъ противится. По моему глупому разсудку, свѣтлый родъ Рюриковичей былъ призванъ новгородцами и принятъ всею Русью по волѣ Божіей княжить, а не царствовать. Пока онъ княжилъ, его видимо охраняла милость Божія. Но вотъ въ своей великой гордости, онъ захотѣлъ царствовать, и Богъ оставилъ его, иже земному величію предѣлъ положенъ. Для царствованія надъ русскою землею Богъ избралъ другихъ людей, другой родъ. Эти избранники Божіи возвысятъ и укрѣпятъ православное государство наше, и въ своей великой благости, любви и смиреніи передъ волей Всевышняго, можетъ быть сами захотятъ въ грядущемъ княжить, а не царствовать, и тѣмъ возвысятъ и вознесутъ славу имени своего превыше всѣхъ владыкъ земныхъ. Пути Господни неисповѣдимы и будущее въ рукѣ Божіей! А вотъ что я тебѣ скажу: разбирали какъ-то на-дняхъ у насъ монастырскія рукописи и нашли много столбцовъ и рукописей, въ которыхъ говорится о славномъ родѣ вашемъ. Между прочимъ попался столбецъ сказаній князя Данилы, не того князя Данилы Васильевича, что сдалъ Зацѣпинскъ, а его правнука, Данилы Даниловича, внука его сына, Григорія Даниловича, что удалой головой прозвали. Этотъ Данило Даниловичъ отъ юныхъ дней своихъ не возлюбилъ суету міра сего и посвятилъ себя Богу. Богъ и просвѣтилъ разумъ его великою мудростію. Святой жизни человѣкъ былъ и кончилъ жизнь свою въ нашей обители, въ схимѣ. Свитокъ сказанія его зѣло испорченъ крысами, облили чѣмъ должно быть что-ли, только цѣлыя главы въ свиткѣ крысы уничтожили, а все есть кое-что. Къ нему прибавлю еще свитки: одинъ писанный новгородскимъ паломникомъ, а другой—заозерскимъ монахомъ. Прочитай-ка, князь, эти свитки. Монастырь тебѣ кланяется ими, какъ памятью о твоихъ предкахъ. Не просвѣтитъ-ли Господь разумъ твой словами отшельниковъ? Не разрѣшитъ-ли колебанія и самомнѣнія твои? Скажу тебѣ, по моему малому уму, это пророче-

скія хартіи и великое указаніе сдѣлано въ нихъ славѣ рода твоего.

Съ этими словами, монахъ велѣлъ подать мнѣ связку разныхъ свитковъ и бумагъ.

Вотъ столбецъ предка нашего, князя Данилы, о родѣ нашемъ. А вотъ рукопись паломника, подъ заглавіемъ: «Повѣсть о томъ, какъ Господь милость своему народу оказуетъ и какъ лютую злобу преслѣдуетъ!» Третья рукопись безъ заглавія, обозначено только, что писана лѣта 7156, стало быть въ 1648 году, поліелейнымъ монахомъ Амвросіемъ.

Чуть не въ сотый разъ я читаю и перечитываю эти рукописи и думаю:—Боже мой, а что если и въ самомъ дѣлѣ это такъ? Если ошибались князья сильные и могучіе, а правы вотъ эти монахи и паломники, которые говорятъ, что сила и величіе—трудъ и любовь, а не отрицаніе и гордость. Если точно пролитое полнымъ не бываетъ, и что было, то ушло, и ушло оно по волѣ Божіей, стало быть воротиться не можетъ и не должно. Тогда вѣдь точно роду нашему нужно начинать съизнова, нужно начинать сначала. Нужно идти отъ народа, а не къ народу. Тогда, вѣдь, нельзя не признать, что Ромодановскій былъ правъ, когда говорилъ отцу: эхъ, князь, выше лба уши не ростутъ!

Но опять думаю, что скажутъ они, дѣти и внуки мои, если я отмѣню то, что сохранялось, какъ завѣтъ рода, переходя отъ отца къ сыну, цѣлые вѣка, цѣлыя сотни лѣтъ?.. Что будутъ думать потомки наши, когда спросятъ, зачѣмъ я измѣнилъ преданіямъ рода своего? Нужно позвать Андрея, поговорить съ нимъ. Онъ молодъ, но Богъ, въ своей великой благости, умудряетъ и младенцевъ. Отецъ, въ тяжкія годины наши, когда брата къ басурманамъ въ науку брали, а потомъ, когда насъ на службу требовали и мы были въ нѣтчикахъ, всегда говорилъ со мною, хотя я и былъ тогда не старше Андрея... Вопросъ, вѣдь, прямо до него относится! Я уже отжилъ, мнѣ не начинать!

Въ этихъ мысляхъ онъ ударилъ небольшой желѣзной палочкой въ колоколецъ, висѣвшій тутъ же на столѣ, на деревянной подставкѣ.

Въ дверяхъ, въ ту же секунду, столкнулись казачекъ, истопникъ и комнатный.

— Позвать князя Андрея! сказалъ князь Василій Дмитріевичъ.

Всѣ трое бросились, какъ угорѣлые.

IV.

Князья Зацѣпины.

Князь Василій Дмитріевичъ все еще сидѣлъ передъ своими столбцами рукописей, взглядывая то на ту, то на другую и отыскивая въ нихъ тѣ мѣста, которыя особо останавливали на себѣ его вниманіе, когда вошелъ его сынъ, молодой княжичъ Андрей Васильевичъ.

Онъ остановился при входѣ въ горницу, видимо желая угадать, что угодно отцу: чтобы онъ подошелъ къ нему или на мѣстѣ выслушалъ бы его приказанія.

— А, Андрюха! сказалъ отецъ, моргнувъ какъ-то особо своими густыми, нависшими бровями. — Поди-ка сюда, садись, поговоримъ!

Сынъ скромно подошелъ къ отцу, поцѣловалъ его руку и безмолвно сѣлъ на скамьѣ подлѣ стола.

— Ты знаешь ли, куда я думаю отправлять тебя?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю!

— Въ Питеръ!

— Въ Питеръ?

И на лицѣ сына выразилось полнѣйшее недоумѣніе.

Да, въ Питеръ, и на долго!

А что, развѣ опять требовать стали?

— Нѣтъ, не требуютъ, Андрей. Я самъ думаю отправлять!

— Твоя воля, батюшка. Коли велишь въ Питеръ ѣхать, я и въ Питеръ поѣду, только, кажись, зачѣмъ бы?

— Зачѣмъ? На службу царскую!

— На службу?

И у сына задрожали уголки губъ.

— Да, на службу. Приходится, видно, и намъ себя закабалить!

Сказавъ это, Василій Дмитріевичъ задумался.

— Что же, батюшка, ты меня въ служилые князья обратить хочешь? сдержанно, но съ нервнымъ раздраженіемъ спросилъ Андрей Васильевичъ.

— Выходитъ, что въ служилые. Что-жъ дѣлать-то, когда время такое?

— Прости, батюшка, ты знаешь, я твой послушникъ, но что же съ тобой случилось? Обнищалъ ты, что ли? Али новая невзгода какая надъ нами стряслась? Али, можетъ, на меня за что гнѣваться изволишь?

— Нѣтъ, Андрей, не обнищалъ я, слава Богу! невзгоды никакой особой также не вижу и сердиться мнѣ на тебя не за что. Ты сынъ мой возлюбленный, мой первенецъ, и о тебѣ первая забота моя. Но вотъ, думаю я, ночей не сплю, все думаю: — видно того время требуетъ, видно воля Божія!

Отецъ опустилъ локти на столъ и положилъ на руки свою голову, перебирая и трепля пальцами свои сѣдые волоса.

Сынъ безмолвно смотрѣлъ на отца, но видно было, какъ щеки и губы его бѣлѣли, глаза покрывались матомъ, кровь отливала отъ лица.

— Слушай, сказалъ отецъ, поднимая голову: — ты молодъ, но уже можешь понять дѣло нашего рода, дѣло князей Задѣпиныхъ! А для рода своего, для нашего славнаго имени, мы себя жалѣть не должны. Ты помнишь дѣда, помнишь послѣднія слова его?.. Теперь спрашиваю: чѣмъ и какъ мы можемъ возвысить свой родъ? Смотри кругомъ, что видишь? Все бьется, мечется, идетъ впередъ. Одни мы стоимъ и ясно, отстаемъ. Все стремится къ сближенію, къ объединенію. Всѣ понимаютъ, что въ единствѣ — сила. Мы только стоимъ за раздѣльность, за особенность, стоимъ за прошлое. Есть ли возможность, чтобы мы побороли всѣхъ, а главное, побѣдили время, которое, видимо, не за насъ? По моему, нѣтъ. Ты какъ думаешь?

— Я, батюшка, объ этомъ никогда не думалъ, отвѣчалъ скромно князь Андрей, — но когда ты спрашиваешь, само собою думается, одному всѣхъ не побороть.

— А теперь мы именно почти одни. Правда, есть еще нѣсколько отраслей нашего же дома..., но все это капля въ волнахъ нашей Волги. Да и тутъ, смотря на эти отрасли, право подумаешь, что и монахъ, и паломникъ правы. Они оба, будто согласившись, говорятъ: началомъ такой особности рода Рюриковичей была гордость, а продолженіе ея до нашего времени — дикость и лѣность.

Сказавъ это, Василій Дмитріевичъ легонько ударилъ по лежавшимъ передъ нимъ столбцамъ рукописей.

Сынъ молчалъ.

— А поднимается ли, возвышается ли имя, разцвѣтаетъ ли родъ отъ лѣности и дикости? Разумѣется, нѣтъ! Поэтому, по неволѣ подумаешь, не правъ ли былъ князь Ромодановскій, когда говорилъ онъ твоему дѣду, моему отцу: «эхъ, князь, пролитое полнымъ не бываетъ, выше лба уши не ростутъ! Прошлое ушло, надо начинать съизнова!»

Сынъ молчалъ, стараясь угадать, что̀ разумѣетъ подъ всѣмъ этимъ отецъ.

— А если Ромодановскій правъ, продолжалъ Василій Дмитріевичъ: — то какъ же не сказать, что видно не летать кулику яснымъ соколомъ, не сіять княжеству Зацѣпинскому своимъ собственнымъ, родовымъ свѣтомъ! Время не то. Будутъ или нѣтъ князья Зацѣпины великими людьми, но уже не въ прежнемъ своемъ величіи, а въ новомъ порядкѣ дѣлъ.

— Что же дѣлать, батюшка?

Что дѣлать, по моему — ясно. Склониться передъ временемъ, или время насъ сокрушитъ.

Онъ оперся на столъ и замолчалъ. Потомъ сталъ говорить тихо, медленно, какъ бы съ трудомъ разжевывая свои слова.

— Около трехсотъ лѣтъ стоимъ мы особнякомъ на русской землѣ. Мы держались твердо: никакія невзгоды не сломили насъ, никакія несчастія не унизили. Ни въ чемъ не положили мы прорухи роду своему, ни передъ кѣмъ не склонились, ни въ чемъ не уступили. До того, мы грудью служили русской землѣ, устрояя и защищая ее отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Младшая отрасль колѣна Мономахова, мы стали въ главу своего дома и

руководили имъ, обороняя родную землю съ востока, тогда какъ князья другихъ отраслей нашего же дома, наши родичи и кровные, по нашему указанію и съ нашею помощью, отстаивали западъ. Тогда былъ страшенъ востокъ. Оттуда шли враги наши, орда за ордой, какъ волна за волной. Нужно было мощно разить ихъ, чтобы прикрыть землю русскую. Такъ и разили ихъ предки нашихъ пращуровъ, князья Юрій Владиміровичъ Долгорукій и Андрей Юрьевичъ Боголюбскій. Но возвышая такъ себя и родъ свой и получивъ преобладаніе надъ всею Русью какъ великіе князья, отрасль дома нашего, наши предки не смирили страстей своихъ. Не побѣдили они себя, какъ побѣждали враговъ земли русской. Они забыли завѣтъ Ярослава, быть для князей братьями, а для народа отцами. И Богъ за то наказалъ ихъ, какъ наказалъ Богъ до того другія отрасли рода нашего, лишая ихъ власти и наслѣдія, подводя ихъ подъ руку нашу, или, еще хуже, подчиняя пришельцамъ чуждымъ, желавшимъ искоренить даже самое имя русское. Мы не хотѣли внимать внушенію Божію; мы грѣшили сугубо, чувствуя силу свою; грѣшила съ нами и вся Русь. Богъ прогнѣвался и наслалъ на Россію татарскій погромъ, погромъ страшный, неожиданный. Князья встрѣтили врага грудью, легли цѣлыми поколѣніями, защищая свободу и цѣлость земли русской, но воли Божіей не преступишь и не перейдешь предѣла, положеннаго гнѣвомъ Его. Началось иго татарское. Русская земля стонала стономъ, жертвуя трудомъ и кровью сыновъ своихъ, красотою дочерей и гордостью князей своихъ. Смирилась Русь передъ волей Господа. Съ колѣнопреклоненіемъ и слезами припала она къ престолу Божію, моля о грѣхахъ своихъ. Не смирился только гордый родъ нашъ. Опираясь на татаръ, онъ началъ тѣснить народъ свой и повѣдать самъ себя скорѣе и сильнѣе, чѣмъ онъ это могъ бы, опираясь только на свои дружины. Татаринъ былъ всегда татаринъ. Онъ говорилъ: какое мнѣ дѣло до твоего народа? Собирай и заставляй, а мнѣ подавай готовое! Ты князь, ты и княжи. Головъ людскихъ жалѣть нечего. Коли сила не беретъ, я помогу; а коли ума, да доброй воли нѣтъ, — другаго князя посажу. Вотъ, по этимъ-то словамъ татарскимъ мы и мутили. На народныя же деньги покупали татарскую силу, чтобы давить и

князей, и народъ, все подводить подъ свою высокую руку. А тутъ на западѣ явился новый врагъ, проходимецъ литовскій—Гедиминъ. Погибала земля русская. Замирала ея доблесть и сила, гибли плоды труда ея и разума. Стонала и плакала Русь и молился народъ русскій, слезно молился: да помилуетъ Господь и простить его согрѣшенія! И помиловалъ Господь, простилъ русскую землю. Не помиловалъ и не простилъ Онъ только гордый, славолюбивый и корыстный родъ нашъ. Мы поѣдомъ ѣли другъ друга, тѣсня и крутя народъ свой. Опять младшее колѣно нашей отрасли, отъ послѣдняго сына святаго князя Александра Ярославича Невскаго, московскій домъ Ивана Даниловича Калиты, взялъ верхъ. Московскіе князья, наши родичи и близкіе, стали врагами нашими кровными, врагами хуже злой татарвы. Они поѣли насъ всѣхъ, и сгубили тѣмъ и волю русскую, и силу славнаго рода нашего. Зацѣпины держались долго. Но вотъ и нашъ часъ насталъ. Сила московская стала кругомъ... Отъ поселковъ новгородскихъ и отъ родичей ярославскихъ, отъ Галича и Бѣлозерска, до Хвалынскаго и Казани, кругомъ обошли Зацѣпинскъ московскіе полки. Кажись, нужно было бы дружно стать, но и тутъ распри и ссоры, какъ бы наслѣдіе Всеволода—Большаго гнѣзда, не покинули насъ. Наши младшіе братья, удѣльные князья княжества зацѣпинскаго, всѣ покинули насъ и приняли сторону Ивана московскаго, который началъ уже себя царемъ величать. Что было дѣлать? Пришлось уступить!

Молодой человѣкъ, который до того молчалъ и слушалъ, вдругъ вспыхнулъ и вскочилъ. Глаза его сверкнули; правая рука судорожно сжалась въ кулакъ.

— Какъ уступить, батюшка? Развѣ нельзя было обороняться? Развѣ нельзя было шагъ за шагомъ отстаивать родную землю и наше родовое право? Развѣ нельзя, наконецъ, было умереть, какъ рязанскіе князья умерли, когда татары пришли, и какъ послѣ легли Зацѣпины на Куликовскомъ полѣ, отстаивая землю свою? какъ ты мнѣ самъ же разсказывалъ. Не считай меня хвастуномъ, отецъ, но я ни за что бы, кажется...

— Ты сталъ бы драться? Хорошо! Но къ чему бы это повело? У насъ, если бы собрали стараго и малаго, не набралось бы и двадцати тысячъ ратниковъ, а Москва выставила рать во сто тысячъ,

да наши же удѣльные князья къ ней тысячъ десять привели. Потомъ—у насъ и тысячи самопаловъ не было, а московская рать вся шла съ огненнымъ боемъ. Пушекъ у насъ было двѣ, а у Москвы больше сотни. Куда же бы мы ушли съ своею защитою? Къ чему бы привели свое княжество? Только къ одному разгрому, одному разоренію и своей собственной гибели! Москва не только сожгла бы наши села и поселки, не только развѣяла бы по вѣтру города и посыпала бы пепломъ луга и пажити наши, но она вырвала бы съ корнемъ, уничтожила бы все, что только могло напоминать имя князей Зацѣпиныхъ. Она уничтожила бы все лучшее, все дорогое намъ, все, что мы любили! Нѣтъ, Андрей, это было бы не дѣло разума! Тамъ, гдѣ сдѣлать ничего нельзя, пустая отвага не помогаетъ, а губитъ. Монахъ правъ, говоря: тутъ нуженъ былъ разумъ!.. Вотъ, видишь, до насъ еще, былъ сильный и могучій князь Дмитрій Юрьевичъ Шемяка. Зацѣпины хоть по роду были и старше, но считались его удѣльными. Къ московскому дому онъ былъ ближе насъ и сильнѣе насъ. Онъ вздумалъ идти противъ Москвы. И чѣмъ же кончилось? Онъ умеръ одинокимъ и отравленнымъ въ Великомъ Новгородѣ; внуки его гдѣ-то шлялись между ляхами, а потомъ, въ концѣ концовъ, должны были ударить челомъ тому же князю московскому. Гдѣ они теперь, Богъ ихъ вѣдаетъ! Ни слуху ни духу! Да кто и думаетъ теперь о Шемячичахъ. Предокъ нашъ, князь Данило Васильевичъ, по-истинѣ, былъ умный человѣкъ. Онъ понялъ дѣло какъ есть и видѣлъ, что никакая отвага не поможетъ противъ силы, потому и рѣшилъ мириться, уступить. Онъ думалъ: «ну чтожъ, носи въ груди свое право, сохраняй его, думай, помни всегда, что ты есть, но склоняйся, уступай, когда силы нѣтъ. Ищи себѣ этой силы, ищи вездѣ! Когда найдешь,—другое дѣло; бери что твое!» Съ такими-то мыслями князь Данило Васильевичъ и сдалъ городъ Зацѣпинскъ и свое княжество на договоръ князю московскому; при этомъ было выговорено, что мы сдаемъ княжество подъ высокую руку князя московскаго, отдаемъ на его волю судъ и расправу, передаемъ всѣ мыты и пошлины, выѣзжаемъ сами изъ стольнаго своего города, но, подчиняясь его высокой волѣ, какъ младшіе братья, сохраняемъ полную свою свободу и независимость, считаемся князьями и его братьями, имѣемъ право отъѣзда, въ Зацѣ-

пинскѣ между лучшими людьми считаемся первыми, собираемъ и предводимъ зацѣпинскою ратью въ случаѣ, если московскій князь ее потребуетъ. Имѣнія наши остаются за нами, а взамѣнъ уступаемыхъ сборовъ, князь награждаетъ насъ особыми вотчинами. При пріѣздѣ въ Москву, мы приглашаемся къ его великокняжескому столу и въ думу для обсужденія нуждъ Зацѣпинскаго княжества и имѣемъ по немъ неотъемлемое право представительства. Въ случаѣ пріѣзда нашего въ стольный городъ свой, жители его обязаны отдавать намъ наши княжескія почести. Владыко долженъ встрѣтить насъ съ причтомъ и крестомъ при колокольномъ звонѣ, а горожане поднести хлѣбъ-соль, по обычаю. Помѣщеніе намъ отводитъ городъ, какъ бы и самому князю московскому, а воевода великокняжескій, во время пріѣзда, состоитъ въ нашемъ распорядкѣ, съ тѣмъ, что мы не отмѣняемъ ничѣмъ повелѣній князя московскаго. Однимъ словомъ, было оговорено все, что̀ клонилось къ чести и славѣ нашего рода; къ сохраненію памяти о правахъ его на зацѣпинское княженіе, и о его родовомъ достоинствѣ изъ вѣка въ вѣкъ.

— И сдали княжество? задумчиво спросилъ князь Андрей Васильевичъ.

— И сдали! Да подумай; спустя мало времени, противъ Москвы ни Великій Новгородъ, ни Тверь не устояли, гдѣ же было устоять тутъ Зацѣпинску? Нѣтъ, про Данила Васильевича, нашего пращура, можно было только сказать, что Богъ просвѣтилъ очи его и онъ сдѣлалъ то, что могъ сдѣлать, желая сохранить значеніе и славу рода нашего знаменитаго. Миръ праху его и вѣчная ему память! Благодаря ему, мы до сихъ поръ были независимы, могли бороться и силу искать, а то бы, опять скажу: вспомни Шемячичей! А Шемяка, князь галицкій, звенигородскій и дмитровскій, по силѣ своей и богатству, былъ далеко не то, что мы, да и Москва тогда была послабѣе. Но онъ палъ отъ того, что не сообразилъ. Мы сообразили, склонились, и вотъ держались независимо до сихъ поръ.

По этому договору князь Данило выѣхалъ изъ Зацѣпинска и основалъ это наше село Зацѣпино. Здѣсь онъ жилъ, здѣсь и умеръ, не верстаясь ни съ кѣмъ и не служа никому. Послѣ него остались три сына: князь Григорій удалая голова, князь Ѳедоръ и князь Дмитрій. Князь Дмитрій умеръ бездѣтнымъ, князь Григорій, по

требованію Москвы, водилъ по договору зацѣпинскую рать къ Казани, основалъ Свіяжскъ и при этомъ сложилъ свою голову. Сынъ его, князь Данило, княжилъ на Вохтомѣ, оставилъ сына тоже Данилу, но тотъ съ дѣтства росъ постникомъ и молчальникомъ и съизмала клонился къ отшельнической жизни. По смерти отца, онъ пошелъ въ монастырь. Остался изъ князей Зацѣпиныхъ одинъ Ѳедоръ. По смерти отца онъ тоже жилъ въ Зацѣпинѣ, въ служилые князья не поступалъ, ни съ кѣмъ не верстался и никому ни въ чемъ не уступалъ. Также особнякомъ жилъ и сынъ его, Юрій Ѳедоровичъ, князь суровый и гордый. Когда разъ, по какому-то дѣлу, онъ пріѣхалъ въ Москву и царь Василій Ивановичъ, исполняя точно договоръ отца, позвалъ его къ своему столу, то, по указанію самого царя, онъ занялъ первое мѣсто подлѣ него самого. А когда хотѣлъ было возстать противъ того князь Василій Семеновичъ Одоевскій — бывшій уже въ служилыхъ — доказывая, что колѣно Святослава Ярославича, третьяго сына Ярослава, по мѣсту должно быть поставлено выше колѣна Всеволода Ярославича, его четвертаго сына, то государь указалъ быть безъ мѣстъ. Одоевскій забылъ или хотѣлъ забыть, что уже правнуки Святослава Ярославича были въ ряду изгойныхъ князей, владѣли Черниговомъ лишь на правѣ удѣльныхъ и въ версту не шли. Колѣно же Владиміра Мономаха искони сидѣло на великокняжескомъ столѣ. Царь московскій былъ нашимъ родичемъ и того же колѣна. — «Ты этакъ выше меня сѣсть захочешь», сказалъ царь князю Одоевскому и выдалъ его князю Юрію Ѳедоровичу головою. Но суровый предокъ нашъ даже и не вышелъ къ нему: дескать, на слугу сердиться нельзя!.. Дѣти Юрія Ѳедоровича остались послѣ отца малолѣтними, старшіе умерли при жизни отца. Мать ихъ, изъ рода князей Бѣлозерскихъ, была нашего же рода—мы больше все женились на своихъ—и также принадлежала къ роду неслужилыхъ князей, воспитывала дѣтей своихъ въ тѣхъ же мысляхъ. Выростая, они знали, что имъ принадлежитъ Зацѣпинскъ, а двоюроднымъ братьямъ ихъ—Бѣловерскъ, и что эти родовые стольные города ихъ отняты московскими князьями силою, а не правомъ. Выросли они и въ версту не встали, на службу не пошли. Они такъ же думали, какъ прадѣдъ ихъ князь Данило, дѣдъ князь Ѳедоръ и отецъ князь

Юрій, какъ потомъ думали потомки ихъ, мой пращуръ, пра-прадѣдъ, прадѣдъ, дѣдъ, наконецъ, отецъ мой и всѣ Зацѣпины, да и не одни Зацѣпины, но и другія отрасли славнаго нашего дома Рюриковичей. Такъ же думалъ и я до сихъ поръ: дескать, ну, Москва одолѣла, хорошо! Будемъ молчать и терпѣть, а въ версту не пойдемъ, служить не станемъ. Богъ дастъ случай и наша возьметъ! Возьмемъ тогда себѣ то, что наше, и будемъ княжить по Божьему промыслу. Велика была сила татарская, думали мы, и ту Богъ смирилъ, по своей великой благости; такъ что-жъ тутъ говорить о гордынѣ дома московскаго! Не хотимъ разути рабынича; мы братья, а не слуги ему! Такъ думали не только мы, князья Зацѣпины, старшая вѣтвь дома Юрія Владиміровича отъ старшаго внука его Константина Всеволодовича, не только другія вѣтви нашего же дома, но чуть не всѣ Рюриковичи, у кого Москва отняла ихъ княжества, послѣ того уже какъ намъ не страшна стала сила татарская. Князья Мосальскіе, Елецкіе, Горчаковы, Звенигородскіе, Шистовы, Звѣнцовы, Ромодановскіе, потомки разныхъ колѣнъ и отраслей, точно такъ же, какъ и наша линія московскихъ князей: Ростовскіе, Щепины, Бѣлозерскіе, Шелешпанскіе, Вадбольскіе, Кубенскіе, Ухтомскіе, Сугорскіе и другіе, прямые потомки Всеволода Юрьевича Большаго гнѣзда, родичи и наслѣдники Андрея Юрьевича и Александра Ярославича — всѣ думали одинаково, стояли особнякомъ, въ служилые не шли, въ версту не становились, ни въ чемъ новшествъ московскихъ не поддерживали и отъ старины не отходили. Всѣ они думали: «посмотримъ, что будетъ! Не нами свѣтъ начался, не нами онъ и кончится, а не становясь въ версту, помня только родъ, ясно что верстаться съ собою мы никого и не допустимъ!»

Они всѣ, какъ и мы, не прочь были служить русской землѣ и признавали велико-княжескій стягъ московскій, какъ стягъ старшаго брата, которому всѣ, по завѣту Ярослава, обязаны послушаніемъ; но они хотѣли видѣть въ немъ старшаго между равными, хотѣли видѣть родоваго представителя самихъ себя, а не ихъ судію, распорядителя, царя, передъ властью котораго должны склоняться одинаково и князь, и смердъ, и который каждому указуетъ мѣсто по своему разуму. Такимъ татарскимъ ханомъ никто изъ насъ не хотѣлъ его признавать. Между тѣмъ Москва именно требовала,

чтобы глава ея былъ царь, самодержавный и великій, чтобы ни родъ, ни достоинство не смѣли уже поднимать передъ нимъ своего голоса, чтобы мѣсто каждаго опредѣлялось исключительно службой ему.

Ясно, что сойтись съ этимъ взглядомъ мы не могли. Поэтому стояли особнякомъ; жили въ своихъ вотчинахъ; водили иногда по договору свои земскіе полки, когда собиралась рать; по особому наказу, принимали подъ свой надзоръ и защиту тѣ или другіе города, но въ московскую службу не шли, ярмо на себя не надѣвали...

Между тѣмъ нацлись наши же родичи, свѣтлаго же дома Рюриковичей родовые князья, особенно изъ тѣхъ, которые потеряли свои княжества во время самаго погрома татарскаго или были вытѣснены съ своихъ столовъ литовскими князьями Гедиминомъ и Ольгердомъ, также дѣти удѣльныхъ князей самаго московскаго княжества, которые думали по другому. Видя, что Москва все ширится и растетъ, и что самыя княжества ихъ слились уже съ ея силою и объединились съ нею душевно, они отказались отъ своихъ родовыхъ правъ и стали подъ стягъ московскихъ князей. Московскіе князья приняли ихъ милостиво и зачислили въ число своихъ приспѣшниковъ—служилыхъ князей. Князья Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣльскіе, Вяземскіе, Мстиславскіе, Оболенскіе, Шуйскіе, вмѣстѣ съ Гедиминовичами, обиженными при раздѣлѣ своими братьями: Патрикѣевыми, Голицыными, Куракиными, Хованскими, наконецъ и Трубецкими, (послѣдніе удѣльные князья были) приняли московскій порядокъ, взялись нести рядовую службу съ московскими боярами, окольничими и другими служилыми людьми, становясь разумѣется, тѣмъ съ ними въ версту. Они верстались съ Годуновыми, Собакиными, Юрьевыми, Морозовыми, Татевыми, Образцовыми, Ряполовскими, Мамоновыми, Бутурлиными, Шереметевыми и другими, не только искони слугами нашего предка князя Юрія Владиміровича Долгорукова и потомковъ его, но даже съ слугами ихъ слугъ. Нельзя не сказать, чтобы изъ нашихъ вѣтвей не было уже никого, кто бы не соблазнился корыстью московскою, особенно изъ младшихъ, обѣднѣвшихъ вѣтвей. Но такія исключенія были столь рѣдки и происходили столь случайно, что о нихъ нечего и говорить. Ты отъ юныхъ ногтей твоихъ знаешь, что ты князь Зацѣпинъ, независи-

мый родовой княжичъ славнаго дома Рюрика, дома, княжившаго на Руси семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ и не верставшагося ни съ кѣмъ въ мірѣ. Ты знаешь, что твой отецъ, дѣдъ и прадѣдъ и всѣ Зацѣпины всегда высоко держали стягъ свой и ни передъ кѣмъ не склоняли чела, ни съ кѣмъ не становились въ версту. Они признавали и признаютъ московскаго князя старшимъ, хотя онъ и молодшей отрасли. Но старшимъ, какъ избранника рода, получившимъ старшинство по договору, какъ получилъ его Андрей Боголюбскій,—старшимъ между равными братьями своими; и они признавали его своимъ отцомъ-покровителемъ, а не судьею и царемъ.

При московскихъ царяхъ насъ и не тревожили, оставляли думать какъ мы хотимъ и стоять отъ всего особо. Но вотъ, когда Богъ наказалъ московскій домъ за гордость и обиду братьевъ его, когда царь Иванъ собственноручно убилъ своего сына—царевича и наслѣдника, другой умеръ бездѣтнымъ, а третій младенцемъ сгибъ отъ злодѣйской руки, и стали править Москвою иные люди, тогда началась смута, которая кончилась общимъ избраніемъ въ цари Романова-Юрьева, то привязались и къ намъ. Нашъ пращуръ, правнукъ князя Юрія Ѳеодоровича, внука Данилы Васильевича, сослался на договоръ, но ему отвѣчали, что теперь нѣтъ князя московскаго, а есть вѣнчанникъ Божій, народомъ избранный и волею Божіею благословенный, самодержавный государь и царь, всея Русскія земли верховный повелитель, которому повиноваться, не только за страхъ, но и за совѣсть, самъ Богъ повелѣваетъ! Не смотря однакожъ на то, при первыхъ царяхъ изъ дома Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ намъ удалось отстоять себя. Мы тоже въ версту не встали. Но при Петрѣ Великомъ, ты знаешь, что твоему дѣду, а моему отцу, пришлось прежде всего пожертвовать своимъ сыномъ, твоимъ роднымъ дядею, княземъ Андреемъ, а потомъ вынести тяжкую борьбу за себя и меня, за весь родъ свой. Ты знаешь, сколько перенесли мы, сколько пришлось намъ бороться! Ну что-жъ, бороться такъ бороться! Мы отъ борьбы не прочь. Я и тебя благословилъ бы мой сынъ на борьбу за славный родъ нашъ, за его величіе и славу. Но вотъ въ чемъ вопросъ: на пользу-ли борьба-то? На благо-ли и величіе нашего рода, на прославленіе-ли нашего имени? Ну что если на гибель? Эта мысль мучитъ, томитъ

меня, не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и уже не первый годъ!... Я все думаю: по завѣту отца, дѣда и прадѣда, наконецъ, по моему крайнему разумѣнію, я долженъ заботиться о томъ, что для меня дороже жизни, дороже счастія вашего, дѣтей моихъ, — о возвышеніи, укрѣпленіи, возвеличеніи нашего великаго рода, о прославленіи нашего славнаго имени. Что, если я, вмѣсто возвеличенія и возвышенія, уничтожаю его, заставляю его склоняться и падать, какъ на это мнѣ указываетъ самый ходъ жизни, самыя событія прошлаго? Я думаю: мнѣ указали этотъ путь предки наши; но они опредѣлили его сообразно съ ходомъ былой жизни, сообразно съ тѣмъ, что шло передъ ними; я же хочу дѣлать то, что дѣлали они, въ то время, когда вижу, что между нынѣшнимъ ходомъ дѣла и прошлымъ нѣтъ сближенія. Ясно, что одно изъ двухъ: или предки наши ошибались, думая, что нѣмое упорство и сторонность сохранятъ ихъ родовыя права, или теперь, по случаю измѣненія хода дѣлъ, слѣдуетъ принять другой путь возвышенія и возвеличенія. Вѣдь если можно было думать, что, при старой Руси, могъ возстать старый Запѣпинскъ и призвать своихъ князей Запѣпиныхъ съ прежними порядками и обычаями древней Руси, то думать это теперь, когда все стремится къ общенію и объединенію, все равно, что желать, чтобы Волга побѣжала назадъ и чтобы мы, вмѣсто того чтобы старѣться, молодѣть начали. Московское царство съ своими старыми князьями, боярствомъ, прежними обычаями, порядками и обрядностью, перенесенною къ намъ частью изъ Византіи, частью заимствованною отъ татаръ, пожалуй и съ своими стремленіями городовъ, хоть бы и Запѣпинска, занять свое независимое мѣсто среди святой Руси, — было далеко не то, что нынѣшняя имперія съ ея рекрутчиной, солдатчествомъ, нѣмечиной, и всѣмъ, что такъ далеко отводитъ насъ отъ древней Руси, отводитъ отъ прошлаго. Что лучше, Богъ знаетъ! Но оно — не то, оно другое. Стало быть и дѣлать нужно другое, чтобы достигнуть чего либо, что предположено. Прежнее московское царство было для насъ неволя, было иго, такое же иго, какъ и полоненіе татарское. Былъ царь, татарскій ханъ Узбекъ, давившій русскую землю и мучившій ея князей; потомъ сталъ царь московскій Иванъ Васильевичъ Грозный, также угнетавшій землю и уничтожавшій роды князей русскихъ

съ корнемъ, съ чады и домочадцы. Правда, послѣдній былъ христіанинъ, но неволя отъ братней руки тяжче, чѣмъ отъ чужой... Сущность была та же, были гнетъ и неволя. Распадись тогда московское царство, какъ распалась татарская орда, и явилась бы прежняя мономаховская Русь, и возродилось бы княжество Зацѣпинское. Теперь не то. Имперія хотя бы и распалась, останется порядокъ, останется единеніе, и княжеству Зацѣпинскому все равно не быть. Чтожъ тутъ дѣлать, на чемъ остановиться? Въ этомъ колебаніи думы моей, я не признавалъ возможнымъ взять рѣшеніе вопроса на одного себя; я написалъ брату Андрею. Онъ, говорили, тогда въ такомъ ходу былъ, что даже сами нѣмцы передъ нимъ шапку ломили и кланялись; сказывали, настоящій бояринъ былъ; говорили, что его много и на верху слушаютъ. Я отъ него ничего не хотѣлъ, кромѣ совѣта. Напротивъ, готовъ былъ ему отъ сердца помочь, по завѣту отца нашего, зная, что онъ послѣ отца не получилъ и пятой доли того, чѣмъ отецъ благословилъ меня. Я хотѣлъ только, чтобы онъ высказалъ: что должно дѣлать теперь съ вами, на что направить, и чему научить.

Я винилъ себя передъ братомъ, что не писалъ къ нему прежде, но объяснялъ, что это произошло не отъ того, чтобы я не помнилъ о немъ, но отъ того, что, по родовому обычаю нашему, полагалъ что онъ вспомнитъ о своемъ старшемъ братѣ, который долженъ заступать своему роду мѣсто отца. Писалъ, что не кичусь старѣйшинствомъ, но желаю выполнять свои обязанности въ разсужденіи всѣхъ, и желаю отъ всѣхъ, и отъ него особенно, братской любви и добраго совѣта. Просилъ его написать о нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ и о томъ, что дѣлать мнѣ съ дѣтьми, будущими представителями рода князей Зацѣпиныхъ. Наконецъ, спрашивалъ, не нуждается-ли онъ, и не могу-ли я помочь ему по силамъ. Вотъ что онъ мнѣ отвѣчалъ:

«Сіятельный князь и мой
многолюбезный и дорогой братъ!

Благодарю васъ, многолюбезный сіятельный мой братъ, за ваше любезное письмо, которое я получилъ и усвоилъ. Я не писалъ къ вамъ, потому что не зналъ, какъ вы изволите смотрѣть на насъ, новыхъ людей, съ бритыми подбородками и въ французскихъ каф-

танахъ. Очень радъ, видя изъ письма вашего, что вы тоже полагаете, что нельзя цѣлый вѣкъ медвѣдями жить. Безъ всякаго сомнѣнія, перво-на-перво любезнымъ племянникамъ моимъ нужно образованіе. Безъ образованія нонче человѣкъ, хотя бы онъ былъ даже князь Зацѣпинъ, не имѣетъ никакого аванса для успѣха въ свѣтѣ и передъ прекраснымъ поломъ, около котораго весь свѣтъ вертится и который всѣмъ располагаетъ. При образованіи же, нѣтъ сомнѣнія, князья Зацѣпины не ударятъ лицомъ въ грязь и займутъ надлежащее мѣсто при нынѣшнемъ роскошномъ дворѣ, который дорожитъ умными и пріятными людьми почти столько же, сколько и всемилостивѣйшій покойный французскій король, отыскивавшій вездѣ все, что могло усилить блескъ его двора. За предложеніе помощи благодарю, и хотя точно я получилъ отъ покойнаго отца нашего несравненно менѣе, чѣмъ онъ наградилъ васъ, но, благодаря милости ко мнѣ обѣихъ императрицъ, я ни въ чемъ не нуждаюсь. Правда, что въ настоящее время въ Петербургѣ жизнь такъ дорога, что денегъ выходитъ страшно много, но все же, при своей умѣренности и какъ человѣкъ не семейный, я свожу концы съ концами и не позволю себѣ лишать васъ, сіятельнѣйшій братъ мой, тѣхъ средствъ, которыя вамъ необходимы, чтобы дать дѣтямъ своимъ, моимъ милымъ племянникамъ, надлежащее воспитаніе. Что же касается Зацѣпинска и тѣхъ объясненій и намековъ, которые вы изволите дѣлать о прошломъ нашей фамиліи, то скажу, что и при другихъ дворахъ есть тоже знатныя фамиліи, которыя однакожъ не думаютъ, чтобы можно было опять стать тѣмъ, чѣмъ были. Какъ бы, я думаю, смѣялся Кресси или Монморанси, если-бы при Людовикѣ XIV имъ сказали, что они должны думать о возстановленіи своихъ княжествъ. Предлагая, съ своей стороны, свой домъ и всего себя къ вашимъ услугамъ, если надумаете пріѣхать сами или прислать въ Петербургъ моихъ племянниковъ, съ полнымъ почтеніемъ къ вамъ, сіятельнѣйшій и многолюбезный братъ мой, остаюсь всегда вашимъ

Кн. А. Зацѣпинъ».

Вотъ это письмо. Братъ учитъ меня, что есть и въ другихъ земляхъ князья, не думающіе о своихъ княжествахъ. Я это зналъ и безъ него; есть такіе и у насъ, какъ уже я говорилъ. Но тамъ они

были князьями силою, захватомъ, завоеваніями, а мы по роду, призванному народомъ и утвердившемуся милостью Божіею. Въ этомъ колебаніи поѣхалъ я помолиться въ нашу зацѣпинскую пустынь и зашелъ къ отцу Ѳерапонту. Помолившись съ нимъ, я и говорю: отецъ, разрѣши мои мысли, мои колебанія, мою борьбу.

Отецъ Ѳерапонтъ, несомнѣнно разумный и праведный человѣкъ. Онъ и говоритъ въ отвѣтъ мнѣ:—«Князь, не дано намъ, грѣшнымъ смертнымъ, силы измѣнять кровныя желанія свои иначе, какъ по волѣ Божіей. Но вотъ изъ нашей монастырской книжницы принесли мнѣ на-дняхъ нѣсколько свитковъ. Разбирались тамъ, въ порядокъ приводили. Больно уже запущено было! Свитки эти говорятъ о жизни древней Руси, поэтому всѣ до одного касаются твоего славнаго рода. Одинъ изъ нихъ написанъ предкомъ твоимъ, княземъ Даниломъ Даниловичемъ, правнукомъ того самаго Данила Васильевича, который сдалъ Зацѣпинскъ московскому царю Ивану. Онъ вѣдь святой жизни человѣкъ былъ и умеръ схимникомъ въ здѣшней обители. Прочти-ка ты его, да и другіе свитки. Не просвѣтитъ-ли Богъ твои очи? Правда, свитокъ князя Данила очень попорченъ, мыши должно быть тронули; но все же въ немъ много такого, что прямо идетъ къ твоимъ колебаніямъ. А вотъ еще свитокъ новгородскаго паломника. По моему, тоже прямой отвѣтъ на вопросъ твой! Прочитай, подумай, помолись, и Богъ вразумитъ тебя!»

И много разъ читаю я, и все еще колеблюсь, все боюсь. Вотъ я и позвалъ тебя, Андрей, нужно вмѣстѣ обсудить. Вотъ эти свитки. Прочти и скажи, что Богъ на душу положитъ. Насъ пока не тревожатъ, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ-ли намъ самимъ сказать: «Да! выше лба уши не ростутъ! Что было — прошло, а нужно думать о будущемъ!» Это тѣмъ важнѣе, что въ неслужилыхъ остаемся чуть-ли не мы одни. Ромодановскіе, Бѣловерскіе, Вадбольскіе, Ухтомскіе, Прозоровскіе и другіе давно служатъ, давно стали въ версту и оставили всякое поползновеніе на старое. Остаемся именно только мы.

И отецъ подалъ сыну рукописи.

Андрей Васильевичъ началъ читать.

V.

Рукопись монаха.

Да благословитъ Господь Богъ мнѣ, многогрѣшному, безвѣстному монаху сея мужскія Зацѣпинскія пустыни, начать правдивое сказаніе о славномъ и великомъ родѣ нашемъ князей Зацѣпиныхъ, ихъ доблести и славѣ, ихъ великомъ служеніи землѣ русской и о грѣхахъ ихъ,—иже бѣ человѣцы!

Именемъ всеславнаго, великаго предка нашего, святаго равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтившаго Русь свѣтомъ евангельской истины, молю: да помогутъ мнѣ и помолятся со мной первые страстотерпцы земли русской Борисъ и Глѣбъ, предки и родичи наши; Ярославъ мудрый, Георгій и Василій, сложившіе свои головы за землю русскую; Михайлы Черниговскій и Тверской и Дмитрій «грозные очи», замученные злобою татарскою! И ты, великій воитель земли русской, Александръ Ярославичъ Невскій, и другіе князья великаго рода Рюрика, родичи и предки наши, угодники Божіи, ихъ же подвиги празднуетъ и славословитъ наша православная церковь! Да вразумитъ и умудритъ меня Господь, правдивымъ словомъ истины, передать славныя дѣла ихъ въ назиданіе и поученіе; да просвѣтитъ Богъ разумъ дѣтей и внуковъ нашихъ, и научатся они въ величіи минувшаго видѣть славу будущаго.

Такъ начиналась рукопись монаха, которую подалъ князь Василій Дмитріевичъ сыну. Князь Андрей читалъ, останавливаясь, по временамъ вдумываясь и выслушивая замѣчанія отца.

— Нѣтъ, не было и не будетъ на свѣтѣ толико славнаго и великаго рода, какъ свѣтлый родъ великаго князя Рюрика, племени Оденова, колѣна Руссова. Призванный княжить среди смутъ великаго Новгорода, передъ тѣмъ только сбросившаго съ себя иго его единоземцевъ, онъ успокоилъ народныя страсти однимъ своимъ именемъ, соединилъ и сблизилъ племена единородныя и не коснулся ни правъ, ни обычаевъ, не тронулъ новгородской вольности, княжа и оберегая ее по своему слову княжьему.

Великъ и славенъ былъ тогда Новгородъ; море близко подходило къ нему. Корабли его свободно неслись по широкому и глубокому Волхову прямо въ море Хвалынское, и шли они къ роднымъ славянамъ: въ Винету и Любечъ Вендскіе, Кролевецъ и Гданскъ Лешскіе, обмѣнивали тамъ труды востока и сѣвера на богатства юга и запада. Амбары ломились въ Новгородѣ отъ накопленныхъ богатствъ, и слава далеко разносила молву объ отвагѣ и досужествѣ его жителей.

Кликнулъ кличъ по новгородской вольницѣ вѣщій Олегъ: кто хочетъ идти съ нимъ прибытка искать? Сбѣжались по слову его удальцы новгородскіе, стали подъ стягъ великокняжескій и много весей и градовъ покорили его мощной длани. Прибилъ Олегъ побѣдный щитъ свой къ вратамъ Царьграда, взялъ въ окупъ много серебра и золота.

Гремѣлъ славой Святославъ великій, очищая землю отъ варваровъ. Хозары, Печенеги и Косоги склонились передъ нимъ. Разметалъ онъ по вѣтру ихъ полчища грозныя, да не тревожатъ русской земли, и пошелъ въ земли дунайскія новой славы себѣ добывать. И все склонилось, все пало передъ русскимъ княземъ, кромѣ греческой хитрости, которая въ теми и пыли точила свое жало, яко змій лукавый, улещая князя рѣчью хитрою и усыпляя ласкою нѣжною. Отъ этой-то хитрости и сложилъ онъ свою побѣдную голову, легъ костьми за вѣрную дружину свою, не посрамивъ земли русскія.

Просвѣтилъ Богъ очи князя Владиміра, осѣнилъ его словомъ истины, и пролилъ онъ на русскую землю свѣтъ евангельскій, исхитивъ души русскія изъ когтей дьявольскихъ, возвысивъ и укрѣпивъ свое княженіе.

Но власть—дѣло опасное. Только Господь Богъ, въ своей великой благости, не искусился властію и сказалъ врагу рода человѣческаго: «отойди отъ меня сатана!» Не таковъ былъ князь Ярославъ. Соблазнился онъ великой силой своей и учалъ въ Новгородѣ свои порядки вводить.

Новгородцы до того не нахвалились своими князьями; глядя на нихъ не нарадовались. Прославляли они и отвагу Святослава, и мудрость Владиміра, готовы были за нихъ свои головы положить.

Но тутъ они смутились. Зачѣмъ, дескать, князь свое слово княжье не держитъ и народныхъ вольностей касается?

И предсталъ передъ нимъ великій новгородскій бояринъ Вадимъ Гостомысловичъ, сынъ Гостомысла Вадимыча, внукъ Гостомысла Гостомысловича, а великій Гостомыслъ приходился ему пращуромъ, и сказалъ ему:

— Княже, почто ты нашихъ вольностей касаешься, почто народъ мутишь? Аще не вѣдаешь: гласъ Божій, гласъ народови; аще мнишь стать выше промысла Божьяго?

Вскипѣлъ князь гнѣвомъ, услышавъ рѣчь боярина.

— Какъ смѣлъ ты, рабъ мой, предстать передъ мои княжьи очи съ дерзкимъ словомъ твоимъ? Какъ могъ ты думать, что стану я слушать смердящій языкъ твой? Ты стоишь лютой казни и всѣ твои содруженники и единомышленники!

Не смутился Вадимъ Гостомысловичъ отъ такой княжей рѣчи и отвѣчалъ тихо, съ подобающею князю честію:

— Княже, не рабъ я твой, а горожанинъ великаго Новгорода, великій бояринъ, потомокъ того боярина, что твоего пра-прадѣда на столъ новгородскій посадилъ. Казни я не боюсь, и за свою голову отъ правды не отойду. Вели меня взять твоимъ приспѣшникамъ, вели казнить меня. Но и среди лютой казни я взгляну ясно въ твои княжьи очи и скажу то, что Богъ положитъ на душу. Скажу, что не попуститъ Господь Богъ нарушить тебѣ клятву отцовскую и твое слово княжее, коли не ради Новгорода великаго, то ради души твоей. А нарушишь ты клятву, князь,—отступится отъ тебя милость Божія!

Мудрому не даромъ Богъ мудрость посылаетъ. Остановился князь въ своей ярости, не велѣлъ казнить Гостомысловича, выслушалъ его рѣчь разумную и сталъ мирно править Новгородомъ. А до того много новгородскихъ головъ погубилъ и семействъ осиротилъ.

Въ это время не стало Владиміра «краснаго солнышка», отца Ярославова. Въ Кіевѣ началъ окаянствовать Святополкъ Окаянный. Задумалъ онъ всѣхъ братьевъ передушить, чтобы и судей его окаянству не было.

И пали первыми отъ злодѣйской братней руки Борисъ Ростовскій, да Глѣбъ Муромскій. Задымилась кровь неповинная хри-

стіанская, яко фиміамъ передъ Господомъ. Очередь за Ярославомъ была.

Тогда возвалъ Ярославъ къ великому вѣчу новгородскому.

— Люди совѣта и разума, мужи новгородскіе! сказалъ онъ,— хотите ли вы, чтобы, среди васъ, князь вашъ палъ отъ злодѣйской руки изверга?

— Княже! отвѣчалъ тогда Вадимъ Гостомысловичъ:—мы, люди новгородскіе, твои люди служилые. Коли нужно, возьми насъ и животы наши, съ радостью положимъ за тебя наши головы. Но и ты, князь, помирволь намъ. Дай намъ твое письменное княжее завѣреніе, за себя и родъ свой, что не коснешься нашихъ правъ и вольностей. Мы будемъ твои слуги вѣрные и печальники. Кормы и поплины собирать будемъ въ казну княжескую бездоимочно. Но пусть княжитъ надъ нами изъ твоего рода тотъ, кто намъ по сердцу.

Задумался князь Ярославъ. И жаль ему разстаться съ властію на всей своей полной княжьей волѣ, да и нужда не за горами стоитъ. Взглянулъ онъ на храмъ св. Софіи, что строить началъ, на церковь Николы Гостунскаго и рѣщилъ дать такое завѣреніе. И стали новгородцы, какъ одинъ человѣкъ, за Ярослава Мудраго, и смирилъ онъ и изгналъ изъ Кіева Святополка Окаяннаго, сгинувшаго потомъ, яко злакъ степной, между Чехи и Лехи.

Сѣлъ на кіевскій столъ князь Ярославъ и правилъ русской землею тридцать три года; порядокъ установилъ, законы далъ и отъ враговъ и внѣшнихъ и внутреннихъ святую Русь защитилъ. Свое слово Новгороду онъ выполнилъ свято, и почило тогда надъ всѣми начинаніями его благословеніе Божіе. Народъ назвалъ его мудрымъ, ибо нѣтъ мудрости выше и побѣды славнѣе, какъ побѣда надъ страстями своими.

Пришелъ и его чередъ отдать отчетъ въ земныхъ дѣлахъ своихъ передъ престоломъ Всевышняго, — предѣлъ его-же не избѣгнеши. Онъ созвалъ дѣтей своихъ, надѣлилъ ихъ каждаго городами и волостями и сказалъ:

— Дѣти и други мои! Чувствую я, часъ смертный приближается, молитесь за меня. Оставляю вамъ землю русскую. Вамъ она и роду вашему, доколѣ солнце не помутится, звѣзды на небѣ не по-

меркнуть, а вы, дѣти, наблюдаете завѣтъ мой. А завѣтъ этотъ въ томъ, что прежде всего помните Бога и законъ отца вашего: храните вѣру православную. Потомъ: любите другъ друга и народъ свой. Не касайтесь народныхъ правъ и вольностей Великаго Новгорода—клялся я въ томъ за васъ душою своею! Пусть старшій между вами будетъ отецъ вамъ. Его слушайте и ему служите, яко-бы мнѣ служили и слушали. А онъ да любитъ васъ, равныхъ между собою молодшихъ братьевъ, аки дѣтей своихъ, аки я васъ любилъ. И будетъ тогда миръ между вами, Божье и мое родительское благословеніе. Аще же кто не послушаетъ или въ чемъ нарушитъ сей завѣтъ мой, не будетъ тому счастія на землѣ. Нѣтъ ему и моего благословенія. Сгинетъ и пресѣчется родъ его, аки плевелъ негодный. Да растутъ и укрѣпляются другія отрасли моего дома, и да прославляютъ онѣ землю русскую.

И долго еще потомъ Ярославъ училъ дѣтей своихъ; говорилъ имъ о народѣ, о заботахъ о немъ и о любви его, когда правда и милость будетъ въ судахъ, а сила и удаль въ его защитѣ. Говорилъ о взаимной любви и единеніи, говорилъ о послушаніи одному старшему. Потомъ еще благословилъ—и скончался праведно.

Вотъ кто были предки и родоначальники наши: Святославъ—удаль и отвага великая, Владиміръ—святость равноапостольная и слава безконечная, и Ярославъ—мудрость праведная! Гдѣ цари земные, которые въ прямомъ, несомнѣнномъ порядкѣ укажутъ на такое же величіе и благость предковъ своихъ?

Только напрасно увѣщевалъ Ярославъ дѣтей своихъ. Не послушали его дѣти и внуки. По смерти его начали ссоры и усобицы, а ухищреніемъ дьявольскимъ явилось и злодѣяніе.

Дяди зазвали къ себѣ на переговоры племянника и, завидуя его силѣ и разуму, вмѣсто привѣта сердечнаго, велѣли схватить его и измѣннически отвести за городъ. На утро просыпается князь связанный и видитъ, что тюремщикъ ножъ точитъ.

— Что ты, злодѣй, меня убить хочешь?

— Нѣтъ, князь, отвѣчалъ тотъ.—Не хотимъ мы тебя убить, ни я, ни дяди твои, а выколемъ тебѣ только очи твои ясные, чтобы не заворно въ нихъ смотрѣть было дядямъ твоимъ.

И повалили несчастнаго князя, тюремщики и сторожа покрыли

его доской, сами сѣли на доску и вырѣзали ему очи его, чтобы не видѣли свѣта Божьяго и не видѣли стыда дядей его.

Наказалъ Богъ злодѣевъ...

Тутъ рукопись перерывалась; видны были неровности въ бумагѣ, склеенной потомъ съ другою бумагою, написанной тою же рукою и составляющей продолженіе, прерванное уничтоженною частью свитка. Князь Андрей остановился.

— Мыши, видимо, выѣли нѣсколько кружковъ столбца, потомъ склееннаго, сказалъ Василій Дмитріевичъ.—Тутъ, по всей вѣроятности, были указанія разныхъ проступковъ рода нашего, проступковъ, вызвавшихъ гнѣвъ Божій. Это я говорю, судя по тому, что сохранилось въ этихъ отрывочныхъ сказаніяхъ. Продолжай. Можетъ, мы далѣе найдемъ то указаніе, которое отыскиваемъ.

Князь Андрей продолжалъ:

— Между князьями рода Ярослава явился одинъ общимъ примирителемъ. Онъ смирилъ гордость строптивыхъ, защитилъ обиженныхъ и оградилъ землю русскую отъ внутреннихъ и внѣшнихъ невзгодъ. Когда князья, благодарные за его подвиги, хотѣли предоставить ему старѣйшество, онъ отказался и указалъ на родовой законъ. Онъ принялъ это старѣйшество только тогда, когда пришло оно къ нему по роду, и первый установилъ и укрѣпилъ между русскими князьями обычай сидѣть въ совѣтахъ на одномъ коврѣ въ признакъ единства рода ихъ, ихъ взаимнаго равенства и единства земли русской. И такова была слава мудрости и отваги его, что императоры греческіе, во славу дѣлъ его, прислали ему знаки царскаго величія. Это былъ въ прямой линіи предокъ предковъ нашихъ—Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ.

Внуку этого славнаго князя, Андрею, сама Пресвятая Богородица указала, гдѣ воздвигнуть храмъ во славу ея. Такова была милость Божія къ дому нашему, таково покровительство Всевышняго, по молитвѣ предковъ нашихъ, святыхъ угодниковъ Божіихъ.

Между тѣмъ усобицы росли и множились въ домѣ Рюриковомъ, но Русь не стонала.

Не стонала потому, что, среди усобицъ своихъ, князья Рюриковичи помнили завѣтъ мудраго своего прадѣда Ярослава великаго—любили народъ свой. Они не касались ни правъ народныхъ, ни его

вольностей и не зорили своего общаго княженія земли русской. Борьба между ними была ссорою семейною. Хотѣлъ кто изъ горожанъ или сельчанъ пристать къ дружинникамъ, шелъ за дружиной и пользовался вмѣстѣ со всѣми плодами побѣды, на счетъ побѣжденнаго; не хотѣлъ—мирно засѣвалъ свои пажити, или занимался рукомесломъ, или велъ торговлю, не боясь расхищенія. Кто бралъ верхъ—княжилъ по старому, по обычаю, бралъ мыты и пошлины, но берегъ землю русскую, не злобилъ народъ, оберегая и охраняя его сообща, какъ положилъ великій предокъ ихъ Ярославъ Мудрый завѣтомъ княженія и силы ихъ.

И не отвращалъ Богъ отъ нашего рода лица своего и хранилъ Онъ насъ по своему великому милосердію.

Но грѣхи людскіе росли и множились по мѣрѣ того, какъ плодился и распространялся родъ нашъ...

Опять перерывъ и склейка столбца. Князь Андрей поневолѣ опять остановился.

— Ты опусти здѣсь эти очерки ссоръ, споровъ и взаимныхъ пререканій, оканчивающихся часто злодѣйствами. Мы, къ сожалѣнію, ихъ знаемъ, сказалъ Василій Дмитріевичъ.—Притомъ же столбецъ тутъ такъ испорченъ, что перерывы безпрестанны, ничего нельзя понять. Переходи къ татарскому погрому, гдѣ у меня синій крестъ поставленъ.

Князь Андрей пропустилъ нѣсколько оборотовъ свертка до синяго креста и продолжалъ:

Княжили тогда на великокняжескомъ столѣ во Владимірѣ два князя, братья родные, Константинъ и Юрій.

Напрежъ сего они вели одинъ съ другимъ усобицу. Отецъ ихъ, Всеволодъ Юрьевичъ «большое гнѣздо» завѣщалъ старѣйшество и столъ свой великокняжескій своему второму сыну Юрію, въ обиду старшаго, Константина, за не Юрій зѣло смышленъ былъ и въ ратномъ дѣлѣ отваженъ, а Константинъ съ молоду былъ хворъ и тѣломъ слабъ. Но правому Богъ помощь; въ усобицѣ Константинъ верхъ взялъ.

Тутъ братья помирились и рѣшили княжить сообща. Правили и княжили дружно, великую силу своему княжеству предоставили. Константинъ скоро умеръ, оставивъ дѣтей на попеченіи брата, и

Юрій, нечего сказать, берегъ ихъ пуще своихъ дѣтей, точно что отцомъ былъ. Старшій изъ нихъ, Василій, подросъ уже и въ разумъ вошелъ. Великій князь хотѣлъ, чтобы новгородцы его своимъ княземъ выбрали.

Новгородцы сгрубили: дескать, воля великаго князя намъ не указъ. Мы князей по душѣ своей выбираемъ и ничьихъ совѣтовъ знать не хотимъ.

Великій князь Юрій Всеволодовичъ разгнѣвался, захотѣлъ смирить Новгородъ.

— Вы сгрубили мнѣ, говорилъ онъ новгородскимъ посламъ:— плачьтесь же на самихъ себя. И сталъ готовить рать.

Тверь разсудила, что коли великій князь Новгородъ возьметъ на всю свою великокняжескую волю, то она промежъ двухъ огней будетъ, и рѣшилась помогать великому Новгороду. За Новгородъ же стали князья полоцкіе и смоленскіе.

Великій князь тоже потребовалъ себѣ помощи отъ князей удѣльныхъ, но тѣ разсудили, что стоять за Владиміръ—значитъ на себя веревку вить, и идти на помощь ему не захотѣли.

Великому князю обидно стало. Онъ писалъ, просилъ, грозилъ— ничто не помогало.

— Своя крыша валится, отвѣчали ему князья:—гдѣ-жъ тутъ думать о чужой?

Дѣлать нечего, пришлось великому князю идти съ одною только своею ратью. А рать была сильная, обученая и держалась въ порядкѣ. Великій князь по истинѣ удалой былъ: умѣлъ и въ мирѣ жить, и войну вести.

Первымъ-на-перво онъ на Тверь бросился, тверскую дружину разгромилъ и городъ занялъ.

Новгородцы видятъ—дѣло худо, съ такою ратью не совладать; замиренья просить стали. Великій князь и слушать не захотѣлъ.

— Напоилъ коней въ Тверцѣ, напою и въ Волховѣ! отвѣчалъ онъ.

Пріѣхалъ тогда къ великому князю князь Михаилъ черниговскій, племянникомъ ему въ шестомъ колѣнѣ приходился, а съ нимъ и архіерей черниговскій Кипріанъ, молять за Новгородъ.

— Не ради супротивства его и строптивости, но ради завѣта великаго предка нашего Ярослава Мудраго, просимъ, государь,

отецъ и старшій братъ нашъ, смѣни гнѣвъ на милость, пощади великій градъ сей, не касайся его вольностей.

Долго не внималъ великій князь словамъ племянница, наконецъ, смиловался, послушалъ, взялъ съ Новгорода богатый окупъ и отдалъ ему вины его.

А князья межъ тѣмъ все вели споры и усобицы, шли всѣ на зло и пагубу, такъ что и разобрать нельзя стало, кто за правду стоялъ, кто за грабежъ бился. За князьями и народъ въ хищность и разбой вдался. Князь придетъ, городъ али село разоритъ, а послѣ него горожане или сельчане въ разбой идутъ и на несожженныхъ и не въ конецъ разоренныхъ справляются. Отецъ шелъ на сына, сынъ на отца.

И прогнѣвался Господь на русскую землю, простеръ Онъ надъ нею гнѣвную длань свою. И словно саранча налетѣла на нее несмѣтная сила татарская.

Шла эта сила съ юга на предѣлы рязанскіе. Словно туча черная небо заволокла; валитъ видимо-невидимо, ломитъ стѣною и развѣваетъ прахомъ все, что встрѣтитъ на пути.

Всполошились рязанскіе князья, ссоры свои забыли и Бога вспомнили. Бросились во всѣ концы искать помощи, прибыли и во Владиміръ.

Зашли въ соборъ, помолились передъ иконою Владимірской Божіей Матери, пошли на дворъ великаго князя.

Идутъ это они промежъ себя, городъ смотрятъ и думаютъ: «хорошъ сталъ Владиміръ, Кіеву въ версту; силенъ и богатъ сталъ нашъ отецъ—старшій братъ, великій князь, поможетъ-ли намъ?»

Взглянули князья и на великокняжескій дворъ; Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ еще устроенъ былъ. Подивились князья искусной работѣ. Зѣло былъ украшенъ художниками греческими. Крыша была червленная, каменная, надъ теремами серебромъ выложена по аспиду, а на углу куполъ церкви Божіей. Кресты и главы на ней отъ золота какъ жаръ горятъ. Окна во дворцѣ косящетыя, и не слюдою, а настоящимъ венеціанскимъ стекломъ затянуты; двери все створчатыя, изъ разныхъ деревъ искусно выдѣланы и рѣзьбою разукрашены; навѣсы на подпоркахъ витыхъ, лазоревыхъ, а по верху-то коньки, пѣтухи и птицы разныя насa-

жены, цвѣты и звѣри невиданные поставлены, а по лѣстницамъ ковры кизылбашскіе разостланы. Все сіяетъ, все горитъ. Большое богатство видятъ.

— Да, коли поможетъ, отстоимъ мы и свитую Русь, и свои княженія. Богатство и сила великія есть! Но гдѣ же князь отецъ—старшій брать?

— Съ утра онъ прохладиться охотой поѣхалъ, да въ село свое Боголюбское заѣхать хотѣлъ.

— Какъ же... И остановились князья съ разинутыми ртами передъ княжескимъ приспѣшникомъ, который передъ ними въ сѣняхъ стоялъ, и понурили головы.—Какъ же теперь ему знать-то дать, что вотъ вѣдь татарва лѣзетъ, все какъ солому гнетъ?

— Спокойны будьте, свѣтлые князья, говоритъ приспѣшникъ.— Онъ скоро будетъ. Къ вечеру безпремѣнно воротится. А самъ улыбается, зло такъ улыбается приспѣшникъ въ своемъ греческомъ хитонѣ какомъ-то, золотымъ шнуромъ обложеннымъ, будто въ карманѣ кукишъ кажетъ.

Пошли князья на постоялый дворъ. Тяжело было на душѣ ихъ. Не къ брату, значитъ, и отцу пріѣхали, а къ своему князю-властителю, передъ которымъ склонись прежде, чѣмъ твою мольбу онъ слушать станетъ.

— Ну что-жъ дѣлать-то? Вѣдь бѣда на вороту виситъ, по-неволѣ поклонишься.

Однакожъ сутокъ не прошло, какъ пріѣхалъ къ нимъ отъ великаго князя бояринъ, да такой ласковый, съ такимъ лицомъ радостнымъ. Онъ говорилъ, что великій князь очень жалѣетъ, что его молодшіе братья, рязанскіе князья, должны были на постояломъ стать, будто для дорогихъ гостей у него и избы нѣтъ. Потому, какъ воротился съ охоты, велѣлъ къ себѣ звать.

Ввели князей въ палаты великокняжескія; богатыя палаты, что и говорить! На что ни взглянешь, вездѣ золото, да камни самоцвѣтные; вездѣ богатство разсыпано. Привели въ палату по-богаче, просятъ подождать—дескать, великій князь сейчасъ выйдетъ. А ласковый бояринъ такъ вьюномъ и вьется, сладкія рѣчи говоритъ.

— Дескать, великій князь съ охоты-то въ мыльню пошелъ, измаялся за ночь, на кабана попалъ. А ужъ никакъ онъ утерпѣть не

мотъ, чтобы за вами не послать. Какъ, дескать, мои молодшіе братья, сѣмя старшаго сына предка нашего Ярослава Мудраго, Святослава Ярославича, что пра-прадѣду моему Всеволоду Ярославичу роднымъ братомъ былъ—и на постояломъ дворѣ. А я ничего не знаю. Бѣги, говоритъ, Романъ, проси! Скажи—нетерпѣливо жду, обнять хочу!

Не больно, однакожъ, нетерпѣливо. Съ часъ прошло, а его все не было. Дѣлать нечего—ждутъ.

Старшій великій князь рязанскій Юрій Игоревичъ, ужъ сѣдой старикъ, въ рукахъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ держитъ; у втораго—рыба большая тоже на блюдѣ лежитъ и жабрами шевелитъ, значитъ, дышетъ еще; у третьяго князя барашекъ на золотомъ шнуркѣ блеетъ, а на плечѣ его княжескомъ шкура медвѣжья виситъ. На дворѣ стоитъ буйволъ рязанскихъ лѣсовъ, пара коней дикихъ, кабанъ скованный, мѣха разные. Все это достатки земли рязанскія, приносимыя князьями въ даръ своему старшему брату и отцу, великому князю всея Руси, князю владимірскому, суздальскому, ростовскому, кіевскому и нижегородскому.

Стоятъ князья и ждутъ. Отъ скуки палату оглядываютъ. Горница большая; окна на обѣ стороны. Между окнами ковры, а по коврамъ оружіе развѣшано. И какого оружія тутъ нѣтъ? И стрѣлы, и копья, и бердыши, и мечи булатные. Виситъ тутъ мечъ и богатыря русскаго Добрыни Никитича. А вотъ копье Мстислава Удалаго. Копья, бердыши, топоры и сѣкиры косожскіе, половецкіе и печенежскіе, что прадѣдъ великаго князя, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, съ бою отнялъ. А тутъ, возлѣ, мечи, самопалы, шлемы и кольчуги болгарскіе и византійскіе, также и нѣмецкой земли, изъ Пскова вѣрно привезены; есть и венгерскіе, и норманскіе. Великій князь галицкій въ Червонной Руси и Банъ Мачвы въ подарокъ прислалъ. А между оружіемъ-то на полкахъ стоятъ кубки заздравные изъ серебра, золота, изъ разныхъ камней самоцвѣтныхъ и изъ хрусталя высверленные; стоитъ между ними и черепъ ихъ общаго предка Святослава великаго, храбраго, оправленный въ золото и осыпанный дорогими каменьями. Этотъ кубокъ воевода Путята у князя печенежскаго, напавшаго на великаго князя измѣною гречe-

скою, вмѣстѣ съ жизнью отнялъ, а потомъ сынъ или внукъ его князю Юрію Владиміровичу Долгорукому продалъ.

Оглядѣли все кругомъ, а великаго князя все нѣтъ. Ласковый бояринъ тоже куда-то сгинулъ. Соскучились и думаютъ:

«А что тамъ у насъ-то дѣлается? Хорошо если не подошли; а какъ подошли уже? Цѣлы-ли города и веси наши? Не сгинули-ли наши княгини съ малыми дѣтушками? Не сожжены-ли храмы Божіи и не развѣяны-ли по вѣтру домы и дворы наши? А великаго князя все нѣтъ! Что-жъ дѣлать, нужно ждать».

Но вотъ выходитъ великій князь Георгій (Юрій) Всеволодовичъ, обходитъ всѣхъ таково ласково, благодаритъ и цѣлуетъ каждаго, какъ братьевъ своихъ.

— Простите меня, молодшіе братья и други мои, говоритъ:— что заставилъ ждать васъ, но дѣло такое приключилось, а вѣдь я вашъ душою и тѣломъ!

А за великимъ княземъ идутъ три его сына и два племянника. Племянники уже по старше, а дѣти совсѣмъ молодыя еще, младшему-то и шестнадцати не было, да какой же красивый и добрый былъ: душа такъ въ глазахъ и свѣтится.

— Вотъ, полюбите дѣтей моихъ, говоритъ великій князь,—вотъ племянники, мои старшія дѣти, а это мои младшія. Я такъ люблю ихъ, что не отличаю; всѣ одинаково дѣти мои.

И дѣти и племянники стали обниматься и цѣловаться со всѣми, истинно по родственному.

Вотъ рязанскій-то великій князь Игорь и говоритъ:

— Пришли мы, братъ и отецъ, къ тебѣ съ поклономъ; на насъ гроза нашла...

Великій князь больше и говорить не далъ.

— Знаю, знаю я, молодшіе братья мои, вашу студу и нужду. Знаю грозу землѣ русской. Но такое дѣло вокругъ пальца не вертится, подумать и подумать нужно. Мы и подумаемъ. А пока что, мои молодшіе братья, прошу со мною хлѣбъ-соль раздѣлить и, чѣмъ Богъ послалъ, закусить. А завтра кстати я велѣлъ дружинѣ своей на смотръ собраться. Вы посмотрите и скажете, можетъ-ли она постоять за землю русскую, въ силахъ-ли будетъ насъ отъ на-

пасти оградить. А коли въ силахъ, то послѣ мы дѣло разомъ повершимъ.

Не до закусокъ и смотровъ было рязанскимъ князьямъ. У нихъ на сердцѣ камень лежалъ. Но что-жъ дѣлать-то? Волю брата-отца исполнять надо, а за привѣтъ и ласку благодарить.

Ну, позавтракали и пообѣдали у великаго князя. И нечего сказать, угостилъ онъ своихъ младшихъ братьевъ на славу. Меда были кіевскій и польскій, такіе меда, что кажись, мертвому въ ротъ влить, такъ оживетъ: еще изъ погребовъ Владиміра-краснаго солнышка и Болеслава Храбраго. Столѣтніе меда! Потомъ соснули, сходили въ церковь Божію, а на утро великій князь обѣщалъ отвѣтъ дать.

На другой день, чуть только забрезжилось, имъ сказали, о великій князь ждетъ ихъ, дружину смотрѣть. Пошли, вышли на поле—дружина стоитъ отрядами разными, по городамъ, и нечего сказать, добрая дружина была, залюбоваться можно. Народъ все молодой, здоровый, одинъ къ одному подобраны. Копья, бердыши, мечи и кольчуги на солнышкѣ такъ и свѣтятся. Всѣ смотрятъ весело и поле все собою заняли. Да это только дружина великокняжеская, а что если и удѣльныя собрать, тогда на полѣ-то и мѣста бы не было.

Только это великій князь съ князьями-то вышелъ, трубачи, сурминщики и литаврщики своему князю славу заиграли. Пошли по рядамъ, видятъ—одинъ рядъ другаго бравѣе, одинъ другаго отважнѣе,—красота просто! И одѣты они всѣ особенно: въ переднихъ рядахъ шишаки, кольчуги и нарамники, въ рукахъ копья, а къ боку мечи привѣшены. Второй рядъ безъ кольчуги, въ однихъ нарамникахъ, за то сѣкиры и бердыши въ рукахъ; а въ задніе ряды сначи все подобраны, вмѣсто шишака медвѣжья шапка на головѣ и также нарамники, а въ рукахъ палица съ желѣзнымъ обухомъ и желѣзнымъ наконечникомъ, да еще большой ножъ на обѣ стороны; посмотришь—страшно становится! Особый отрядъ стрѣлковъ и арбалетчиковъ былъ, съ луками, арбалетами и пищалями, изъ которыхъ стрѣлы и каменья бросали, да еще человѣкъ съ десятокъ было съ какими-то греческими самопалами.

Когда великій князь обошелъ съ гостями своими по рядамъ,

его дружина великокняжеская ему уру и славу прокричала. Юрій Всеволодовичъ велѣлъ ей проходить передъ нимъ отрядами, по городамъ и волостямъ. И пошли они стройно, бойко, весело; съ шагу не сбивались, одинъ другому не мѣшали. Когда всѣ прошли, князь велѣлъ изъ луковъ, пищалей и арбалетовъ стрѣлять; попадали мѣтко. Не очень толстую дощечку стрѣлой на вылетъ пробивали.

— Ну что? спросилъ тогда великій князь, отпустивъ дружину.—Что вы думаете, князья и молодшіе братья, о дружинѣ моей?

— Что, отецъ-князь, отвѣчали князья;—съ такою дружиною можно только Бога бояться; не то себя отстоять, но и весь міръ завоевать.

— Ну, міра, положимъ, не завоюешь, сказалъ, смѣясь, великій князь,—а думаю, что точно за себя постоимъ.

Онъ засмѣялся и повелъ гостей къ себѣ полдничать.

Только вотъ за полдникомъ старшій великій князь рязанскій Юрій Игоревичъ, собравшись съ силами, опять началъ:

— Многочтимый и многомилостивый нашъ отецъ и старшій братъ, великій князь всея земли русской! Мы, твои молодшіе братья и слуги, князья рязанскія земли, прибѣгли къ тебѣ въ нашей крайней студѣ: помоги намъ и землѣ православной въ долѣ нашей горькой и безрадостной! Лѣзетъ на насъ татарва лютая. Возьметъ насъ, размечетъ по вѣтру. Никого въ живыхъ не оставитъ. Города и веси въ пепелъ обратитъ, храмы Божіи разрушитъ, землю упитаетъ нашею кровью! Безславно погибнемъ мы, а наши жены и дѣти въ тяжкой, нехристіанской неволѣ жизнь измаячатъ. А сгинемъ мы—татарва на тебя пойдетъ и всю землю русскую полонитъ. Отецъ и великій князь, подумай! Въ прошлый приходъ мы видѣли лютость враговъ нашихъ. Они все мечемъ порубятъ, все огнемъ спалятъ. Не откажи же намъ въ твоей помощи, слезно молимъ! Не ради насъ, твоихъ молодшихъ братьевъ, а ради себя самого, твоего рода благословеннаго, ради всей земли православной!

Великій князь выслушалъ рѣчь старика, великаго князя рязанскаго и ничего не сказалъ; выслушалъ все, что и другіе князья рязанскіе говорили, прося помощи.

Когда окончилъ послѣдній князь рязанскій просьбу свою, онъ сказалъ такъ, какъ бы въ сторону:

— Помочь, отчего бы не помочь! И сила есть, и казна есть! Только вотъ что, князь Юрій Игоревичъ! обратился онъ къ великому князю рязанскому:— я что-то не помню... въ прошломъ году когда мнѣ сгрубили новгородцы, а князь тверской ихъ сторону принялъ и меня, старшаго брата и великаго князя, не только слушать, а и поклониться мнѣ не хотѣлъ. Я, разумѣется, долженъ былъ смирить непокорныхъ, послалъ къ князьямъ, чтобы свои полки и дружины прислали смирить строптивые удѣлы, какъ дѣти отцу помогли бы! Вотъ я и не помню... когда Богъ насъ побѣдой благословилъ и мы Тверь взяли, на которомъ крылѣ рязанскія дружины были, и кто изъ князей ихъ велъ? Съ кѣмъ тогда мы вмѣстѣ тверскія стѣны осиливали? Кто тогда вмѣстѣ со мной грудью отстаивалъ мое отцовское право; судить и миловать, карать и награждать?

Эти слова великаго князя заставили всѣхъ рязанскихъ князей разомъ вздрогнуть.

— Отецъ и князь великій! отвѣчалъ рязанскій князь Юрій.— Если рязанская рать не шла тогда съ тобой на Тверь и Новгородъ, то потому что время тогда такое тугое было. Всю рязанскую землю голодъ тогда одолѣлъ и намъ собрать рать силъ никакихъ не было.

— Правда, правда! отвѣчалъ великій князь,—до великокняжеской ли крыши когда дома своя течетъ? Оно такъ! Только вотъ что, мои дорогіе молодшіе братья:—коли у рязанцевъ силъ нѣтъ помогать, когда мнѣ нужно, то и у меня нѣтъ охоты помогать имъ, когда на нихъ гроза идетъ. Тогда уже пусть сами управляются съ врагомъ, какъ умѣютъ. Вы видѣли, князья и братья, дружину мою? За что я разобью и положу ее за васъ, когда послѣ, какъ дружина мнѣ самому потребуется, вы скажете: у насъ силъ нѣтъ рать собирать. Да и за что я поведу дружину эту въ землю дальнюю, содержать ее стану, изъяниться, можетъ и головой своей заплачу, когда вы...

— Да вѣдь мы не за себя только просимъ, нашъ милостивецъ, мы за всю Русь говоримъ! Сломитъ татаринъ рязанскую землю, онъ на Суздаль и Владиміръ пойдетъ.

Великій князь улыбнулся.

— Вы мои полки видѣли; это только владимірскіе, суздальскіе, нижегородскіе и московскіе. Тутъ нѣтъ ни одного человѣка изъ удѣльныхъ дружинъ, даже изъ Ростова только отъ одной волости отрядъ былъ; а если-бы вы видѣли полки галицкіе, ярославскіе, заозерскіе, кубенскіе, костромскіе, бѣлозерскіе,—я уже не говорю о звенигородскихъ и переяславскихъ, если-бы вы видѣли мою рать земскую, потому что противъ татарвы у меня всѣ встануть,—такъ вы не стали бы такъ говорить. Вы бы увидѣли, что великаго князя всея Руси и князя суздальскаго, владимірскаго, ростовскаго, галицкаго и проч., и проч., и проч., не такъ легко сломить, какъ князя рязанскаго. Себя, Богъ дасть, какъ нибудь отстоимъ! Ну да и то... коли не отстоимъ, такъ ляжемъ костьми по крайности на родной землѣ. Такъ вотъ что, братья, я вамъ скажу: не хотѣли вы мнѣ помогать въ моей нуждѣ, не ждите и отъ меня помощи. Не хочу дружину мою губить на защиту тѣхъ, кои, когда нужда—просять, а чуть что до самихъ—такъ силъ нѣтъ! Своя крыша ближе! Ужъ простите: дружину свою, полки свои и рать земскую поберегу для себя.

Этими словами великій князь и отпустилъ рязанскихъ князей ни съ чѣмъ, не сдаваясь ни на какія просьбы, ни на какія мольбы.

— Вините себя, братья! говорилъ великій князь,—вы пришли бы ко мнѣ и я пошелъ бы съ вами. А теперь выходитъ: всякій за себя, а Богъ за всѣхъ!

И пришлось князьямъ рязанскимъ, вмѣстѣ съ князьями муромскими, грозу на свои плечи принять.

— Заплатите десятую часть изъ всего, что имѣете, обѣщайте десятую часть платить изъ прибытковъ вашихъ и поступите подъ мощь моей высокой руки, прислалъ сказать имъ татаринъ:—тогда я васъ помилую! Поклонитесь!

— Приди и все возьми, отвѣчали рязанскіе князья,—голову снимешь—поневолѣ поклонимся!

И налетѣла татарва разомъ со всѣхъ сторонъ, смяла, сломала и какъ вихрь потоптала слабыя силы рязанскія и муромскія; покрыла она трупами и пепломъ рязанскую и муромскую земли, сожгла города и села, разрушила храмы Божіи, а князей сгубила

всѣхъ: пусть не поднимаютъ высоко свою голову. Наказалъ такъ Богъ родъ Глѣба Рязанскаго, что братьевъ своихъ злодѣйски погубилъ и родичей своихъ на пиру отравилъ.

За Рязанью и Муромомъ красовались Владиміръ и Суздаль. Пошла на нихъ сила татарская.

Юрій Всеволодовичъ былъ воинъ добрый. Видитъ онъ, что съ храброй дружиной своей ничего не подѣлаетъ; сила вражья больно велика. Созвалъ онъ на совѣтъ своихъ бояръ, дружинниковъ и приспѣшниковъ, — что дѣлать? Нужно княжество защитить, храмы Божьи оградить, княгиню прикрыть и себя оборонить. И рѣшили: отъ удѣльныхъ князей потребовать помощи, отъ земства рать собрать, послать къ тверскимъ князьямъ и въ великій Новгородъ, чтобы всѣ отъ мала до велика шли спасать Русь православную, вѣру святую. Да пойдутъ всѣ, соберутся отъ мала до велика. Ни отцы дѣтей, ни дѣти отцовъ не пожалѣютъ за родину костьми лечь. Да скоро ли они всѣ соберутся? Скоро ли рать изъ Новгорода къ Окѣ подойдетъ, изъ Твери и Полоцка къ Владиміру? Скоро ли бѣдные заозерскіе князья соберутъ и приведутъ полки на помощь суздальскимъ дружинамъ? А врагъ не дремлетъ. Перевалилъ онъ уже Свіягу, подходитъ къ Окѣ. Въ Муромѣ губитъ и жжетъ, и со всѣхъ сторонъ на великое княженіе валитъ. Въ пермскихъ лѣсахъ, въ закамскихъ равнинахъ, онъ нашелъ себѣ родичей; крѣпнетъ и силится, растетъ и дерзаетъ все больше и больше. И не ждетъ ни минуты.

— Не поспѣть собрать всѣхъ, говоритъ князь Юрій. — А съ готовой дружиной не выстоять! Потому встрѣтить ихъ въ полѣ намъ нельзя, силъ мало. Запереться во Владиміре тоже нельзя: сами себѣ отъ тѣсноты мѣшать будемъ, и сами себя съѣдимъ. Все до тла разоритъ злая татарва. А сборныя рати по очередямъ бить станетъ. А вотъ что мы сдѣлаемъ! Отберу я лучшую дружину. Ей поручу мой столъ, княгиню и дѣтей моихъ беречь, а самъ, съ остальной дружиной, встану въ крѣпкомъ мѣстѣ, буду рать собирать, а по силѣ и Владиміръ съ боку защищать. Тогда врагъ на Владиміръ идти опасаться станетъ, чтобы отъ нашей рати ему лиха не было; а на насъ идти тоже побоится, Владиміръ и Суздаль позади не рѣшится оставить.

Похвалили бояре и дружинники разумъ своего великаго князя и сдѣлали такъ. Двухъ сыновей съ отборною дружиною князь Георгій Всеволодовичъ назначилъ свой стольный городъ Владиміръ и матьюкнягиню защищать; третьему сыну дозорный полкъ вести велѣлъ, а самъ съ племянниками, съ остальною дружиною и со всѣми, кого только собрать могъ, раскинулся въ крѣпкомъ мѣстѣ на берегахъ рѣки Сити, разославъ гонцовъ во всѣ концы, чтобы спѣшили выручать великое княженіе и всю землю русскую. Туда и стали удѣльные князья свои дружины приводить, а земцы и добровольцы сами сходиться.

Великій князь думалъ: Владиміръ крѣпокъ. Я буду оттягивать ихъ натискъ, а между тѣмъ усиливаться помощью. Русскіе люди по-немногу всѣ соберутся на защиту родной земли; тогда мы посмотримъ и за себя постоимъ. Дружина у меня надежная, и мы хоть какой силѣ отпоръ дадимъ.

Расположился великій князь крѣпко и ждалъ вѣстей.

Пришли дурныя вѣсти. Дозорный полкъ средняго сына его былъ окруженъ разомъ безчисленною ордою враговъ, смятъ и полоненъ вмѣстѣ съ молодымъ княземъ. Врагъ перешелъ Оку и бросился прямо на Суздаль и Владиміръ.

Отборная дружина Владиміръ отстаиваетъ; молодые Юрьевичи, дѣти великокняжескія, сами на стѣнахъ стоятъ, впереди всѣхъ съ врагомъ бьются.

Татары вывели первымъ подъ городскія стрѣлы и каменья полоненнаго брата ихъ.

— Стрѣляйте, говорятъ, въ сына вашего князя и брата вашего!

Не смутились отъ того владимірцы, за свое дѣло еще тверже стали. Погибнетъ сынъ князя, что дѣлать—Божья воля! Мы другихъ дѣтей его и княгиню отстоимъ.

Не такъ указалъ перстъ Божій.

Долго билась татарва, не могла стѣнъ одолѣть; наконецъ, одолѣла, ворвалась въ городъ и раздилась огненнымъ моремъ. Дружина шагъ за шагомъ отстаивалась, до самаго собора дралась, но сила одолѣла. Всѣ передъ ней въ лоскъ легло! Не стало передъ ней ни дружины, ни молодыхъ князей Юрьевичей, ни города, ни жителей. Стоялъ еще соборъ Пресвятыя Богородицы, въ которомъ заперлась

княгиня съ священниками, архимандритомъ и оставшимися въ живыхъ дружинниками и арбалетчиками. Татарва забросала соборъ смолой, соломой и бревнами, подожгла и всѣхъ живыми сожгла. Никого не осталось! Молодые, защищаясь, легли, стариковъ перерѣзали, женщинъ передушили, младенцевъ головой о каменья разбили, а дѣвицъ и молодокъ на потѣху и позоръ по своимъ кибиткамъ и юртамъ разобрали. И былъ вопль и плачъ на Руси великій, а во Владимірѣ—плакать было нѣкому!

Пришла эта вѣсть къ великому князю; сказали ему, что не стало у него ни княгини благочестивой, ни дѣтей отважныхъ, ни княжества славнаго.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ! проговорилъ великій князь, поднимая очи свои, полные слезъ, къ небу.—Богъ наказалъ меня за гордость мою, что оставилъ я моихъ рязанскихъ братьевъ безъ помощи! Его святая воля! Умремъ и мы за землю русскую!

И сталъ онъ крѣпко впереди рати своей.

— Не пройдетъ, молвилъ онъ, ни одинъ врагъ мимо меня, доколѣ голова на плечахъ; а сложу свою голову—ваше дѣло, друзья и братья мои, за Русь стоять!

Разоривъ Владиміръ, татарва пошла на князя. Кругомъ словно туча какая обошла, словно саранча облѣпила.

Бѣгутъ татары пѣшіе съ гикомъ и визгомъ, мечами махаютъ, копья на отмашъ несутъ. Впереди ихъ богатыри идутъ.

Русская рать позади князя своего стоитъ твердо, не дрогнетъ, готовится встрѣтить врага. Князь Юрій даже улыбается и молитву твердитъ; думаетъ: встрѣтимъ грудью силу вражью.

Не то судилъ Господь! Татарва пустила тучу стрѣлъ и будто сгинула съ глазъ, а изъ промежутковъ откуда ни взялась татарская конница, вихремъ на русскую рать налетѣла, и все прахомъ пошло. За конницей опять лѣзла пѣхота, за пѣхотой батыевы мирзы и князья татарскіе лѣзли, неслись со всѣхъ сторонъ, давили, грабили, били.

Великій князь ссадилъ копьемъ перваго всадника. На него цѣлая туча налетѣла. Пятерыхъ татаръ онъ своею рукою уложилъ; наконецъ, упалъ, опеломленный ударомъ. Татарскій наѣздникъ ударомъ меча отрубилъ ему голову.

Никто не бѣжалъ, всѣ остались и всѣ легли.

Старшій племянникъ великаго князя, сынъ старшаго брата его Константина Всеволодовича, Василій Константиновичъ, попалъ въ плѣнъ. Привели его передъ очи самаго Батыя. У князя одна рука разсѣчена была, нога стрѣлой задѣта.

— Будешь другомъ мнѣ? спросилъ Батый, радостный отъ побѣды,—мы залечимъ раны твои, облегчимъ скорби твои.

— Ты извергъ, злодѣй, врагъ земли моей, врагъ вѣры православной, могу-ли тебѣ другомъ быть? А мои раны мнѣ честь и украшеніе!

— Ты не хочешь, ты отказываешься отъ протянутой руки моей? заревѣлъ Батый.—Такъ поклонись-же мнѣ, какъ рабъ, какъ плѣнникъ мой! Поклонись вѣрѣ моей или ты почувствуешь на себѣ силу мою!

— Волей не поклонюсь я кумиру твоему и не склонюсь предъ тобой, а сила—твоя, силой что хочешь дѣлай!

И ни угрозы, ни соблазнъ не отвели князя отъ словъ его.

Князь не склонился и не принялъ ни руки, ни милости Батыевой, какъ ни тиранили его. Среди самыхъ тяжкихъ мукъ онъ твердилъ только молитву о спасеніи земли русской.

Не смутился онъ, когда татарва его сыновей отыскала и въ полонъ взяла.

— А, сказалъ Батый,—ты за себя поклониться не хотѣлъ, ну за дѣтей молись! И велѣлъ ихъ передъ нимъ мучить. Соименники первыхъ мучениковъ русскихъ, князья Борисъ и Глѣбъ, также твердо, какъ и отецъ ихъ, приняли мученія. Борисъ женатъ уже былъ, у него у самого дѣти были. Глѣбъ только собирался жениться, выбравъ себѣ по сердцу княжну Кубенскую. Они твердо перенесли муки на глазахъ отца. Василій Константиновичъ только сказалъ имъ: дѣти, не забудьте, что вы христіане и Рюриковичи, князья земли русской!

Татары замучили дѣтей и принялись опять за отца; но видя, что ничего съ нимъ не подѣлаютъ, такъ какъ онъ стоитъ на одномъ, передъ Батыемъ не склоняется, пощады не проситъ и только молитву о землѣ русской твердитъ,—взяли, изрубили его и бросили въ лѣсъ.

Отъ этого-то славнаго князя, мученика, празднуемаго и прослав-

ляемаго нашею православною церковью, въ прямой линіи идетъ знаменитый родъ нашъ, князей Зацѣпиныхъ.

У внука его, Константина Борисовича, оставшагося послѣ отца, Бориса Васильевича, еще у сосца матери, было два сына: Михаилъ—большакъ и Василій Зацѣпа. Михаилъ, какъ старшій, получилъ въ удѣлъ Ростовъ, а Василью дяди выстроилъ новый городъ и назвалъ его Зацѣпинскомъ. А колѣно то отъ Рюрика, какъ Василій Константиновичъ второй перешелъ въ тотъ городъ на княженіе, было по роду тринадцатое.

За гибелью великаго князя Георгія Всеволодовича со всѣми его дѣтьми и племянниками, дѣтьми старшаго брата, и за разгромомъ всей земли русской, на столъ великокняжескій сѣлъ третій сынъ Всеволода Юрьевича «большаго гнѣзда», Ярославъ Всеволодовичъ, княжившій до того въ Переяславлѣ. Отъ него и пошли князья Суздальскіе и Московскіе.

— Видишь ты, какой славный былъ родоначальникъ нашъ! сказалъ Василій Дмитріевичъ, перебивая опять сына.—Нѣтъ на Руси, да и въ цѣломъ мірѣ имени, которое могло бы равняться съ нимъ. Но пропусти еще часть свертка, тутъ опять будетъ испорченное и пропущенное мѣсто, и переходи къ новому кресту, гдѣ описано паденіе Зацѣпинска.

Андрей Васильевичъ исполнилъ приказаніе отца и продолжалъ:

...Призвалъ князь Данило своего большака князя Григорья. Удалой былъ князь, не даромъ удалой головой звали, и спросилъ:

— Ну Григорій, что ты думаешь? Вотъ нашъ старшій братъ, московскій князь Иванъ Васильевичъ, грамоту прислалъ; говоритъ, мы на этомъ свѣтѣ лишніе, такъ чтобы Зацѣпинскъ ему отдали.

— Да что тутъ думать, батько! Пусть придетъ и возметъ. А мы за себя постоимъ!

— Постоимъ-ли, Григорій? ты разсуди. Вотъ великій князь отъ Ростова и Галича посылаетъ свою рать, подъ началомъ своего большаго боярина Ноздреватаго, больше сорока тысячъ; чѣмъ мы встрѣтимъ ихъ?

— Не только встрѣтимъ, а, Богъ дастъ, и проводимъ. У меня теперь дружина, нужно сказать правду, отецъ, хоть куда! Двѣнадцать тысячъ отборныхъ молодцовъ. Копьями, мечами, пищалями, всѣмъ снабжена и обучена какъ слѣдуетъ; къ ней прибавимъ земскую рать, да удѣльные князья...

— Нѣтъ, мой другъ; удѣльные князья плохая надежда! Вонъ Вадбольскій пишетъ, что далъ себѣ слово противъ Москвы не идти. Бѣловерскій,—что онъ вошелъ съ великимъ княземъ московскимъ въ договоръ и дружину свою въ его распорядокъ отдалъ. Щенятевъ,—что, послѣ смерти своей княгини и дочери, о Богѣ думаетъ, такъ ему о войнѣ думать грѣхъ; Шелешпанскій,—что его набѣгъ съ краю; а Ярославскій—тотъ къ рати великаго князя и свою дружину привелъ, противъ насъ же идетъ.

— А Сугорскіе, Кемскіе?

— Отъ тѣхъ еще отвѣта нѣтъ, да надежды мало. Почитай тоже скажутъ:—до насъ не дошли, такъ что намъ!

— Ну, чтожъ, отецъ, не свои такъ чужіе помогутъ. Вѣдь гроза-то отъ насъ и къ нимъ придетъ. Заозерскіе, Кубенскіе, Щепины?..

— Нѣтъ, другъ и сынъ! Двинская рать еще въ томъ мѣсяцѣ впередъ на Заозерье зашла съ Ряполовскимъ. Заозерскіе не выдержали и покорились. Теперь на насъ же идутъ. У нихъ тоже, надо думать, тысячъ съ двадцать наберется.

— Я съ дружиной стану противъ Ноздреватаго, отецъ. Буду отстаиваться! Каждый шагъ кровью купятъ. А боярина своего Шелепу пошли съ земскою ратью противъ Двинской и Заозерья. Тамъ рать-то помягче, будутъ держаться. А чтобы повадчѣе имъ было, брата Ѳедора съ ними пошли; хоть молодъ, а все, знаешь, какъ князь съ ними, драться будутъ охотнѣе.

— Такъ! Да воевода-то у Москвы лихой. Ряполовскаго кто не знаетъ. Ну, положимъ, отстаиваться будутъ. А съ хвальнекой стороны, великій князь тоже новую рать приготовилъ. Та изъ-за Камы прямо на Зацѣпинскъ пойдетъ. Ту кѣмъ встрѣтимъ? Да и какая рать-то! Изъ татаръ, казаковъ, новгородской вольницы, мордвы и всякаго сброда; князь Щербатый ведетъ! Однимъ словомъ,

разоритъ, смутитъ всю землю, камня на камнѣ не оставитъ; что и не возьметъ, такъ сожжетъ!

Князь Григорій понурилъ голову.

— Кромѣ того, великій князь въ Костромѣ еще силу готовитъ въ запасъ; тысячъ, пожалуй, тридцать наберется. Да и посуди! У насъ вотъ всего двѣнадцать тысячъ, да и вооружены кое-какъ, а у великаго князя всѣ сорокъ тысячъ съ огненнымъ боемъ идутъ. Куда жъ мы тутъ, съ копьями, бердышами и палицами! Пушекъ-то у насъ и всего двѣ ледящихъ, а у него чуть не сотня!

— Ну, чтожъ, батька, умирать такъ умирать! Московскій князь нашелъ рать за Камой; сбѣгаю я — и тоже найду. Вотъ у меня тѣльникъ на шеѣ и тотъ отдамъ. Соберемъ, что есть, серебра, посуды тамъ что ли; кликнемъ кличъ охотникамъ, татаръ принаймемъ, мордва, остяцкіе князьки, вогуличи, также къ намъ на помощь придутъ. Вѣдь они понимаютъ, что не будетъ насъ, такъ Москва и ихъ раздавитъ.

— И ты съ этою сволочью станешь противъ московской рати съ пушками и пищалями! Нѣтъ, Григорій, они скорѣй твою дружину смѣшаютъ, чѣмъ помощь ей дадутъ. А затѣмъ что? Разгромъ, разореніе, гибель всей родной земли нашей. Я — слѣпой старикъ, Григорій, мнѣ жить недолго! Я о васъ думаю. Куда же вы-то дѣнетесь послѣ? Въ тюрьму, въ неволю?..

— Меня живымъ не возьмутъ. Лягу костьми! Да вѣрно и Ѳедоръ... Хотъ и молодъ...

— А Дмитрій? Тотъ совсѣмъ еще отрокъ? А милый внукъ мой, твой сынъ Данило? Да и мнѣ, старику, умереть не страшно, а неволя тяжка будетъ. А затѣмъ, гдѣ будетъ родъ нашъ, князья Зацѣпины? Изгоями будутъ слоняться по Божьему міру, пока самое имя ихъ не исчезнетъ съ лица земли? Нѣтъ, Григорій, не то! Не дѣло умнаго человѣка лбомъ объ стѣну бить. А тутъ, видишь, московская рать стѣной обошла, поѣдомъ ѣсть насъ. И стать намъ противъ, значитъ и себя, и родную землю сгубить.

— Чтожъ тутъ дѣлать, коли не драться, не умирать? Неужели бѣжать, не испробовавъ силы? Кажется, легче бы въ могилу лечь! сказалъ князь Григорій «удалая голова».

— А куда убѣжишь? Тоже изгоемъ слоняться станешь! Нѣтъ! Вотъ читай грамоту, что московскій князь прислалъ, и суди.

Князь Григорій Данилычъ прочелъ:

«Московскій царь, великій князь всея Руси Иванъ Васильевичъ своему младшему брату, удѣльному князю зацѣпинскому Данилѣ Зацѣпину поклонъ и милость шлетъ!

Извѣстно всему православному люду и тебѣ, молодшій братъ мой, колико русская земля терпѣла отъ злой татарской неволи; а неволя эта постигла русскую землю въ наказанье за грѣхи наши, за смуты и споры княжескіе, за ихъ розни и вражду. Только великому прадѣду нашему, Дмитрію Ивановичу Донскому, на малое время удалось соединить русскихъ князей въ единомысліи, сейчасъ же татарва на себѣ испытала русскую силу, которая ослабѣла тотчасъ, какъ, по совершеніи великой битвы, она опять разъединилась и разрознилась, и тѣмъ дала мочь злому Тохтамышу вновь разграбить и разорить наши дѣдины и отчины, нашу землю православную! Въ этихъ дѣяніяхъ и возгорѣвшихся затѣмъ въ родѣ нашемъ усобицахъ, отъ коихъ пострадалъ вѣчныя памяти достойный родитель нашъ, видимъ мы указаніе свыше, что въ единеніи сила и слава, а въ розни — разгромъ и бѣдствіе.

Внимая сему, мы опредѣлили, подобно славному предку нашему, по волѣ Всевышняго возложить на себя вѣнецъ царскій, и о томъ возвѣщаемъ любезнымъ молодшимъ братьямъ своимъ. А какъ въ благоустроенномъ царствѣ должна быть признаваема единолично власть царская, отъ коей единственно должны разливаться кара и милость, то входящія въ землю мою удѣльныя княжества должны присоединяться къ Москвѣ или по договору, доброю волею — для покорныхъ, или силой оружія для — строптивыхъ. Твоему благоразумію, молодшій братъ Данило, Царь Іоаннъ, Божіею милостію государь московскій, великій князь всея Руси, отдаетъ дѣло сіе. Если принимаешь договоръ, то переговори обо всемъ съ моимъ ближнимъ бояриномъ Ноздреватымъ, и будешь не оставленъ нашею царскою милостью, сохранишь всю честь свою и достоинство; если же хочешь усобицы, — плачься на себя потомъ. Полкамъ моимъ мною повелѣно занять Зацѣпинскъ, утвердить въ немъ царскую власть, а

тебя самого съ чадами и домочадцами полонить и на судъ передъ мои царскіе очи представить.

По титулѣ было подписано:

Іоаннъ, Божіею милостію царь и самодержецъ.»

— Вотъ грамота московскаго князя; нужно отвѣтъ дать, а какой отвѣтъ? спросилъ князь Данило Васильевичъ.

Князь Григорій «удалая голова» молчалъ, склонивъ голову.

— Само собой разумѣется, что если мы и на договоръ пойдемъ, то договоръ этотъ будетъ не по доброй волѣ. Грамота прямо силой грозитъ, а у насъ теперь силы нѣтъ. Дѣлать нечего, склониться нужно. Склонялись же предки наши передъ татарами и ярлыки ихъ принимали. Нужно уступить; вѣдь не своей волей уступаемъ,— уступаемъ силѣ. А коли силой обижены, то сами тоже будемъ силу искать. Добудемъ эту силу и возьмемъ свое.

Написали договоръ, сдали столъ, городъ и все княженіе князю Ивану московскому, а сами уѣхали село строить и жить на покоѣ. И не стало свѣтлой звѣзды зацѣпинской, потускла она въ общемъ сумракѣ, не сіяетъ своимъ блескомъ. Мрачно и туманно смотрятъ на Божій міръ свѣтлые князья Зацѣнины, и ждутъ милости Божіей: да пошлетъ онъ силу имъ загорѣться вновь славою прошлою... А колѣно отъ Рюрика было тогда двенадесять второе.....

— Такъ видно Богъ судилъ! Но не судилъ Богъ, чтобы погибалъ свѣтлый родъ нашъ въ чванствѣ и гордости. Не судилъ, чтобы дикость и отшельничество одолѣли насъ. Ищи силы, сказалъ Данило Васильевичъ;—но гдѣ найдемъ мы силу, не выходя изъ Ветлужскихъ дебрей и отъ гордости скрываясь отъ самихъ себя? Чего мы хотимъ? Чтобы пришло прошлое! Но вѣдь это все ровно, что желать, чтобы Волга снизу вверхъ потекла! Да и для прошлаго нуженъ разгромъ, нужно худое. А не желай худаго, затѣмъ что тому, кто желаетъ худаго, самому худо будетъ. Сказано—ищи силы; а искалъ ли ты, когда отъ себя прятался? Говоришь, не стану въ версту, не стану верстаться съ слугами слугъ отца и дѣда моего. Не верстайся; но смотри, чтобы не оставаться за полемъ. Не въ томъ верста, чтобы чванству столы ставить, а въ томъ, что само вверхъ къ небу идетъ. Кирдяпины внуки не въ версту Шемякѣ; а кто не знаетъ Шуйскихъ, и гдѣ теперь Шемячичи? Не служба и

не дѣло роняетъ родъ, а пустота и бездѣлье. Отъ бездѣлья люди гибнутъ, отъ труда поднимаются! Служилый князь не царю служитъ, а дѣлу; служитъ землѣ русской. А воеводой-ли онъ или подначальнымъ идетъ, какое дѣло? Земля благодаритъ за то, что онъ даетъ ей...

Далѣе рукопись монаха была настолько истлѣвши, что нельзя было ничего разобрать и Андрей Васильевичъ остановился.

— Ну, что ты думаешь, Андрей? спросилъ у сына князь Василій Дмитріевичъ.

— Чтожъ, отецъ? Монахъ можетъ быть и правъ, указывая, что у насъ дѣла настоящаго нѣтъ. Служилый князь стоитъ на дѣлѣ. Дѣломъ онъ занятъ, дѣломъ и поднимается. А мы что дѣлаемъ? Княжить мы не княжимъ, потому что власти нѣтъ; а другое дѣло дѣлать не хотимъ. Не служимъ, не торгуемъ, никакимъ заводскимъ дѣломъ не занимаемся, даже не хозяйничаемъ для прибытка; а отъ раздѣловъ, да выдѣловъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше мельчать будемъ... поневолѣ подниматься намъ и не на чемъ!

— Ты, Андрей, пришелъ къ тому же, что и я думаю. Стало быть нужно ѣхать, нужно служить!..

VI.

Дядя и племянникъ.

На третій день пріѣзда князя Андрея Васильевича въ Петербургъ, послѣ того, какъ онъ вдоволь насмотрѣлся на множество непонятныхъ для него вещей,—диковинокъ, какъ онъ называлъ ихъ, давая себѣ слово при дядѣ ни за что ничему не удивляться и ни на что не засматриваться,—отлично выспался и даже отъ скуки по русскому обычаю сходилъ въ баню, по предложенію Ѳедора, что тутъ не далеко, перейдя Красный мостъ на Мѣ устроены отличныя бани, и берутъ недорого,—и въ то время, какъ онъ раздумывалъ, чтобы это значило, что его кормятъ, поятъ, холятъ и нѣжатъ, а дяди онъ еще не видалъ,—явился къ нему напудренный офиціантъ въ домашней ливреѣ, т. е. въ темномъ кафтанѣ съ [illegible]говицами князей Зацѣпиныхъ, краснымъ, общитомъ

узенькимъ галуномъ камзолѣ, темномъ же нижнемъ платьѣ и гороховыхъ штиблетахъ. Послѣ обычнаго поклона, офиціантъ, съ важностью чрезвычайнаго посла великой державы и съ особо выдрессированною улыбкою, проговорилъ:

— Ваше сіятельство! Сіятельнѣйшій князь Андрей Дмитріевичъ изволилъ приказать вашему сіятельству кланяться!... И онъ повторилъ поклонъ. — Они покорнѣйше просятъ васъ, сдѣлать имъ честь пожаловать на фриштикъ, и кофе съ ними кушать.

Эти слова офиціанта очень покоробили Андрея Васильевича. Первое: онъ не понялъ, что такое фриштикъ. Правда, плѣнный шведъ училъ его по-нѣмецки; но мысли его въ ту минуту были такъ далеки отъ нѣмецкаго языка, что ему и въ голову не пришло, что офиціантъ употребляетъ нѣмецкое слово. Потомъ онъ слыхалъ о чаѣ, кофе и даже шеколадѣ, но никогда не пилъ ни кофе, ни шеколада. Чай онъ пилъ случайно у сосѣдей и находилъ, что это чортъ знаетъ что такое, бурда какая-то! И здѣсь, у дяди, ему каждое утро и вечеръ чай подавали, такъ попривыкъ. А кофе? Правда, спрашивали его, не прикажетъ ли онъ принести и кофе, но онъ отказался, боясь сдѣлать какой нибудь промахъ. У отца же его, Василія Дмитріевича, употребленіе подобныхъ новшествъ не допускалось вовсе. Тамъ утромъ подавались пряженцы или подовые пирожки, кусокъ телятины и яйца; запивалось все это сбитнемъ, или взваромъ изъ вишенъ, черемхи и сливъ, за которымъ слѣдовали медъ и брага.

Теперь приходится ему начинать пить и кофе и прямо передъ дядей; страшно, не осрамиться бы?

Не смотря однакожъ на это сомнѣніе въ себѣ, онъ былъ очень доволенъ приглашеніемъ.

«Наконецъ-то вспомнили!» подумалъ онъ, тотчасъ же всталъ и сказалъ офиціанту:

— Благодарю. Гдѣ же теперь дядя, и куда нужно идти?

— Они ожидаютъ ваше сіятельство въ малой столовой, у себя. Если изволите приказать, я провожу.

Молодой человѣкъ пошелъ за офиціантомъ. «Неужели и дядя такимъ же пѣтухомъ наряжается? подумалъ онъ, опять глядя на офиціанта. — Какъ бы не расхохотаться далъ Богъ! Вѣдь, можетъ ли быть что нибудь хуже? То-ли дѣло однорядка, или ферязь?

лонко, что не было повода не только разсмѣяться, но даже замѣтить что нибудь такое, что не соотвѣтствовало бы изящной обстановкѣ всего окружающаго.

Андрей Васильевичъ съ изумленіемъ взглянулъ на дядю. Онъ воображалъ его въ родѣ своего отца, только наряженнаго по новому и съ головой, подобной кочнѣ или бараньему курдюку, какъ онъ говорилъ. Это предположеніе его подтверждалось неоднократно слышанными имъ разсказами о томъ, какъ они, т. е. его отецъ и дядя, съ молоду были похожи другъ на друга. Между тѣмъ, передъ нимъ былъ—правда одѣтый не въ русское платье, но чрезвычайно изящный и красивый господинъ, ровно ничѣмъ не напоминающій старика - отца. Онъ зналъ, что дядя былъ моложе отца лѣтъ на пять, на шесть; но какое же сравненіе? Отецъ его былъ уже сѣдой, сгорбленный и хмурый старикъ; а господинъ, который былъ передъ нимъ, былъ чрезвычайно стройный, съ весьма пріятною улыбкою, и относительно еще молодой человѣкъ. На видъ, дядя казался ему человѣкомъ лѣтъ тридцати, развѣ съ небольшимъ.

Улыбнуться надъ чѣмъ нибудь, при взглядѣ на своего дядю, Андрею Васильевичу не пришло даже въ голову. Напротивъ, онъ не могъ не признать его весьма пріятнымъ, изящнымъ и красивымъ.

Столъ, передъ которымъ его посадилъ дядя, былъ великолѣпно обставленъ серебромъ и саксонскимъ фарфоромъ, на которомъ помѣщались предметы, ему совершенно неизвѣстные. Особенно его смущали какія-то раскрытыя раковины, положенныя на салфетку на серебряномъ блюдѣ. Серебряный кофейникъ на канфоркѣ, подъ которымъ горѣлъ спиртъ, и французскія печенья въ серебряной вазѣ, также не мало останавливали на себѣ его вниманіе. Два-три сыра на фарфоровыхъ тарелкахъ, страсбургскій пирогъ въ жестанкѣ, яйца въ особыхъ рюмочкахъ изъ хрусталя съ цвѣтными отводами, цвѣтныя рюмки и графины, и какіе-то особые поставцы съ разными снадобьями, также какъ чашечки для кофе и вазы для цвѣтовъ и для какихъ-то зеленыхъ—яблоковъ не яблоковъ, а Богъ ихъ знаетъ что такое, надобно полагать какихъ-то плодовъ — все это были такого рода вещи, о которыхъ Андрей Васильевичъ не имѣлъ понятія. Но онъ выдержалъ себя и не показалъ вида, что

онъ чего нибудь не знаетъ изъ того, что видитъ; что онъ чему нибудь удивляется...

— Прежде всего, дорогой мой племянникъ, я долженъ просить извиненія за то, что такъ долго заставилъ тебя скучать одного. Но ты, какъ посмотришься здѣсь, самъ увидишь, что наше время, особенно тѣхъ, кто вертится въ заколдованномъ кругу придворной жизни, рѣшительно не принадлежитъ намъ. Ты какъ нарочно пріѣхалъ въ самый день каруселя, и у меня секунды свободной не было. Поэтому, какъ ни рвалось мое сердце обнять моего милаго племянника, я долженъ былъ по-неволѣ отложить это удовольствіе. Ну да, я думаю, и тебѣ не мѣшало съ дороги оправиться, отдохнуть...

Молодой человѣкъ до сихъ поръ все молчалъ, уставивъ пристальный взглядъ на дядю, но при этомъ замѣчаніи счелъ обязаннымъ вступиться за свою выносливость.

— Я ничуть не усталъ, дядя, сказалъ Андрей Васильевичъ: — на каждой кормежкѣ мы такую вихрапку задавали, что на-поди! Я вѣдь на своихъ ѣхалъ.

Андрей Дмитріевичъ слегка улыбнулся такому отвѣту племянника. Потомъ, съ улыбкою поглядывая на него и граціозно играя своею золотою, осыпанною бриліантами, табакеркою, онъ проговорилъ:

Да, у насъ, на матушкѣ православной Руси, все еще такъ неустроено, такъ грубо и дико, что по-неволѣ приходится ѣздить на своихъ, съ этими остановками, да кормежками, какъ ты называешь. Не то что во Франціи! Тамъ, напримѣръ, изъ Парижа въ Мецъ я въ полторы сутки дѣхалъ. Сидишь въ дормезѣ, уснешь и не видишь, какъ сотню верстъ прокатишь... Да! Многому еще поучиться и много устроить намъ нужно!

Андрей Васильевичъ не сказалъ ничего, но думалъ: «Да, славны бубны за горами! Всѣ вы, господа, изъ-за горъ или изъ-за моря пріѣзжаете и разсказываете, что люди тамъ чуть не на головахъ ходятъ. А посмотришь, живутъ не лучше насъ грѣшныхъ... Однако-же, какой онъ молодой, красивый. Можетъ-ли быть, чтобы онъ только на шесть лѣтъ моложе отца былъ? Правда, волосы у него также бѣлые, но это отъ муки или чѣмъ тамъ они ихъ обсы-

паютъ. Ну и выбритъ, такъ моложе кажетъ. А красиво:—кавалерія голубая и звѣзды такъ и сіяютъ...»

— Что хочешь, мой другъ: прежде чашку кофе выпить или позавтракать? Вотъ страсбургскій пирогъ, устрицы, соль—рыба такая французская. Признаюсь, люблю Францію! Впрочемъ и неудивительно: я тамъ безъ малаго двадцать лѣтъ прожилъ, и еще какъ прожилъ! При дворѣ лучезарнѣйшаго короля Людовика XIV! При принцѣ-регентѣ! Впрочемъ тамъ и теперь, при молодомъ королѣ, очень хорошо!

Племянникъ сталъ ѣсть вмѣстѣ съ дядею, но очень осторожно, посматривая, какъ и что ѣстъ дядя. Отъ совершенно неизвѣстныхъ же вещей, въ родѣ устрицъ, онъ отказался вовсе.

Послѣ превосходнаго сальми и французскихъ фруктовъ, дядя налилъ кофе, а затѣмъ, видя, что племянникъ смотритъ молодымъ дикаремъ и молчитъ, налилъ ему рейнвейну и, подвигая кофе, сказалъ любезно:

— И такъ, дорогой племянникъ, мы хотимъ явиться въ свѣтъ, поступить на службу, заслужить милость царскую, плѣнять собою петербургскихъ красавицъ... такъ-ли?

— Отецъ велѣлъ мнѣ спросить у тебя, дядя, что дѣлать? Неужели въ самомъ дѣлѣ намъ, Зацѣпинымъ, нужно въ служилые князья идти?

— Въ служилые князья?... Князь Андрей Дмитріевичъ тонко улыбнулся. — Что ты хочешь сказать этимъ, мой другъ? Я думаю, что первая обязанность всякаго благородно-рожденнаго,—не только князя, а всякаго простаго дворянина, — служить своему государю и отечеству. Даже такія фамиліи, какъ Конде, Люксамбургъ, Роганъ — и тѣ служатъ! Не служить можетъ только толпа, только народъ, наши рабы, и среднее сословіе, предназначенные пресмыкаться въ пыли, чтобы мы, благородные люди, могли имъ благодѣтельствовать. Князья Зацѣпины, родъ которыхъ идетъ въ глубь исторіи, за крестовые походы, смѣшиваться съ народомъ не могутъ ни въ какомъ случаѣ. Какое же различіе будетъ тогда между нами и этою толпою разнаго чернаго люда, если мы сложимъ съ себя первый долгъ — служить своему государю?

Андрей Васильевичъ совершенно растерялся передъ этимъ вопросомъ дяди.

— Дядя, нѣсколько оправившись сказалъ онъ:—отецъ мнѣ приказалъ, что если ты найдешь, что я служилое иго на себя принять долженъ, то...

— Э, мой другъ, что за выраженіе? Служилое иго! Развѣ можно называть игомъ свою обязанность, и притомъ такую обязанность, которая каждому дворянину должна составлять удовольствіе? За службу мы получаемъ чины, отличія... службою устроиваемъ свое положеніе, увеличиваемъ состояніе, поднимаемъ весь родъ свой, всю свою фамилію. Служба — наша честь, наша гордость! И называть ее игомъ, милый племянникъ, грѣшно и стыдно!

— Виноватъ, дядя, можетъ я и не такъ сказалъ; но вѣдь тогда намъ верстаться придется, а теперь мы не въ версту...

— Чтожъ? Благородное соревнованіе, я думаю повредить никогда не можетъ! Оно, думаю, скорѣе пользу принесетъ нашей фамиліи. Оно всегда возвышаетъ, облагораживаетъ... Но вотъ что, дорогой племянникъ, я уже тебѣ замѣтилъ о несоотвѣтственности нѣкоторыхъ твоихъ выраженій. «Служилое иго», верстаться, кормежка, выхрашка», все это слова, неупотребляемыя въ обществѣ. Наконецъ, скажу тебѣ еще, что ни въ разсужденіи высшихъ себя, ни въ разсужденіи равныхъ, не употребляется слово «ты». Изъ вѣжливости каждому говорятъ, какъ бы не одному, а нѣсколькимъ персонамъ или господамъ — вы! Я это говорю не для того, чтобы тебя огорчить, и не потому, чтобы мнѣ было непріятно, что ты относишься ко мнѣ не-такъ, какъ принято въ нашемъ обществѣ; но потому, что такъ слѣдуетъ говорить въ свѣтѣ,—что многіе, можетъ быть, отнесутся къ тебѣ весьма несочувственно, если ты скажешь имъ *ты*. «Ты» говорятъ только близкимъ и младшимъ себя роднымъ, и еще черному люду, рабочимъ, т. е. людямъ, которые стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко ниже насъ.

— Стало быть, дядя, я тебѣ долженъ говорить какъ бы нѣсколькимъ господамъ — *вы*; а когда другихъ-то господъ нѣтъ?

— Подразумѣваются, мой другъ, подразумѣваются. Но ты меня спрашиваешь, а самъ говоришь «*тебѣ*». И дядя вновь пріятно улы-

бнулся и прибавилъ: — слѣдуетъ сказать «вамъ... вамъ, дядюшка»! «Дядя», это очень грубо!

Племянникъ не отвѣчалъ и только смотрѣлъ на дядю, уставя глаза.

— Тебѣ это кажется страннымъ; но такъ принято, мой другъ, а намъ съ тобою свѣта не передѣлать! Не даромъ, когда на одномъ изъ маленькихъ вечеровъ, играя въ вопросы и отвѣты, у блаженныя памяти великаго короля спросили, что всего сильнѣе на свѣтѣ, то онъ, не задумываясь, отвѣчалъ: мода!... Она покоряетъ одинаково и власть, и красоту. А говорить всѣмъ старшимъ и равнымъ «вы» та же мода, т. е. обычай, которому не подчиняться нельзя... Но обратимся къ твоему вопросу. Служить, мой другъ, необходимо. Этого требуютъ одинаково и обязанность, и польза, и, наконецъ, самая мода. Смѣшно и дико князю Зацѣпину, съ его именемъ, положеніемъ, богатствомъ, забраться въ какое-то захолустье и прятаться тамъ отъ людей какъ медвѣдь въ берлогѣ. Вотъ хотя бы твой отецъ, а мой сіятельнѣйшій братъ,—ну скажи, что онъ тамъ дѣлаетъ у себя въ Зацѣпинѣ? Ну, утромъ встаетъ, ѣстъ, спитъ, а еще что?

— Отецъ? Да у него минуты свободной нѣтъ. Встаетъ онъ въ шесть часовъ и прямо идетъ въ брусяную избу, а тамъ ужъ его ждутъ зацѣпинскіе выборные, прикащики, управляющіе, изъ Шутароновки, Даниловки, Починка; всѣ приходятъ, всѣ спрашиваютъ, нужно распорядокъ дать... Потомъ поутренничаетъ и идетъ разбирать разныхъ просящихъ, просьбы принимаетъ, иногда тутъ же разбираетъ и судъ чинитъ.

— То-есть, ѣстъ, спитъ и цѣлый день возится съ мужиками, да? Ну княжеское-ли это дѣло? Княжеская-ли жизнь?

— Прости, дядя... виноватъ, простите дядюшка! Но вѣдь кто же бы этимъ занялся? Я еще былъ молодъ и только съ прошлаго года началъ помогать отцу, а братья, тѣ и теперь совсѣмъ еще дѣти. Между тѣмъ, вѣдь у насъ больше десяти тысячъ душъ!..

— У меня теперь полныя пятнадцать, съ улыбкою отвѣчалъ Андрей Дмитріевичъ; — хотя послѣ батюшки, твоего дѣда, я не получилъ больше двухъ. Тѣмъ не менѣе, я не только съ мужиками, но даже съ прислугою своею никогда не говорю. Они должны довольствоваться моими знаками. Ты спросишь, кто же уставляетъ распорядокъ, кто ведетъ дѣла, сообразно моимъ желаніямъ? Боже мой!

На это и есть среднее сословіе: управители, секретари, контора, наши метръ-д'отели, шталмейстеры, конюшіе, различные анвуа, и вообще всѣ тѣ, которые могутъ получать приказанія уже прямо отъ меня. Наше, княжее дѣло: государь, государство, армія, флотъ, администрація, а главное—дворъ, общество. Путь ко всему этому даетъ служба. Наконецъ, самое препровожденіе времени, самыя удовольствія наши должны быть выше, благороднѣе. Онѣ должны касаться только разумнаго, нѣжнаго, деликатнаго. Покровительство наукамъ, искусству, поклоненіе красотѣ, граціи—это я понимаю. Но мужичья жизнь? Согласись, что это профанація княжескаго имени!

Племянникъ опустилъ глаза и не отвѣчалъ. Но ему было больно согласиться съ тѣмъ, что вся жизнь его отца была только, какъ называлъ дядя, профанація; что все, о чемъ онъ до сихъ поръ думалъ, было только униженіе. Поэтому ему очень захотѣлось защитить себя.

— Какъ же, дядюшка, началъ онъ: —отецъ говорилъ, что если Богъ судилъ опять роду нашему имѣть свое значеніе и сидѣть по прежнему на своемъ столѣ, то нужно, чтобы всякій видѣлъ, что князья Зацѣпицы будутъ дѣлать дѣло. А для того, говорилъ онъ, намъ нужно быть ближе къ народу; нужно, чтобы всякій видѣлъ, что въ томъ немногомъ, что у насъ есть, царствуетъ справедливость, порядокъ, разумъ, ибо, говорилъ отецъ, тотъ, кто не умѣетъ распорядиться малымъ, не заслуживаетъ и большаго.

— Въ томъ-то и вопросъ! Распорядиться, а не путаться самому, не якшаться! немного горячо отвѣчалъ Андрей Дмитріевичъ.—Я не говорю, чтобы я не распоряжался. Напротивъ, ничто не дѣлается иначе, какъ по моему распоряженію; но, какъ я уже сказалъ, между мною и чернымъ людомъ существуетъ естественный, Богомъ назначенный посредникъ—среднее сословіе. Міръ такъ созданъ, такъ устроенъ Богомъ. Посмотри на небо, что ты тамъ видишь? Солнце, мѣсяцъ, звѣзды разныхъ величинъ. Тоже самое и на землѣ: государь, его первый министръ, князья, дворянство, среднее сословіе, наконецъ, наши подданные, крѣпостные крестьяне, на обязанности которыхъ возложено трудиться на насъ, чтобы мы могли посвящать время и мысли свои высшимъ интересамъ человѣчества. Но ясно, что вопросъ былъ бы разрѣшенъ

невполнѣ, если бы, освобождая насъ отъ тяжелой работы земледѣльца, плотника или столяра, онъ обязывалъ насъ принять на себя другой, не менѣе тяжкій трудъ: разборъ мелкихъ притязаній низшаго класса, его ничтожныхъ страстишекъ и приниженныхъ требованій. Для того-то и создано среднее сословіе: сословіе судей, адвокатовъ, секретарей, купцовъ и всего этого люда, назначеніе котораго — имѣть непосредственное отношеніе къ рабочимъ, къ трудовому классу рабовъ. Ихъ, этого средняго сословія, прямая обязанность быть посредниками между ими и нами, какъ мы, въ свою очередь, должны быть посредниками между ими и государемъ. Въ такомъ устройствѣ общество получаетъ свою полноту, свою естественность, явный признакъ премудрости Божіей. Мы живемъ и даемъ жить, стремясь къ лучшему, къ благороднѣйшему. А то, согласись, если мы сами станемъ своими принащиками, управителями, секретарями, то что же будетъ дѣлать этотъ народъ? Наконецъ, кто же будетъ управлять государствомъ? Притомъ, какая же будетъ жизнь наша? Ничего возвышеннаго, ничего благороднаго! Кто будетъ поощрять прекрасное? Кто будетъ проводникомъ добра, блага, истины? Кто будетъ покровительствовать наукѣ, возвышать искусство, помогать несчастію, улучшать самую природу человѣка?

Дядя говорилъ съ увлеченіемъ, говорилъ красно и неопытный въ подобныхъ спорахъ племянникъ не находилъ словъ ему возражать, почему по-неволѣ опять опустилъ глаза долу.

— Ну вотъ, твой отецъ выражаетъ какія-то фамильныя притязанія на зацѣпинское княжество. Въ твоихъ словахъ тоже звучала какая-то надежда на возвратъ къ прошлому. Подумай, есть-ли въ твоихъ несообразныхъ намекахъ какое-либо дѣло, есть-ли разумъ? Не говорю о томъ, что такое притязаніе въ государственномъ отношеніи есть чистая нелѣпость. Все стремится къ объединенію, къ округленію, къ общности. Человѣчество на столько ушло впередъ, что поняло, что сила въ единствѣ. Это уяснилъ и выполнилъ во Франціи великій Ришелье и тѣмъ поставилъ Францію на высоту могущества. Нѣмцы тѣмъ и слабы, что у нихъ всяная гора имѣетъ своего государя. Но я не говорю объ этомъ. Отношу вопросъ лично къ себѣ, или къ тебѣ, какъ къ старшему сыну стариаго брата, будущему представителю фамиліи: лучше-ли было бы намъ, если-

бы мы изъ нашего настоящаго положенія обратились вдругъ въ феодальныхъ князьковъ какого-то мизернаго зацѣпинскаго княжества? Отвѣчаю, не обинуясь: ни въ какомъ случаѣ! Правда, твоему отцу пришлось бы тогда возиться не съ одними мужиками, но и съ зацѣпинскими горожанами; у него было бы не десять тысячъ душъ крестьянъ, а пол-милліона подданныхъ. Но дѣло отъ того нисколько не измѣнилось бы. Наша жизнь владѣтельныхъ феодаловъ никому неизвѣстнаго княжества по-неволѣ должна была бы совпасть съ жизнью нашихъ помѣщиковъ средней руки въ какомъ нибудь захолустьѣ нашего обширнаго государства, пожалуй, съ жизнью моего сіятельнаго брата, твоего отца. Ни наукъ, ни искусства, ничего художественнаго, ничего вызывающаго; ни общества, ни развлеченій, а главное—ни женщинъ, потому что нельзя же признавать для насъ женщинами, даже въ смыслѣ самокъ, русскихъ деревенскихъ дѣвокъ и бабъ, такъ онѣ грубы и грязны! Какая это жизнь? И что мнѣ будетъ пользы въ томъ, что я буду писаться: Божіею милостью владѣтельный князь зацѣпинскій и проч., и проч. Теперь другое дѣло; теперь мы можемъ жить съ людьми, занимать принадлежащее намъ по роду мѣсто въ обществѣ. Можемъ наконецъ, жить въ свое удовольствіе, а не возиться съ чернымъ народомъ, прячась по угламъ, какъ ночныя птицы, въ ожиданіи допотопныхъ временъ, чуть-ли не съ Ноева ковчега. Милый мой, поговорка: «лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ», была выдумана тогда, когда города были хуже деревень. По нынѣшнему же положенію нужно говорить: «лучше быть послѣднимъ въ городѣ, чѣмъ первымъ въ деревнѣ». Это понялъ твой отецъ и прислалъ тебя сюда. Слава Богу, что онъ это сдѣлалъ! Онъ вѣрно помнитъ, какъ собирали и оплакивали меня. Все равно, что на тотъ свѣтъ провожали! Между тѣмъ, ты видишь—я, слава Богу, не погибъ. И поставленъ порядочно. Надѣюсь, что и ты встанешь не худо, но для того нужно имѣть официальное положеніе, стало быть, нужно служить. Чтобы служить успѣшно, чтобы тебя не обходили, не забывали, не относили къ разряду чернорабочихъ, нужно имѣть значеніе въ свѣтѣ. Значеніе въ свѣтѣ въ настоящее время достигается только черезъ женщинъ; стало быть, нужно умѣть нравиться женщинамъ. А для этого нужно имѣть извѣстный лоскъ, извѣстное образованіе, ма-

меры и ту гордость жентильома, который не мѣшается съ чернымъ народомъ, не пачкается отъ прикосновенія къ грязи, а держитъ себя съ тѣмъ достоинствомъ, которое даетъ только высокое происхожденіе.

— Такимъ образомъ, дядюшка, вы полагаете, что мнѣ слѣдуетъ поступить на службу?

— Слѣдуетъ сказать вѣжливѣе, мой другъ: — не «вы полагаете», а «вы изволите полагать». Не только полагаю, но это уже рѣшено. Вчера я говорилъ съ принцемъ Гомбургскимъ; онъ согласился и, я думаю, что сегодня ты уже числишься въ преображенскомъ полку; кажется, по росту, ты можешь быть въ гренадерской ротѣ. Сегодня же поговорю съ герцогомъ, а завтра свезу тебя къ Левенвольду; буду просить, нельзя-ли, чтобы къ Троицыну дню или хоть къ именинамъ государыни зачислить тебя въ камеръ-юнкеры.

— Ахъ, дядюшка, у меня съ Левенвольдомъ вышла ссора.

— У тебя? съ Левенвольдомъ? Это какимъ образомъ?

Племянникъ разсказалъ происшедшее столкновеніе: спутку лошадей въ постромкахъ, ссору людей, наконецъ, свое собственное вмѣшательство.

Андрей Дмитріевичъ нахмурился.

— Нелѣпо, просто нелѣпо, милый племянникъ! сказалъ онъ помолчавъ.—Левенвольдъ, по своимъ прежнимъ отношеніямъ и нынѣшнимъ связямъ, по своему брату и родству съ фаворитомъ, Остерманомъ, Минихомъ и всѣми этими фонами и баронами—вѣдь всѣ нѣмцы между собою родня—теперь въ большой силѣ и можетъ много повредить тебѣ. И къ чему было хоть самому-то мѣшаться? О, запѣвинская кровь! Вѣдь вотъ Волынскій за такого рода рѣчи, пожалуй, головой поплатится. А Волынскій—кабинетъ-министръ и родня Салтыковымъ, что весьма важно, такъ какъ мать государыни была Салтыкова. Поэтому нужно было подумать, очень подумать....

— Что же мнѣ было дѣлать, дядюшка?

— Какъ что дѣлать? Ту же минуту подбѣжать къ нему, просить извиненія за своихъ людей, наговорить почтительныхъ любезностей, принимая мѣры, чтобы немедленно распутали лошадей, и такія мѣры, чтобы онъ видѣлъ, что ты себя для него не жалѣешь. Онъ сказалъ бы: почтительный молодой человѣкъ, и по первому моему слову карьера твоя была бы упрочена. Не забывай

правила: чѣмъ выше, тѣмъ вѣжливѣе. Ты молодой человѣкъ, поэтому долженъ стараться быть вѣжливымъ со всѣми, а тѣмъ болѣе съ оберъ-гофмаршаломъ, представляющимъ силу. Я право не знаю, какъ мнѣ придется васъ помирить. Левенвольдъ очень мстителенъ. Но пока все это въ сторону. Скажи мнѣ вотъ что: я писалъ къ брату о необходимости дать вамъ образованіе. Училъ-ли онъ васъ чему нибудь, и, прежде всего, говоришь-ли ты по-французски?

— Да, дядюшка. По вашему письму, отецъ нанялъ учить насъ плѣннаго шведа, который не поѣхалъ къ себѣ, когда былъ заключенъ миръ.

— И чему училъ васъ этотъ шведъ? спросилъ дядя по-французски.—Отвѣчай по-французски.

Племянникъ началъ было перебирать по-французски, что вотъ училъ его шведъ нѣмецкому, французскому и эпредскому языкамъ; исторіи римской и всеобщей, географіи по Пуфендорфу и проч. Но только что онъ заговорилъ, какъ дядя затянулъ уши.

— Что ты! что ты! Это ужасно! Подобнымъ образомъ коверкать языкъ! А произношеніе! Ужасъ! ужасъ! Да вашъ шведъ просто сумасшедшій! Французскій языкъ—это гармонія, музыка, а ты?.. Нѣтъ, ты ужъ по-французски лучше пока не говори. Завтра же прикажу явиться къ тебѣ каждое утро monsieur Bonnet, пусть онъ съ тобою позаймется... А ты старайся. Безъ французскаго языка въ настоящее время никуда показаться нельзя, хотя государыня по-французски и не говоритъ, или не любитъ говорить. Она любитъ говорить по-нѣмецки, потому и нѣмецкій языкъ весьма нуженъ. Но это еще не все. Нужны манеры. А я не могу не сказать, что у тебя манеры, извини, молодаго медвѣженка. Пройдись-ка по комнатѣ, дай на себя еще разъ взглянуть.

Племянникъ выполнилъ желаніе дяди.

— Ну взгляни, какъ ты ходишь! Развѣ можно такъ ходить? Зачѣмъ ты выворачиваешь носки внутрь и руками зачѣмъ такъ махаешь, будто у тебя вмѣсто рукъ крылья вѣтряной мельницы? Нѣтъ, другъ, прежде чѣмъ куда нибудь явиться, нужно пообтереться. Завтра у тебя будетъ monsieur Ферро... Ну, я всѣмъ этимъ займусь, только и ты, съ своей стороны, приложи усердіе.

— Постараюсь, дядюшка!

— Такъ вотъ мы какъ съ тобою уговорились, другъ мой; сдѣлаемъ такъ, чтобы намъ обоимъ было покойно и пріятно. Помѣщеніе, которое ты теперь занимаешь,—твое; располагайся въ немъ, какъ знаешь. Твое содержаніе, содержаніе твоихъ людей, лошадей—все это будетъ производить мой метръ-д'отель совершенно наравнѣ со мною, моими людьми и лошадьми. Ты можешь звать къ себѣ пріятелей, угощать ихъ какъ знаешь, тебѣ все это будетъ готовое; вина, десертъ и все что нужно, будетъ отпускаться изъ моего погреба и моихъ кладовыхъ. Но лошадей покупай самъ. Всѣ твои карманныя издержки, твое платье и расходы внѣ дома ты долженъ производить уже изъ своихъ денегъ. Это уже дѣло твоего отца. Ты безъ крайней нужды меня относительно денегъ не безпокой. Во первыхъ, потому, что я хоть и много получаю, но расходы здѣсь такъ велики, что у меня и у самого часто денегъ нѣтъ; а во вторыхъ, потому, что нужно привыкать къ разсчету и не выходить изъ своихъ средствъ. Потомъ, когда ты немного поотшлифуешься, я вездѣ представлю тебя, какъ своего племянника и наслѣдника. Это придастъ тебѣ вѣсъ. Но прежде всего ты на наслѣдство послѣ меня не разсчитывай. Я могу все промотать, могу жениться, вѣдь мнѣ не сто лѣтъ, могу, наконецъ, отдать кому хочу то, что мною нажито. Однимъ словомъ, мало-ли что можетъ быть въ будущемъ. Я не говорю, что я лишаю тебя наслѣдства; можетъ быть, напротивъ, тебѣ все и отдамъ... но я не хочу связывать себя какимъ-то ни было обѣщаніемъ. Потомъ, постарайся на столько себя образовать, чтобы мнѣ можно было не краснѣть за моего будущаго protégé. Наконецъ, ты свободенъ и можешь дѣлать что хочешь... не мѣшай и мнѣ быть свободнымъ и дѣлать, что я хочу. Если захочешь меня видѣть, пошли впередъ упредить. Я тоже постараюсь ни въ чемъ не безпокоить тебя. Ты согласенъ?

— Дядя, ты...

Князь Андрей Дмитріевичъ съ улыбкою погрозилъ племяннику пальцемъ. Молодой человѣкъ сейчасъ же оправился.

— Дядюшка, вы слишкомъ милостивы. Мнѣ очень совѣстно...

— Совѣститься не отъ чего, мы свои! Нужно только, чтобы мы и помогали другъ другу какъ свои. Ты молодъ, красивъ и твоя карьера впереди. Будемъ же друзьями, какъ намъ слѣдуетъ быть.

Не будемъ брать примѣра съ князей Долгорукихъ, которые, когда при покойномъ императорѣ въ силу вошли, то начали другъ другу завидовать, другъ подъ друга подкапываться и кончили тѣмъ, что всѣ погибли. Не забудь: арена при дворѣ — арена скользкая. Держаться на ней надо умѣть и умѣть; особенно если высоко держаться. Но князей Зацѣпиныхъ Богъ головой, кажется, не обидѣлъ. Нужно только не горячиться; нужно сдерживать себя и взаимно другъ друга поддерживать и помогать. Тогда все и будетъ хорошо. Такъ, что-ли?

— Я въ вашемъ распоряженіи, дядюшка, и все, что прикажете...

— Я ничего не приказываю, а хочу только, чтобы обоимъ хорошо было. И вотъ, для начала твоего знакомства съ петербургскою жизнью, именно, чтобы учиться манерамъ, свѣтской болтовнѣ, умѣнью держать себя, наконецъ, практиковаться въ французскомъ языкѣ, я предлагаю тебѣ сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, ѣхать со мною къ Леклеръ.

— Кто это Леклеръ?

— Кто Леклеръ? Какъ тебѣ сказать... французская актриса, комедіантка.

— Комедіантка! Что же это такое?

— Комедіантка—это... которая на театрѣ играетъ.

— А откуда она?

— Право больше о ней ничего не знаю. Ну, дѣвка тамъ, что ли; дочь какого нибудь французскаго проходимца. Однимъ словомъ, Богъ ее знаетъ, что она такое! Да кто же спрашиваетъ о происхожденіи актрисъ? Довольно того, что я могу сказать тебѣ, что она очень милая, очень ловкая женщина! Вчера она пѣла въ Зимнемъ дворцѣ и привела всѣхъ въ восторгъ. При томъ она великая мастерица и любитъ просвѣщать вашу братью молодежь. Ну, у нея всегда много собирается. Густавъ и Карлъ Бироны и Степанъ Лопухинъ, почитай, ни одного вечера не пропускаютъ. Бываетъ и твой пріятель Левенвольдъ и его братъ Карлъ. Такъ вотъ у нея ты и начнешь свой свѣтскій дебютъ. Можетъ быть мнѣ удастся и съ Левенвольдомъ тебя свести, авось перемѣнитъ гнѣвъ на милость. Ну, а пока распростимся. Мнѣ пора во дворецъ. Сегодня назначено

поздравлять шута Педрилла съ новорожденною свинкою съ Ладожскаго озера; тамъ интересуются, какъ это онъ ее будетъ выводить, и какія шуточки говорить.

И дядя съ племянникомъ разстались вполнѣ довольные другъ другомъ.

— «Ничего, молодъ, красивъ; поотшлифуется, хоть куда будетъ! И мало-ли что впереди можетъ случиться!» думалъ дядя, провожая глазами уходившаго племянника.

А племянникъ, съ своей стороны, думалъ:—«Да у меня дядя лихой и какой красивый! Право, кажется, не любить такого нельзя».

VII.

Русскій петиметръ.

Намъ необходимо познакомиться поближе съ княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ, чтобы объяснить взаимное противорѣчіе взглядовъ, которое обозначилось въ его разговорѣ съ племянникомъ. Тотъ и другой видимо смотрѣли на жизнь съ одной точки зрѣнія. Они одинаково признавали справедливость преобладанія исключительно одного элемента въ жизни общества и государства, одинаково выводили его изъ Божественнаго предназначенія каждому въ его происхожденіи: Одинъ подчинялъ мысль о таковомъ происхожденіи родовому началу; другой, наоборотъ ставилъ его на пьедесталъ феодальной зависимости и абсолютизма. Но тотъ и другой—въ немъ, и только въ немъ, видѣли человѣческое достоинство, хотя видимо расходились въ своихъ понятіяхъ. Съ племянникомъ, на сколько было можно, мы познакомились изъ очерка его воспитанія, а также изъ жизни и взглядовъ его отца; взглянемъ теперь на жизнь дяди.

Послѣ того, какъ съ похоронными причитаніями и общими рыданіями проводили Андрея Дмитріевича изъ родоваго села ихъ Зацѣпина, прошло болѣе тридцати пяти лѣтъ; но у него и теперь еще отзывался въ ушахъ тотъ общій вой всего женскаго населенія, которымъ ознаменовались его проводы. Онъ помнитъ, что нѣсколько женщинъ, пользовавшихся извѣстностью по своему искусству голосить, шли за его повозкою до самаго моста рѣчки Зацѣпинки,

впадающей въ рѣку Ветлугу, и своимъ бытьемъ и причитаніями до того разстроили нервы его, одиннадцатилѣтняго мальчика, что онъ уткнулъ голову въ подушку и безъ умолку плакалъ на-взрыдъ до перваго привала. Но дѣтство—всегда дѣтство. Наплакавшись досыта, онъ потомъ невольно началъ смотрѣть по сторонамъ. Дорога была скучная, шла преимущественно по берегу рѣки, но и она представила невыѣзжавшему никуда мальчику нескончаемое количество развлеченій. Его занимала и елка, разбитая громомъ и засыпанная снѣгомъ, и вывороченный вѣтромъ корень большаго дерева и скрывшійся на бокъ домишко лѣсника. Потомъ заняло его вниманіе сосѣднее село съ новымъ домомъ отца Ермила, выкрашеннымъ свѣтлозеленою краскою съ голубыми отводами; мелочная лавка съ орѣхами, пряниками и другими бакалеями; наконецъ, пряничный пѣтухъ, съ разволоченнымъ гребнемъ и ногами и коврижка, преподнесенные ему ѣхавшимъ съ нимъ его дядькою Архипомъ Савельевымъ, которому было поручено довезти княжича до Москвы. Затѣмъ новые виды, новые люди, множество предметовъ, совершенно неизвѣстныхъ молодому дикарю, невыѣзжавшему до тѣхъ поръ никуда, совершенно отвлекли его вниманіе отъ прошлаго. Черезъ нѣсколько станцій онъ уже думалъ только о будущемъ. Онъ зналъ, что его везутъ учиться, и съ ужасомъ думалъ о томъ, какъ будутъ его учить, соединяя въ понятіи своемъ слово учить съ словомъ мучить.

Къ великому его удивленію, оказалось, что учиться не такъ трудно, какъ онъ себѣ воображалъ. Въ Москву его привезли ночью. На другой день его повезли къ временно-управлявшему тогда Москвою, за болѣзнью князя Ромодановскаго, Якову Вилимовичу Брюсу. Тамъ собралось уже много молодыхъ людей, вытребованныхъ также по указу царя, чтобы отправить ихъ въ чужіе края для образованія. Царя тогда въ Москвѣ не было. Онъ былъ въ своемъ «парадизѣ». Тѣмъ не менѣе онъ очень заботился о сборѣ молодыхъ людей и приказалъ о привозѣ ихъ доносить себѣ. Знаменитый ученый, суровый съ виду, но мягкій и добрый по душѣ, временный начальникъ Москвы, обошелъ ихъ всѣхъ, разспросилъ каждаго, кто онъ, откуда, чему и у кого учился, затѣмъ предлагалъ на разрѣшеніе мелкія задачи и вообще занялся пред-

ставляемыми ему молодыми людьми вполнѣ сочувственно. Андрею Дмитріевичу онъ предложилъ вопросъ: что вотъ, если въ Петербургъ послать къ государю курьера, то, ѣхавъ съ возможною скоростью, онъ доѣдетъ до Петербурга нераньше какъ въ пять дней; а во сколько времени доѣдутъ, если для спѣшности послать разомъ двухъ курьеровъ?

Бойкій мальчикъ не сбился отъ такого вопроса, сообразилъ и отвѣчалъ смѣло:

— Если рядомъ будутъ ѣхать, вмѣстѣ и пріѣдутъ!

Брюсъ улыбнулся, похвалилъ и назначилъ его въ математическій отдѣлъ. А какъ, по случаю зимы, отправить молодыхъ людей изъ Кронштадта моремъ было нельзя, то, въ ожиданіи пріѣзда государя и назначенія имъ самимъ кого куда отправлять, Брюсъ, не теряя времени, распорядился, чтобы съ привезенными молодыми людьми начались сейчасъ же занятія. Математическій отдѣлъ былъ порученъ учителю математики и русскаго языка Ивану Алексѣевичу Зейкину, тогда только начинавшему свою педагогическую дѣятельность. Скромная и теплая личность молодаго учителя, ясность и простота его изложенія сейчасъ же привлекли къ нему всѣхъ учениковъ; всѣ стали охотно учиться, и математика пошла хорошо. Андрей Дмитріевичъ былъ въ числѣ первыхъ, и былъ представленъ съ четырьмя лучшими товарищами государю, когда онъ въ началѣ весны пріѣхалъ въ Москву.

— Какъ зовутъ? спросилъ его государь.

— Андреемъ.

— По прозвищу, дуракъ! замѣтилъ сурово Петръ.

— Князь Зацѣпинъ.

— Зацѣпинъ, повторилъ государь, раздумывая.—Это откуда? Изъ татаръ, что ли?

— Нѣтъ, великій государь, не задумываясь отвѣчалъ мальчикъ, знавшій твердо свою родословную, такъ какъ отецъ твердилъ ее ему раза по три въ день.—Князья Зацѣпины происходятъ по прямой линіи отъ свѣтлаго дома Рюрикова, отъ Василія Константиновича, сына Константина Всеволодовича, внука Всеволода Юрьевича «большаго гнѣзда» и правнука Юрія Владиміровича Долгорукаго, младшаго сына Владиміра...

— Полно молоть, мельница! сурово перебилъ его государь.— Только тронь ихъ за струнку они начнутъ такую притчу, что уши заткнешь! продолжалъ государь, обращаясь къ Апраксину, который стоялъ за нимъ.—Поди, Отче нашъ прочитать не умѣешь, сказалъ онъ, обращаясь вновь къ Андрею Дмитріевичу,— по цифири счетъ за сотню перевести не знаешь, а выучилъ ужъ всѣхъ Всеволодовичей, да Константиновичей. Только какъ же я-то о васъ, Зацѣпиныхъ, никогда не слыхалъ? Неужто до сихъ поръ вы все у себя въ берлогѣ лежали, да лапу сосали? Вѣдь это только у насъ на Руси и встрѣтить можно, продолжалъ онъ, опять обращась къ Апраксину.—Гдѣ встрѣтишь ты, чтобы родовой и богатый князь прятался отъ свѣта Божьяго въ какомъ нибудь медвѣжьемъ углу и ни Богу, ни людямъ не служилъ? Ну, посмотримъ, чему тебя Зейкинъ обучилъ. Пиѳагоровы штаны знаешь?

— Какъ же, государь, знаю. Иванъ Алексѣевичъ показывалъ. И по чертежу, и буквами вывесть умѣю.

По приказанію государя, онъ написалъ извѣстную теорему Пиѳагора, приводя всѣ доказательства ея несомнѣнности.

— Гм! Недурно! сказалъ государь.—А учиться хочешь?

— Хочу, государь!

Вліяніе Зейкина уже отразилось на всѣхъ его ученикахъ желаніемъ учиться.

— Языкамъ чужимъ не учился?

— Здѣсь началъ по французскому; Иванъ Алексѣевичъ сказалъ, что нужно.

— Во флотѣ, сказалъ государь.—Только куда? прибавилъ онъ, опять обращаясь къ Апраксину.—У англичанъ дѣло хорошее на практикѣ, а теорія хромаетъ хуже шведовъ.

— Ужъ если, государь, хочешь ученаго моряка сдѣлать, пошли во Францію, въ тамошнюю коллегію морскую.

— Сердитъ я на Францію... ну, да опять, чтожъ дѣлать? Написать брату Людовику, что я его особо прошу. У нихъ, точно, науки эти проходятъ настояще, не то, что въ Лондонѣ и Амстердамѣ; а мнѣ нужно не только храбрыхъ, но ученыхъ моряковъ. Смотри, Зацѣпинъ, не ударь лицомъ въ грязь!

Съ этими словами государь отошелъ къ другому ученику.

По этому слову великаго царя Андрей Дмитріевичъ черезъ мѣсяцъ былъ въ Петербургѣ, а еще черезъ два былъ въ Парижѣ, въ тамошнемъ морскомъ колегіумѣ или навигаторской школѣ, одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній того времени для изученія точныхъ наукъ.

Длинный рядъ полутемныхъ залъ, идущихъ паралельно съ дортуарами, въ которыхъ кровати были расположены фронтомъ, одна подлѣ другой, съ поставленными между ними шкапчиками, съ надписанными именами надъ каждою кроватью, и другіе порядки форменной, казарменной жизни тогдашняго учебнаго заведенія Франціи, сперва разумѣется не могли не отразиться на Андреѣ Дмитріевичѣ подавляющимъ впечатлѣніемъ. Военный порядокъ, общая сухость офиціальныхъ отношеній, какъ между товарищами учениками, такъ и ихъ надзирателями и начальствомъ, наконецъ, отсутствіе всякой самостоятельности и общая натянутость—не могли не ложиться весьма тяжко на молодомъ дикарѣ костромскихъ лѣсовъ. Онъ даже захворалъ отъ тоски, отъ чувства гнета, отъ какой-то отчужденности, какого-то насилія воли. Но природная веселость французовъ, ихъ общительность, любезность съ дѣтства и всегдашняя внимательность къ чужестранцу, скоро побѣдили въ немъ это ощущеніе одинокости, это чувство отчужденія и пустоты, и онъ скоро сталъ своимъ между чужими. Это понятно. Онъ былъ еще ребенокъ и ребенокъ веселый, предпріимчивый. Всѣ были къ нему хороши. Директоръ, инспекторы, надзиратели, учителя были особенно внимательны къ нему, во-первыхъ, по внушенію сверху, а во вторыхъ, зная что царь, отправляя свою молодежь учиться, не оставляетъ ее на произволъ судьбы. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ. А его вниманіе, понятно, вызывало вниманіе и ближайшихъ къ нимъ лицъ. Вѣдь никто изъ нихъ былъ не прочь получить изъ этой варварской Московіи, въ видѣ милости царя, за успѣшное приготовленіе его учениковъ, что нибудь, хоть какую нибудь тамъ шубу изъ этихъ соболей, которые, говорятъ, въ Москвѣ бѣгаютъ по улицамъ. Въ этихъ-то своекорыстныхъ разсчетахъ, прикрытыхъ французскою любезностью, при томъ обаяніи, которое до сихъ поръ производитъ на француза титулъ принца, къ княжичу дѣйствительно относились какъ къ чему то особенному, къ чему-то,

что нужно было щадить, поощрять, выставлять, и что разумѣется не могло не льстить, не поднимать самолюбиваго юношу, и до того признававшаго себя чѣмъ-то выше обыкновеннаго смертнаго, въ десять лѣтъ отъ роду хорошо помнившаго длинный рядъ великихъ князей, отъ которыхъ онъ происходитъ, и умѣвшаго указать, что вотъ одна изъ княженъ этой длинной вереницы его предковъ, именно, дочь Ярослава Мудраго, была французскою королевою.

Къ языку Андрей Дмитріевичъ тоже скоро привыкъ. Скоро выучился онъ также всему, что составляло тогда необходимую принадлежность французскаго воспитанія. Природная довкость и свободная до десяти лѣтъ жизнь въ деревнѣ не могли ему въ томъ не содѣйствовать. Трудно ли было ему выучиться ѣздить верхомъ, когда онъ безъ всякой науки умѣлъ безъ сѣдла скакать у себя въ деревнѣ во весь духъ на всякой лошади, какая только ему попадется. Трудно ли было ему научиться мѣтко стрѣлять изъ ружья и пистолета, когда въ Зацѣпинѣ онъ чуть не безъ промаха попадалъ въ воробьевъ изъ самострѣла, вѣрно сто разъ ходилъ на болото съ зацѣпинскими охотниками на тетеревей и рябчиковъ, и даже въ прошломъ году, съ братомъ Васильемъ и подобранными молодецъ къ молодцу удальцами, ходилъ на медвѣдя? Трудно ли было ему выучиться игрѣ въ мячъ, когда онъ до того отлично игралъ въ лапту? И вотъ, не прошло года, какъ онъ уже весело болталъ съ своими новыми товарищами, дѣтьми первыхъ фамилій Франціи, усвоивая ихъ образъ мыслей, подражая ихъ манерамъ и стараясь уловить всю тонкость и особенность произношенія истиннаго парижанина.

Между тѣмъ наука шла впередъ своимъ чередомъ. Въ морскомъ колегіумѣ или навигаторской школѣ того времени преподавали всѣ звѣзды тогдашняго ученаго міра въ Парижѣ. Меркаторъ, Декартъ, Делиль, Монтескье, Боссюетъ, Фенелонъ считали себѣ за честь читать въ этомъ разсадникѣ будущихъ моряковъ Франціи. Андрей Дмитріевичъ былъ толковъ, понятливъ и не лѣнивъ, а главное не былъ забитъ съ дѣтства ни къ чему не нужными и ни къ чему не ведущими заучиваніями только напрасно обременяющихъ память предметовъ,—потому и успѣвалъ. По школѣ онъ числился вторымъ ученикомъ и получалъ за то неоднократно милостивыя слова и незначительные подарки отъ имени самого государя, передаваемые ему

черезъ посольство при письмахъ отъ Антона Эмануиловича Деньера. Отъ отца онъ не получалъ никакихъ извѣстій и самъ къ нему не писалъ.

Князь Дмитрій Андреевичъ, отправивъ по приказу царя сына въ басурманскія земли, считалъ его какъ бы мертвымъ. Въ свою очередь Андрей Дмитріевичъ начиналъ думать, что воспоминанія объ отцѣ, матери, братѣ, о его жизни въ ихъ родовомъ селѣ Зацѣпинѣ, и о зеленѣющихъ берегахъ рѣки Ветлуги, только сонъ, и что ничего этого не было и нѣтъ; что онъ родился прямо здѣсь, на дворѣ колегіума, подъ вѣтвями его тѣнистыхъ каштановъ, и что здѣсь, поэтому сосредоточивается все, что онъ долженъ любить и уважать.

Между товарищами онъ особенно сошелся съ двумя молодыми людьми изъ первыхъ фамилій французской аристократіи. Это были: маркизъ де-Куаньи и графъ де-Шуазель, которые часто приглашались въ Луврь, Люксамбургъ, въ отель д'-Орлеанъ и другіе дворцы для препровожденія времени съ молодыми принцами и для участія въ забавахъ королевскихъ принцессъ. Разсказы ихъ о дворѣ, свѣтѣ, театрѣ, выѣздахъ очень занимали Андрея Дмитріевича, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно не имѣлъ понятія о томъ, что такое общество, свѣтъ, общественныя удовольствія, и даже до тѣхъ поръ не видалъ ни одной свѣтской дамы. Ясно, что онъ представлялъ себѣ все это въ какомъ-то волшебномъ видѣ. Изъ разговоровъ товарищей онъ начиналъ понимать значеніе этикета, связей, отношеній, вліянія женщинъ. Онъ слышалъ много разъ, что черезъ женщинъ устраиваются карьеры, положенія, что успѣхъ у женщинъ создаетъ иногда богатство. Съ восторгомъ слушалъ онъ разсказы о дуэляхъ, волокитствѣ, игрѣ, шалостяхъ молодежи, похожденіяхъ парижскихъ донъ-жуановъ, интригахъ театральнаго міра, наконецъ, о маленькихъ вечерахъ короля, о Версали и обо всемъ, что дѣлалъ тогда французскій дворъ, признаваемый цѣлымъ міромъ самымъ блестящимъ и заставлявшій поэтому всѣ дворы Европы ему подражать. Недостатокъ средствъ, ему предоставляемыхъ, а также неимѣніе знакомства, лишали его возможности не только испытать это, но даже видѣть. Но онъ зналъ, что добьется этихъ средствъ, увидитъ все это, испытаетъ во что бы то ни стало. Онъ зналъ, что будетъ жить такъ же, какъ полагаютъ жить его пріятели де-Куаньи и де-

Шуазель. Не даромъ же онъ князь Зацѣпинъ. Его идеаломъ, цѣлью его стремленій былъ знаменитый кавалеръ Сенъ-Жоржъ. Этотъ креолъ пріѣхалъ въ Парижъ также безъ средствъ, но вѣдь жилъ же онъ, и какъ еще жилъ! Почему же и онъ не можетъ достигнуть того же? Эти мысли заставляли его съ особымъ вниманіемъ вслушиваться во всякій разговоръ, усвоивать всякое замѣчаніе, изъ которыхъ онъ могъ бы ознакомиться съ какою либо стороною свѣтской жизни. Онъ скоро принялъ и усвоилъ тѣ мнѣнія стариннаго французскаго дворянства, которыя заставили его думать, что они избранныя существа, созданныя Богомъ иначе, чѣмъ другіе смертные; что высокое происхожденіе налагаетъ на нихъ и высокія обязанности; что они рождены быть покровителями, тогда какъ другіе рождены, чтобы быть только покровительствуемыми. Онъ усвоилъ эти убѣжденія и проникнулся ими на столько, что послѣ, уже въ Петербургѣ, когда онъ принялъ на себя трудъ отшлифовывать и образовывать своего медвѣженка-племянника, и когда этотъ племянникъ, Андрей Васильевичъ, сказалъ ему про что-то, что онъ купилъ или нанялъ очень выгодно, то онъ отвѣтилъ:—«Фи, mon cher! развѣ мы можемъ говорить о выгодахъ? Ты князь Зацѣпинъ! Мы можемъ наживать en gros. Меркантильные же разсчеты оставь Толстопятовымъ, Бѣлопузовымъ или, какъ тамъ ихъ зовутъ, которыхъ, если ты хочешь можешь презирать, но ни въ какомъ случаѣ не обижать въ денежномъ отношеніи!» Однимъ словомъ онъ вполнѣ усвоилъ то, что составляло рознь и язву прежняго французскаго общества, которыя отразились потомъ столь страшными послѣдствіями.

Такимъ образомъ прошло года четыре и Андрей Дмитріевичъ изъ ребенка сталъ уже стройнымъ и красивымъ юношей.

Въ это время старый маркизъ Куаньи, отецъ его близкаго пріятеля, вдовѣвшій уже лѣтъ десять, вздумалъ жениться. Онъ выбралъ себѣ въ невѣсты M-lle де Жервезъ, питомицу монастыря кармелитокъ, жившую тамъ съ 4 до 16 лѣтъ и взятую оттуда только по случаю ея близкаго замужства. Маркизу было уже за шестьдесятъ, хотя подъ напудреннымъ парикомъ, подбѣленный и нарумяненный, онъ не казался такимъ старымъ, и весь Парижъ находилъ, что дѣвица де-Жервезъ дѣлаетъ прекрасную партію.

Молодой Куаньи, отъ имени своего отца, пригласилъ своего пріятеля, русскаго принца de-Saçeripe, участвовать въ свадебной церемоніи. Андрей Дмитріевичъ былъ въ восторгѣ отъ приглашенія. Наконецъ, онъ увидитъ этотъ высшій свѣтъ, о которомъ столько думалъ, увидитъ дворъ, короля, составлявшаго центръ, къ которому стремились тогда всѣ мысли французской аристократіи. Не смотря, однакожъ, на свое пламенное желаніе, онъ не рѣшился принять приглашеніе. У него не было денегъ. Царь, заботившійся о своихъ питомцахъ, давалъ имъ все нужное, даже не забылъ необходимыхъ для нихъ карманныхъ расходовъ, но онъ разумѣется не могъ, да и не захотѣлъ бы снабжать ихъ средствами на выѣзды, на мотовство, на поддержаніе блеска. Между тѣмъ, какъ ни неопытенъ былъ Андрей Дмитріевичъ въ свѣтской жизни, все же онъ понималъ, что не можетъ онъ, на великосвѣтскую, блестящую свадьбу, явиться въ казенномъ мундирѣ французскаго гардемарина; да и кромѣ мундира, участіе въ церемоніи требовало довольно значительныхъ расходовъ. Чрезвычайно досадуя на свое положеніе, онъ хотѣлъ было отказаться. Но, узнавъ о его затрудненіи, его выручили оба пріятеля.—Э! mon ami, сказали ему Куаньи и Шуазель:—кто между нами думаетъ о деньгахъ? И оба они предоставили въ его распоряженіе свои полные, туго набитые кошельки.

На свадьбѣ Андрей Дмитріевичъ увидѣлъ подкрашеннаго и подмазаннаго старика, въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, бриліантахъ и кружевахъ; черезъ плечо его была надѣта лента св. Духа, на груди сверкало нѣсколько звѣздъ. Этотъ господинъ тихо двигался на своихъ подагренныхъ ногахъ, одѣтыхъ въ шелковые чулки и башмаки съ бриліантовыми пряжками, и велъ подъ руку еще очень молодую, высокаго роста, стройную дѣвицу, немножко смугловатую, съ черными какъ смоль волосами и черными же выразительными глазами. Одѣтая въ бѣлое кружевное платье, съ миртовыми и померанцовыми цвѣтами, и тоже вся въ бриліантахъ, она шла, ведомая своимъ женихомъ, спокойно, самоувѣренно. Ея тонкія губки какъ бы насмѣшливо сжимались при взглядѣ на этого старчески худощаваго и приземистаго господина, взявшагося быть ея опорою. Она твердо стала на колѣни передъ жертвенникомъ подлѣ своего будущаго супруга, поддерживая его въ то

время, какъ онъ становился на колѣни, и потомъ помогла ему подняться. Все это она дѣлала съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, будто не признавала, что происходившая церемонія должна имѣть на ея жизнь какое либо вліяніе.

Начало обряда пришлось обождать, такъ какъ хотѣлъ быть король.

Андрей Дмитріевичъ видѣлъ, что всѣ глаза были устремлены къ одной закрытой двери; самъ женихъ, казалось, болѣе обращалъ вниманія на эту дверь, чѣмъ на свою прекрасную невѣсту; все было натянуто въ какомъ-то нѣмомъ ожиданіи; въ церкви царствовала мертвая тишина. Только одна невѣста, казалось, не раздѣляла общаго ожиданія; ровнымъ и хладнокровнымъ взглядомъ она окинула церковь и остановила свой взглядъ на распятіи.

Вдругъ раздался какой-то гулъ, по обществу будто пробѣжала электрическая искра, обѣ половинки дверей раскрылись.

Вошелъ «онъ», окруженный туманомъ кружевъ, блескомъ свѣтящихся бриліантовъ и гросмейстерской цѣпи орденскихъ регалій, и съ милостивою улыбкою привѣта склоненной передъ нимъ толпѣ. За нимъ, какъ лучи, тянулись блескъ звѣздъ, сіянье шитыхъ золотомъ мундировъ и свѣтлыхъ, тоже сверкающихъ своими бриліантами и своими глазами, красавицъ французскаго королевскаго двора.

Этотъ блескъ, эта роскошь, это величіе и самый этикетъ перваго въ мірѣ, по великолѣпію, двора совершенно увлекли собою молодаго уроженца ветлужскихъ лѣсовъ. Съ минуту онъ ничего не видѣлъ. Но когда туманъ разсѣялся, когда король всталъ на приготовленное для него мѣсто подъ балдахиномъ и Андрей Дмитріевичъ взглянулъ на него пристальнѣе, то увидѣлъ, что это былъ тоже намалеванный и распудренный старикъ, еще болѣе дряхлый чѣмъ самый женихъ. Онъ замѣтилъ, что красота въ немъ была поддѣлана, величіе принаровлено, эффектъ подготовленъ. Тѣмъ не менѣе, онъ далъ себѣ слово занять надлежащее мѣсто среди этой плеяды планетъ, окружавшихъ солнце. Онъ сказалъ себѣ: я долженъ быть между ними по своему происхожденію. Онъ смотрѣлъ на происхожденіе уже съ точки зрѣнія французскаго маркиза; онъ думалъ, что родился за тѣмъ, чтобы быть въ числѣ «этихъ»,

а не «тѣхъ», которые родились съ назначеніемъ быть адвокатами, докторами, учителями, метръ-д'отелями, кучерами и всѣмъ, чѣмъ могутъ быть живущіе ихъ милостью, живущіе лишь для того, чтобы имъ, дворянамъ, жить было весело и покойно.

Обрядъ продолжался. Онъ видѣлъ, какъ жениху было тяжело стоять колѣнопреклоненнымъ передъ патеромъ, читавшимъ свое благословеніе и увѣщанія, и напротивъ видѣлъ, какъ спокойно и гордо слушала и благословенія эти и увѣщанія невѣста; какъ она опять помогла мужу своему подняться съ колѣнъ; какъ потомъ оба они, уже въ качествѣ новобрачныхъ, подошли поклониться королю и почтительно принимали его привѣтствія; какъ потомъ она спокойно и холодно стала принимать поздравленія родныхъ и знакомыхъ въ то время, какъ мужъ ея, видимо утомленный обрядомъ, опять болѣе думалъ о королѣ, чѣмъ о своей молоденькой супругѣ.

Андрей Дмитріевичъ смотрѣлъ на нее пристально. Онъ видѣлъ, что и она взглянула на него, и ему показалось, что въ эту минуту глаза ея сверкнули необыкновеннымъ блескомъ; но она въ ту же секунду отвернулась, и онъ болѣе этого блеска не видалъ.

Новобрачные провожали короля и его дворъ, осыпаемые любезностями; все стремилось къ нимъ, въ томъ числѣ и его пріятель, спѣшившій привѣтствовать мачиху, къ которой такъ любезно отнесся король. Андрей Дмитріевичъ тоже, въ числѣ другихъ, поднесъ ей цвѣты и услышалъ слово благодарности, хотя молодая на него въ это время и не смотрѣла. И онъ опять подтвердилъ себѣ: «Да, это мое общество! Я буду, я долженъ быть между ними свой!»

Случай утвердилъ его въ этихъ мысляхъ еще болѣе. Окидывая взглядомъ общество еще до совершенія обряда, Андрей Дмитріевичъ невольно остановилъ свой взглядъ на одномъ вельможѣ, ничѣмъ по внѣшности не отличавшимся отъ другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представлявшимъ нѣчто особое, нѣчто другое противу всѣхъ. Пусть представятъ себѣ его изумленіе, когда этотъ вельможа, поздравивъ новобрачныхъ, вдругъ нежданно подошелъ къ нему и сказалъ по-русски:

— Вы здѣсь, молодой человѣкъ, сказалъ онъ;—очень радъ, что наши начинаютъ показываться въ обществѣ, въ здѣшнемъ высшемъ свѣтѣ. Я напишу государю. Онъ будетъ доволенъ и потре-

буетъ отъ васъ описанія свадьбы, которую удостоилъ своимъ присутствіемъ адѣшній христіаннѣйшій король.

Это былъ посолъ Россіи при французскомъ дворѣ, блестящій и недоступный князь Борисъ Александровичъ Куракинъ.

Скоро, впрочемъ, случай доставилъ ему возможность видѣть лучезарнаго короля при болѣе благопріятныхъ для него условіяхъ. Въ это время шла война съ Нидерландами. Старшихъ воспитанниковъ морской колегіи росписали по судамъ. Въ теченіи лѣта они должны были участвовать въ компаніи, какъ для практики въ морскомъ дѣлѣ, такъ и для пріученія себя къ военнымъ дѣйствіямъ. Князь Андрей Дмитріевичъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Куаньи, были назначены на фрегатъ «Венусъ».

Не успѣли они выйти въ море, какъ увидали у себя подъ вѣтромъ голландскій фрегатъ «Артемизу»,—фрегатъ размѣровъ большихъ, чѣмъ былъ «Венусъ». Не смотря на это, командиръ и офицеры фрегата «Венусъ» рѣшились атаковать. Послѣ обыкновенныхъ приготовленій, произведенныхъ съ тѣмъ порядкомъ и спокойствіемъ, которыми отличался тогда французскій флотъ, они полетѣли на непріятеля на всѣхъ парусахъ.

Голландскій фрегатъ встрѣтилъ ихъ залпомъ орудій навѣтренаго борта.

Началось морское сраженіе, — сраженіе болѣе ужасное, чѣмъ какое-либо сраженіе на сушѣ. Свистъ снарядовъ, трескъ подбитаго и падающаго рангоута, разрывъ снастей, стонъ раненыхъ, скученныхъ на тѣсномъ пространствѣ, летаніе во всѣ стороны щепы отъ разбиваемаго борта,—щепы, ранящей опаснѣе и хуже, чѣмъ самые снаряды,—все это въ совокупности представляло маленькій адъ. Море пѣнилось и ревѣло, угрожая поглотить обоихъ противниковъ; то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ начинались пожары. Голландскій фрегатъ, сознавая свою силу въ численности команды и исправности ея вооруженія и видя, что дѣйствіе его артилеріи уступаетъ дѣйствію артилеріи французовъ, хотя число орудій у него было болѣе, рѣшилъ, хотя и былъ подъ вѣтромъ, взять французскій фрегатъ на абордажъ. Для этого онъ поворотилъ и хотѣлъ ударить французскій фрегатъ въ корму. Противники, въ это время, были уже на весьма близкомъ разстояніи между собою.

Французскій капитанъ угадалъ его мысль и, желая не допустить его до выполненія предположеннаго маневра, быстро спустился самъ, и подойдя къ нему подъ корму, началъ страшно поражать продольными выстрѣлами, сбивая орудія, уничтожая снасти и нанося чрезвычайный вредъ командѣ.

Андрей Дмитріевичъ былъ назначенъ состоять во время сраженія при старшемъ офицерѣ, для передачи его приказаній и повторенія команды. Посланный имъ за чѣмъ-то на бакъ и побѣжавшій туда съ рупоромъ въ рукахъ, онъ вдругъ увидѣлъ, что впереди его шипитъ и вертится небольшая ручная граната. Не думая нисколько и совершенно машинально, онъ вспомнилъ, какъ въ Зацѣпинѣ игрывалъ въ лапту и городки, ударилъ рупоромъ по шипѣвшей гранатѣ, и та полетѣла за бортъ.

Старшій офицеръ, какъ ни былъ занятъ и отвлеченъ, не могъ не замѣтить ловкаго и отважнаго пріема удальца гардемарина и ударилъ нѣсколько разъ въ ладоши въ видѣ аплодисмента отвагѣ, который поддержали и другіе офицеры, чего впрочемъ, въ пылу битвы, Андрей Дмитріевичъ не замѣтилъ и не слыхалъ.

Въ это время на голландскомъ фрегатѣ упала бизань-мачта. «Венусъ» воспользовался этимъ и осыпалъ команду голландца картечью.

Замѣтивъ произведенное на голландскомъ кораблѣ опустошеніе, и понесенную имъ отъ продольныхъ и картечныхъ выстрѣловъ громадную потерю въ командѣ, французскій командиръ рѣшился измѣнить тактику: теперь онъ самъ захотѣлъ абордировать непріятеля. Были вызваны абордажныя партіи, въ одной изъ которыхъ числился и Андрей Дмитріевичъ. Послѣ одного весьма ловкаго маневра, французскій фрегатъ врѣзался непріятелю въ бортъ.

Увлеченный битвою и невольно заботясь о самозащитѣ, думая также и томъ, что ему, князю Зацѣпину, стыдно было бы ударить себя лицомъ въ грязь, Андрей Дмитріевичъ вовсе позабылъ свой эпизодъ съ гранатой. Онъ, вмѣстѣ съ другими, полѣзъ по абордажнымъ сѣткамъ на непріятельскій фрегатъ, гдѣ голландцы встрѣтили ихъ штыками. Увидѣвъ штыкъ противъ своей груди, онъ, тоже машинально, выстрѣлилъ прямо передъ собой изъ пистолета. Затѣмъ, онъ уже не зналъ, что сталось съ тѣмъ, кто думалъ прот-

кнуть его насквозь. Началась свалка, среди которой, въ толпѣ, подаваясь совершенно механически, то впередъ, то назадъ, онъ очутился, вмѣстѣ съ другими, на непріятельскихъ шканцахъ. Наконецъ, голландцы отступили къ своему баку; стало нѣсколько свободнѣе. Андрей Дмитріевичъ подумалъ: они должны похвалить меня; я не только не отсталъ, но нахожусь впереди многихъ и въ первой партіи. Думая это, онъ увидѣлъ на полу-ютѣ непріятельскую фалконету, совсѣмъ готовую и съ засыпанною затравкою, а подлѣ нея убитаго артилериста-голландца и дымящійся фитиль. Тоже не сознавая того, что дѣлаетъ, а совершенно машинально, онъ вбѣжалъ на ютъ, оборотилъ фалконету и приложилъ фитиль. Раздался выстрѣлъ, осыпавшій мелкою картечью партію голландцевъ, готовившуюся на банѣ поддержать отступающихъ. Этотъ выстрѣлъ рѣшилъ дѣло, формировавшаяся партія разсыпалась и голландскій фрегатъ былъ взятъ.

Началось распредѣленіе командъ, заборъ плѣнныхъ; часть французскихъ абордажныхъ партій съ торжествомъ возвращалась на свой фрегатъ. Съ ними лѣзъ и Андрей Дмитріевичъ, думая: «Ну, слава Богу, Богъ сохранилъ; кажется я нигдѣ не раненъ; локоть только ушибъ, да ухо разцарапано! Ну это ничего! А все-таки они не могутъ сказать, чтобы я хуже другихъ былъ, чтобы я трусилъ... да я и не трусилъ, т. е. оно было таки немножко, но я все же шелъ, все же не отставалъ». Влѣзая съ такими мыслями на бортъ своего фрегата, онъ весьма изумился, что его приняли общимъ аплодисментомъ и выраженіемъ особаго сочувствія, но изумился еще болѣе, когда узналъ, что причина этого уваженія не фалконета, не его абордажные подвиги, о которыхъ онъ столько думалъ, а граната, о которой онъ и забылъ.

Фрегатъ, взявъ призъ несравненно сильнѣйшій, чѣмъ былъ самъ, потерпѣлъ тоже важныя поврежденія и долженъ былъ вмѣстѣ съ взятымъ призомъ, воротиться въ свой портъ. Капитанъ, нѣкоторымъ образомъ въ награду подвиговъ Андрея Дмитріевича, выбралъ его быть вѣстникомъ побѣды, и онъ былъ отправленъ въ Парижъ къ королю.

Ему было внушено ѣхать, не останавливаясь, ни съ кѣмъ ни

слова о сраженіи не говорить, а пріѣхавъ, не переодѣваясь, отправиться въ Лувръ.

Андрей Дмитріевичъ такъ и сдѣлалъ.

Король принялъ его весьма милостиво въ ту же минуту, какъ о немъ доложили. Онъ передъ тѣмъ лежалъ на кушеткѣ въ небольшой комнатѣ, которую онъ называлъ комнатой отдохновенія и гдѣ вообще не принималъ никого. Какая-то дама, въ темномъ платьѣ, сидѣла у окна за пяльцами, не поднимая головы.

Когда Зацѣпинъ входилъ, камердинеръ, стоявшій у двери, сунулъ ему въ руки золотой подносъ. Андрей Дмитріевичъ взялъ его опять такъ же, какъ и выстрѣлилъ во время абордажа, т. е. совершенно безсознательно.

Король приподнялся съ кушетки, опустивъ ноги и опершись обѣими руками на столикъ.

— А, маленькій русскій, сказалъ онъ, хотя Андрей Дмитріевичъ не смотря на то, что ему было не болѣе шестнадцати лѣтъ, ростомъ былъ два аршина семь вершковъ, стало быть былъ выше, чѣмъ Людовикъ XIV:—какія вѣсти вы намъ привезли? Было сраженіе?

— Командиръ фрегата вашего королевскаго величества «Венусъ», капитанъ де-Виньи, поручилъ мнѣ поздравить ваше величество съ побѣдой и повергнуть къ стопамъ вашимъ, государь, флагъ взятаго имъ голландскаго фрегата «Артемиза». Реляцію о бывшемъ дѣлѣ имѣю счастіе представить.

Съ этими словами Андрей Дмитріевичъ протянулъ было къ королю донесеніе и небольшую коробочку, въ которой помѣщался искусно сложенный голландскій флагъ.

Но король, смотря ему прямо въ глаза, не взялъ ни конверта, ни коробочки, и только проговорилъ:

— А что, скажите, вѣдь «Артемиза», это фрегатъ, кажется, больше и сильнѣе, чѣмъ «Венусъ?»

— Точно такъ, ваше величество! «Венусъ» 44-хъ-пушечный фрегатъ, а «Артемиза» имѣла 52 орудія и, кромѣ того, была вооружена на ютѣ фалконетами, отвѣчалъ Андрей Дмитріевичъ, подавая королю свое донесеніе правою рукою, тогда какъ въ лѣвой держалъ золотой подносикъ.

Дама, сидѣвшая у окна, видя эту сцену и понимая, что она происходитъ отъ незнанія молодымъ человѣкомъ французскаго придворнаго этикета, встала, взяла подносъ и донесеніе изъ рукъ молодаго человѣка, положила донесеніе на подносъ и подала поднести ему, а коробочку раскрыла, вынула оттуда флагъ и раскинула его передъ ногами Людовика XIV.

Король, взялъ тогда донесеніе и сталъ читать. Подносъ Андрей Дмитріевичъ поставилъ на столъ.

— Посмотри, ma chère, сказалъ онъ дамѣ.—Этотъ молодой человѣкъ спасъ нашъ фрегатъ, выкинувъ за бортъ горѣвшую гранату, упавшую между картузными ящиками.

Дама подняла на него свои темносиніе, выразительные глаза и посмотрѣла пристально. Тогда онъ замѣтилъ ту особенность, ту необыкновенную мягкость и силу, которыми отличалось выраженіе взгляда г-жи Ментенонъ.

— Похвально, молодой человѣкъ, очень похвально! Я напишу вашему государю, что онъ можетъ разсчитывать видѣть въ васъ достойнаго подданнаго. А пока примите выраженіе моей благодарности... (дама въ это время подала Людовику что-то по другой сторонѣ столика)... выраженіе моей благодарности, которая на первый разъ пусть обозначится вотъ этимъ вещественнымъ украшеніемъ, означающимъ причисленіе ваше къ ордену св. Людовика, служащаго всегда поощреніемъ храбрыхъ. Подойдите ближе ко мнѣ, молодой человѣкъ, я васъ украшу этимъ знакомъ, который много лѣтъ я носилъ на своей груди.

Андрей Дмитріевичъ подошелъ къ королю какъ въ туманѣ. Дама положила свою руку на его плечо и нажала такъ сильно, что онъ понялъ, что требуютъ, чтобы онъ склонился на колѣни.

Андрей Дмитріевичъ выполнилъ требованіе и Людовикъ XIV проговорилъ торжественно:

— Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, посвящаю тебя въ сонмъ избранныхъ, да будешь защитою правды и невинности!

Съ этими словами онъ ударилъ его по плечу три раза перчаткой, наклонился и надѣлъ въ петлицу его кафтана бѣлый эмалевый съ голубыми отводами крестъ.

— Ну, вы устали сегодня; а завтра я васъ приглашаю къ себѣ

обѣдать. Вы разскажете мнѣ подробности сраженія, которыя не могли вмѣститься въ донесеніи.

Этими словами король его отпустилъ.

Но не успѣлъ онъ выйти за дверь, какъ за нимъ вышла дама, въ присутствіи короля не сказавшая ни слова.

— Король поручилъ просить васъ—сказала она—принять этотъ подносъ въ память счастливаго донесенія, привезеннаго вами, и вашей храбрости также.

Андрей Дмитріевичъ поклонился.

— А вотъ и моя карточка, если вы вздумаете сдѣлать мнѣ честь, навѣстить меня.

Андрей Дмитріевичъ склонился невольно, взглянувъ на ея имя. Это имя было тогда въ Парижѣ у всѣхъ на языкѣ. Говорили, что Людовикъ XIV на ней женился.

Выйдя изъ дворца и заѣхавъ на минуту въ отель, чтобы переодѣться, онъ отправился къ Куаньи. Его другъ и сотоварищъ, бывшій съ нимъ на фрегатѣ «Венусъ и также отличившійся въ сраженіи, далъ ему письма къ отцу и мачихѣ. Маркизъ страдалъ подагрическимъ припадкомъ и не могъ его принять; его приняла только маркиза; разумѣется Андрей Дмитріевичъ не находилъ себя отъ того въ потерѣ. Веселый, счастливый, явился онъ къ ней съ письмами друга, и былъ принятъ съ самой очаровательной любезностью молоденькой французской аристократки. Она протянула ему свою маленькую ручку, которую онъ догадался поцѣловать, получивъ въ свою очередь обычный поцѣлуй въ щеку. Разговоръ, разумѣется, начался съ описанія сраженія, съ дѣйствій его друга, молодаго Куаньи, потомъ перешелъ на неистощимый сюжетъ въ семействахъ французскаго дворянства, на короля, на его милостивый пріемъ, на данную Андрею Дмитріевичу награду и сдѣланное ему приглашеніе. Но среди этой свѣтской болтовни, глаза молоденькой маркизы останавливались на немъ съ такимъ блескомъ, что неопытный юноша невольно опускалъ передъ ними свои очи долу. Вскорѣ пріѣхала m-me de Mony, потомъ m-me д'Егриньонъ, а черезъ нѣкоторое время m-me de Жервезъ и графиня Шуазель кузина его друга. Всѣ эти дамы, на-перерывъ, старались очаровать и смутить юношу, сильнаго еще своею скромностью, и всѣ разобрали дни, которые Андрей

Дмитріевичъ долженъ былъ проводить у нихъ. Не смотря на то, что всѣ дамы, съ которыми Андрей Дмитріевичъ сошелся у маркизы, были молоды, любезны и хороши, преимущественное впечатлѣніе оставили въ немъ, можетъ быть по воспоминанію о своихъ друзьяхъ, хозяйка дома—маркиза и графиня de Шуазель. Отъ ихъ взгляда, нашъ юноша просто таялъ и млѣлъ, какъ настоящій юноша. Что нибудь болѣе смѣлое ему и въ голову не приходило. Смотря на нихъ, даже думать о чемъ нибудь такомъ ему казалось святотатствомъ. Подъ такимъ-то руководствомъ и покровительствомъ вступилъ онъ въ большой свѣтъ парижской аристократіи.

Возвратясь отъ Куаньи, онъ нашелъ въ отелѣ секретаря посольства, молодаго Голицына, который пригласилъ его къ послу.

Князь Куракинъ тоже распрашивалъ его о сраженіи, объ аудіенціи у Людовика, о наградѣ, хвалилъ его, но сказалъ, что на принятіе награды отъ иностраннаго государя слѣдуетъ испросить соизволеніе своего императора. Онъ говорилъ:

— Я не считаю себя въ правѣ воспретить вамъ носить данный орденъ здѣсь,—это могло бы быть принято королемъ неблагопріятно; но непремѣнно нужно испросить разрѣшенія нашего государя. Я это сдѣлаю за васъ и во всякомъ случаѣ удостовѣряю, что вы безъ награды не останетесь!

Андрей Дмитріевичъ полагалъ, что эта награда ограничится, какъ бывало всегда, когда ему писалъ Девьеръ,—десятью или пятнадцатью луидорами, но и за нихъ онъ былъ бы очень благодаренъ. Петръ щедрою рукою содержалъ своихъ питомцевъ, но его щедрость не превышала, разумѣется, необходимости того, для чего отправленный былъ предназначенъ, и ни въ какомъ случаѣ не могла удовлетворить потребности того, кто хотѣлъ вертѣться въ парижскомъ большомъ свѣтѣ. Отъ отца Андрей Дмитріевичъ не получалъ никакого извѣстія, поэтому крайне нуждался въ деньгахъ. У пріятелей своихъ, Куаньи и Шуазеля, онъ перебралъ уже до тысячи экю и не зналъ, какъ и чѣмъ онъ можетъ ихъ заплатить. Но теперь пріятелей этихъ въ Парижѣ не было. Ему предоставили воспользоваться отпускомъ, пока починяется его фрегатъ; а жить было не чѣмъ. Его поддержалъ нѣсколько подносъ,

вынесенный отъ короля г-жею Ментенонъ, за который ему дали восемьсотъ экю; но что значатъ восемьсотъ экю въ парижской жизни? Андрей Дмитріевичъ не зналъ, что дѣлать, и думалъ было уже отправиться обратно на фрегатъ, какъ въ это время наткнулся на похожденіе, столь обыкновенное тогда въ Парижѣ. Въ него влюбилась одна изъ старыхъ дамъ, бывшая еще придворною покойной Анны Австрійской,—герцогиня де-Муши. Она, безъ всякой церемоніи, прося его, чтобы онъ проводилъ ее съ какого-то вечера, увезла его къ себѣ въ свой загородный домъ и тамъ держала въ плѣну цѣлыя трое сутокъ. За то въ эти три дня она осыпала его и деньгами, и бриліантами, и всѣмъ, чѣмъ только могла быть богата любовь старой женщины. Притомъ, говоря о разныхъ похожденіяхъ свѣтскихъ дамъ, она научила его по-матеріальнѣе смотрѣть на свои отношенія къ женщинамъ и не глядѣть на нихъ, какъ на недоступныя божества. Съ легкой руки этой старухи, Андрей Дмитріевичъ пошелъ въ ходъ, получивъ въ свѣтѣ едва-ли не офиціальное званіе любовника молоденькой маркизы Куаньи, у которой М-me де-Шуазель дала себѣ слово непремѣнно его отбить.

Между тѣмъ пришли письма изъ Россіи, и посолъ, который вездѣ встрѣчался съ молодымъ княземъ Зацѣпинымъ, счелъ нужнымъ самъ заѣхать къ нему. Онъ привезъ къ нему письмо Петра.

«Брагодарю тебя, Зацѣпинъ, что ты показалъ себя молодцомъ. Надѣюсь, что и впредь будешь держать себя съ такимъ же достоинствомъ, а паче приготовишься съ отличіемъ служить своему отечеству. Награды, данныя тебѣ братомъ Людовикомъ, утверждаю, а отъ себя назначаю, не въ счетъ жалованья, на твои депансы, 200 луидоровъ французской чеканки, которыя получишь отъ посла.

Благорасположенный къ тебѣ
Петръ».

Одна добрая вѣсть другую несетъ. Въ то же время Андрей Дмитріевичъ получилъ письмо и отъ своего отца.

«Любезный сынъ мой, князь Андрей! писалъ отецъ.—Посылаю я тебѣ прежде всего свое отцовское благословеніе, во вѣки

нерушимое. Не писалъ я къ тебѣ потому, что не зналъ какъ и писать; только вотъ сегодня, въ совѣтѣ, Меншиковъ мнѣ сказалъ, что не токмо писать, но и посылать тебѣ все можно, и, спасибо, научилъ какъ сдѣлать, чтобы не пропало. Потому пишу и прошу тебя прежде всего, любезный сынъ мой, помни нашу православную вѣру и ни ради корысти, ни ради чести, ни даже для спасенія живота своего отъ нея не отступай. Еще скажу: берегись ты и не принимай всѣхъ этихъ новшествъ, что изъ человѣка обезьяну дѣлаютъ, а помни одно, что ты князь Зацѣпинъ, потомокъ свѣтлаго дома Рюрика и св. Владиміра, и что тебѣ не въ скоморохи идти. Я здѣсь одинъ, мать въ Зацѣпинѣ, а брата подъ турокъ угнали. Вотъ видишь, какое мы иго несемъ! Посылаю тебѣ, чтобы тебѣ жить было чѣмъ и не нуждаться, а жить какъ слѣдуетъ настоящему Зацѣпину, три полтысячи нашихъ рублевиковъ. Еще столько же ты можешь получить отъ нашего жида Постельса; тутъ на него есть записка отъ здѣшняго голландца Бранта. Шереметевъ мнѣ говорилъ, что лучше всего такъ пересылать; но, признаться, я побоялся. Въ жидовъ-то я не больно вѣрю. А если ты получишь исправно, то увѣдомь; я съ Брантомъ сговорился, чтобы каждые полгода тебѣ по стольку же доставлять. Деньги береги, напрасно не мотай! Помни, что копѣйка рубль бережетъ; но и не скупись, не жадничай, будь какъ есть Зацѣпинъ. Коли будетъ мало, напиши, я и еще пришлю; только веди себя такъ, чтобы ни мнѣ, ни брату за тебя краснѣть не пришлось, да и насъ здѣсь не забывай. А тамъ, да будетъ надъ тобой милость Божія, которая доселѣ насъ не оставляла и пребудетъ надъ тобою нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ

твой отецъ

Князь Дмитрій Зацѣпинъ».

Такимъ образомъ началъ Андрей Дмитріевичъ свое поприще въ парижскомъ свѣтѣ. Черезъ годъ онъ сдалъ морской офицерскій экзаменъ и, съ разрѣшенія Петра, поступилъ на службу лейтенантомъ въ французскій флотъ. Вскорѣ онъ, благодаря покровительству г-жи Ментенонъ, былъ назначенъ морскимъ адъютантомъ при особѣ короля.

Къ сожалѣнію, ему недолго пришлось отправлять эту должность. Людовикъ XIV, какъ ни молодился онъ до послѣдней минуты, вскорѣ умеръ, и русскому князю досталась честь нести за его гробомъ, вмѣстѣ съ ассистентами, его королевскій штандартъ.

Послѣ смерти короля, у князя не осталось другой обязанности, кромѣ жизни въ свѣтѣ, въ обществѣ. Онъ съумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ вполнѣ. Блескъ двора, къ которому онъ имѣлъ полное право причислять себя и отъ котораго пользовался различными аксиденціями, не отнималъ у него времени отъ удовольствій, любви и волокитства. Его извѣстная смѣлость и храбрость заставляли всякаго беречься вступать съ нимъ въ соперничество; а его любезность, истинно французская, и притомъ французская временъ принца регента, давала ему право успѣвать даже тамъ, гдѣ это нельзя было и ожидать. Маркиза Куаньи должна была въ это время, съ своимъ полуразвалиной мужемъ, ѣхать въ Пьерофонъ на югъ Франціи. Но у князя Андрея Дмитріевича была наготовѣ другая покровительница, графиня де-Шуазель.

Эта рыжеватенькая, живая и очаровательная француженка дала себѣ слово закружить русскаго дикаря такъ, чтобы онъ не только себя, но и цѣлый міръ забылъ. А чего не сдѣлаетъ хорошенькая француженка, если захочетъ? Она и точно перевернула всѣ понятія Андрея Дмитріевича, сдѣлала его истиннымъ французомъ во всемъ, не тронувъ только религіи; но, надо полагать, что молоденькая герцогиня о религіи не думала. Она торжествовала, видя съ какою завистью смотрѣли всѣ на ея красавца-любовника. Ничего не требуя и ничѣмъ не стѣсняя его, правда и сама не отличаясь особою вѣрностью, она, по справедливости можно сказать, украшала жизнь его всѣмъ, что только есть пріятнаго въ жизни, и хлопотала доставить ему все, что онъ могъ только пожелать.

У нея встрѣтился онъ и съ тогдашнею военною знаменитостью Морицемъ Саксонскимъ, который былъ назначенъ командующимъ войсками въ Нидерландахъ. Для разнообразія, Андрей Дмитріевичъ принялъ на себя обязанность состоять при его корпусѣ въ качествѣ моряка.

Нѣсколько стычекъ, которыми онъ командовалъ, нѣсколько совѣтовъ, которые онъ успѣлъ предложить, разумѣется, не давали

ему права на особую благодарность французской арміи; но служивъ при корпусѣ, онъ сошелся очень близко съ главнокомандующимъ, который съ нимъ, какъ съ русскимъ, охотно говорилъ о своей завѣтной мечтѣ—герцогствѣ Курляндскомъ и о вдовствующей герцогинѣ, бывшей русской великой княжнѣ. Близость ихъ обозначилась взаимными одолженіями. Благодаря представленіямъ маршала-графа, Андрей Дмитріевичъ получилъ золотую саблю; а благодаря предстательству Андрея Дмитріевича, роскошному и блестящему графу-маршалу, вѣчно запутывавшемуся въ политическихъ интригахъ и долгахъ, открыла обширный кредитъ старая и страстная герцогиня Муши.

Но служить въ арміи Андрею Дмитріевичу удалось не долго. Парижскія покровительницы живо вытребовали его къ себѣ. Да и самъ онъ подумалъ: стоитъ-ли, для какихъ бы то ни было отличій, зябнуть по ночамъ въ палаткахъ, не имѣть иногда не только шампанскаго, но даже кислаго пикардійскаго вина, не доспать и не доѣсть, когда можно беззаботно наслаждаться жизнью въ Парижѣ.

Маркиза Куаньи возвратилась съ водъ, графиня Шуазель была прекраснѣе и потому могущественнѣе, чѣмъ когда либо, и Андрей Дмитріевичъ явился опять дѣлить свое время между двумя прекраснѣйшими женщинами Франціи, будучи другомъ ихъ мужей, ихъ родныхъ и друзей, и одерживая легкія побѣды между другими красавицами самаго блестящаго и самаго развратнаго общества, окружившаго собою принца регента по кончинѣ Людовика XIV.

Но тутъ вдругъ случился скандалъ, перевернувшій всю прелесть этого, счастливаго для князя Андрея Дмитріевича, времени.

Князь Голицынъ, одинъ изъ состоявшихъ при посольствѣ молодыхъ секретарей, съ сестрою своею, бывшею замужемъ за Долгорукимъ, вдругъ вздумали перейти изъ православія въ католицизмъ.

Это взволновало всѣхъ, и Петръ, опасаясь, чтобы примѣръ этотъ не нашелъ подражателей, разомъ и въ самой строгой формѣ потребовалъ, чтобы всѣ находившіеся за границей русскіе возвратились въ отечество.

Нужно было повиноваться, и князь Андрей Дмитріевичъ явился въ Россію.

Онъ засталъ Петра уже на смертномъ одрѣ; тѣмъ не менѣе онъ увидѣлъ его живымъ, получилъ его благодарность и одобреніе и былъ представленъ имъ самимъ императрицѣ. Петръ приказалъ ему явиться къ генералъ-адмиралу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, какъ прямому его начальнику, и къ своему любимцу—князю Меншикову. Графъ былъ человѣкъ еще не старый, но уже обрюзглый и облѣнившійся. Gourmand по природѣ, съ скопческимъ выраженіемъ лица и неопредѣленнымъ немножко растерянным взглядомъ своихъ голубыхъ, добрыхъ глазъ, онъ всего болѣе заинтересовался разсказомъ князя объ откармливаніи гусей въ Страсбургѣ и пулярдъ въ Нормандіи, да еще о приготовленіи персиковъ съ французскою водкою, и былъ очень доволенъ, получивъ полдюжины банокъ этихъ персиковъ въ подарокъ. Онъ пригласилъ его къ себѣ обѣдать по четвергамъ, и въ первый четвергъ старался угостить такъ, чтобы заставить Андрея Дмитріевича забыть, что онъ не въ Парижѣ. Меншиковъ принялъ его серьезнѣе. Онъ очень много распрашивалъ его о Морицѣ, и, главное, интересовался его любовницами; говорилъ хотя и вскользь, о Курляндіи и о надеждахъ Морица надѣть герцогскую корону; вообще тоже былъ весьма привѣтливъ. Меншиковъ разсчиталъ, что, не смотря на древность своего рода, по недавному возвращенію своему изъ-за границы и той изолированности, въ которой держались Зацѣпины, они не могутъ имѣть прочныхъ связей между старинными родами московскихъ бояръ, и рѣшилъ этимъ воспользоваться. Поэтому князь былъ принятъ на службу прямо капитанъ-командоромъ и подъ его команду былъ назначенъ строившійся въ адмиралтействѣ стопушечный корабль. Въ день смерти императора, при избраніи императрицы Екатерины, Меншиковъ приказалъ ему со всѣми офицерами его команды явиться во дворецъ. Само собой разумѣется, что такая, какъ бы назвали нынче, демонстрація не могла не имѣть хотя косвеннаго вліянія на самое избраніе. За то Андрей Дмитріевичъ, при воцареніи Екатерины, получилъ патентъ на контръ-адмиральскій флагъ и былъ жалованъ деревнями. Начало блестящее для только что поступившаго на службу, тѣмъ болѣе, что въ то же время онъ былъ назначенъ тайнымъ совѣтникомъ и дѣйствительнымъ камергеромъ при особѣ ея величества, а ему не было еще и тридцати лѣтъ.

Но онъ не увлекся этими милостями, хотя и начали было говорить, что Меншиковъ усиленно старается выдвинуть его впередъ, чтобы ослабить вліяніе на императрицу Рейнгольда Левенвольда. Правда, что императрица хотя и сохранила еще остатки своей необыкновенной красоты, но, разумѣется, ни по своей свѣжести, ни по способности увлекать и очаровывать, не могла уже становиться въ уровень ни съ молоденькой и игривой де-Шуазель, ни съ поэтически-прекрасною маркизою де-Куаньи; но все-таки, при той обстановкѣ, въ которой находилась императрица, она могла останавливать на себѣ горячія симпатіи, особенно такого человѣка, который цѣломудріе не признавалъ добродѣтелью. Но онъ хотѣлъ, прежде чѣмъ на что либо рѣшиться, поосмотрѣться, пообдуматься и не подвергать себя опасности изъ-за интересовъ, для него совершенно чуждыхъ. А главное, онъ хотѣлъ продолжать въ Петербургѣ свою парижскую жизнь, которая, какъ онъ находилъ, всего болѣе соотвѣтствовала его вкусу и наклонностямъ.

Въ это время преобразовательныя требованія Петра начали уже обозначаться въ петербургской жизни. Въ Петербургѣ начало уже образовываться общество. Наплывъ иностранцевъ, изъ которыхъ многіе уже начинали обрусѣвать и были женаты на русскихъ, болѣе и болѣе усиливалъ это общество. Положимъ, что оно было еще только карикатура парижскаго свѣта, тѣмъ не менѣе въ немъ уже сіяло нѣсколько красавицъ неподдѣльнымъ блескомъ. Въ этомъ обществѣ, ловкій, любезный, образованный и красивый князь Андрей Дмитріевичъ буквально царилъ. Но даже и въ этомъ своемъ абсолютномъ свѣтскомъ царствованіи онъ умѣлъ держать себя весьма осторожно и сдержанно. Относясь въ душѣ своей съ полнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ этимъ выскочкамъ, ко всѣмъ этимъ проходимцамъ, стало быть, ставя совершенно на одну доску Меншикова и Ягужинскаго, Остермана съ его Левенвольдами и Головкина, Девіера и Макарова, онъ не хотѣлъ сближаться и съ ихъ противниками: Черкасскимъ, Апраксинымъ, Голицыными, Долгоруковыми. Но не сближаясь ни съ кѣмъ, онъ былъ на столько со всѣми вѣжливъ, на столько предупредителенъ, что всѣ партіи признавали его своимъ, отводили ему мѣсто въ своемъ кружкѣ и высказывали свои предположенія на столько, на сколько князь Андрей Дмитріевичъ желалъ, чтобы они

высказывались. Онъ выдумалъ для себя при дворѣ особую спеціальность и этою спеціальностью поддерживалъ свое значеніе. Эта спеціальность была завтраки или утренники, какъ онъ называлъ ихъ. Эти завтраки—блѣдное подражаніе ужинамъ герцога Орлеанскаго, но подражаніе умно и съ толкомъ примѣненное,—очень понравились невзыскательному тогдашнему обществу. Они были новостью и новостью для всѣхъ пріятною, тѣмъ болѣе, что въ искусствѣ угощать и распорядиться угощеніемъ князь Андрей Дмитріевичъ и въ Парижѣ немного встрѣчалъ себѣ соперниковъ. Притомъ, онъ подмѣтилъ склонность императрицы, заимствованную, можетъ быть, отъ своего великаго супруга, довольно благосклонно снисходить на вѣрноподданническіе тосты, и у него всегда находился или какой нибудь необыкновенный ликеръ, доставленный ему пріятелемъ, пріоромъ бенедиктинскаго монастыря Монтандромъ, или какое нибудь столѣтнее венгерское, присланное отъ двора короля Августа, или дивный рейнвейнъ изъ погреба самаго римскаго императора, отъ которыхъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, его прямой начальникъ, былъ просто въ восторгѣ.

Такимъ способомъ князь Андрей Дмитріевичъ удержался на своей высотѣ при всѣхъ переворотахъ, получая при каждомъ изъ нихъ знаки особой милости. Когда вступила на престолъ Анна Іоанновна, то, независимо отъ того, что Бирономъ съ удовольствіемъ желалъ видѣть его у себя въ гостиной, какъ дѣйствительно русскаго князя, настоящаго барина среди этихъ нѣмецкихъ прощалыгъ, и притомъ барина, котораго ловкость, разумъ и умѣнье держать себя могли служить имъ, воспитаннымъ въ казармахъ и конюшняхъ, живымъ образцомъ хорошаго тона, существовавшаго при несомнѣнно самомъ утонченномъ дворѣ Людовика XIV и его преемника,—независимо отъ того, князь Андрей Дмитріевичъ воспользовался еще воспоминаніями самой императрицы о своемъ бывшемъ женихѣ и своими отношеніями къ Морицу Саксонскому, когда онъ состоялъ при немъ. Женщина всегда женщина, и какъ ни беззавѣтно расположена была императрица къ любезно-вѣрному Бирону, котораго «полезная и усердная служба не инако, какъ къ совершенной, всемилостивѣйшей благоугодности нашей касаться могла», но все же ей было отрадно слышать, что былъ человѣкъ, на котораго,

будто бы, какъ завѣрялъ ее Андрей Дмитріевичъ, она произвела неотразимое впечатлѣніе, и который столько лѣтъ хранитъ образъ ея въ своемъ сердцѣ.

Вотъ этотъ-то господинъ, названный нами по всей справедливости русскимъ петиметромъ, принесшій въ Петербургъ къ молодымъ дворамъ преемниковъ Петра весь лоскъ, все изящество, всю внѣшнюю сдержанность и искусство дворовъ Людовика XIV и принца-регента, ихъ взгляды, понятія, образъ мыслей, даже выраженія— этотъ господинъ и принялъ на себя трудъ отгранить, отшлифовать своего племянника во всемъ, что ему казалось несоотвѣтственнымъ и неизящнымъ. Отсюда понятно и то противорѣчіе ихъ взглядовъ и понятій, обозначившееся при ихъ первомъ свиданіи. Тотъ и другой въ мысляхъ своихъ, нѣтъ сомнѣнія, были аристократы, аристократы до конца ногтей. Но одинъ былъ аристократъ русскій, съ своею идеею служенія народу и родовымъ началамъ; а другой— аристократъ французъ, думающій, что весь вопросъ въ томъ, чтобы только родиться княземъ Зацѣпинымъ, а далѣе естественно уже необходимо сіять своимъ блескомъ и освѣщать трудящійся въ потѣ лица темный людъ, для своего собственнаго удовольствія, и даже отчасти благодѣтельствовать ему, но благодѣтельствуя, въ сущности все-таки презирать. Вотъ два противоположныхъ мнѣнія, исходившихъ изъ одного начала. Одно изъ нихъ обладало всѣмъ лоскомъ свѣтскости, всею силою образованія и изящества; другое— остановилось на своей родословной и думало только какъ бы не стать съ кѣмъ въ версту, хотя бы для того приходилось умереть съ голоду, или быть въ нѣтчикахъ. Можетъ ли быть сомнѣніе, которое изъ этихъ двухъ началъ должно было побѣдить?

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ЗАЦѢПИНЫХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ШАРДИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Лекарь.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Было лѣто, но Петербургъ не пустѣлъ, какъ пустѣетъ онъ нынче лѣтомъ. Дачная жизнь въ то время была весьма мало развита въ Петербургѣ. Правда, императрица, въ жаркое время, переѣзжала недѣли на двѣ въ Петергофъ; но этимъ, кажется, и ограничивалось стремленіе петербургскихъ жителей къ лѣтнимъ переселеніямъ. Да и самый переѣздъ императрицы былъ, можно сказать, почти номинальный. Большую часть времени, назначеннаго для Петергофа, императрица проводила въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, въ семействѣ Бирона, который жилъ тамъ зимою и лѣтомъ. Что же касается до вельможъ и богачей того времени, то они, если имѣли свободное время, стремились скорѣй съѣздить въ свои деревни или въ Москву, а никакъ не довольствовались жиденькою зеленью еще необсохшихъ болотъ, составляющихъ петербургскія окрестности, тѣмъ болѣе, что, нужно сказать правду, окрестности эти въ то время были куда непривлекательны. Правда, нѣсколько дачъ было уже выстроено около Екатерингофа и по петергофской дорогѣ, также на Аптекарскомъ островѣ и по берегу Невы, но такая постройка производилась отчасти тѣми, которые желали угодить Петру Великому, любившему лѣтнія и временныя помѣщенія, и въ которыя потомъ, по смерти великаго государя, они и не заглядывали; большею же частью иностранцами, переносившими къ намъ исподволь свои обычаи, стало быть и выѣздъ лѣтомъ изъ города на дачу. Что же касается до коренныхъ жителей Петербурга, т. е. того рабочаго люда, который теперь скорѣе отказывается отъ хлѣба, чѣмъ отъ удовольствія поглотать лѣтнюю пыль гдѣ нибудь на дачѣ, то таковое стремленіе въ нашемъ обще-

ствѣ началось только въ нынѣшнемъ столѣтіи и развилось преимущественно въ послѣднее пятидесятилѣтіе.

Оно и понятно. Дачная жизнь не могла развиваться въ едва возникавшемъ тогда Петербургѣ. Первая причина тому была, какъ мы указали, неприглядность болотистыхъ окрестностей и необходимость чрезвычайныхъ усилій, чтобы сдѣлать ихъ сколько нибудь обитаемыми; вторая — почти совершенное отсутствіе сообщеній; дороги тогда и въ самомъ Петербургѣ, а не только въ его окрестностяхъ, были до того дурны, что нельзя было быть увѣреннымъ, что по нимъ всегда можно проѣхать, а это, разумѣется, не могло не представлять для трудоваго и служащаго люда чрезвычайнаго затрудненія, какъ потому, что нельзя же было отказаться на лѣто отъ всякой дѣятельности, такъ и потому, что снабжать себя всѣмъ нужнымъ, даже въ незначительномъ отъ Петербурга разстояніи, было весьма трудно. Наконецъ, третья причина, заставлявшая петербургскихъ жителей того времени равнодушно относиться къ переселенію на дачи, это — отсутствіе тѣхъ условій, которыя въ настоящее время лѣтомъ гонятъ изъ Петербурга стараго и малаго, богатаго и бѣднаго. Петербургъ не представлялъ тогда сплошной, скученной массы большаго города; въ немъ не было этихъ сплоченныхъ стѣнъ каменныхъ домовъ, плодящихъ уличную пыль и наполняющихъ воздухъ міазмами своихъ подваловъ и задніхъ дворовъ. Петербургъ тогда былъ собраніе разбросанныхъ на обширномъ пространствѣ слободъ, раздѣляемыхъ обширными пустырями и даже рощами, и состоялъ изъ низенькихъ домиковъ, большею частью окруженныхъ садами и отстоящихъ одинъ отъ другаго на довольно значительномъ разстояніи. Воздухъ Петербурга былъ не только не хуже, но благорастворенніе и легче воздуха его болотныхъ окрестностей. Петербургъ, можно сказать, состоялъ тогда весь изъ дачъ, большихъ и малыхъ, прилегающихъ одна къ другой и освѣжающихъ своими возникающими садами одна другую. Общимъ центромъ этихъ дачъ былъ лѣтній садъ, съ обширнымъ лугомъ, выходящимъ на Неву, и занимающій все обширное пространство, которое въ настоящее время занимается множествомъ зданій отъ угла Фонтанки и Большой Итальянской, до самаго Мраморнаго дворца, гдѣ находился дворецъ цесаревны Елисаветы, съ располо-

женнымъ, среди этой массы зелени, лѣтнимъ дворцомъ государыни. Понятно, что жизнь концентрировалась около этого пространства, которое привлекало къ себѣ и удобствомъ, и устройствомъ, и назначаемыми нерѣдко въ саду праздниками. Жители зимою и лѣтомъ не находили нужды искать себѣ болѣе простора и воздуха и жили въ городѣ почти одинаково, какъ мы теперь живемъ на дачѣ.

Зимою 1739 и 1740 годовъ, особенно привлекали къ себѣ мужское населеніе высшаго петербургскаго свѣта вечера и пріемы, устроенные пріѣхавшею въ началѣ 1739 года французскою актрисою Леклеръ. У ней постоянно собирались всѣ любящіе пожить, поиграть, повеселиться, стало быть всѣ, имѣющіе деньги въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, иностранные негоціанты, путешественники, вообще вся золотая молодежь, какъ сказали бы теперь, что можно было впрочемъ сказать и тогда, съ тѣмъ только, чтобы включить въ число молодежи всѣхъ богатыхъ людей отъ 16 до 70 лѣтъ. На эти вечера, не смотря на лѣтнее время, съѣзжались даже болѣе чѣмъ зимою, такъ какъ открытый садъ и общая непринужденность дѣлали пріемы Леклеръ весьма пріятными.

За Коричневымъ или Аничкинымъ мостомъ, по Фонтанкѣ, проѣзжая Троицкое подворье и домъ Обольянинова, среди зелени, стояла красивенькая дачка, съ бельведеромъ, балконами и терасой, занимаемая Леклеръ. Къ окнамъ дачи были придѣланы,—новость для тогдашняго Петербурга—маркизы,—выдумка маркизы Помпадуръ, любившей защищать себя отъ парижскаго солнца прежде даже, чѣмъ дѣйствительное парижское солнце или французскій король освѣтилъ ее своимъ сіяніемъ. Только тогда онѣ не назывались еще маркизами, а носили скромное наименованіе опускныхъ сторъ. Кромѣ того окна закрывались на-глухо ширмами обыкновенными и двойными занавѣсями, такъ что съ улицы нельзя было видѣть никого и ничего; тѣмъ не менѣе безпрерывный пріѣздъ, веселый говоръ, иногда музыка или пропѣтая арія привлекали всегда къ забору этой дачи множество любопытныхъ. Садъ былъ густой, полный зелени и множества цвѣтовъ. На небольшой зеленой площадкѣ были устроены разныя затѣи и игры, въ родѣ гигантскихъ шаговъ, игры въ кольцо и бильбоке, прыганья черезъ доску, силомѣра, попаданья въ щитъ, карусели и т. п. Одна изъ алей этого сада, по вечерамъ, когда

были гости, освѣщалась большими китайскими фонарями. Внутреннее убранство дачи было далеко невеликолѣпно. Оно не могло даже сколько нибудь походить на убранство помѣщеній нынѣшнихъ героинь, пріѣзжающихъ привлекать къ себѣ общество; но оно расположено было такъ уютно, такъ хорошо, въ немъ въ такой степени былъ видѣнъ изящный вкусъ француженки, умѣющей самымъ простымъ вещамъ придать художественный оттѣнокъ, что нельзя было не согласиться, что, при любезности и ловкости хозяйки, оно не могло не стать любимымъ мѣстомъ собранія мужчинъ, желающихъ сбросить съ себя на время чопорность и натянутость отношеній тогдашняго петербургскаго большаго свѣта.

Леклеръ пріѣхала въ Петербургъ недѣли на двѣ. Она думала только воспользоваться гастролями и дать нѣсколько представленій, разсчитывая преимущественно на своихъ переселившихся въ Петербургъ земляковъ. Она думала, что въ этой странѣ дикарей, какъ величала она русскихъ, никто не будетъ въ состояніи ни понять ее, не оцѣнить. Но, взглянувъ на этихъ дикарей поближе, она замѣтила, что ихъ рубли имѣютъ такую же притягательную силу, какъ и экю ея христіаннѣйшаго короля, и что между ними деньги наживать даже легче, чѣмъ въ обожаемой Франціи. Поэтому она рѣшилась остаться, конечно не съ тѣмъ, чтобы служить примѣромъ нравственности и недоступности. Она говорила, что чувствуетъ въ себѣ призваніе продолжать дѣло Петра Великаго, т. е. образовывать этихъ варваровъ, обращая ихъ въ настоящихъ европейцевъ, разумѣется съ тѣмъ, чтобы при такомъ обращеніи они не забывали деньги, выжимаемыя ими изъ крѣпостнаго труда, передавать въ хорошенькія и нѣжныя ручки пріѣзжей артистки и ея подругъ, которыя за то обязательно принимали на себя заботу не допускать до нихъ скуки, обыкновенной спутницы полуобразованія.

И нужно отдать справедливость Леклеръ. Она соединила у себя все, чтобы между ея собесѣдниками не могло быть такой непріятной гостьи, какъ скука. Милыя и хорошенькія женщины, подъ предводительствомъ самой хозяйки и далеко не съ особенно строгимъ взглядомъ на жизнь; музыка, танцы, хорошій ужинъ, запиваемый легкимъ французскимъ виномъ, всегда веселая, игривая француз-

ская болтовня, наконецъ, огромная карточная игра,—могли бы прогнать сплинъ даже у ипохондрика и разумѣется не могли не притягивать тогдашняго общества, которое у себя дома находило именно только одну скуку, а въ гостяхъ другъ у друга натянутость и претензіи.

Въ домѣ у Леклеръ образовалось нѣчто въ родѣ клуба. Всякій входящій вносилъ свою лепту на угощеніе и устройство. Но какъ угощеніе было роскошное, то никто и не думалъ объ этой лептѣ, приводя къ ней своихъ знакомыхъ. Потомъ всякій обязывался подчиняться правиламъ, которыя были установлены подъ опасеніемъ изгнанія и недопущенія впредь посѣщенія Леклеръ; а это было бы для весьма многихъ существеннымъ лишеніемъ, такъ какъ проводить время не принужденно, съ удовольствіемъ и въ обществѣ, было рѣшительно негдѣ. Не было ни постоянныхъ театровъ, ни клубовъ, ни какихъ либо общественныхъ учрежденій, даже трактира хорошаго не было; австеріи Петра Великаго давно уже обратились въ простые харчевни и кабаки. Первымъ правиломъ у Леклеръ было поставлено—точный разсчетъ по игрѣ; вторымъ—воспрещеніе всякихъ насильственныхъ требованій и рыцарская вѣжливость къ женщинамъ, кто бы онѣ ни были. Далѣе, относительное равенство всѣхъ гостей, отсутствіе чиновъ и рангова. Наконецъ, взаимное ручательство одного передъ другимъ за тѣхъ, кто представляется хозяйкѣ вновь, и совершенное недопущеніе въ общество тѣхъ, кто среди знакомыхъ хозяйки не можетъ представить за себя ручателя въ томъ, что онъ ничѣмъ существующаго въ домѣ порядка не нарушитъ.

Разумѣется, соблюденіе этихъ правилъ могло состояться только при особой ловкости и любезности хозяйки и интимности ея отношеній ко многимъ и многимъ. Но дѣло въ томъ, что, благодаря этимъ отношеніямъ, ловкости и любезности Леклеръ и все уравнивающей и примиряющей силѣ золота въ общей игрѣ, въ гостиной Леклеръ общество сплочивалось, сближалось и начинало образовывать дѣйствительно нѣчто похожее на то, что мы называемъ въ настоящее время обществомъ, а не представляло собранія маріонетокъ, въ которомъ каждая кукла, если и думаетъ что нибудь, то непремѣнно только о себѣ.

Само собою разумѣется, что отношенія Леклеръ къ ея гостямъ не отличались пуризмомъ; весьма вѣроятно, что многіе изъ нихъ имѣли полное право вспоминать очаровательную хозяйку въ положеніи, нисколько не напоминающемъ цѣломудренную Лукрецію. Но до сихъ поръ всѣ эти отношенія покрывались столь непроницаемымъ флеромъ, что всякій могъ вспоминать о нихъ только про себя, даже до того, что каждый намекъ на какую либо короткость съ Леклеръ вызывалъ общее сомнѣніе, какъ хвастливая клевета. Извѣстны были въ Петербургѣ три—четыре лица, съ которыми она будто бы была интимнѣе; но далеко ли доходила эта интимность—никто опредѣлить не могъ. Каждый изъ ея посѣтителей имѣлъ такъ мало преимущества передъ другими и настолько мало распространялось вліяніе на нее каждаго, что можно было увѣрять положительно, что она хороша съ каждымъ только какъ съ добрымъ знакомымъ, но только какъ съ знакомымъ и болѣе ничего. Все это было однако же до тѣхъ поръ, когда внезапно, вдругъ, будто выросло передъ глазами всѣхъ, преобладаніе молодаго князя Зацѣпина. Потому ли, что двадцати-семи-лѣтней красавицѣ надоѣло быть безцѣльною мишенью всѣхъ и она рѣшилась выбрать себѣ офиціальнаго покровителя, столь соотвѣтственнаго желаніямъ всѣхъ такого рода женщинъ, т. е. молодаго, красиваго, съ титуломъ, богатаго и неревниваго, или просто потому, что она влюбилась въ красиваго юношу, хотя этотъ юноша сперва былъ почти медвѣжонокъ и только начиналъ подъ руководствомъ дяди и при ея помощи отшлифовываться. Но какъ бы тамъ ни было, дѣло было въ томъ, что съ нѣкотораго времени она возилась съ нимъ почти исключительно; она учила его, читала съ нимъ, танцовала и почти не спускала съ него глазъ, на общую зависть получающихъ отъ нея весьма много любезностей, но ни малѣйшаго знака вниманія.

Но вотъ она сама передъ читателями, въ своей синей съ малиновыми разводами гостиной, на диванѣ, обитомъ синимъ атласомъ, передъ рабочимъ столикомъ изъ темнаго краснаго дерева съ бронзою. Она одѣта въ черный корсажъ съ бриліантовыми пуговками; бриліантовая нитка охватываетъ ея шею; платье на ней изъ индѣйской кисеи, съ затканными серебряными цвѣтами. Напудренная

головка ея чрезвычайно оттѣняетъ ея черныя тонкія брови, черныя же длинныя рѣсницы и строгія линіи ея нѣжнаго профиля. Живые, черные глаза даютъ выраженіе, сообщаютъ осмысленность ея миловидному личику. Въ рукахъ у нея китайскій кастетъ, модная игрушка того времени. Сегодня четвергъ, пріемный день Жозефины Леклеръ, и она ждетъ гостей. И точно, не прошло получаса, гости начали съѣзжаться.

Прежде всѣхъ пріѣхали двѣ ея подруги, тоже француженки, долженствовавшія помогать ей въ доставленіи развлеченія посѣтителямъ; одна изъ нихъ молоденькая и хорошенькая блондинка, дочь содержателя моднаго магазина, другая—брюнетка, лѣтъ тридцати, живая, веселая и мастерски играющая на фортепіано. Обѣ онѣ желаютъ поступить на содержаніе, но не менѣе, какъ на 12 тысячъ въ годъ, и обѣ заявили, что не брезгуютъ и стариками. Вслѣдъ за ними пріѣхалъ богатый москвичъ Мятлевъ, а за нимъ Карлъ-Густавъ Левенвольдъ, который сообщилъ, что братъ его Рейнгольдъ не будетъ, такъ какъ государыня взяла его сегодня съ собой въ Петергофъ; тамъ на завтра назначена медвѣжья травля, приглашены разумѣется, всѣ Бироны, Румянцевъ, Новосильскій и Менгденъ; говорятъ, государыня сама хочетъ застрѣлить медвѣдя. Въ это время вошли Лестокъ и Лопухинъ, за ними какой-то пріѣзжій богатый англичанинъ, потомъ какая-то соперница Леклеръ по театру. Между тѣмъ Леклеръ все съ безпокойствомъ поглядывала на входную дверь; она видимо кого-то ждала. Француженка сѣла за фортепіано и сыграла каватину, которую приписывали сочиненію герцога Ришелье. Пріѣхалъ Генриковъ и князья Зацѣпины, дядя и племянникъ. Леклеръ разцвѣла. Пожимая руку дядѣ, она сказала племяннику:

— Я заждалась васъ!

— Вы очень добры! отвѣчалъ князь Андрей Васильевичъ: — я боялся пріѣхать слишкомъ рано.

— Жданный гость никогда не пріѣзжаетъ рано, отвѣчала она, останавливая на немъ свой пристальный взглядъ.—Но вы здѣсь, и я забываю свое нетерпѣніе.

— M-me Жозефина! сказалъ Лестокъ, разговаривавшій до того

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ гостиную Лестокъ. Поболтавъ немного съ Салтыковымъ и француженками, онъ незамѣтно вышелъ въ садъ. Зацѣпинъ пошелъ въ залъ, отыскивая глазами Леклеръ.

Тамъ, среди множества столовъ, занятыхъ играющими, онъ увидѣлъ, что Леклеръ стояла у стола, за которымъ игралъ Левенвольдъ съ англичаниномъ. Играли въ экарте. Левенвольдъ былъ блѣденъ. Онъ проигрывалъ одиннадцатую партію сряду. Англичанинъ все увеличивалъ кушъ игры. Зацѣпинъ подошелъ къ столу и сталъ подлѣ Леклеръ.

Черезъ минуту онъ почувствовалъ, что нѣжная ручка Леклеръ легонько сжала его палецъ: потомъ Леклеръ отошла къ окну.

Андрей Васильевичъ понялъ, что она хотѣла ему что-то сказать, и подошелъ.

— Послушай, мой милый принцъ, сказала Леклеръ: — у тебя есть съ собою деньги?

— Какъ не быть, а что?

— Ты помоги Левенвольду. Онъ видимо запутался, не знаетъ, что дѣлаетъ, и самъ не помнитъ себя. Онъ тебѣ заплатитъ непремѣнно и будетъ очень благодаренъ. А братъ его можетъ быть тебѣ очень и очень полезенъ.

— Чтобы я Левенвольду! Никогда! Братъ его врагъ мнѣ!

— Великодушіе, mon prince, великодушіе заставляетъ прощать враговъ! Я тебя прошу, для меня!

Въ это время началась двѣнадцатая партія. Англичанинъ поставилъ на нее огромный кушъ, Левенвольдъ принялъ игру и проигралъ.

— Ну, на сегодня и довольно, сказалъ англичанинъ.—Я почти отыгралъ весь свой проигрышъ прошлой недѣли.

Левенвольдъ внѣ себя опустилъ руки.

II.

Вліятельные типы прошлаго вѣка.

Нѣсколько дней спустя, князья Зацѣпины, дядя Андрей Дмитріевичъ и племянникъ Андрей Васильевичъ, сошлись поговорить по-душѣ. Они сидѣли въ кабинетѣ Андрея Дмитріевича, другъ противъ друга, подлѣ письменнаго стола съ богатою инкрустаціей, выписаннаго изъ Парижа и уставленнаго множествомъ дорогихъ заморскихъ бездѣлокъ и рѣдкостей въ различныхъ родахъ, начиная отъ великолѣпной чернильницы, музыкальнаго ящика и часовъ съ репетиціею, до большой, превосходной работы, фарфоровой статуи великаго короля, каковымъ именемъ французы того времени обозначали обыкновенно Людовика XIV; однимъ словомъ, они сидѣли подлѣ такого письменнаго стола, за которымъ обыкновенно никто никогда ничего не пишетъ. Кабинетъ былъ большая, прекрасная комната, съ большимъ венеціанскимъ, прямо противъ стола, окномъ. Стѣны его были расписаны аль-фреско во вкусѣ рококо и украшены небольшими въ разнообразныхъ рамахъ акварелями, нѣсколько скоромное содержаніе которыхъ напоминало памфлеты фронды и исторію медичисовъ при французскомъ дворѣ. Кругомъ стѣнъ стояли причудливые, тоже во вкусѣ рококо, инкрустированные книжные шкафы и этажерки, работы знаменитаго Буля, блистающіе одинаково, какъ своею инкрустаціею изъ бронзы, черепахи и перламутра, такъ и великолѣпною бѣлою кожею переплетовъ, заключающихся въ нихъ дорогихъ эльзевировскихъ изданій классиковъ, между которыми современный читатель съ изумленіемъ увидѣлъ бы, въ дорогомъ переплетѣ изъ краснаго сафьяна съ золотомъ, и пресловутую Телемахиду. На каждомъ изъ шкафовъ стоялъ мраморный бюстъ писателя, который, по мнѣнію Андрея Дмитріевича, былъ главою того направленія, въ духѣ котораго сочиненія въ этомъ шкафу заключались. Двери и венеціанское окно комнаты были драпированы французскимъ лиловымъ штофомъ съ широкою вышитою бѣлымъ шелкомъ каймою; такою же матеріею была обита вся мебель: кушетка, кресла и особаго рода диванчикъ, замѣнявшій нынѣшніе отоманы. Плафонъ потолка представлялъ мифологическое изображеніе собранія девяти музъ, слушающихъ Аполлона.

Дядя и племянникъ сидѣли оба въ высокихъ креслахъ, черезъ столъ, одинъ противъ другаго. Они говорили между собою видимо съ такимъ интересомъ, котораго далеко не могло имѣть ихъ первое свиданіе. Это былъ уже интересъ обоюдности, интересъ сближенія. И Боже мой, какая перемѣна послѣдовала послѣ того въ нашемъ юношѣ, въ князѣ Андреѣ Васильевичѣ. Это былъ уже не пентюхъ костромскихъ лѣсовъ, въ казинетовой однобрядкѣ, сидящій на кончикѣ тоненькаго стула и боящійся ежеминутно, что онъ подъ нимъ подломится; не новозеландскій дикарь, оглядывающій стѣны и разставленную на столѣ посуду и кушанья, съ мыслью, что это такое, и какъ его ѣдятъ? это былъ уже не господинъ, незнающій куда дѣвать видимо мѣшающія ему руки, и куда спрятать глаза, чтобы въ нихъ не свѣтилось изумленіе отъ каждой бездѣлицы, изумленіе, признаваемое имъ самимъ неприличнымъ. Это былъ уже молодой человѣкъ общества, членъ европейской семьи, видимо готовящійся занять опредѣленное общественное положеніе. Теперь можно быть увѣреннымъ, что онъ не пройдетъ, выворачивая носки ногъ одинъ къ другому, какъ медвѣдь, не сгорбится по-стариковски отъ тяжести своей собственной головы и не станетъ переваливаться съ ноги на ногу, какъ плохой иноходецъ. Нѣтъ это былъ уже въ нѣкоторомъ родѣ представитель преданій европейской утонченности, правда только внѣшней, подражательной, но все же съ нѣкоторыми притязаніями на европеизмъ, и, не смотря на подражательность, съ сохраненіемъ своей самобытности и характерности.

Съ внѣшней стороны, князь Андрей Васильевичъ казался весьма близкою копіею съ дѣйствительно изящнаго и утонченнаго Андрея Дмитріевича, но, разумѣется, ни образованіе, ни понятія Андрея Дмитріевича далеко не могли быть усвоены Андреемъ Васильевичемъ. Но первый вопросъ того времени былъ вопросъ внѣшности и приличій, поэтому удивительно-ли, что подражаніе такой внѣшности не могло не увлечь молодого человѣка.

Онъ сидѣлъ просто и легко, опираясь одною рукою на ручку кресла, а другою граціозно играя привѣсками и печатками цѣпочки своего брегета.

Одѣты они были почти одинаково. въ свѣтло-голубыхъ кафтанахъ французскаго гро-гро, съ блестящими пуговицами изъ сибир-

скаго тяжеловѣса и вышитыми золотомъ петлицами; въ бѣлыхъ, атласныхъ, шитыхъ золотомъ, съ жемчужными пуговицами, камзолахъ, свѣтло-голубыхъ же, французскихъ штанахъ, подхваченныхъ ниже колѣнъ застежками, подходящими къ пуговицамъ кафтана; въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, затянутыхъ золотыми пряжками, осыпанными мелкими бриліантами. На обоихъ были небольшіе, слегка напудренные парики, манжеты, воротники и брыжжи изъ тонкаго д'алансона. На дядѣ, кромѣ того, были еще надѣты знаки орденовъ Андрея Первозваннаго и Св. Духа и осыпанный бриліантами портретъ императрицы Екатерины I на шеѣ. Не смотря на разность ихъ лѣтъ и ту самобытность въ племянникѣ, о которой мы упомянули, въ ихъ разговорѣ, ихъ движеніяхъ, ихъ способѣ держать себя отражался столь одинаковый и столь общій всѣмъ тогдашнимъ петиметрамъ типъ, что, взглянувъ на нихъ, по крайней мѣрѣ на внѣшнее положеніе того и другаго, взглянувъ, какъ они сидятъ и разговариваютъ между собою черезъ уставленный фарфоровыми куклами изъ саксонскаго фарфора столъ, невольно хотѣлось спросить: да ужъ они-то сами не куклы-ли? превосходныя, вполнѣ изящныя и красивыя, но все же куклы, которымъ, помощью особаго, таинственнаго механизма, приданы условныя, автоматическія движенія, въ видѣ изящнаго оборота головы, игры въ рукахъ печатками или табакеркою, художественнаго откинутія корпуса и т. п.

Разумѣется, вопросъ этотъ особенно вызывался взглядомъ на племянника, котораго каждое движеніе, не смотря на его изящность, отличалось дѣланностью, искусственностью, тою искусственностью, которою всегда сопровождается заученность и подражательность.

Говорили они между собою по-французски, что избавляетъ насъ отъ обязанности передавать характерность русскаго жаргона тогдашняго общества, нескончаемо уродовавшаго русскій языкъ иностранными словами и оборотами. Притомъ дядя нерѣдко поправлялъ племянника, стараясь сообщить ему тотъ парижскій акцентъ и то дѣйствительно французское построеніе рѣчи, которыми онъ обладалъ въ совершенствѣ, проживъ въ Парижѣ болѣе двадцати лѣтъ, и въ томъ обществѣ, въ которомъ умѣнье говорить признавалось первымъ достоинствомъ человѣка.

— Ну вотъ и одолѣли медвѣдя! сказалъ дядя, тонко улыбаясь.— Именно, медвѣдя! Такъ я обыкновенно называю каждый визитъ свой герцогу, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ герцогъ. Не правда-ли, что герцогская корона пристала къ нему, какъ, по русской поговоркѣ, къ коровѣ сѣдло? Между тѣмъ онъ ломается, просто паясничаетъ, желая представить изъ себя владѣтельную, царственную особу. Изволь тутъ не смѣяться, да еще поддакивать, когда этотъ, по справедливости, шутъ хочетъ передразнивать этикетъ и обычаи Версаля, и выводитъ свою рябую, неуклюжую, болѣзненную кухарку, чтобы устроить французскій baise-main. Вотъ бы ихъ показать Мольеру! Это ужъ именно во мѣщанствѣ дворянинъ. Право, Куракинъ правъ, когда говоритъ, что на него вмѣсто герцогскаго вѣнца слѣдовало бы надѣть хомутъ, вмѣсто скипетра дать въ руки плеть, а вмѣсто державы—кастрюлю. Была бы картина, достойная его герцогскаго величія! И настоящіе-то нѣмецкіе курфюрсты и принцы, нужно сказать правду, бываютъ тяжеловаты на взглядъ, когда захотятъ представлять изъ себя королей. А этому, право, всякій разъ, какъ я его вижу, хочется сказать: полно, Іоганка, ломать комедію, садись лучше на козлы, это будетъ тебѣ гораздо сподручнѣе.

— Однакожъ онъ былъ очень привѣтливъ, а она... Скажите, дядюшка, неужели ни онъ, ни она даже по-французски не говорятъ?

— При мнѣ не говорятъ никогда, хотя и сказываютъ, будто она болтаетъ кое-какъ черезъ пень въ колоду, съ акцентомъ немазанной телѣги. А онъ, онъ совсѣмъ не образованъ, и кромѣ какъ на своемъ курляндскомъ жаргонѣ, и то складомъ лакейскихъ и конюшенъ, ни на какомъ другомъ языкѣ не говоритъ. Онъ ничему не учился, ничего не знаетъ; говорятъ, онъ даже и писать-то по-нѣмецки выучился, бывши уже курляндскимъ камергеромъ.

— А герцогиня? Вѣдь она изъ дворянской фамиліи; фонъ-Трейденъ рыцари были. Она-то зачѣмъ такъ жеманится и ломается? Неужели она всегда такъ?

— Нѣтъ, далеко не такъ! смѣясь отвѣтилъ Андрей Дмитріевичъ.—Сегодня она была проста и любезна, насколько можетъ быть проста и любезна курляндская баронеса. И нужно отдать ей справедливость, со мной она всегда старается ломаться какъ можно

меньше. Но вообще, особливо когда она принимаетъ своихъ курляндцевъ, это—смѣхъ смотрѣть! Сегодня она вышла безъ своихъ фрейлинъ,—такихъ фрейлинъ, которыхъ твой сіятельный отецъ, а мой дорогой братъ, могъ бы поставить цѣлую сотню изъ своихъ горничныхъ дѣвокъ въ Зацѣпинѣ; сѣла она сегодня просто на диванъ, а не подали ей герцогское кресло; сегодня даже не стояло за нею пажа, взятаго тоже прямо отъ навоза, а то обыкновенно она выступаетъ такою павою, что невольно вспомнишь Буало и басню Лафонтена о воронѣ! Ну, да ничего! Какъ бы тамъ ни было, а мы свое дѣло сдѣлали: и визитъ, и представленіе сбыли съ рукъ. Ты имъ видимо понравился; даже дочь свою—дѣвочку вытащили; нѣсколько разъ она выражала сожалѣніе, что принца Петра не было, а это много значитъ! Принцъ Петръ почти тебѣ ровесникъ, годомъ или двумя помоложе, ты можешь сойтись съ нимъ! Теперь, по крайней мѣрѣ, не такъ легко будетъ твоему пріятелю Левенвольду на всякомъ шагу дѣлать мнѣ препятствія и подставлять ножку устройству твоей карьеры. Теперь, я надѣюсь, что если не къ новому году, такъ къ рожденію императрицы я непремѣнно тебя въ камеръ-юнкеры выведу. Разумѣется жаль, что не поспѣемъ къ тезоименитству; четыре—пять мѣсяцевъ много значатъ, но что же дѣлать-то? Видишь самъ, какая сила! Благодаря пріязни всѣхъ вашихъ военныхъ командировъ, начиная съ Андрея Ивановича Ушакова и принца гесенъ-гомбургскаго и оканчивая фельдмаршаломъ Минихомъ, я могъ тебя записать на службу; потомъ, безъ всякой службы, въ капралы, а послѣ и въ сержанты гвардіи произвести; но не могъ добиться того, чтобы тебя внесли хоть въ списокъ ожидающихъ очереди въ камеръ-юнкеры. Насилу добился дозволенія герцогу и герцогинѣ представить, будто ты не князь Зацѣпинъ, а какой нибудь проходимецъ изъ ихней чухляндіи, да и того пожалуй скорѣй бы приняли! А все отчего? Оттого, что Левенвольдъ не хочетъ тебѣ открыть дорогу. Онъ готовъ былъ задавить, уничтожить тебя; не удалось, такъ въ мелочахъ, но вездѣ мѣшаетъ! Видишь самъ, что ссориться съ этими людьми шутка плохая!

— А милая дѣвочка эта, какъ ее, Гедвига-Лизета Биронъ; какъ это она хорошо сказала: я хочу говорить по-русски! замѣтилъ Андрей Васильевичъ.

— Еще слишкомъ молода, чтобы о ней можно было сказать что нибудь положительное. Что ей теперь—двѣнадцать-тринадцать лѣтъ не больше. Притомъ, мнѣ кажется, здоровье ея какъ-то шатко. Замѣтилъ, что она какъ бы сквозною кажется. Да и глядится какъ-то неестественно. Правда, возрастъ-то теперь самый критическій. Замѣчательно, что ни отецъ, ни мать ея не любятъ. Одно, чѣмъ она можетъ вызвать твое сочувствіе, это тѣмъ, что она терпѣть не можетъ нѣмцевъ. Какая-то врожденная антипатія.

— А замѣтили вы, дядюшка, вчера у Леклеръ, братъ этого, что вы изволите шутить, моего пріятеля, генералъ-поручика Карлъ Ивановичъ какъ заигрался?..

— Ну какъ не замѣтить, хоть я и былъ занятъ своею игрою. Видѣлъ, какъ онъ краснѣлъ и пыхтѣлъ, не зная, что дѣлать и что сказать. Видѣлъ, какъ онъ переминалъ въ своихъ рукахъ какія-то несчастныя голландскія асигнаціи и, высыпавъ до-чиста изъ своего кошелька какія-то десятка три ефимковъ, машинально перебиралъ ихъ, будто у него въ рукахъ они могли вырости или раздвоиться такъ, чтобы онъ покрылъ ими свой счетъ, тогда какъ у него не хватало денегъ на уплату и половины. Вотъ тебѣ и урокъ, видимое указаніе необходимости быть сдержаннымъ, владѣть собой, думать о томъ, что дѣлаешь. Развѣ порядочный человѣкъ можетъ ставить себя въ подобное положеніе, особенно играя съ незнакомымъ? Не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ онъ съ этого же англичанина выигралъ почти такую же сумму и разумѣется получилъ до копѣйки, а тутъ... Ты очень умно и ловко сдѣлалъ, предложивъ ему помощь и предложивъ такъ, что онъ могъ не краснѣть за себя, расплачиваясь твоими деньгами. Знаешь, ничѣмъ въ жизни нельзя обязать такъ, какъ помощью въ подобную минуту.

— Признаюсь, мысль не моя, отвѣчалъ племянникъ, — Леклеръ мнѣ подсказала. Я вспомнилъ ваши слова: «noblesse oblige» и рѣшился быть великодушнымъ. Я подумалъ: если не лично своему врагу, то все же его родному брату я окажу серьезную услугу, какъ бы въ отмѣстку за непріятности, которыми злоба его брата меня преслѣдуетъ. Наконецъ, хоть и крупная сумма, да вѣдь не Богъ же знаетъ какая. Отецъ не разворится, хотя бы она и пропала.

— Объ этомъ и мысли не можетъ быть! Онъ отдастъ непремѣн-

но и не позже, какъ черезъ недѣлю. Если у самого и у брата не будетъ — у Остермана возьмутъ. Дѣло въ томъ, что кстати и умно. У него ужъ и лицо перекосилось при взглядѣ на англичанина, который видимо вовсе не думалъ относиться къ нему снисходительно и готовился прочитать ему весьма нѣскую нотацію объ игрѣ безъ денегъ. Онъ просто дрожалъ, понимая, что долженъ будетъ проглотить всякую дерзость. Я, признаюсь, въ это время раздумывалъ: не помочь ли? Но опять, изъ-за чего мнѣ жалѣть этихъ проклятыхъ Левенвольдовъ? Пусть себѣ кушаются въ своей собственной грязи! Вдругъ, слышу, ты такъ скромно обращаешься къ нему: не прикажете ли, графъ, подать вамъ бумажникъ, который вы оставили тамъ на столѣ? Онъ даже растаялъ отъ такой неожиданности; его даже передернуло. Умно, очень умно! Мнѣ не было нужды; тебѣ— другое дѣло!

— Онъ послѣ подошелъ меня благодарить, сказалъ, что вѣкъ не забудетъ, и тоже прибавилъ, что если у него не будетъ, то возьметъ у Остермана, но мнѣ непремѣнно на-дняхъ привезетъ. Странное дѣло, какая такая связь между Левенвольдами и Остерманомъ? Остерманъ, чтобы кто не говорилъ, а человѣкъ умный, дѣловой; а Левенвольды, не смотря на ихъ нынѣшнюю знатность, согласитесь дядюшка, пустѣйшіе люди! Между тѣмъ они до того дружны, что одинъ за другаго даже карточные долги готовы уплачивать, хотя всѣ говорятъ, что Остерманъ очень скупъ.

— Какая связь? спрашиваешь ты; самая естественная и самая дѣловая. Они служатъ дополненіемъ другъ другу, стало быть даютъ одинъ другому то, чего у него не достаетъ. Поэтому вопросу впрочемъ мнѣ съ тобой, мой дорогой племянникъ и союзникъ, нужно много говорить. Такъ какъ ты теперь, волей неволей, но уже долженъ выѣзжать въ свѣтъ, стало быть по нашему долженъ начать жить, начать свою карьеру, то, ясно, нужно же тебѣ опредѣлить, чего именно ты хочешь добиться, стало быть, чего именно ты долженъ отъ свѣта требовать! Для того, разумѣется, нужно ознакомиться и съ лицами, составляющими общество, и съ тѣми отношеніями которыя ихъ между собой сближаютъ. Наконецъ, слѣдуетъ уловить и то общее направленіе жизни, которое дѣйствительно можетъ къ чему нибудь привести, если будешь умѣть этимъ направ-

леніемъ пользоваться. По ловкости твоей вчерашней операціи, по сегодняшнему нашему визиту, гдѣ ты такъ смѣло и вмѣстѣ съ замѣчательнымъ тактомъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе Бироновъ, представляющихъ въ настоящемъ главнѣйшую силу, и еще болѣе по той практической выдержанности и искусству, съ которыми ты сошелся съ Леклеръ, — я вижу, что ты уже достаточно подготовилъ себя, достаточно созрѣлъ, чтобы дѣйствовать — и дѣйствовать съ успѣхомъ. Признаюсь, въ твои годы я не былъ такъ практиченъ. Та же Леклеръ можетъ быть долго бы водила меня за носъ и кружила голову. Я бы все сентиментальничалъ, идеализировалъ, хотя бы мнѣ и говорили, что тутъ сентиментальничать нечего. Ты поступилъ ловко, умно, хоть и былъ тогда еще почти медвѣженокъ, и въ этомъ нельзя не отдать тебѣ справедливость.

— Что-жъ, дядюшка, вѣдь она милая женщина и такъ предана мнѣ. Она видимо желаетъ, чтобы я занялъ свое мѣсто, какъ одинъ изъ представителей знаменитой фамиліи.

— Другъ мой, о преданности мы не будемъ говорить. Если до тебя у нея былъ не одинъ десятокъ представителей знатныхъ фамилій, о которыхъ она также заботилась, чтобы они заняли принадлежащія имъ мѣста, и послѣ тебя тоже вѣроятно будетъ не одинъ, то, во всякомъ случаѣ, ея преданность очень и очень должна раздѣляться между многими. Но не въ томъ дѣло. Ты поступилъ практически умно и за это я не могу тебя не хвалить. Не нужно ли тебѣ денегъ? Я хоть и уговаривался съ тобою, чтобы меня деньгами не тревожить, но не при особыхъ случаяхъ. А вчерашнее твое великодушіе должно поистощить зацѣпинскіе запасы, да и Лёклеръ, думаю, стала тебѣ въ копѣйку. Если нужно, возьми.

— Благодарю, дядюшка, но мнѣ не нужно. Подосмотрѣвшись здѣсь и видя, что безъ денегъ нельзя ступить шагу, я писалъ къ отцу и онъ мнѣ выслалъ нѣсколько векселей на Липмана, вмѣстѣ, разумѣется, съ родительскимъ увѣщаніемъ — денежки беречь. Что же касается до Леклеръ, то, разумѣется нельзя же, чтобы она не стоила ничего. Но вы, дядюшка, столь милостивы и платите за меня столькимъ учителямъ, что не грѣхъ и мнѣ одной своей учительницѣ платить самому. А вѣдь она дѣйствительно моя учительница, начиная съ языка, до минуэта и кадрили. Тѣмъ не менѣе,

родительскаго увѣщанія я не забываю и денегъ даромъ не бросаю, ни ради даже прекрасныхъ глазъ Леклеръ.

— Твое практическое благоразуміе я уже оцѣнилъ и тебѣ вполнѣ вѣрю. Потому-то и считаю необходимымъ ознакомить тебя съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ тебѣ придется дѣйствовать. Оно, можетъ быть, немножко скучно, но полезно. Тогда ты не поѣдешь, напримѣръ, къ Куракину сожалѣть о Волынскомъ и не начнешь въ гостиной Миниха находить, что Волынскій заслужилъ смертную казнь.

— Э, дядюшка, такой неловкости я не сдѣлалъ бы, думаю, при самомъ пріѣздѣ; теперь же, когда подъ вашимъ руководствомъ я начинаю походить на человѣка...

— Ты не станешь говорить о томъ, о чемъ не знаешь, какъ оно будетъ принято. Это прекрасно! Осторожность никогда не мѣшаетъ. Но не мѣшаетъ также знать и то, что на эту осторожность прямо наводитъ. Мы заговорили объ Остерманѣ и Левенвольдахъ, ихъ взаимной связи и значеніи... вотъ, слушай:

Отецъ нынѣшнихъ графовъ Левенвольдовъ былъ маіоръ шведской службы въ рижскомъ гарнизонѣ, изъ старинныхъ лифляндскихъ дворянчиковъ. По реквизиціи лифляндскихъ имѣній и встрѣченнаго шведскимъ правительствомъ сопротивленія этой мѣрѣ со стороны лифляндскаго дворянства, онъ былъ присужденъ Карломъ XII чуть ли не къ смертной казни, бѣжалъ вмѣстѣ съ Паткулемъ и поступилъ въ саксонскую службу. Когда Шереметьевъ взялъ Ригу, то Левенвольдъ, разумѣется, не могъ не желать, чтобы она ужъ никакъ не возвратилась къ шведамъ, поэтому первый присягнулъ Петру и перешелъ въ русскую армію. Это обратило на него вниманіе государя. Онъ назначилъ его состоять при невѣстѣ царевича Алексѣя Петровича принцессѣ Софіи-Шарлотѣ, а потомъ, когда свадьба состоялась, назначилъ его при ихъ дворѣ оберъ-гофмейстеромъ.

Передъ тѣмъ еще прибылъ въ Россію, въ качествѣ учителя, Остерманъ, сынъ бѣднаго пастора въ маленькомъ городкѣ Вестфаліи, братъ нынѣшняго канцлера. Случай помогъ ему попасть къ царицѣ Парасковьѣ Ѳедоровнѣ, такъ называемой Салтычихѣ, для обученія царевны Екатерины Ивановны, которую, разумѣется, онъ

не обучилъ ничему, такъ что, когда она вышла замужъ за герцога мекленбургскаго и пріѣхала въ Мекленбургъ, то ее прозвали тамъ дикою герцогинею. Тѣмъ не менѣе, герцогъ мекленбургскій, женившись, произвелъ учителя жены въ свои тайные совѣтники. Къ тому же Остерманъ, живя у царицы, кое-что успѣлъ скопить. Можешь себѣ представить эффектъ, который произвелъ въ маленькомъ городкѣ ушедшій бѣдный бакалавръ, возвратясь тайнымъ совѣтникомъ и съ деньгами.

Ему захотѣлъ послѣдовать и младшій братъ, нашъ Андрей Ивановичъ. Но какъ денегъ у него не было даже столько, чтобы добраться до Россіи, то онъ и нанялся къ вице-адмиралу Крюйсу въ камердинеры и домашніе секретари, и съ нимъ, выполняя эти двѣ обязанности, т. е. чистя адмиральскіе сапоги и заготовляя ему письма, онъ изволилъ пожаловать къ намъ.

Первое, разумѣется, какъ человѣкъ умный и трудолюбивый, онъ позаботился объ изученіи русскаго языка. Остерманъ не только порядочно говоритъ по-русски, но и пишетъ такъ, какъ немногіе изъ русскихъ. А какъ и теперь мы не можемъ похвастать, чтобы у насъ было много такихъ, которые могутъ писать на иностранныхъ языкахъ, то, при помощи Крюйса, ему скоро удалось пристроиться къ посольскому приказу на самое маленькое мѣстечко переводчика. Низкопоклонный и ловкій, онъ понравился Шафирову, который и началъ его возвышать и награждать. И отблагодарилъ же за то его Остерманъ, какъ немножко пооперился, да такъ усердно, что тотъ чуть не поплатился своею головою и съ мѣста вице-канцлера былъ сосланъ кажется, въ Архангельскъ.

Такого усердія враги Шафирова не оставили безъ награды. Остерманъ получилъ повышеніе, но, увы! далеко не то, на которое онъ надѣялся и ожидалъ. Изъ маленькихъ человѣчковъ и переводчиковъ онъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ. Это далеко не удовлетворяло его честолюбивыхъ замысловъ, но что же было дѣлать, нужно было довольствоваться и тѣмъ, что получилъ.

Нельзя притомъ не сказать, что нѣмцы у насъ тѣмъ и сильны, что непремѣнно стоятъ другъ за друга. Какая бы, кажись, могла быть связь между сыномъ бѣднаго пастора въ Вестфаліи съ лифляндскимъ дворянчикомъ, убѣжавшимъ отъ палача и управляю-

щимъ дворомъ великаго князя. А связь нашлась. Иванъ Христофоровичъ Левенвольдъ, какъ его называли по-русски, тогдашній оберъ-гофмейстеръ царевича, былъ человѣкъ добрый, довольно честный по-своему и мягкій; русскій языкъ онъ понималъ съ трудомъ; писать же по-русски—о такой премудрости, разумѣется, не смѣлъ даже и думать. Ну, а мало-ли въ чемъ по управленію дворомъ приходилось обращаться къ русскому языку. Тутъ явился естественнымъ прибѣжищемъ маленькій чиновничекъ посольскаго приказа, которому за то гофмейстеръ и помогалъ въ чемъ можно по силамъ, разумѣется, съ точки зрѣнія нѣмецкаго фона, посылающаго подачки своему кнехту. Но вотъ кнехтъ сталъ совѣтникъ, сталъ самъ фонъ. Ну, тутъ можно было немножко и поступиться своимъ чванствомъ, ради общей пользы; къ тому же Андрей Ивановичъ такъ скроменъ, такъ угождаетъ всѣмъ.

Кстати, говорятъ, впрочемъ замѣшался и романъ. У Левенвольда, кромѣ сыновей, была дочь Шарлота Ивановна, дѣвушка лѣтъ семнадцати. Бѣлобрысая нѣмочка, говорятъ, тронула сердце будущаго пронырливаго дипломата; говорятъ, будто и она была не прочь переглянуться съ скромнымъ и угождающимъ всему дому нѣмчикомъ. Но тутъ явился фонъ-Шлиппенбахъ, лифляндскій же дворянинъ и капитанъ, племянникъ того самаго Шлиппенбаха, который въ Лифляндіи войсками шведскими противъ Шереметева такъ предводительствовалъ, что, можно сказать, подготовилъ полтавское пораженіе. Но все же онъ былъ главнокомандующій и какой еще—шведскій главнокомандующій! Быть замужемъ за его племянникомъ, какая честь! Можно-ли было говорить тутъ о какомъ-то хотя бы совѣтникѣ? Дѣло съ Остерманомъ и ограничилось только взглядами и вздохами, да еще, говорятъ, она подарила ему ленточку съ своего корсажа и эту ленточку нынѣшній вице-канцлеръ бережетъ до сихъ поръ.

Между тѣмъ забракованный женихъ, помогая графу Брюсу въ заключеніи ништадтскаго мира, обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго и, ясно, долженъ былъ войти въ гору. Петръ видѣлъ въ немъ умъ, знаніе, способности, а главное, необыкновенное трудолюбіе и усидчивость. Такого рода достоинства Петръ умѣлъ цѣнить. Къ тому же и Меншиковъ, смотря на Остермана какъ на вьючную лошадь, могъ его свободно поддерживать. По отсутствію

всякихъ связей въ Россіи, онъ не могъ быть ему опасенъ. Напротивъ, его способности помогали ему отстранять отъ участія въ дѣлахъ тѣхъ, которые, при такихъ же способностяхъ, но по своимъ связямъ и отношеніямъ, могли получить нежелательное вліяніе, каковы были, напримѣръ, Ягужинскій, Волынскій, Василій Лукичъ Долгорукой, Бестужевъ-отецъ, да и дѣти, начинавшія обозначать себя въ политическихъ дѣлахъ молодыми орлами. Эти люди могли быть опасны, могли лишить вліянія самого Меншикова. А что могъ сдѣлать Остерманъ? Онъ могъ только работать, направляя дѣла такъ, какъ будетъ угодно всесильному временщику. Поэтому Меншиковъ старался его поднять и поднялъ до степени его бывшаго благодѣтеля Шафирова, т. е. сдѣлалъ его барономъ и вице-канцлеромъ. И отблагодарилъ же за то его послѣ Остерманъ, можно сказать, подготовивъ первую запряжку для ссылки его въ Березовъ. Но дѣло не въ томъ! Петръ, видя способности Остермана, желалъ его удержать въ Россіи и для того сблизить съ старыми домами московскаго боярства. Съ этою цѣлью онъ устроилъ его свадьбу со Стрѣшневой, дальней племянницей Тихона Никитича Стрѣшнева, бывшаго однимъ изъ членовъ пентархіи, управлявшей государствомъ во время первой поѣздки Петра. Но за смертью Тихона Никитича между Стрѣшневыми не было лицъ, на которыхъ Остерману можно было бы опереться. Пока однакожъ былъ живъ царь, у него была опора въ самомъ царѣ. Петръ былъ, можно сказать, самъ весь трудъ, поэтому не могъ не цѣнить труда. Не могъ не цѣнить онъ также и пользы, приносимой разумностью и способностями. Хотя и при Петрѣ главную роль игралъ фаворъ, но фаворъ, опирающійся на заслуги, на достоинство.

Но вотъ Петра не стало, а фаворъ остался.

Какой же фаворъ? Пустой, безцѣльный, самодурный, безсмысленный! Ни заслугъ, ни ума, ни знанія, ни труда ничего не нужно для такого фавора,—нужны только ловкость, да внѣшній лоскъ! Однимъ словомъ, начался женскій фаворъ, который не только безмозглаго, но красиваго нѣмецкаго барончика можетъ предпочесть всѣмъ канцлерамъ и генералиссимусамъ въ мірѣ, но даже статнаго и плечистаго конюха поставить на линію царственныхъ особъ, и который будетъ слушать этого конюха больше, чѣмъ всѣхъ геніевъ,

всѣхъ философовъ на свѣтѣ. Будетъ слушать даже вопреки всѣхъ доводовъ собственнаго разума и сердца. Остерманъ, какъ умный человѣкъ, такое естественное направленіе нашей общественности понялъ и вполнѣ усвоилъ. Сознавая о себѣ, что для внѣшняго блеска онъ уже не годится, Остерманъ рѣшилъ вмѣсто себя поставить трехъ братьевъ Левенвольдовъ, которые должны были ему служить тѣмъ, на что именно самъ онъ былъ неспособенъ.

Проговоривъ эту тираду Андрей Дмитріевичъ остановился и посмотрѣлъ на племянника съ многозначительною и вызывающею улыбкою. Видно было, что онъ говорилъ это не безъ цѣли и желалъ знать, что объ этомъ думаетъ его племянникъ.

И дѣйствительно слова дяди покоробили молодаго князя.

— Какія средства, дядюшка? и неужели вы называете это умомъ, дѣломъ?

— Что-жъ, милый другъ, средства вѣрныя и самыя подходящія. Политика и нравственность вещи несовмѣстимыя, лучше сказать настолько совмѣстимыя, насколько могутъ одна другую покрывать. Остерманъ политикъ великій. Онъ это доказалъ на дѣлѣ. Доказалъ, что онъ и уменъ, и трудолюбивъ. Притомъ онъ и честенъ, относительно; другіе на его мѣстѣ Богъ знаетъ какъ бы нажились. Но чтобы даже свой умъ, трудолюбіе и честность примѣнять къ дѣлу, чтобы быть самостоятельнымъ, ему нужно было быть сколько нибудь обезпеченнымъ. Обезпеченнымъ противъ колеса и пытки! Хорошо намъ, сидя въ покойныхъ креслахъ, послѣ сытнаго завтрака, внѣ всѣхъ столкновеній, и послѣ визита герцогу, гдѣ насъ такъ привѣтствовали и ласкали, сидѣть и разсуждать о томъ, въ какой степени та или другая мѣра совпадаетъ съ требованіями нравственнаго чувства. А Остерману приходилось чуть не ежедневно, въ воздаяніе своихъ трудовъ и заслугъ, выбирать одно изъ двухъ: или бѣжать къ себѣ въ Вестфалію на голодную смерть, или раболѣпствовать безпредѣльно передъ могучимъ временщикомъ, захватившимъ власть безъ правъ и основаній, но могущимъ однимъ почеркомъ пера отдать его палачу. Понятно, ему было не до отвлеченныхъ разсужденій о нравственности. Положеніе было слишкомъ не красиво, чтобы не желать изъ него выйти, особливо, когда вспомнишь, что этотъ временщикъ не задумался подвести подъ кнутъ

роднаго зятя, мужа своей родной сестры, Девьера, когда тотъ ему не угодилъ. Обезпеченіе противъ такого тяжкаго положенія могли предоставить ему Левенвольды. Понятно, онъ ими и воспользовался.

Былыя отношенія Меншикова къ Екатеринѣ, до того еще какъ Петръ взялъ ее къ себѣ, были ни для кого не тайна. Но не было никакого сомнѣнія, что послѣ того между ними не было никакого особаго сближенія. Тѣмъ не менѣе, онъ постоянно сохранялъ надъ ней чрезвычайное вліяніе. Благодарность, нѣжныя воспоминанія, взаимность обоюдныхъ услугъ, признаніе его дѣйствительно недюжинныхъ способностей и, наконецъ, привычка въ теченіи многихъ лѣтъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни обращаться къ Меншикову и отъ него получать всегда разумный совѣтъ и возможную помощь,—до того расположили къ нему Екатерину, что она кажется безъ него не могла и думать. Сообразивъ все это, Остерманъ пришелъ къ заключенію, что никакимъ трудомъ, никакою заслугою, онъ не можетъ въ глазахъ Екатерины подняться настолько, чтобы стать въ уровень съ Меншиковымъ. Стало быть нужна была другая сила. Какая же? Остерманъ зналъ Монса, видѣлъ его внезапно выросшую силу еще при жизни Петра,—силу, передъ которой принуждены были склоняться даже такіе тузы, какъ Головкинъ, Нарышкинъ, Лопухинъ и самъ Меншиковъ. Немного нужно было соображенія, чтобы сознать, что такая женщина, какъ Екатерина, ставъ независимою и самодержавною, не остановится на однѣхъ воспоминаніяхъ; стало быть Монсъ долженъ воплотиться, и ужъ разумѣется не въ Меншиковѣ, который, какъ ровесникъ Петру и поставленный на вершину власти, былъ ужъ слишкомъ тяжелъ для подобныхъ похожденій. Вотъ и явился воплощеніемъ Монса твой пріятель, красавчикъ Левенвольдъ, второй братъ, Рейнгольдъ. Онъ и попалъ въ оберъ-камергеры и андреевскіе кавалеры будучи 19-ти лѣтъ отъ роду. Ему то и взялся Остерманъ быть головой, съ тѣмъ что онъ будетъ ему рукой и защитникомъ противъ всякой напасти. Остерманъ расчитывалъ, что вліяніе Левенвольда будетъ сильное. И точно, подъ руководствомъ Остермана, остающагося въ тѣни, онъ чуть самому Меншикову голову не свернулъ, когда тотъ ѣздилъ хлопотать, чтобы его въ курляндскіе герцоги выбрали. Во всякомъ случаѣ, Остерманъ достигъ того, что ни-

какая сила Меншикова не въ силахъ была его смолоть въ порошокъ. За него бы вступились, его бы отстояли.

— Но тогда, дорогой дядюшка, по смерти императрицы, Левенвольды должны были бы пасть и самъ Остерманъ потерять всякое значеніе. А они, видите, все въ гору лѣзутъ. Хоть бы тотъ, котораго вы въ шутку изволите называть моимъ пріятелемъ и который третій мѣсяцъ стоитъ мнѣ поперекъ дороги, не смотря на могучее покровительство моего дорогаго дядюшки. Да и могъ ли бы онъ такъ рѣшительно угрожать мнѣ, особливо послѣ этихъ строгихъ указовъ императрицы противъ скорой ѣзды, если-бы не чувствовалъ себя настолько въ силѣ, что зналъ, что противъ его значенія никакіе указы недѣйствительны.

— Само собой разумѣется, что онъ болѣе въ силѣ, чѣмъ когда нибудь. А что ты говоришь, что со смертью императрицы Левенвольды должны были бы пасть, то такое предположеніе очень условно. Во первыхъ, ихъ было не одинъ, а три; во вторыхъ, надъ всѣми ими парилъ геній Остермана. Но весьма вѣроятно, что значеніе ихъ далеко понизилось бы, если-бы не было у насъ въ то время царевенъ, у которыхъ, по ихъ матерямъ, были большая родня и свойство между членами старинной московской знати. Салтыковы, Милославскіе, Лопухины, Нарышкины были имъ родня, пользовались покровительствомъ и добивались фавора. Къ нимъ примыкали Голицыны и Долгорукіе, Бѣлосельскіе и Головкины, какъ ихъ свойственники и друзья. У каждаго изъ нихъ, разумѣется, были свои фавориты, склоняющіеся передъ главнымъ, но старающіеся въ свою очередь добиться значенія. Къ этой партіи, по Стрѣшневымъ и въ виду опасности отъ самовластнаго временщика, присталъ и Остерманъ, поддерживающій Левенвольдовъ, но присталъ тайкомъ, незамѣтно, въ такой степени, что Меншиковъ, стоявшій слишкомъ высоко и смотрѣвшій слишкомъ заносчиво, Остермана не только ни въ чемъ подобномъ не подозрѣвалъ, но даже рѣшился выбрать его противовѣсомъ старымъ родамъ, назначивъ воспитателемъ молодаго императора.

А въ то время, еще особнякомъ, нѣсколько затертыя, но именно тѣмъ, что онѣ были затерты, и обращали на себя особое вниманіе дочери Петра, принцесса голстинская Анна и цесаревна Елисавета,

дѣвица рѣдкой красоты и прелести. Остерманъ, придерживаясь старой боярской партіи, старался подладиться и къ нимъ. Вызвавъ чрезвычайное расположеніе къ себѣ своей ученицы, царевны Натальи Алексѣевны, которая, не смотря на свою молодость, имѣла на брата сильное вліяніе, онъ составляетъ проектъ женить малолѣтняго императора на его красавицѣ теткѣ, и тѣмъ разумѣется угождаетъ и льститъ и тому, и другой. Одному потому, что тетка ему очень нравится, другой потому, что проектъ этотъ давалъ ей надежду царствовать.

— Неужели Меншиковъ не зналъ о расположеніи Екатерины къ Левенвольду?

— Какъ не знать! Но онъ не зналъ о томъ что за Левенвольдомъ стоитъ его всенижайшій покорнѣйшій и преданнѣйшій рабъ Андрей Ивановичъ. Видя личное ничтожество Левенвольда, Меншиковъ, разумѣется, не придавалъ ему ни малѣйшаго значенія. Онъ былъ даже радъ этому. Онъ думалъ: чѣмъ дитя не тѣшится, лишь бы не плакало. И когда онъ встрѣтилъ вдругъ неудовольствіе Екатерины, то отнесъ это къ интригамъ Толстаго, Девьера, на нихъ и обрушился; а Остерманъ былъ въ сторонѣ, даже до той самой поры или почти до той поры, когда Салтыковъ пріѣхалъ объявить ему арестъ, хотя Екатерины въ то время уже не было.

Между тѣмъ въ это время появилась на горизонтѣ петербургскаго свѣта звѣзда первой величины—красавица Лопухина, племянница извѣстной фаворитки Петра, Анны Монсъ, дочь Балка. Она въ то время кружила голову всему двору, молодымъ и старымъ; она, можно сказать, своею красотою весь Петербургъ съ ума свела, чѣмъ разумѣется возбуждала сильное неудовольствіе цесаревны Елисаветы, которая, до того, по красотѣ не встрѣчала соперницы. Мужъ Лопухиной, почтенный и хорошій человѣкъ, мой добрый пріятель и единственный человѣкъ, не сходящій съ ума отъ красоты жены, давно далъ ей картъ-бланшъ, чтобы она дѣлала, что хотѣла. Послѣ смерти Екатерины она и сошлась съ Левенвольдомъ, твоимъ пріятелемъ. И вотъ, новое звѣно связи, соединяющей Остермана съ старыми партіями, съ Лопухинцами, Кикинцами, Трубецкими и царицей-бабкой, первою женою Петра, Авдотьей Ѳедоров-

ной, урожденной Лопухиной, съ которою Остерманъ вошелъ въ переписку.

Все это, разумѣется, поддерживало и скрѣпляло связь, образовавшуюся между Левенвольдами и Остерманомъ, — обоюдностью пользы. Когда же другой старшій братъ Левенвольдовъ, Фридрихъ-Казиміръ, или по нашему Ѳедоръ Ивановичъ, проѣзжая Митаву, остановилъ на себѣ вниманіе тамошней герцогини, нынѣшней нашей императрицы, и вступилъ въ соперничество съ Бирономъ, то, понятно, что Остерманъ не могъ уже не дорожить Левенвольдами. Эти отношенія давали Остерману полную возможность, при первомъ вступленіи Анны на престолъ, получить независимое отъ фаворита положеніе. Остерманъ, разумѣется, не замедлилъ этимъ воспользоваться.

— Куда же исчезъ этотъ Фридрихъ-Казиміръ или Ѳедоръ Ивановичъ, когда онъ успѣлъ подняться такъ быстро и высоко?

— Долженъ былъ принять постъ посла, сперва въ Варшаву, потомъ въ Вѣну, гдѣ потомъ, съ разрѣшенія императрицы, перешелъ въ австрійскую службу. Дѣло понятное: два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ. Приходилось отъѣхать или Бирону, или ему. Бирону имѣлъ преимущество испытанной преданности и неизмѣннаго постоянства, Левенвольдъ — прелесть новизны. Весьма можетъ быть, что Левенвольдъ взялъ бы верхъ, особливо при помощи Остермана и другихъ его друзей, но прежде, чѣмъ это могло обозначиться въ рѣшимости императрицы, говорятъ, они вошли между собою въ полюбовное соглашеніе. Злые языки разсказывали даже, что Левенвольдъ свое положеніе при дворѣ проигралъ Бирону въ карты. Судя по характеру того и другаго, это очень вѣроятно. Ты видѣлъ, какъ играетъ третій Левенвольдъ. Старшій игралъ точно также. Бывало проигрется въ прахъ, а на другой день бѣгаетъ по Петербургу, высуня языкъ, чтобы достать денегъ и расплатиться. Бирона игрокъ такой же и чуть-ли не болѣе ихъ горячій. Удивительно ли, что они заигрались до того, что и сами не помнили, на что играютъ. Впрочемъ извѣстно, что Бирона до сихъ поръ выплачиваетъ Левенвольду значительную сумму и поддерживаетъ всею силою своего фавора его братьевъ при дворѣ.

— И Левенвольдъ держитъ свое слово?

— Да! Можетъ быть онъ и не поцеремонился бы пустить пріятеля въ трубу, но говорятъ, Биронъ съумѣлъ твердо себя обезпечить: взялъ тамъ какое-то письмо. Съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ быть и Биронъ не прочь былъ бы надуть пріятеля и соперника, но императрица, говорятъ, до сихъ поръ его вспоминаетъ и всегда бываетъ довольна, когда получитъ отъ него извѣстіе. Это заставляетъ Бирона быть очень осторожнымъ, держать свои обѣщанія къ Левенвольдамъ твердо, и съ Остерманомъ быть ласковымъ, хотя давно уже видно, что онъ ему тайный врагъ; едва-ли ошибается въ этомъ и самъ Остерманъ. Вотъ каковы дѣла нашего фавора, милый племянникъ; нечего сказать, некрасивы, очень некрасивы! Кстати нужно сказать, что, какъ ты знаешь, у герцога трое дѣтей, два сына и дочь. Дѣти эти, ты вѣрно слыхалъ, не отъ жены. Тѣмъ не менѣе, герцогиня очень любитъ своихъ сыновей. Дочь же не любятъ ни отецъ, ни мать. Эту нелюбовь объясняютъ тѣмъ, что она не только не дочь герцогини, но и не дочь Бирона.

— Эта самая Лиза, что сегодня вертѣлась передъ нами?

— Она самая!

— Вы слишкомъ снисходительны, дорогой дядюшка, говорянекрасивы; по моему, такія дѣла гадки, низки, отвратительны! Но можетъ ли только это быть, чтобы человѣкъ, обязанный всѣмъ женщинѣ, выведенный ею изъ ничтожества и возведенный на степень государственнаго значенія, былъ настолько низокъ, что позволилъ бы себѣ и ея милости и свои отношенія къ ней поставить на карту... Просто невѣроятно!.. Тутъ даже и не низость, а просто проходимство, непониманіе самыхъ простыхъ естественныхъ обязанностей чести. Скользкій и грязный путь! Неужели иначе было нельзя? задумавшись проговорилъ Андрей Васильевичъ.

— Да, мой милый, съ волками жить по-волчьи выть! И если ты хочешь чего нибудь добиться, то...

— То, дядюшка, по вашему, я долженъ вытѣснить Бирона и занять его мѣсто?

— Оно, мой милый, разумѣется, было бы недурно, если-бы это было возможно. И разумѣется, не я бы сталъ тебѣ отсовѣтывать, если-бы выпалъ на твою долю подобный случай. Во первыхъ, къ твоей восемнадцатилѣтней рожицѣ очень шелъ бы оберъ-камергер-

скій или хотя бы оберъ-шталмейстерскій мундиръ и андреевская лента; во вторыхъ, ужъ тутъ дѣйствительно могло бы послѣдовать возвышеніе нашего рода не только въ отвлеченномъ, мечтательномъ смыслѣ, но и въ положительномъ: въ смыслѣ силы и денегъ. Но я этого не думалъ и не говорилъ; не говорилъ потому, что не полагаю это возможнымъ. Ни Биронъ, ни князь Куракинъ не захотятъ вдругъ такъ, ни съ того, ни съ сего, уступить тебѣ свои мѣста, и скорѣй самого тебя отправятъ хоть въ Камчатку соболей довить, чѣмъ допустятъ, чтобы императрица бросила на тебя одинъ взглядъ милостивѣе, чѣмъ бы они желали. И тутъ не помогли бы тебѣ ни родъ, ни состояніе, ни труды и старанія любящаго тебя дяди. Дѣда, мой другъ, такъ скоро не дѣлаются, и печеные яблоки, говорятъ, сами въ ротъ не падаютъ!

— Почему же, любезный дядюшка, вы считаете меня неспособнымъ обратить на себя вниманіе, а потомъ заслужить и милость? самолюбиво хотя и сдержано спросилъ племянникъ.

— Напротивъ, я считаю тебя очень способнымъ, потому и говорю. Но... но... примѣненіе твоихъ способностей въ этомъ... высказанномъ тобою направленіи я считаю невозможнымъ. Да и къ чему такія крутыя мѣры? О молодость, молодость! Вѣдь это тоже почти, что всю жизнь свою поставить на одну карту: дескать или пропаду въ снѣгахъ Сибири, или возьму все! Ну, скажи, разумно ли это? Я разсказываю тебѣ разныя дрязги, чтобы ознакомить тебя съ обществомъ и взаимными отношеніями, и этимъ уберечь отъ промаховъ; а то, что ты сказалъ, представляетъ такой промахъ, который подвергаетъ даже опасности. По моему, тебѣ подходилъ болѣе вопросъ далеко не столь сложный. Тутъ ни Биронъ, ни Остерманъ мѣшать тебѣ не станутъ: займись-ка изгнаніемъ изъ сердца у племянницы и вѣроятно наслѣдницы императрицы, принцессы Анны Леопольдовны, красавчика Линара.

— А кто такой Линаръ?

— Былъ посолъ отъ саксонскаго и польскаго короля Августа III. Красавецъ, ловкій, нѣжный, мадригалистъ и еще молодой человѣкъ.—Онъ съ перваго же дня смутилъ принцессу. Та, дѣвица еще, чуть не дитя, влюбилась въ него безъ памяти, до самозабвенія. А при принцессѣ состояла нѣкто Адеркасъ, барыня ловкая. Она не

прочь была помочь влюбленнымъ. Ну, Адеркасъ прогнали, Линара заставили отозвать, принцессу выдали замужъ—и дѣло съ концомъ! Но вышло, что ея мужъ, племянникъ германской императрицы, принцъ Антонъ брауншвейгскій, хотя и недавно женатъ, но умѣетъ только глазами хлопать. На жену онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія. Противъ нея онъ не смѣетъ слова сказать. Правда, что она вышла за него только для того, чтобы избѣжать опасности быть женою принца Бирона, сына герцога, негоднаго, капризнаго мальчишки, съ которымъ, думаю, никакая женщина не уживется. Но императрицѣ, разумѣется, не могли понравиться ни такое желаніе избѣжать сближенія съ ея Петрушей, какъ она называетъ молодаго Бирона, ни особое расположеніе ея племянницы къ иностранцу, котораго государыня ненавидѣла. Когда Линара отозвали, принцесса, говорятъ, три дня плакала, не выходя изъ комнаты, и до сихъ поръ живетъ только воспоминаніями. Вотъ тебѣ случай испытать свои способности.

— Чтожъ, милый дядюшка, я готовъ пробовать свои силы подъ вашимъ руководствомъ. Принцесса же недурненькая; жаль только, что причесывается всегда какъ-то странно.

— Вообще, нужно сказать правду, она очень неряшлива; но въ политикѣ объ этомъ не говорятъ. Что же касается руководства, то тутъ, другъ, руководства ненужно, тутъ нужны инстинктъ, ловкость и счастье. Ну, разумѣется, немножко разума, немножко самообладанія... А вотъ и другой случай. Цесаревна Елисавета, красавица, какія рѣдко встрѣчаются. Про нее много говорили, но, надо полагать, говорили вздоръ. Она слишкомъ умна и осторожна, чтобы бросаться въ крайности. Инстинктивно, согласно своему настоящему положенію, она держитъ себя такъ, что вызываетъ къ себѣ общее расположеніе и пользуется особою любовью гвардіи, которая хорошо помнитъ и видитъ въ ней дочь Петра. Въ этой любви и расположеніи—ея безопасность и ея спокойствіе. Тутъ тоже... Во всякомъ случаѣ скажу: вглядывайся, не напирай, не горячись! Лови случай, но не думай при первомъ ласковомъ словѣ, что ты уже въ случаѣ. Повертись прежде между свѣтскими барынями того и другаго кружка. Испытай свою ловкость на нихъ, но не увлекайся ни которой. Думай, что вѣдь это не Леклеръ, у которой, такой какъ ты

юноша, съ твоимъ именемъ и деньгами, не имѣть успѣха не можетъ. Тогда, я надѣюсь, ты пойдешь далеко!

— И вы меня напутствуете?

— Да, и не далѣе какъ завтра везу тебя къ президенту комерцъ-колегіи барону Менгденъ. Его кузина самая близкая и неразрывная пріятельница съ принцессою Анною.

— А съ цесаревной-красавицей?

— Э, вотъ молодость! Кто хочетъ дѣлать дѣло, не долженъ думать о красотѣ! Впрочемъ, на всякій случай я свезу тебя и къ Лестоку.

— А кто это Лестокъ?

— Докторъ и довѣренный цесаревны. Ты его видѣлъ у Леклеръ. Помнишь, красивый, черноволосый гановерецъ, который игралъ въ экарте съ Карломъ Бирономъ; еще Бисмаркъ предложилъ тебѣ придержать за него?

— Тотъ, что подчивалъ всѣхъ какими-то сладкими лепешечками, увѣряя, что они низводятъ сладость магометова рая на землю?

— Ну да, онъ! Онъ познакомитъ тебя съ Шепелевой, самой близкой фрейлиной цесаревны. Съумѣй понравиться имъ обоимъ.

— Постараемся, дядюшка, сказалъ улыбнувшись племянникъ, а самъ подумалъ: «къ этимъ двумъ можно присоединить и третью, Лизаньку Бирон; правда, она еще дитя, но черезъ два съ половиною года ей будетъ шестнадцать, а мнѣ двадцать два. А если, какъ утверждаютъ, она не дочь герцогини, то...» Но объ этой мысли своей онъ не сказалъ дядѣ ни слова.

III.

Дворъ цесаревны Елисаветы.

Около того же времени, какъ дядюшка, приведеннымъ разговоромъ, направлялъ образъ мыслей своего племянника, стараясь доказать, что за потерею общественнаго значенія родоваго начала, получилъ преобладаніе фаворъ, и что тотъ, кто хочетъ добиться общественнаго положенія, хочетъ возвысить себя, стать политическимъ человѣкомъ, долженъ непремѣнно искать случая, тѣмъ или другимъ

способомъ, попасть въ фаворъ,—бѣдная, затертая и полузабытая цесаревна Елисавета Петровна сидѣла одна въ своемъ будуарѣ и горько, горько плакала.

Будуаръ цесаревны былъ небольшая комната въ голландскомъ вкусѣ, съ двумя большими окнами, изъ которыхъ видъ былъ на Неву. Стѣны и мебель комнаты были обиты новой голландской матеріей, въ родѣ нынѣшняго баркана, сдѣланной изъ голландскихъ нитокъ и бумажной пряжи. Подоконники, карнизы, плинтусы и панели, на которые натягивались стѣнные обои, были выкрашены коричневою краскою подъ лакъ, отполированы и украшены узенькимъ, врѣзаннымъ въ нихъ золотымъ багетомъ. Кругомъ были развѣшаны небольшія картины въ золотыхъ рамахъ, между которыми на иныхъ виднѣлись знаменитыя имена Ванъ-Дейка, Теньера и Ванъ-деръ-Вейде.

Цесаревна сидѣла въ креслахъ, опираясь своей полной, кругленькой, роскошной ручкой на голландскій столикъ, въ который довольно искусно была врѣзана мозаиковая картина изъ дерева, представляющая ловлю сельдей.

Будуаръ этотъ находился въ зимнемъ дворцѣ цесаревны, стоявшемъ на мѣстѣ нынѣшнихъ павловскихъ казармъ. Между нимъ и Невой лежала небольшая площадка, которую, съ одной стороны, ограничивали выходящія на нее дворцовыя оранжереи, а съ другой—стоящій на набережной домъ дворцовой конторы и рогатка лѣтняго сада, съ огромнымъ лугомъ, черезъ который изъ-за деревъ виднѣлись каменный лѣтній домикъ Петра Великаго и деревянный лѣтній дворецъ, почти на мѣстѣ нынѣшняго инженернаго замка. Дворецъ этотъ въ то время занималъ герцогъ Биронъ, но въ немъ останавливалась и государыня, когда пріѣзжала изъ Петергофа.

Дворецъ цесаревны былъ небольшой, двухъ-этажный, съ пристроенными къ нему галереями. Позади его раскидывался довольно большой, но неправильной фигуры, очерчиваемой теченіемъ рѣки Мьи, садъ, съ густою зеленью, правильными лужайками, площадками и густыми клумбами цвѣтовъ. Садъ цесаревны прилегалъ къ самому зацѣпинскому двору и отдѣлялся отъ него высокой каменной стѣной. Главный фасадъ дворца,—(на площадку къ Невѣ онъ выходилъ боковою стороною) былъ обращенъ къ нынѣшнему

Царицыну лугу, составлявшему тогда, вместѣ съ Михайловскимъ садомъ, сѣверами инженернаго замка, и дворомъ Михайловскаго дворца, обширный лѣтній садъ, отъ котораго впрочемъ дворцовый дворъ отдѣлялся улицею и канавою, съ особо насыпаннымъ за ней высокимъ валомъ, обсаженнымъ кратегусомъ. Дворцовый дворъ отдѣлялся отъ улицы рѣшеткою, у воротъ которой была поставлена будка и стоялъ часовой. Посрединѣ двора была устроена кордегардія, гдѣ стоялъ другой часовой у особо привѣшеннаго на столбѣ колокола, которымъ вызывался караулъ, расположенный въ одной изъ комнатъ нижняго этажа. Это, впрочемъ, было зимнее помѣщеніе царевны; лѣтнее же было несравненно обширнѣе и находилось тамъ, гдѣ теперь Смольный монастырь.

Она плакала навзрыдъ; потомъ встала, взяла съ письменнаго стола листъ бумаги и собственноручно написала:

За упокой

несправедливо замученныхъ и казненныхъ рабовъ Божіихъ:

Артемія

Андрея

Петра

Написавъ это, она немножко задумалась, потомъ вдругъ старательно стала зачеркивать слова «несправедливо замученныхъ и казненныхъ», перечеркивая ихъ въ ту и другую сторону, и хотя она зачеркнула ихъ такъ, что прочитать не было возможности, но этимъ не удовольствовалась и переписала записку безъ этихъ словъ, обозначивъ: за упокой души рабовъ Божіихъ: Артемія, Андрея, Петра; затѣмъ она позвонила, приказала снести записку въ церковь, а прежнюю записку изорвала на самые мелкіе кусочки, перемѣшала ихъ и разбросала по разнымъ угламъ комнаты. Потомъ, опершись ручкой на столикъ, принялась опять горько и неутѣшно плакать. Вошелъ Лестокъ.

Въ щегольскомъ придворномъ мундирѣ, въ кружевахъ, слегка напудренный, сухощавый итальянецъ казался еще молодымъ человѣкомъ, хотя ему давно уже было за сорокъ. Онъ держалъ себя свободно, останавливая на всемъ свой проницательный и немножко лукавый взглядъ.

— Ну что? спросилъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ иронiи, подходя къ цесаревнѣ. — Такъ и не спимъ мы, такъ и мучитъ насъ что-то непонятное? И опять мы плакали, горько плакали? Что-жъ дѣлать-то, и сами мы не знаемъ, отчего такъ сердечко бьется и слезы невольно бѣгутъ.

— Нѣтъ, докторъ, сегодня плакать у меня есть причина. Мнѣ жаль усерднаго и способнаго слугу моего отца, который, бывало, и меня маленькую баловалъ и забавлялъ, привозя изъ Астрахани разные шитые башмачки, да кораблики и разныя татарскiя лакомства. Я была еще дитятею, но и тутъ всегда, бывало, радовалась, когда узнаю, что пріѣхалъ Артемiй Петровичъ Волынскiй. И теперь онъ всегда и во всемъ выказывалъ мнѣ свою преданность, выказывалъ, что онъ вѣренъ памяти моего отца, и болѣе всего на свѣтѣ любитъ свою родину. И Боже мой, въ чемъ онъ виноватъ? Виноватъ въ томъ, что мерзавцевъ назвалъ мерзавцами, воровъ, — ворами! Правда, что какъ вздумали судить, такъ набрали и ему винъ. Тамъ стихарь какой-то взялъ, и дерево срубилъ, и какого-то шута прибилъ. Ну, на что ему стихарь? Если онъ взялъ его, то изъ упорства, по характеру. Но вѣдь можетъ быть изъ его упорства-то исходила и сила его къ намъ преданности и усердной службы. А дерево? Нужно было срубить — и срубилъ! Что тутъ особаго? Что же касается взятокъ? Э, Боже мой, скажите, кто ихъ не беретъ? Мой покойный отецъ, какъ ни старался искоренить, что ни дѣлалъ противъ этого общаго зла, — все ничего не могъ сдѣлать! Но Волынскiй видимо былъ не взяточникъ; послѣ него почти нечего конфисковать. А ужъ точно, можно сказать, что на службѣ намъ,—себя не жалѣлъ.

— Говорить нечего, прекрасная царевна, Волынскiй былъ крутой и дѣркiй человѣкъ.

— Да. Но за это развѣ рубятъ головы? Развѣ нарушилъ онъ чѣмъ нибудь уваженiе къ императрицѣ или коснулся чѣмъ ея священныхъ правъ? «Благодарю, что вразумлять меня вздумали», сказала она человѣку, который правдиво указалъ на то что есть, въ чемъ дѣйствительно она кругомъ обманута. Но, положимъ, онъ ошибся. Ну, и слѣдуетъ сказать, что это вздоръ. Наконецъ, прогнать отъ себя. А то казнить! Притомъ его не только казнили, его истиранили. Когда его везли, то ноги и лѣвая рука были зашиты

въ мѣшки, потому что были на пыткѣ раздроблены и не держались. Не тронута была только вывороченная на дыбѣ правая рука, чтобы палачу можно было ее рубить. Когда же въ терзаніяхъ пытки, среди мученій, отъ однихъ разсказовъ о которыхъ стынетъ кровь, онъ, можетъ быть, не помня себя, сказалъ, что и на лобномъ мѣстѣ, передъ казнью, во всеуслышаніе объявитъ, что умираетъ отъ клеветы и злобы Бирона, тогда что же? Везя на казнь, въ отягченіе уже утвержденнаго и объявленнаго приговора, его завезли въ новыя преображенскія казармы и тамъ раскрыли силой ротъ, щипцами захватили и вытянули языкъ и вырѣзали его подъ самый корень, заявляя обезумленному и окровавленному: «теперь говори, что хочешь». Ужасно! ужасно! И это христіане! Боже мой, кажется, себя бы отдала на растерзаніе, чтобы избавить, облегчить. И это не тиранство? не ужасъ? И она снова заплакала, зарыдала лихорадочно.

— Не говорите объ этомъ, царевна; успокойтесь! Вы себя раздражаете такими картинами, уговаривалъ докторъ.—Вы этимъ только разстроите себя.

— А другіе чѣмъ виноваты? Ну, положимъ, этотъ дерзкій человѣкъ воровъ называетъ ворами, тогда какъ и самъ не святой. Ну, а тѣ: Хрущовъ, Ерошкинъ? тѣ ничего не писали, ничего не подавали и даже ничего не говорили. Ихъ-то за что убили, за что семейства ихъ осиротили? Они только слышали записку Волынскаго, но о васальствѣ польскому королю и объ уступкѣ нѣмцамъ за деньги русской крови даже и не слыхали! Ихъ-то за что? Пріятели, видите, Волынскому, жить и красть мѣшаютъ.

Елисавета хлебнула воды изъ стакана и оперлась обѣими руками на столикъ. Слезы капали у нея изъ глазъ.

— Полноте, полноте, прекрасная царевна, развѣ можно такъ говорить? Не приведи Богъ, еще себя подвергнете опасности. Вы знаете, что у васъ вѣдь и стѣны слышатъ.

— Да, и это моя жизнь! Я могу говорить только съ вами и думаю, что со мною давно бы кончили, если-бы не боялись за себя. За то купили всѣ всѣхъ. Одни вы не соблазнились.

— И соблазниться нечѣмъ было. Развѣ я могъ бы столь прекрасную царевну промѣнять на золото Бирона? Нѣтъ, вы знаете,

это невозможно! Съ моей стороны, тутъ нѣтъ никакой заслуги, тутъ только преданность. Но успокойте же себя, не плачьте! Намъ, преданнымъ памяти вашего папа, преданнымъ вамъ, больно видѣть, что наша прекрасная, любезная и веселая царевна все скучаетъ, все плачетъ, нездорова. Успокойтесь же! Вотъ я вамъ дамъ успокоительныхъ капель, примите.

И докторъ сталъ ухаживать за плачущею цесаревною, какъ за ребенкомъ. Онъ далъ ей капель, потомъ воды, далъ понюхать спирту, помочилъ виски кельнской водой, пересадилъ на диванъ, положилъ подушку за спину, взялъ за руку и сѣлъ подлѣ на стулъ, наблюдая и считая ея пульсъ.

Цесаревна нѣсколько успокоилась.

— Ну, а наши дѣла какъ? спросилъ Лестокъ, когда замѣтилъ, что она поправилась, нервное разстройство прошло и на розовыхъ губахъ ея сверкнула уже улыбка. — Все мы еще не спимъ по ночамъ? Все еще бьется сердечко отъ чего-то непонятнаго, что будто подталкиваетъ, будто томитъ и такъ тяжело ложится на душѣ, что жизнь кажется не въ жизнь?

— Все то же, докторъ, отвѣчала она. — И можетъ-ли послѣдовать облегченіе при этихъ огорченіяхъ и разстройствѣ? Я право не знаю, какъ я жива еще? Иногда голова кружится такъ, что себя не помню, глаза туманомъ застилаетъ. А если засну, то во снѣ вижу, будто падаю, будто лечу. И сердце сжимается отъ страха. Думаю, вотъ сейчасъ грохнусь, сейчасъ расшибусь. Проснусь — вся въ поту, а тоска такъ и начинаетъ одолѣвать. А иногда вдругъ будто разольется по мнѣ что-то теплое, что-то отрадное, я даже задрожу. Кажется, весь міръ полюбила бы, весь міръ обняла бы. Потомъ опять какая-то тяжесть, какой-то гнетъ. Иногда мнѣ кажется, будто я заключена въ какую-то башню и эта башня будто плыветъ со мною по воздуху во что-то безбрежное, во что-то безотрадное, и я томлюсь, тоскую, или опять падаю, опять тону. Или вдругъ мнѣ покажется, будто кругомъ меня все кровь, всюду кровь, море крови. И я должна жить, дышать тутъ, видѣть... О, Боже, какая тоска, какая страшная, невыносимая тоска!

— Да, да! И опять кружится головка? Дайте-ка еще вашу ручку; вотъ и пульсъ. Позвольте сердечко ваше послушать. О, какая тутъ

работа идетъ. Ну, что-жъ, цесаревна, я говорю вамъ серьезно: вамъ нужно замужъ. Непремѣнно нужно и нельзя откладывать, какъ можно скорѣе. Природа требуетъ своего. Нельзя же идти противъ того, что назначено самою природою.

— Ахъ, Боже мой, это я ужъ слышала; да за кого же я пойду? Я слова не говорила, когда мнѣ предложили князя голштинскаго, епископа любекаго. Женихъ неблестящій, да что дѣлать-то? Даже когда стали говорить о Морицѣ саксонскомъ, я и тогда не возражала. А то выписываютъ, прости Господи, какихъ-то уродовъ, чуть не съ того свѣта, или сочиняютъ такія комбинаціи, что не знаешь, что и думать, да и говорятъ потомъ, зачѣмъ замужъ не иду? Хоть бы Андрей Ивановичъ? Ну, выдумалъ же, чтобы мнѣ выйти замужъ за роднаго племянника! Положимъ, что въ нѣмецкихъ земляхъ это дѣлается; да мало-ли что гдѣ дѣлается! Зачѣмъ же мнѣ все это на себѣ примѣрять? Кромѣ того, онъ не подумалъ, что племянникъ-то былъ еще совсѣмъ мальчикъ. А похожа-ли я на такую, для которой довольно въ мужья выбрать мальчика, хоть бы силача, хоть бы и развитаго не по лѣтамъ? Ну, пускай такъ! Пускай я должна была довольствоваться мальчикомъ; такъ дѣлалъ бы что нибудь. А то поговорили, да и сѣли. Меншикову, видите, этотъ мальчикъ потребовался для его дочери, меня и въ сторону. Между тѣмъ племянникъ ласкается, болтаетъ пустяки и только дразнитъ. Я вѣдь живой человѣкъ, не каменная какая! Говорили — молода! Боже мой, да когда я стара буду, разумѣется, не пожелаю замужъ выходить. Не забудьте, что здѣсь часто между простымъ людомъ выходятъ замужъ въ 14, даже въ 13 лѣтъ; въ четырнадцать ужъ дѣтей имѣютъ! А мнѣ было тогда восемнадцать. Извольте-ка отыгрываться тутъ отъ пятнадцати-лѣтняго мальчика, и мальчика самовольнаго, балованнаго, сильнаго и развитаго не по лѣтамъ. Притомъ, обратите на это вниманіе, простой народъ не можетъ развиваться такъ быстро, какъ развиваемся мы. Онъ не читаетъ ни Петрарку, ни Бокаччіо. А я — должна признаться... Знаете, я иногда зачитываюсь до самозабвенія, до того, что мнѣ мерещиться начинаетъ, и я, забываюсь, обнимаю подушку, цѣлую ее, грызу, пока не разрыдаюсь истерически. Ей Богу, докторъ, силъ нѣтъ! Придумайте какой нибудь исходъ. Посмотрите на меня.

Неужели я не стою ничего болѣе, какъ томиться ради ихъ какихъ-то политическихъ интригъ, и ради глупаго обычая царевенъ или въ монастырь идти, или въ теремахъ старѣться. Да мы, благодаря моему отцу, и не живемъ уже по теремамъ. А это еще тяжелѣе: видѣть, желать,—и не достигать. Вѣдь это мученіе, какъ его, Тантала, что-ли?

Докторъ безмолвно слушалъ, не выпуская изъ своихъ рукъ ея руку и слѣдя за пульсомъ. Онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза и наблюдалъ, какъ вся она, подъ вліяніемъ своего собственнаго разсказа, оживлялась, и то нервно вздрагивала, то краснѣла.

— Скажите, цесаревна, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, серьезно спросилъ онъ. — Когда съ вами бываетъ такого рода нервный припадокъ и головокруженіе, не чувствуете-ли вы особаго стѣсненія въ груди?

— Я ничего не чувствую въ это время. Лучше сказать, не помню, что я чувствую. Меня будто давитъ что, будто сжимаетъ. Въ горлѣ будто слезы стоятъ, а сердце изъ груди выскочить хочетъ. Да, докторъ, нуженъ исходъ, во чтобы то ни стало, какой нибудь исходъ.

— И я твержу, что нуженъ, цесаревна; непремѣнно нуженъ. Я указывалъ вамъ на этотъ исходъ девять лѣтъ назадъ. Вамъ тогда стоило только сказать одно слово. Вы не захотѣли. Что же дѣлать?

— Э, докторъ, вы указывали на исходъ, чтобы царствовать, а я хочу жить. Богъ съ нимъ и съ царствомъ! Мнѣ нуженъ не престолъ, а счастье, то счастье, въ которомъ Богъ не отказываетъ простой поселянкѣ.

— Но царствуя, вы бы и жили. Развѣ ваша матушка, блаженныя памяти императрица Екатерина, не жила? А что вы подѣлаете теперь, когда со всѣхъ сторонъ къ вамъ насылаютъ шпіоновъ, которые, можно сказать, снуютъ кругомъ васъ, опутываютъ тенетами, такъ что вамъ нельзя сказать слова, чтобы сейчасъ же слово это не было разнесено чуть не по всему городу. Вотъ и теперь, пока я съ вами, готовъ пари держать, что изъ-за каждаго угла стремятся насъ подслушать. Во всякомъ случаѣ считаютъ минуты, которыя сижу я у васъ, чтобы сейчасъ же дать знать кому слѣдуетъ, что вотъ докторъ Лестокъ просидѣлъ у цесаревны пол-

часа. Одинъ съ этимъ извѣстіемъ бѣжитъ къ брауншвейгцамъ, другой къ голштинцамъ, третій къ Бирону, четвертый къ Остерману, пятый къ Левенвольду, шестой къ Финчу, къ маркизу Ботта, а тамъ еще десятокъ Богъ знаетъ къ кому. Но все же нужно рѣшиться. Смотрѣть на нихъ нечего; нужно сказать: да, я хочу! Признаюсь, я не понимаю, отчего вы не воспользовались тогда хотя бы нѣжностями вашего племянника. Онъ же такъ беззавѣтно вами увлекался!

— Э, докторъ, прежде всего отъ того, что онъ мнѣ не нравился. А я была тогда въ самомъ дѣлѣ еще молода и думала: неужто не будетъ лучше? Да если-бы это тогда случилось, они теперь меня бы съѣли. Не на то они дѣло вели, чтобы уступить его мнѣ.

— Разумѣется, но... Вы не рождены для монашеской жизни цесаревна, и ваше воздержаніе васъ убьетъ или, что еще хуже, вы сойдете съ ума. Это я говорю вамъ, какъ докторъ и какъ человѣкъ преданный вамъ до безконечности. Если-бы я смѣлъ вамъ совѣтывать, я бы сказалъ: отбросьте всякіе предразсудки, всякія колебанія. Жизнь дороже всего. Думаете-ли вы, что молодыя принцессы у насъ въ Европѣ живутъ такими монахинями, какою живете вы? Полноте! Онѣ пользуются жизнью. Вонъ, принцесса... Да что о томъ говорить! Я пропишу вамъ успокоительныя капли, что̀ давалъ вамъ сейчасъ, онѣ немножко облегчатъ васъ, успокоятъ; но не могу же я не сказать, что все это мѣры паліативныя, временныя, которыя бываютъ хороши только тогда, когда главная причина болѣзни отстранена. Потому и вамъ, цесаревна, нужно отстранить эту главную причину. Для этого вамъ нуженъ, позвольте говорить по-просту, безъ намековъ и экивокъ, позвольте мнѣ, какъ доктору, обязанному думать о вашемъ здоровьѣ, сказать вамъ откровенно:—вамъ нуженъ мущина, мужъ, другъ, фаворитъ, какъ вы тамъ его не называйте, это все равно, это дѣло не доктора. Мое дѣло сказать то, что есть; мое дѣло предупредить. Въ противномъ случаѣ вы захвораете опасно или, въ самомъ дѣлѣ, чего не дай Богъ слышать, сойдете съ ума. Опять повторю: противъ природы идти нельзя. Видите вы вѣдь какія!

Цесаревна была красавица рѣдкая. Стройная, высокаго роста, не смотря на то, что ей уже было около тридцати лѣтъ, она обла-

дала такою округлостью и упругостью формъ, что станъ ея казался выточеннымъ античнымъ рѣзцомъ. Темнокаштановые ея волосы и брови, при необыкновенной нѣжности и бѣлизнѣ ея лица, дѣлали изъ нея что-то чрезвычайно легкое, чрезвычайно отрадное, особливо при ея всегдашней веселости, игривости и добротѣ. Необыкновенно пріятная улыбка розовыхъ губъ и ясные голубые глаза, опушенные длинными, темными рѣсницами, довершали очарованіе, которое охватывало всякаго, кто только къ ней приближался. При взглядѣ на нее становилось понятно, что царственный племянникъ ея, Петръ II, мальчикъ тогда еще лѣтъ тринадцати-четырнадцати, но мальчикъ сильно и рановременно развившійся, глазъ не могъ отвести отъ своей прекрасной тетушки, и очень холодно смотрѣлъ на обѣихъ невѣстъ навязываемыхъ ему интригами его двора, хотя одна изъ нихъ, княжна Долгорукая, была тоже красавица.

— А мои шпіоны что скажутъ? отвѣчала цесаревна на слова доктора, опуская свои глаза и понижая голосъ до шопота. — Вы сами говорите, что я окружена ими. Я очень хорошо понимаю, что мнѣ дѣйствительно необходимо; и понимаю, что вы не напрасно касаетесь этого предмета каждый разъ, какъ я остаюсь съ вами. Но что я могу сдѣлать? Я знаю, что я не уродъ, но всякій думаетъ: мнѣ вѣдь жизнь не надоѣла, какъ то и сказалъ мнѣ однажды..... Но перестанемъ объ этомъ говорить. И теперь, вы хорошо знаете, что я живу до сихъ поръ ужъ именно монахиней; но только потому, что изрѣдка позволяю иногда посмѣяться или пошутить съ кѣмъ нибудь, и тутъ про меня Богъ знаетъ чего не выдумываютъ, Богъ знаетъ чего не говорятъ! Знаете, разъ выдумали будто я осчастливила своею благосклонностію берейтора! И вѣдь смѣшно даже: пріѣзжаю я къ племяннику, въ день имянинъ покойной царевны Натальи Алексѣевны, а онъ и не смотритъ, и не говоритъ. Пробовала было сама заговорить. Просто отворачивается, до невѣжливости. Даже проститься не захотѣлъ, какъ я уѣзжать стала, видимо ревнуетъ. Смѣшно, мальчикъ почитай на четырнадцатомъ году и ревнуетъ! Однако, думаю, чтобы такое? А дѣло было въ томъ, что у меня во время верховой ѣзды порвалась ленточка у башмака и я приказала поправить ее берейтору. Изъ этого сочинили Богъ знаетъ какую исторію. Да чего? Нѣкоторые говорили будто я очень благо-

склонно смотрѣла на старика Меншикова. Нѣкоторые даже не задумывались увѣрять, что проектъ Остермана сочиненъ былъ имъ изъ благодарности за мою доступность. А ужъ о Минихѣ и говорить нечего, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на моей воспитательницѣ. И все отчего? Отъ того, что я спокойно слушаю его старческія и нѣтренныя любезности, которыя впрочемъ онъ говоритъ всякой недурной собой женщинѣ, и что смѣюсь надъ его увѣреніями, что, роя каналы и питурфуя крѣпости, онъ думаетъ только обо мнѣ! Не хотятъ того понять, что я не могу не считать себя до нѣкоторой степени обязанною оказывать вниманіе къ старымъ слугамъ моего отца, и что потому не могла и не могу не быть любезной съ Меншиковымъ, Остерманомъ, Минихомъ и другими. Вообразите же себѣ, что бы было, если-бы я въ самомъ дѣлѣ вздумала..... Я слава Богу не дурой родилась и понимаю, что вѣдь не изъ земли же мнѣ жениха выкопать по моему вкусу. Но тогда, дайте же мнѣ волю. Оставьте меня въ покоѣ отъ вашихъ наблюденій и преслѣдованій. Между тѣмъ мнѣ теперь двадцать семь лѣтъ (ей въ то время было 30 безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ) и я слишкомъ хорошо понимаю, что, какъ вы говорите, природы не переломишь. Да и что имъ за дѣло до моихъ чувствъ, до моего поведенія? Вѣдь я для нихъ вопросъ политики, а не нравственности! Съ политической стороны, я доказала, что я не честолюбива, что-же имъ нужно?..

— Я думаю главное, боятся, что тотъ, кто удостоится вашей благосклонности, пожалуй будетъ честолюбивъ. По крайней мѣрѣ думаютъ они, онъ не будетъ такъ спокойно смотрѣть, что не только у васъ отнимаются ваши права, ваши средства, но васъ жмутъ, тѣснятъ, стараются унизить, и пожалуй дѣйствительно рѣшились бы на злодѣйство, если-бы не боялись за себя, зная какъ васъ любитъ гвардія, которая знаетъ, чья вы дочь..... Вотъ и задача, которая ихъ мучитъ и щемитъ, тѣмъ болѣе, что они всѣ понимаютъ, что права ихъ вымышленныя, сочиненныя, опирающіяся на лыковыя хартіи брачныхъ союзовъ... лучше сказать, у нихъ нѣтъ правъ! А права ваши въ наслѣдствѣ послѣ вашего отца заключаются въ любви къ вамъ народа и войска и въ народной памяти о вели-

комъ государѣ. Потому я и говорю: рѣшайтесь, если не хотите себя погубить!

— Ахъ Боже мой, докторъ, какъ вы странно говорите! Будто возможно рѣшиться такъ скоро на то, что ведетъ самое меньшее къ вѣчной тюрьмѣ? Да если-бы я и рѣшилась, то что бы я могла сдѣлать? У меня нѣтъ средствъ: ни людей, ни денегъ! Правда, гвардія меня любитъ; но не можетъ же она не слушать своихъ командующихъ, своихъ генераловъ! Да и теперь.....

— Теперь точно нельзя, упущено время! Но надо быть готовой; вѣдь можетъ быть опять будетъ случай..... Я даже думаю, что онъ будетъ скоро. Что же касается средствъ, денегъ, людей, то объ этомъ нечего говорить. Можетъ быть, что и средства и деньги и люди найдутся. Подумайте-ка, цесаревна! А то право вы себя сгубите ни за что! Наконецъ, если не для себя, то ради памяти вашего отца, великаго государя, рѣшиться нужно, непремѣнно нужно: и на то, и на другое. Одно—здоровье, другое—жизнь! А я вашъ, неизмѣнно вашъ! Приказывайте, распоряжайтесь! Для васъ я готовъ на всѣ пытки...

Съ этими словами докторъ всталъ. Цесаревна протянула ему руку. Онъ почтительно поцѣловалъ ее, потомъ прибавилъ спокойнымъ голосомъ:

— Примите же эти капли на ночь, ложась въ постель. Можетъ, дастъ Богъ, сонъ вашъ и не будетъ нарушаться безплодными волненіями. Завтра я буду у васъ и поговоримъ. Будьте здоровы, цесаревна, да хранитъ васъ Богъ!

— Благодарю! Благодарю! И она снова протянула ему руку, которую Лестокъ снова съ чувствомъ поцѣловалъ и вышелъ. Выйдя отъ нея, онъ отправился по заламъ дворца на камеръ-юнкерскую половину.

Въ довольно большой комнатѣ нижняго этажа, выходящей окнами въ садъ, находились трое молодыхъ людей: Воронцовъ, Шуваловъ и Балкъ. Это были камеръ-юнкеры цесаревны Елисаветы. Когда Лестокъ вошелъ, Воронцовъ рисовалъ какую-то виньетку, Шуваловъ большими шагами расхаживалъ по комнатѣ, а Балкъ усѣлся съ ногами на подоконникъ и смотрѣлъ въ окно.

— Здравствуйте, милѣйшіе птенцы! сказалъ Лестокъ входя.

—Что вы опять засѣли въ свою клѣтку, такъ что можно всѣхъ разомъ сѣткой накрыть! А отецъ командиръ гдѣ?

— А, докторъ! радостно привѣтствовали вошедшаго молодые люди. — Вотъ обрадовали нежданно! А про командира, тс! Не велѣно сказывать! Поѣхалъ на могилу Волынскаго панихиду отслужить. Рѣчь шла о гофмейстерѣ цесаревны Семенѣ Кириловичѣ Нарышкинѣ, доводившемся покойной женѣ Волынскаго недальнею роднею и разумѣется знавшемъ сожалѣніе о немъ цесаревны.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, докторъ, сказалъ Балкъ.

— И я хотѣлъ съ вами посовѣтываться кое о чемъ, проговорилъ Шуваловъ.

Только Воронцовъ къ своему привѣтствію не прибавилъ ничего, занятый работой.

— Очень, очень обрадовали!

Лестокъ подошолъ къ Воронцову, взглянулъ на рисунокъ и спросилъ:

— Что же это будетъ?

— Фронтисписъ, виньетка къ моимъ стихамъ.

— А вы и въ стихотворствѣ упражняетесь? Похвально, очень похвально, молодой человѣкъ! сказалъ Лестокъ. — Какіе же это стихи?

— Стихи-то, признаться, написалъ не я, а Третьяковскій. Я ему за то два червонца заплатилъ, а я только перепишу и поднесу.

— А, Третьяковскій! ну это великій піита, нельзя ли прочитать? Кому же заготовляется такой драгоцѣнный подарокъ вашей собственной благородной рукой?

— Ахъ!

— Что ахъ?

— Къ несчастію благородная рука эта очень неискусна и очень неловка, чтобы остановить на себѣ вниманіе прелестной Цирцеи.

— Униженіе паче гордости! Ну скажите, мой другъ, я надѣюсь, вы не думаете, что вашъ старый пріятель можетъ въ чемъ нибудь вамъ измѣнить? Скажите... Впрочемъ, я думаю, что я и самъ угадалъ, подразумѣвая подъ именемъ Цирцеи нашу общую очаровательницу и покровительницу?..

— Не ломайте головы, докторъ, не въ ту сторону гнете! сказалъ

Балкъ. — Очаровательная Цирцея Михайлы Ларіоновича никто другой, какъ Анюточка Скавронская.

— Анюта Скавронская, повторилъ докторъ: — а можетъ быть ея очаровательная тетушка?

— Не смѣйтесь, докторъ! отвѣтилъ Воронцовъ. — Развѣ я смѣю бросить дерзкій взглядъ свой на дочь Петра Великаго? Нѣтъ! Я понимаю, что она божество, и смотрю на нее, какъ на божество! А тутъ цвѣточекъ, который такъ и хочется сорвать. А какъ вы думаете? Вѣдь Скавронской не будетъ обидно, если я буду ее любить?

— Женщинѣ никогда не обидно, если ее любятъ! Даже знаменитая царица древности Семирамида любила, чтобы за ней ухаживали, а не смотрѣли на нее, какъ на божество.

— Ну, а скажите, докторъ, цесаревна не разсердится, если я стану ухаживать за ея племянницей?

— Ну, этого не знаю! Я бы такъ страшно разсердился, если бы пришли свататься къ моей племянницѣ, когда я сама, ея тетка и ужъ дѣйствительно красавица, еще въ дѣвствѣ обрѣтаюсь.

Шуваловъ, вслушиваясь въ послѣднія слова доктора, взялъ стулъ и сѣлъ у столика, за которымъ рисовалъ Воронцовъ.

— Тетушка! сказалъ съ окна Балкъ, болтая ногами. — Тетушка разумѣется хороша, очень хороша, да кусочекъ-то не по насъ! А вѣдь голова-то у всякаго одна, и жизнь намъ надоѣсть еще не успѣла. Михаилъ Ларіоновичъ это какъ есть разсудилъ и любитъ то, что не представляетъ никакой опасности, да и скорѣе къ дѣлу ведетъ. Онъ не хочетъ витать въ эмпиреяхъ, а хочетъ веселымъ пиркомъ, да за свадебку; такъ-ли, дружище?

— Богъ васъ знаетъ, что вы за народъ, сказалъ Лестокъ шутливо: — то будто и не трусы, то робѣете сами не знаете передъ чѣмъ. Одинъ увѣряетъ, что божество, на которое только молиться нужно; другой за свою голову дрожитъ. Нѣтъ, у насъ не такъ водилось. За одинъ взглядъ такой красавицы всякій бы жизнь охотно отдалъ. А что божество-то, такъ оно точно, только надо спросить, какова будетъ этому божеству, если ему ни пить, ни ѣсть не дадутъ, а одними молитвами, да восторгами утощать станутъ? А вѣдь вы кое-что похожее на это говорите! Ну да дѣло не въ томъ.

Я пришелъ къ вамъ завтракать и голоденъ страшно. Надѣюсь вы угостите меня завтракомъ?

— Прекрасно, прекрасно, докторъ! вскричалъ Балкъ и соскочилъ съ окна. — Я и самъ голоденъ какъ звѣрь и очень боялся, что намъ придется завтракать въ одинокой тройственности, такъ какъ Шуваловъ будетъ молчать, — это его любимое препровожденіе времени, — а Воронцовъ вздыхать. Какой тутъ апетитъ?

— Что же ты ничего не прибавилъ о своемъ любимомъ препровожденіи времени — болтать? замѣтилъ Воронцовъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что съ вами и болтать-то скоро разучишься. А будетъ завтракать докторъ, такъ мы и выпьемъ, и поболтаемъ, пожалуй и твою Анюточку тутъ прихватимъ. Знаемъ, что тебѣ будетъ, какъ масломъ по сердцу! проговорилъ Балкъ и убѣжалъ.

— Нѣтъ! думалъ въ это время Лестокъ: — не такихъ ей нужно. Они для нея слишкомъ еще молоды, а она для нихъ не довольно стара. Такіе юноши обыкновенно влюбляются или въ дѣвчонокъ или въ старухъ.

Завтракъ былъ быстро сервированъ, и молодые люди вмѣстѣ съ докторомъ принялись уничтожать холодный пастетъ, котлеты и яичницу по-французски, съ зеленью и спаржей, запивая все это тонкимъ бѣлымъ и краснымъ бордосскимъ виномъ.

— Сегодня, господа, не праздникъ, сказалъ Балкъ, — и намъ шампанскаго не полагается, поэтому предлагаю наполнить ваши рюмки простымъ столовымъ виномъ, съ тѣмъ, что пусть каждый изъ васъ задумаетъ какой нибудь цвѣтокъ и скажетъ доктору, а я угадаю, кто какой задумалъ, на основаніи того, кто въ кого истинно влюбленъ. Потому что говорятъ будто каждый цвѣтокъ выражаетъ собой характеръ какой нибудь женщины.

— А я кому же скажу свой цвѣтокъ? спросилъ Лестокъ.

— Вы? да развѣ вы тоже влюблены?

— Какъ знать! Вѣдь я хоть и постарше васъ, но не отказался еще отъ всего человѣческаго.

— Ну, вы скажите Шувалову. Онъ мастеръ секреты держать.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ артилерійскій офицеръ Петръ Ивановичъ Шуваловъ.

— Наливайте же и мнѣ, обходить никого не слѣдуетъ, хоть я ужъ и завтракалъ! сказалъ онъ.

— Говори доктору названіе цвѣтка, изображающаго даму твоего сердца, и бери стулъ! отвѣтилъ Балкъ, разыгрывавшій роль хозяина.

Петръ Ивановичъ усѣлся и тоже шепнулъ на ухо Лестоку имя цвѣтка.

— Ну, я начинаю, сказалъ Балкъ. — Пьемъ здоровье цвѣтка Михаила Ларіоновича — Анютиныхъ глазокъ! Угадалъ ли?

Воронцовъ опустилъ глаза въ тарелку.

— Браво, браво! сказалъ Лестокъ. — Увидимъ, такъ ли велика будетъ ваша находчивость дальше. О пассіи Михаила Ларіоновича мы только что сейчасъ говорили, такъ не трудно было угадать.

— Ну, выпьемте здоровье тюльпана! продолжалъ Балкъ.

— А вотъ и не тюльпана, а лиліи; это онъ мѣтилъ на меня, сказалъ Петръ Ивановичъ. — Хоть лилія и не далеко отъ тюльпана, а все же не то!

— Вотъ выдумалъ, развѣ бываютъ лиліи смугляночки?

— Ну, наливай снова! Угадаешь ли мой цвѣтокъ! сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Угадаю, братъ, угадаю! Я дальновиднѣе, чѣмъ ты думаешь, только скажу: береги свою голову! Здоровье махровой розы!

Докторъ пристально взглянулъ на Шувалова. Тотъ потупился.

— Ну, теперь задача не въ томъ, чтобы я не угадалъ предметъ, въ который влюбленъ докторъ, нѣтъ, я его знаю; но я не знаю, какимъ онъ цвѣткомъ обозначается! продолжалъ Балкъ.

— Въ кого же я влюбленъ? спросилъ Лестокъ.

— Извѣстно въ деньги! отвѣчалъ Балкъ, — только какимъ же цвѣткомъ можно обозначить деньги?

Лестокъ поморщился.

— Чертополохомъ! отвѣчалъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ.

— Такъ за здоровье чертополоха!

Въ это время вошелъ камеръ-лакей и спросилъ:

— Ея превосходительство, Мавра Егоровна, приказала спросить, можно ли ей войти?

— Просимъ, просимъ, очень рады! сказалъ Воронцовъ и оба

Шуваловы, въ то время, какъ Балкъ успѣлъ проговорить на ухо Лестоку:

— Я такъ и зналъ, что явится!

— А что?

— Да стоитъ Петру Шувалову показаться, она тутъ какъ тутъ! Я право не понимаю, какъ это ей не надоѣстъ; а онъ хоть и называетъ ее лиліей, но, кажется, и не думаетъ..,

— Э! Такъ это она-то лилія; ну, ужъ этого я никакъ не думалъ! Впрочемъ отчего же? Петръ Ивановичъ не изъ тѣхъ, которые съ ума сходятъ отъ глазокъ; онъ смотритъ и ждетъ случая...

— Т. е. вы хотите сказать другими словами, что и онъ не меньше васъ любитъ чертополохъ!

— Что не меньше, это вѣрно! отвѣчалъ засмѣявшись Лестокъ и всталъ, чтобы привѣтствовать вошедшую даму.

Мавра Егоровна Шепелева, любимая камеръ-фрейлина цесаревны, была дѣвица лѣтъ двадцати семи, высокаго роста, стройная, съ прекрасными темно-карими глазами, немножко смугловатая, сухощавая и съ маленькимъ родимымъ пятнышкомъ на лѣвой щекѣ.

Она вошла, выразительно взглянула на Петра Ивановича, который съ улыбкою ей поклонился, граціозно подошла къ столу и проговорила не безъ любезности:

— Я слышу, у васъ тутъ веселье, кутежъ; а мы на верху слоняемся изъ угла въ уголъ, не зная куда дѣваться отъ скуки! Вотъ я и рѣшилась! Не прервалъ ли мой приходъ вашу пріятную бесѣду?

— Напротивъ! Вы намъ доставляете большое удовольствіе, Мавра Егоровна! сказалъ Воронцовъ, подавая ей стулъ и устанавливая его подлѣ Петра Шувалова. — Скажите, какъ здоровье Анны Карловны?

— Она здорова, отвѣчала Мавра Егоровна, садясь. — Я звала было ее и Соничку Минихъ спуститься со мною къ вамъ, но онѣ все еще монастырками числиться хотятъ...

Въ это время Александръ Шуваловъ пожалъ локоть Лестока и сказалъ:

— Докторъ, на два слова.

Лестокъ всталъ и незамѣтно вышелъ съ Шуваловымъ въ другую

комнату, въ то время, какъ всѣ занялись разсказами Шепелевой о новостяхъ дня, о томъ, какъ цесаревна плакала, смотрѣ на казнь Волынскаго, и что для этой цѣли собственно они и переѣхали изъ Смольнаго дворца, хотя наступаетъ такая жара, что въ городѣ становится рѣшительно душно.

— Докторъ, сказалъ Шуваловъ, когда они оба уединились въ амбразурѣ окна другой комнаты: — скажите — мнѣ непремѣнно отрубятъ голову, если я въ самомъ дѣлѣ влюблюсь въ махровую розу?

— Ну, ужъ этого право не знаю! Смотря по тому, что и какъ!..

— Вы знаете, что удержать секрета будетъ нельзя! Шпіоны кругомъ! Особенно этотъ проклятый Альбрехтъ! Чуть что, чуть я войду только къ ней, а онъ сейчасъ ужъ и бѣжитъ къ своему принцу Антону.

— Ну, да эти-то еще ничего; а вотъ, фаворитъ что скажетъ?

— Знаете, я не такъ боюсь фаворита, какъ Остермана! Этотъ стелетъ ласково, пожалуй самъ намекаетъ, а, глядишь, потомъ прихлопнетъ, да такъ, что и не очнешься! И фаворита-то науськнетъ! Это просто опасный человѣкъ!

— Н-да! Человѣкъ тонкій! Знаетъ, гдѣ раки зимуютъ.

— Ну, а вы поможете? спросилъ Шуваловъ Лестока въ упоръ.

— Я... да что же я могу тутъ сдѣлать?

— Какъ что! И совѣтъ, и доброе слово... Послушайте, вѣдь Шуваловы никогда неблагодарными не бывали!

— Да я-то тутъ при чемъ? Нужно самой понравиться!

— Это разумѣется! Но все же... совѣтъ и доброе слово...

— Что касается добраго слова, то, вы знаете, оно всегда за васъ! Да что это вамъ вдругъ вздумалось?

— Мнѣ-то ужъ давно вздумалось, да я все боялся. Знаете, по моему, лучше на братнину гаубицу идти! А вѣдь хороша-то какъ! Ну, развѣ можно кого нибудь съ ней сравнить? А вѣдь я... что я? Да если съ ней только недѣлю быть счастливымъ, такъ и умереть не жаль! Я хоть сейчасъ готовъ! А вотъ братъ говорилъ, что я трусъ!

— А... братъ... такъ вотъ оно что! И вы пошли бы за ней всюду, куда бы она васъ ни повела?

— Въ огонь и въ воду!

— Хорошо! Я поговорю съ ней; смотрите же, потомъ не раскайтесь и не пеняйте на меня.

— Что вы! Вы моимъ первымъ благодѣтелемъ будете... да я...

— Тсс! перестанемъ объ этомъ говорить; а заѣзжайте завтра вечеромъ ко мнѣ, я вамъ кое-что скажу... И такъ до свиданія!

«Бѣдная цесаревна, подумалъ Лестокъ, — за что изъ этихъ трехъ тотъ, который глупѣе?... Впрочемъ... Лиха бѣда начало»...

Лестокъ вмѣстѣ съ Шуваловымъ вошли въ общую комнату. Петръ Ивановичъ Шуваловъ уединился и тихо разговаривалъ съ Маврою Егоровною въ амбразурѣ окна; Балкъ куда-то пропалъ; Воронцовъ опять углубился въ свое рисованіе. Александръ Ивановичъ началъ опять ходить по комнатѣ, потирая свой лобъ и видимо съ самодовольствіемъ вспоминая каждое слово своего разговора съ докторомъ. Лестокъ взглянулъ на эту картину, взялъ шляпу и тоже незамѣтно изчезъ, раздумывая: «а все же не счастлива... но рѣшиться нужно...» И онъ поѣхалъ къ французскому посланнику маркизу Шетарди.

IV.

Маркизъ Шетарди.

— Здравствуйте, M-r Armand, сказала маркиза, сидя за вышиваньемъ какой-то подушки и встрѣчая Лестока привѣтливо протянутою ручкою, которую Лестокъ поцѣловалъ, встрѣчая отвѣтный поцѣлуй въ свои черные, съ легкою просѣдью, гановерскія бакенбарды.—Что съ вами? Куда это вы запропали, что забыли друзей своихъ? Вѣдь мы не видали васъ цѣлыя три дня! Маркизъ ужъ и такъ говорилъ, что нужно ѣхать отыскивать васъ по бѣлу свѣту, какъ нѣкоего спартанца, котораго Агизелай посылалъ для какихъ-то военныхъ изысканій и изслѣдованій и который, увлекшись ученымъ трудомъ, доставилъ ему эти изслѣдованія ровно черезъ десять лѣтъ, уже тогда, когда тотъ наслаждался спокойствіемъ въ цвѣтущихъ долинахъ своей Спарты!

— Виноватъ, маркиза! Благодарю васъ, глубоко благодарю за память,—да видите, у насъ все дни-то какіе? Этотъ Волынскій на-

дѣлалъ намъ хлопотъ! Цѣлую недѣлю мы сплошь о немъ плачемъ. Перебрались въ свой зимній домъ и до сихъ поръ все служимъ по немъ панихиды, то сами, то черезъ своего гофмейстера. А гдѣ маркизъ?

— Онъ уѣхалъ на печальную церемонію къ Густаву Бирону. Сегодня память его жены, знаете — урожденной Меншиковой. Никакъ не думала, чтобы онъ былъ такимъ нѣжнымъ супругомъ. Который годъ, а все, какъ вспомнитъ, бѣдный, слезы на глазахъ. Вотъ чего никакъ не ожидала отъ Густава Бирона. Впрочемъ, говорятъ, она была прекрасная женщина и мужа своего старалась образовать и возвысить. Умерла она въ чахоткѣ, у него на рукахъ. Послѣ ссылки все не могла поправиться; таяла какъ свѣча. Вотъ сегодня по ней, какъ это у русскихъ-то говорится, справляютъ годовую тризну или панихиду, что ли? И какую-то кутью привозятъ. Въ Невскомъ монастырѣ будетъ служба. Говорятъ весь дворъ будетъ, самъ митрополитъ служитъ. Биронъ звалъ маркиза. Онъ счелъ нужнымъ поѣхать и кутью тоже повезъ. Кстати хотѣлъ взглянуть и на эту русскую религіозную церемонію. Что вы задумались? Вы никогда не возили кутью?

— Нѣтъ, мнѣ не до Меншиковой и не до кутьи по ней. Признаюсь, меня очень безпокоитъ моя прекрасная цесаревна, отвѣчалъ Лестокъ, садясь противъ маркизы.—Подумайте, при ея комплекціи, жить въ такомъ уединеніи и постничествѣ. Сегодня она признавалась мнѣ... повѣрите ли, у ней уже начинаются галюцинаціи. Это вѣдь очень опасно! Приливы крови, истерика, боли сердца—естественное слѣдствіе дѣвической, монашеской жизни, особенно безъ монашескаго поста, самобичеванія, лишенія пищи, умерщвленія плоти и проч. Тутъ подумайте, плоть питается чѣмъ только можно, тѣло нѣжится всѣмъ доступнымъ, воображеніе разжигается и чтеніемъ, и картинами свѣтской жизни, и безпрерывнымъ соприкосновеніемъ со всѣмъ, что только можетъ его воспламенять... и вдругъ, на такое распаленное, утонченное и разнѣженное воображеніе, постъ, самый тяжкій, самый убійственный и самый невыносимый постъ изъ всѣхъ постовъ въ мірѣ! Я право удивляюсь, какъ она до сихъ поръ еще съума не сошла. Вѣдь поду-

майте, маркиза, ей двадцать восемь или двадцать девять лѣтъ, а она чиста, какъ дѣва Орлеанская!

— Пожалуй и всѣ тридцать. Но въ ея положеніи, этому горю легко помочь, смѣясь проговорила маркиза.—Нужно только самой быть не черезъ-чуръ причудливою.

— Какъ помочь? чѣмъ и кѣмъ? При тѣхъ шпіонахъ, которые ее окружаютъ, при той нетерпимости, которую встрѣчаетъ здѣсь всякое чувство, особенно въ высокихъ особахъ? Вѣдь судьба Монса или тѣмъ болѣе Глѣбова не очень къ себѣ привлекаетъ; а всякій знаетъ: покажи она сегодня кому нибудь свое расположеніе, завтра же его имя будетъ у Бирона на столѣ, и отъ него будетъ зависѣть отправить его на легонькую бесѣду къ Андрею Ивановичу Ушакову въ застѣнокъ. Знаете, тутъ всякая страсть застынетъ, всякая рѣшимость пропадетъ.

— Кто-же виноватъ? Сама не захотѣла рискнуть! Вы, говорите, уговаривали ее. Теперь бы царствовала спокойно на престолѣ отца и все бы благоговѣло у ея ногъ.

— Да! Она не честолюбива. Девять лѣтъ указываю я на эту ея ошибку и, кажется, только сегодня первый разъ заставилъ ее пожалѣть о своей нерѣшительности; первый разъ поколебалъ ея убѣжденія, и то отъ того только, что эти безпрерывныя казни ей опротивѣли, а строгость надзора за каждымъ ея шагомъ ее возмущаетъ, выводитъ изъ терпѣнія. Наконецъ, и природа начинаетъ брать свое. Но не ручаюсь, что представься опять случай, пожалуй она и опять откажется. Между тѣмъ, случай этотъ весьма легко можетъ представиться. Вчера я видѣлъ императрицу. По моему, она очень и очень ненадежна. Что съ ней, этого безъ изслѣдованія, разумѣется, нельзя сказать; но что-то есть внутреннее, рѣшающее, и это что-то можетъ покончить ее разомъ!

— Это вы сами скажите моему мужу. Мнѣ онъ не вѣритъ. По моему, она тоже очень нехороша; а онъ говоритъ: «помилуй, посмотри, какая она полная, здоровая! А если-бы ты видѣла, какъ она скачетъ верхомъ, какъ она стрѣляетъ. Можешь быть увѣрена, что она обоихъ насъ переживетъ».

— Да, но это экспресивное состояніе натуры подвергаетъ ее еще большей опасности, въ случаѣ кризиса. Замѣтили вы, что когда

она идетъ, у ней во всемъ тѣлѣ какое-то дрожаніе и въ походкѣ какая-то перевалка. Это дурной, очень дурной знакъ.

— Замѣтили вы также, докторъ, что на ходу она будто удерживаетъ дыханіе и видимо тяготится, если въ это время у ней кто нибудь что спроситъ.

— Нехороша, очень нехороша! Но мнѣ—Богъ съ ней! Мнѣ жаль мою цесаревну. При настоящихъ обстоятельствахъ, она пожалуй еще опаснѣе больна, чѣмъ императрица.

— Такъ чтожъ вы, докторъ? Вы бы взяли на себя трудъ дать лекарство отъ такой опасной болѣзни. Ей хоть и подъ тридцать, но она, надобно правду сказать, все же хороша, очень хороша. И признаюсь, будь я мужчина, не задумалась бы ни передъ какимъ Ушаковымъ. А вы тоже, я думаю, не потеряли еще способности восторгаться прекраснымъ.

— Доказательство, что восторгаюсь постоянно вами, маркиза, съ улыбкою проговорилъ Лестокъ.—И если-бы то, что вы говорите, было возможно, я считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Я не побоялся бы ни сѣкиры палача, ни пытокъ, ни Сибири. Къ несчастію, это невозможно, этого не должно быть! Какъ дѣвица, какъ женщина, она мнѣ очень нравится, я бы жизни за нее не пожалѣлъ. Но какъ цесаревна, она имѣетъ исключительное положеніе. Мы съ маркизомъ рѣшили, что она должна царствовать. А чтобы заставить ее царствовать и во время ея царствованія имѣть какое нибудь вліяніе, нужно быть довѣреннымъ, другомъ, но никакъ не фаворитомъ. Фаворитовъ мѣняютъ, а довѣренныхъ, друзей—никогда! Стоило ли же мнѣ трудиться столько лѣтъ, биться изъ всѣхъ силъ, подъ опасностью пытки и ссылки, чтобы, добившись наконецъ видѣть ее въ полномъ величіи, быть счастливымъ нѣсколько недѣль, а потомъ быть прогнаннымъ въ пользу счастливаго соперника. Нѣтъ, благодарю! Это не входитъ въ мою программу. Я хочу имѣть значеніе во все время ея царствованія, и буду имѣть это значеніе во что бы то ни стало; потому что буду владѣть не только ея волей, но и волей всѣхъ тѣхъ, кого она полюбитъ. Не забудьте, маркиза: у доктора, да еще домашняго доктора, подъ руками такія могучія средства вліять на состояніе духа, даже

на восторженность чувствъ, что противъ такого вліянія бороться кому бы то ни было будетъ невозможно.

— И у васъ нѣтъ никого, на комъ бы вы остановились, въ видахъ захватить вліяніе въ свои руки, и кто бы рѣшился не бояться страшнаго Ушакова.

— Вотъ сегодня объявился одинъ, хотя нужно сказать, неважный, по моему мнѣнію.

— Кто же?

— Александръ Шуваловъ!

— Шуваловъ! какой это? Тотъ молоденькій камеръ-юнкеръ, который всегда умильно посматриваетъ на всѣхъ, будто хочетъ всѣмъ сказать что нибудь по секрету. Подойдетъ, приготовишься слушать, а онъ только улыбнется и рѣшительно ничего не скажетъ.

— Тотъ самый! Только не знаю почему онъ показался вамъ такимъ молодымъ? Онъ не моложе, во всякомъ случаѣ немного моложе ея.

— Такъ чего же лучше? По самой службѣ своей, какъ камеръ-юнкеръ ея двора, онъ долженъ быть къ ней близокъ, стало быть находится внѣ наблюденій и толкованій состоящихъ при ней шпіоновъ! Опасенъ намъ онъ быть не можетъ. Мнѣ показалось, не правда ли, что онъ не далекъ?

— Да, нельзя сказать, что съ неба звѣзды хватаетъ. За то братъ его очень уменъ и хитеръ! Онъ, пожалуй, можетъ быть намъ и опасенъ. И знаете, я думаю, что эта любовь и даже страсть возникла и выросла у Александра Шувалова подъ вліяніемъ его брата... Но все равно! Теперь Шуваловъ видимо страшно въ нее влюбленъ. Братъ его главнѣйше любитъ деньги, такъ любитъ, что кажется готовъ и брата и себя продать. Онъ его и настроилъ!...

— Вотъ кажется и мужъ подъѣхалъ, сказала маркиза, вставъ и подойдя къ окну. Да, это точно онъ. Вы скажите ему о здоровьѣ императрицы. Это его очень интересуетъ. Онъ видитъ, что при нынѣшнемъ расположеніи двора ничего не подѣлаешь; другое дѣло будетъ, если послѣдуетъ перемѣна.

Въ это время вошелъ маркизъ и ласково привѣтствовалъ Лестока.

Давно не были... жена ужъ безпокоиться начала. А я устадъ

страшно: ѣздилъ въ вашъ монастырь на поминовеніе генеральши Бирон, урожденной Меншиковой. Былъ почти весь дворъ, только государыни не было. Она не любитъ печальныхъ церемоній. И представь себѣ, какую я было сдѣлалъ глупость, продолжалъ Шетарди, обращаясь къ женѣ.—Мнѣ сказали, что по русскому обычаю на поминовеніе ѣздятъ съ кутьей, я и распорядился. Досталъ нарочно настоящую этрусскую вазу, приказалъ русскому повару приготовить кутью и повезъ. Держу въ рукахъ и думаю, что такъ и слѣдуетъ идти съ вазой вмѣсто букета. Только по счастію подъѣзжаетъ Минихъ, подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ, что это такое? Я говорю, что вотъ мнѣ сказали... Онъ расхохотался и объяснилъ значеніе русской кутьи. А я-то съ вазой въ рукахъ. Между тѣмъ начинаютъ подъѣзжать, а мы стоимъ на лѣстницѣ церкви. Куда дѣвать? Спасибо молоденькіе монашки выручили. Они вызвались кутью съѣсть, а вазу отнести кучеру, за что я и подарилъ имъ золотой рубль, который они тутъ же при мнѣ, на церковной лѣстницѣ и розыграли между собой въ орлянку. Какъ это допускаютъ такихъ молодыхъ въ монастыри поступать! А Минихъ стоялъ подлѣ меня всю службу и рѣшительно смѣшилъ. Да какой онъ любезный, какой анекдотистъ. Веселый старикъ! Онъ обѣщалъ заѣхать къ тебѣ и увѣрялъ, что ты не соскучишься, если его примешь.

— А вотъ мы съ М-г Армандомъ разсуждали все о цесаревнѣ Елисаветѣ. Теперь, говорятъ, она все плачетъ о Волынскомъ. Въ самомъ дѣлѣ ея положеніе тяжкое. Слышать каждый день то объ опалѣ, то о казни всѣхъ любимцемъ своего отца...

— Но, можетъ быть, она имѣетъ особыя причины сожалѣть о Волынскомъ? спросилъ посолъ. — Волынскій, какъ я его видѣлъ, мнѣ показался выходящею изъ ряда, замѣчательною личностью.

— Ни малѣйшихъ, маркизъ, ни малѣйшихъ! Она его почти и не знала. Онъ не болѣе года какъ воротился изъ Польши, а передъ тѣмъ былъ на Украйнѣ, потомъ жилъ въ Москвѣ, а прежде въ Казани и Астрахани. Кромѣ того, по отношеніямъ, родству и связямъ, онъ принадлежитъ скорѣе къ линіи императрицы, чѣмъ дочерей Петра Великаго. Правда, онъ былъ женатъ на Нарышкиной, двоюродной племянницѣ матери Петра Великаго; но, во первыхъ, жена его давно умерла; а во вторыхъ, Нарышкины всегда держали сто-

рону Лопухинцевъ и къ дочерямъ Екатерины не выказывали никогда особой преданности. Да онъ съ ними и не въ ладахъ. Двоюродная тетка Волынскаго, Феклa Яковлевна, замужемъ за Салтыковымъ, Семеномъ Андреевичемъ, оберъ-гофмейстеромъ, который, правда, въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ, но все же приходился племянникомъ царицѣ Парасковьѣ Ѳедоровнѣ, и всегда былъ принятъ у нея какъ родной; кромѣ того, онъ оказалъ императрицѣ важныя услуги при восшествіи ея на престолъ. Салтыковъ постоянно покровительствовалъ Волынскому и считалъ его за своего. Цесаревна же знала Волынскаго только потому, что слышала много разъ, какъ отецъ ея, Великій Петръ, его хвалилъ, называлъ его способнымъ и усернымъ; видала, можетъ быть, его нѣсколько разъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ Астрахани для какихъ нибудь объясненій; наконецъ, говорила съ нимъ уже тогда, когда онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ и устроивалъ знаменитый праздникъ ледянаго дома. Волынскій разумѣется, при этихъ разговорахъ старался угождать цесаревнѣ, показывалъ, что можно разъяснялъ... но это слишкомъ далеко отъ какихъ-либо особыхъ причинъ. Нѣтъ! Но цесаревнѣ довольно, что она его знала, чтобы положительно страдать за перенесенныя имъ мученія, тѣмъ болѣе, что она знаетъ, что эти мученія обрушились на него совершенно несправедливо, единственно по ненависти къ нему Остермана и Бирона. А всякое страданіе, всякое даже сочувствіе страданію, при томъ нервозномъ состояніи, въ которомъ она находится, чувствуется ею весьма сильно и отражается на всемъ ея существѣ. Она сама страдаетъ—и такъ страдаетъ, что я боюсь, если не за ея жизнь, то за разсудокъ. Вы только взгляните, въ тридцать почти лѣтъ, съ сложеніемъ чисто чувственнымъ, съ воображеніемъ, раскаленнымъ до-нельзя и чтеніемъ, и жизнью—и вести монастырскую жизнь. Да это хоть кого съ ума сведетъ!

— Что-жъ, мы, съ своей стороны, предлагаемъ все возможное, чтобы она могла измѣнить свое положеніе, флегматическои отвѣчалъ маркизъ.

— И знаешь, другъ, на комъ остановился monsieur Armand? сказала мужу маркиза.

— Нѣтъ, не слыхалъ, отвѣчалъ маркизъ, вопросительно взглянувъ на Лестока.

— На ея камеръ-юнкерѣ Шуваловѣ.

— Александрѣ? Ну, что-жъ, это дѣло! Только другой братъ его, артилеристъ, мнѣ кажется очень опаснымъ человѣкомъ. Онъ, безспорно, уменъ и честолюбивъ! Я боюсь, что намъ придется выдерживать съ нимъ...

— Э, маркизъ, перебилъ Лестокъ.—Прежде всего онъ большой интересанъ; а съ умнымъ интересаномъ всегда можно вести дѣло. Притомъ дальнѣйшее уже предоставьте мнѣ. При извѣстной мнѣ страстности натуры цесаревны, я вполнѣ увѣренъ, что буду именно докторъ и тѣла ея и души; тѣмъ болѣе, что со мною, и только съ однимъ мною, она можетъ говорить обо всемъ совершенно откровенно... и глупъ же я буду, очень глупъ, если этимъ не воспользуюсь.

По уходѣ Лестока, цесаревна Елисавета Петровна невольно задумалась о его словахъ и о своемъ положеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, думала она, — я родилась подъ несчастною звѣздою. Только что кто нибудь начнетъ мнѣ нравиться — сейчасъ ударъ. Хотя бы смерть этого голштинца... ну, развѣ не судьба? Понравился человѣкъ болѣе другихъ, человѣкъ здоровый, молодой, и вдругъ—смерть. Потомъ хотя бы Морицъ? Мнѣ сказали, я не отвѣкивалась, но Курляндія понадобилась Бирону и я въ сторону. За что же именно я? Матушка моя, императрица Екатерина, не отступивъ отъ справедливости, передала Россію внуку нашего отца, обходя своихъ дочерей, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его смерти бездѣтнымъ, наслѣдство переходило, какъ слѣдуетъ по порядку, къ намъ. Что же? Явилась Анна Ивановна... Отчего и почему?—никто и не знаетъ, а мы въ сторонѣ. И будто нарочно, все именно противъ меня. Сестра умерла, ей ничего ненужно. Согласно завѣщанію, теперь долженъ бы царствовать племянникъ, а я—быть правительницею. Не тутъ-то было! Ни ему царства, ни мнѣ правительства не видать, какъ своихъ ушей. У двоюродной тетки, Катерины, будто нарочно, родилась дочь, хотя съ мужемъ она жила какъ кошка съ

собакою; эту дочь выдали замужъ за какого-то урода, котораго она терпѣть не можетъ, а у нихъ все-таки родился сынъ. И вотъ этотъ-то сынокъ долженъ отвести меня отъ всего, чѣмъ владѣлъ и что устроивалъ мой отецъ. И отъ того, что онъ все у меня отнимаетъ, меня же ненавидятъ и преслѣдуютъ. За что же? Только за то, что я моложе и, пожалуй, покрасивѣе ихъ. Ну, да пусть, царствуйте. Я не заявляю своихъ правъ, не отнимаю у васъ ничего своего, царствуйте на здоровье! Я прошу только объ одномъ: оставьте меня въ покоѣ. Такъ жить, слова не дадутъ сказать, шагу сдѣлать. Все имъ нужно знать, за всѣмъ смотрѣть. Минихъ опредѣляетъ ко мнѣ какого-то Щегловитаго смотрѣть за моимъ домомъ, собственно же наблюдать за мною и доносить три раза въ день о томъ, что я дѣлаю, кого вижу, съ кѣмъ говорю. Брауншвейгцы присылаютъ своего Альбрехта съ помощниками и доносчиками; Биронъ окружаетъ меня чуть-ли не цѣлою командою дозорщиковъ. И смѣшно! Если я куда ѣду, непремѣнно мохнатая шапка впереди и назади, а иногда и съ боку. Рожи ихъ такъ мнѣ примелькались, что, кажется, я могу впередъ сказать, какія изъ нихъ будутъ меня сопровождать сегодня, какія завтра и т. д., по дежурствамъ. И неужели они думаютъ, что я такъ глупа, что ничего этого не вижу? Отъ кого же этотъ Обручевъ? Развѣ отъ Остермана! Впрочемъ я могу быть увѣрена, что есть кто нибудь и отъ англійскаго посла, и отъ прусскаго, и еще Богъ знаетъ отъ кого. По крайней мѣрѣ, Финчъ и Мардефельдъ часто мнѣ разсказываютъ о томъ, что у меня дѣлается въ домѣ, чего я сама не знаю; и они разумѣется, знаютъ все, что касается собственно меня. Но они, иностранцы, они присланы своими государями, чтобы все вынюхивать, все узнавать, и собственно ко мнѣ не имѣютъ никакого отношенія. А Минихъ, Остерманъ, Бестужевъ, Головкинъ—слуги моего отца, имъ вызванные, поднятые, облагодѣтельствованные, что имъ нужно? Зачѣмъ они не хотятъ понять, что если я подчинилась имъ въ политикѣ добровольно, то всякое наблюденіе за моими частными, домашними дѣлами, лично за мною, мнѣ крайне обидно. Оно меня стѣсняетъ, сердитъ, выводитъ изъ себя... Неблагодарные! И все это въ память моему отцу. Между тѣмъ Лестокъ правъ. Я не живу, а мучусь. Я мученица своихъ мыслей, своего воображенія. И если будетъ продолжаться такъ, я дѣйстви-

тельно сойду съ ума. Зная, что сближеніемъ съ кѣмъ нибудь я подвергаю его, моего избраннаго, всѣмъ ужасамъ пытки, всѣмъ терзаніямъ лютости своихъ злодѣевъ, и зная что тайны сохранить невозможно, я разумѣется должна беречься сближенія съ кѣмъ бы то ни было. Не для себя, нѣтъ! Обо мнѣ и такъ Богъ знаетъ чего не говорили, но ради того съ кѣмъ бы я сблизилась! Уже одна мысль, что моя любовь можетъ вести къ самымъ тяжкимъ истязаніямъ того кого я полюблю, заставляетъ стынуть кровь въ жилахъ, заставляетъ отказаться отъ всего... Но отказываясь, я принимаю на себя такой крестъ, который выше силъ моихъ, который меня гнететъ, давитъ, отнимаетъ всякую энергію, всякую волю, а иногда доводитъ до бѣшенства. Бываетъ время, что я не помню себя: что готова бываю идти на ножъ, на скандалъ, и Богъ знаетъ на что! О Боже, помоги мнѣ! Дай мнѣ силы, Господи, переносить съ терпѣніемъ весь этотъ гнетъ! А тутъ еще кровавыя сцены: Волынскій, Еропкинъ, Хрущовъ, Долгорукіе, особенно Василій Лукичъ. Я его знала и уважала. Онъ былъ умный и вѣрный слуга моему отцу и матери. Его посольство въ Швецію было—заслуга. И вдругъ въ благодарность—смертная казнь. Когда я читала описаніе его смерти, я упала безъ памяти; пусть онъ былъ виноватъ передо мной, не поддержалъ моихъ правъ, но передо мной, а не передъ ними! Я вѣрно не казнила бы его, а они,—ужъ именно въ благодарность!... И отъ того теперь я страдаю, невыносимо страдаю. Всякая крестьянка, всякая нищая находитъ хоть кого нибудь, только я, одна я... Какъ жарко! Мнѣ кажется, что домъ этотъ—моя тюрьма, въ которой нѣтъ свѣта, нѣтъ выхода. Пойти освѣжиться, пройтись по саду, а то мнѣ все мерещится Волынскій. Боже, какъ это ужасно!»

Цесаревна накинула на голову небольшой платочекъ по-русски, спустилась по одной изъ боковыхъ лѣстницъ и вышла на дворъ. Часовой, стоявшій у кордегардіи, замѣтилъ цесаревну и ударилъ въ караульный колоколъ; караулъ выбѣжалъ, отдалъ честь. Цесаревна отмахнула рукою и прошла въ садъ.

Но едва она вышла на площадку передъ цвѣтникомъ, какъ увидѣла вдали, въ клумбѣ зелени, еще двухъ солдатъ въ полномъ вооруженіи. Не успѣла она дать себѣ отчета, что это за солдаты и зачѣмъ они здѣсь, какъ тотъ, который стоялъ впереди, сказалъ:

маршъ! и стройнымъ, ровнымъ шагомъ подошелъ къ ней. Она невольно остановила на немъ свое вниманіе. Не доходя до нея полутора шаговъ, онъ остановился, на мгновеніе замеръ, потомъ отчетисто, чисто выполнилъ три темпа на караулъ, раздавшіеся въ воздухѣ среди мертвой тишины. Ружье въ его рукахъ обернулось для отданія чести. Взявъ на караулъ, солдатъ на секунду замеръ опять, потомъ отчеканилъ звонко, весело, будто ударилъ въ серебряный колокольецъ, проговоривъ:

— Къ вашему императорскому высочеству отъ караула преображенскаго полка на ординарцы наряженъ.

Елисавета невольно взглянула на него. Солдатъ былъ красавецъ писаный. Елисавета сама была довольно высока ростомъ, но замѣтила, что ея ростъ не достигаетъ его подбородка. Стройный, тонкій, мускулистый, но съ лицомъ полнымъ и нѣжнымъ, какъ у дѣвушки, съ карими глазами, весело и ясно смотрѣвшими на цесаревну, съ тонкими губами, образовавшими невыразимо пріятную и скромную улыбку, выражавшую вмѣстѣ съ тѣмъ беззавѣтную преданность и отвагу, онъ останавливалъ на себѣ вниманіе всякаго, какъ остановилъ невольное вниманіе цесаревны.

— Какъ тебя зовутъ? спросила цесаревна совершенно механически, не зная, что спросить.

— Алексѣй Шубинъ, ваше императорское высочество, отвѣчалъ солдатъ, не шевелясь ни однимъ нервомъ и съ замершимъ, взятымъ на караулъ, ружьемъ въ рукахъ.

— Кто вы? откуда? продолжала спрашивать цесаревна.

— Изъ костромскихъ дворянъ, ваше императорское высочество.

— Давно въ службѣ?

— Другой годъ, ваше императорское высочество.

— Что же, у васъ есть отецъ, мать, братья?

— Отецъ живъ, есть братъ и сестра, ваше императорское высочество.

— Хорошо, очень хорошо... Я скажу вашему маіору, поблагодарю его.

Премьеръ-маіоромъ преображенскаго полка былъ тогда принцъ Гомбургскій, но его не было въ Петербургѣ; полкомъ завѣдывалъ секундъ-маіоръ Альбрехтъ.

— Радъ стараться, ваше императорское высочество!

Съ этими словами солдатъ отчетистымъ темпомъ взялъ на плечо, повернулся налѣво кругомъ и тѣмъ же скорымъ шагомъ съ совершенно спокойнымъ корпусомъ отошелъ опять къ клумбѣ сирени и жимолости.

Къ цесаревнѣ подошелъ другой солдатъ, повторилъ тоже самое, заявивъ, что онъ на посылки присланъ!

Цесаревна изъ приличія повторила тѣ же вопросы и также похвалила. Другой солдатъ былъ тоже молодецъ, отвѣчалъ смѣло. Но цесаревна его не видала и не слыхала. Она тихо, не поворачивая головы, прошла площадку передъ цвѣтникомъ, миновала клумбу, гдѣ стояли солдаты, держа ружья у ноги, вытянувшись во фронтъ и по другой боковой лѣстницѣ вошла во дворецъ.

— Позовите ко мнѣ Мавру Егоровну, сказала она камеръ-медхенъ, которая подбѣжала принять отъ нея платочекъ. — И никого не принимать, я нездорова.

Черезъ секунду вошла Мавра Егоровна Шепелева, которую мы уже видѣли за завтракомъ у камеръ-юнкеровъ цесаревны. Цесаревна, какъ только увидала ее, встала съ дивана, заперла за нею двери на ключъ, потомъ живо бросилась къ ней и обняла, сажая съ собою на диванъ.

— Мавруша, другъ мой, Мавруша, спаси меня отъ самой себя!.. проговорила цесаревна и горько заплакала, припавъ къ ея груди.

— Что съ вами, цесаревна? ангелъ! милостивая цесаревна, что случилось? Боже мой, да я жизни не пожалѣю для васъ, скажите!..

Вечеромъ сержантъ Шубинъ былъ приглашенъ къ старшей фрейлинѣ цесаревны пить чай. Цесаревна была нездорова и не приказала себя безпокоить.

Черезъ недѣлю, рано утромъ, еще въ постелѣ, Лестокъ получилъ записку отъ цесаревны. Она писала:

«Пріѣзжайте, мой другъ, завтра по-раньше. Мнѣ крайне нужно съ вами поговорить.

Всегда доброжелательная вамъ,

Елисавета».

Лестокъ бросился во дворецъ цесаревны какъ сумасшедшій.

Тамъ цесаревна встрѣтила его веселою, привѣтливою улыбкою.

— Какъ вы сіяете сегодня здоровьемъ и счастьемъ, цесаревна, проговорилъ Лестокъ, любуясь невольно оживленною красотою Елисаветы.

— Видите, я послушное дитя, сказала она, весело подавая ему руку, которую тотъ почтительно поцѣловалъ.—Но я къ вамъ, какъ къ другу, обращаюсь съ просьбой: поѣзжайте къ фельдмаршалу, уговаривайте его, стращайте, настаивайте, подкупайте, однимъ словомъ дѣлайте, что хотите, отъ себя и отъ меня, только убѣдите его произвести...

— Кого, во что?

— Вотъ записка. Скажите фельдмаршалу, что онъ много обижалъ меня, но я все прощаю, если онъ исполнитъ мою просьбу... все забываю скажите, что если онъ сколько нибудь помнитъ благодѣянія моего отца, сколько нибудь цѣнитъ мое расположеніе, то непремѣнно сдѣлаетъ для меня, но скажите, что производства я желаю сейчасъ, если можно сію минуту! Пусть съ вами пришлетъ и патентъ. Скажите, что тогда мы друзья... Я навсегда буду считать себя ему благодарной и обязанной! Скажите, что я прошу. Я никогда ни о чемъ его не просила, теперь умоляю....

Лестокъ поѣхалъ къ Миниху и чрезъ часъ дѣйствительно привезъ патентъ на чинъ прапорщика преображенскаго полка (*) сержан-

---

(*) *Примѣч.* С. М. Соловьевъ въ исторіи царствованія Елисаветы Петровны, исчисляя пожалованныя вступившею на престолъ императрицею вознагражденія пострадавшимъ отъ тиранства Бирона обозначаетъ Шубина прапорщикомъ семеновскаго, а не преображенскаго полка, ссылаясь на журналы сената. У автора имѣлись въ рукахъ данныя, которыя указывали на Шубина какъ на преображенца. А какъ вопросъ въ которомъ изъ гвардейскихъ полковъ дѣйствительно состоялъ Шубинъ не имѣетъ никакого отношенія къ психологическому анализу жизни дѣйствующихъ лицъ романа, подлинныхъ же журналовъ сената авторъ не имѣлъ случая видѣть, то онъ и оставилъ за Шубинымъ производство въ преображенскій а не семеновскій полкъ; тѣмъ болѣе что хотя Миних, будучи фельдмаршаломъ и президентомъ военной коллегіи, по тогдашнему положенію могъ изъ сержантовъ произвести въ прапорщики какъ въ тотъ такъ и другой полки, но числясь самъ подполковникомъ преображенскаго полка и управляя имъ какъ ближайшій начальникъ, былъ ближе къ преображенскому, чѣмъ къ семеновскому полку, которымъ завѣдывалъ Ушаковъ. Во всякомъ случаѣ романъ не исторія. И если онъ долженъ быть вѣренъ исторіи, какъ вообще вѣренъ жизни, то разумѣется, не въ тѣхъ мелочахъ, которыя не касаются сущности мысли, опирающейся на развитіе дѣйствія въ болѣе общихъ и характерныхъ чертахъ.

ту Алексѣю Никифоровичу Шубину, за его отличноусердную и ревностную службу. Минихъ безпрекословно далъ этотъ патентъ, но затѣмъ, выпроводивъ отъ себя съ нимъ Лестока, онъ сію-же минуту поѣхалъ къ Бирону.

Елисавета объ этомъ не думала. Она спѣшила только обрадовать того, о комъ хлопотала, посылая ему патентъ, поздравленіе и тысячу рублей на экипировку.

Признаніе цесаревны очень смутило Лестока. Онъ не обратилъ вниманіе на сцену, которую подготовила ему его жившая съ нимъ подруга изъ взятыхъ въ плѣнъ при разгромѣ Лифляндіи нѣмокъ, хотя тутъ же рѣшилъ, непремѣнно, при первой же удачѣ, картежной или политической, съ ней разойтись и жениться; не принялъ своего дворецкаго съ докладомъ по дому, хотя о приличіи въ своемъ домѣ всегда очень заботился; разсердился очень на кредитора, явившагося не во время, хотя онъ самъ приказалъ кредитору въ это время явиться. Онъ все забылъ и думалъ только о цесаревнѣ.—Эхъ барыни, барыни!—думалъ онъ:—изволь тутъ съ ними дѣло вести. Терпѣла тридцать лѣтъ, а тутъ тридцати минутъ подождать не захотѣла. Ну чтобы поосмотрѣться, посовѣтоваться... Она добрая, прекрасная, милая, но хоть и цесаревна, а все же женщина. Теперь она счастлива и забыла, разумѣется, и о престолѣ, и объ обидахъ. Все забыла, не сознаетъ даже опасности. Помнитъ она теперь только одно, или лучше сказать одного, и этому одному посвящаетъ всю себя... А Шуваловъ пока въ трубѣ! чтожъ дѣлать? Самъ виноватъ, зачѣмъ долго глазами хлопалъ!...

Теперь, разумѣется, они еще ничего не знаютъ. Но любопытно, когда узнаютъ—что скажутъ? А что они узнаютъ и узнаютъ не сегодня—завтра, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, особенно при той откровенности, съ которою цесаревна за него хлопочетъ. Она хочетъ, чтобы его назначили при ней безсмѣннымъ ординарцемъ, потомъ сдѣлали бы камеръ-юнкеромъ, и уже сегодня приготовила ему вакансію, согласясь на увольненіе Балка, для поступленія адъютантомъ къ фельдмаршалу Ласси. Удивительно, какъ эти барыни всякое дѣло хотятъ вкругъ пальца разомъ обернуть. Не вышло бы только для моей цесаревны что нибудь худо. Вѣдь всѣ они давно на нее зубы точатъ. И когда ничего-то не было, чуть ее

на клочки не рвали; а теперь, когда дѣйствительно кое что есть... Нужно однако ѣхать къ Шетарди, ему разсказать. Послѣ завтра у него балъ, по поводу имянинъ короля; думаю, большая игра будетъ. Чортъ возьми, а у меня денегъ нѣтъ! Можетъ быть будетъ и императрица, а герцогъ непремѣнно. У Шетарди взять, разумѣется, можно, но неловко и безсовѣстно. Я и безъ того ему много долженъ, а на возможность расплаты пока нечего и разсчитывать... Моя цесаревна видимо на мои планы не поддается... А изъ пенсій моихъ,—этихъ пенсій едва хватаетъ, чтобы жить».

Въ этихъ мысляхъ Лестокъ приказалъ заложить карету и сталъ собираться къ Шетарди. Но уѣхать ему не удалось. Къ его подъѣзду подъѣхала маленькая коляска въ англійской упряжи съ жокеемъ верхомъ. Раздался звонокъ швейцара и камердинеръ-французъ доложилъ:

— Князья Зацѣпины, дядя и племянникъ.

Лестокъ торопливо оправился.

— Проси, проси! сказалъ онъ и вышелъ въ гостиную.

Князья Андрей Дмитріевичъ и Андрей Васильевичъ шли къ нему на встрѣчу и дядя отрекомендовалъ ему своего племянника.

V.

Балъ въ посольствѣ.

Вечеромъ у маркиза Шетарди были гости. Праздновалось тезоименитство Людовика XV. Домъ, занимаемый имъ тогда неподалеку отъ дома покойнаго государственнаго канцлера графа Головкина на рѣкѣ Мѣ, былъ великолѣпно илюминованъ новымъ французскимъ способомъ, только что введеннымъ при версальскомъ дворѣ, посредствомъ маленькихъ шкаликовъ, вмѣсто употреблявшихся до того плошекъ и свѣчей. На дворѣ горѣли великолѣпные транспаранты: одинъ представлявшій вензелевое изображеніе императрицы, букву А, разукрашенное эмблемами русскаго герба; другой, съ такимъ же вензелевымъ изображеніемъ французскаго короля Людовика XV, украшеннымъ атрибутами французскаго королевскаго штандарта и лиліями, родовой эмблемой Бурбоновъ.

Танцовальный залъ былъ освѣщенъ блестящимъ образомъ: горѣли тысячи восковыхъ свѣчей. Въ гостиной — тоже новость французскаго двора — горѣли кенкеты. Штофная драпировка, въ соединеніи съ инкрустаціей мебели и овальными рисунками пасторальныхъ сценъ въ золотыхъ рамахъ, вмѣстѣ съ легкимъ и изящнымъ рисункомъ плафона и красивыми жардиньерками, уставленными рѣдкими растеніями, дѣлали эту небольшую гостиную посла, столь уютною и столь изящною, что глазъ, казалось отдыхалъ на художественномъ соединеніи цвѣтовъ, и бесѣда, французская, любезная бесѣда, causerie, невольно сама собой вызывалась ея уютностью и спокойствіемъ. За этою гостиною слѣдовала другая, украшенная портретами Людовика XV и Маріи Лещинской. Далѣе, находилась еще прекрасная комната, назначенная спеціально для игры, съ маленькими столиками для ломбера, столами для виста и экарте, и съ большимъ овальнымъ столомъ по-срединѣ для игры въ гальбцвельфъ и въ trente и quarante. Изъ второй гостиной былъ выходъ въ столовую, гдѣ готовился ужинъ.

Въ первой гостиной уже собралось нѣсколько гостей, съ которыми любезно бесѣдовала хозяйка, прелестная и изящная маркиза Шетарди. Подлѣ нея сидѣла графиня Минихъ урожденная Мальцонъ, бывшая въ первомъ замужествѣ за Салтыковымъ и потомъ воспитывавшая цесаревну Елисавету; рядомъ съ нею графиня Марѳа Ивановна Остерманъ, напротивъ обѣихъ — супруга англійскаго посланника М-me Финчъ. Всѣ онѣ говорили по-французски, поэтому бесѣда шла довольно оживленно. Мужья всѣхъ этихъ дамъ еще не пріѣзжали. Жены должны были пріѣхать ранѣе, такъ какъ по тогдашнему этикету, нося придворное званіе, онѣ должны были встрѣтить императрицу, которая обѣщала удостоить праздникъ французскаго посольства своимъ посѣщеніемъ. Кругомъ гостиной, въ различныхъ групахъ сидѣло еще нѣсколько дамъ, преимущественно изъ крупныхъ придворныхъ. Тамъ сидѣли — старуха Трубецкая, жена фельдмаршала; Настасья Ѳедоровна Лопухина, о которой князь Зацѣпинъ говорилъ, что красотою своею она свела съума весь Петербургъ, и молодая Бестужева-Рюмина, бывшая Ягужинская, урожденная Головкина. Нѣсколько дѣвицъ

ходили по залу. Гости начинали прибывать. Почти одновременно раскланялись съ хозяйкою нѣсколько молодыхъ людей, служившихъ въ гвардейскихъ полкахъ, при дворѣ и въ колегіяхъ, а также нѣсколько секретарей и совѣтниковъ разныхъ посольствъ. Хозяина не было видно. Онъ еще не выходилъ, хотя маркиза уже неоднократно посылала за нимъ, приказывая подъ сурдинкой сообщить, что пріѣхала такая-то, или такой-то. Гостямъ заявляли, что онъ занятъ отправкою важныхъ депешъ. Въ дѣйствительности онъ не былъ занятъ ничѣмъ и сидѣлъ въ кабинетѣ въ Лестокомъ. Но видимо, что новость, переданная ему Лестокомъ, была на столько интересна, что увлекла обоихъ. Маркизъ Шетарди забылъ о своихъ гостяхъ, какъ забылъ подъ вліяніемъ только что переданной новости все на свѣтѣ; и Лестокъ, передавая эту новость, видимо былъ тоже настолько взволнованъ, что забылъ положить въ свой бумажникъ и кошелекъ предложенныя ему маркизомъ деньги, пятьсотъ червонныхъ, въ формѣ пяти векселей на Лимпана, и 300 червонцевъ въ звонкой золотой монетѣ, для игры съ герцогомъ, такъ какъ герцогъ страстно любилъ играть и по большой, а Лестокъ, на просьбу маркиза составить ему партію, заявилъ, что у него нѣтъ денегъ.

— Кто же этотъ Шубинъ? спросилъ маркизъ, видимо затронутый новостью за живое. — Нужно его отыскать, познакомиться.

— Теперь преображенскій или семеновскій офицеръ, право не знаю. Я всегда полки смѣшиваю. Изъ мелкихъ дворянчиковъ, безземельной шляхты, какъ называютъ такихъ господчиковъ поляки.

— Знаете, что, другъ Арманъ, сказалъ маркизъ, посматривая на часы. — Время еще есть. Я сію минуту напишу приглашеніе и попрошу Маньяна съѣздить розыскать и привезти его сюда. Думаю, цесаревнѣ будетъ это пріятно.

— Думаю и я. Притомъ нужно же намъ его узнать поближе. Если кто можетъ ей сообщить энергію для дѣйствія, то разумѣется только онъ. Первые фавориты всегда пользуются вліяніемъ.

Маркизъ написалъ приглашеніе и приказалъ попросить къ себя Маньяна. Въ короткихъ словахъ передалъ онъ ему пору-

Принцъ, взглянувъ на Шубина, долженъ былъ сказать, что онъ его не знаетъ

— Однако на немъ преображенскій мундиръ! замѣтилъ Левенвольдъ.

— Да, я вижу; но рѣшительно не могу вспомнить, хотя кажется у себя я знаю всѣхъ. Вѣрно безъ меня поступилъ.

— Кто это? спросилъ Левенвольдъ у преображенца, молодаго Салтыкова.

Тотъ тоже не умѣлъ отвѣтить.

— Однакожъ это странно! замѣтилъ Левенвольдъ. — Преображенскій офицеръ, котораго никто изъ преображенцевъ не знаетъ. Ужъ не мистификація ли какая!

Воспользовавшись случаемъ разговора принца Гессенъ-гомбургскаго съ кѣмъ-то, Левенвольдъ отыскалъ еще двухъ преображенцевъ, но и тѣ не умѣли ему отвѣтить. Въ это время подошелъ къ нему одинъ изъ извѣстныхъ старыхъ служакъ преображенскаго полка поручикъ Шиповъ.

— Кто это? спросилъ у него Левенвольдъ.

— Это... это... Боже мой, да это нашъ сержантъ Шубинъ.

— Сержантъ! Но онъ въ офицерскомъ мундирѣ!

— Точно въ офицерскомъ; да онъ съума сошелъ что ли? Я самъ дня два назадъ видѣлъ его сержантомъ, а производства не было.

Между тѣмъ въ игорную комнату вошелъ герцогъ. Лестокъ предложилъ ему занять его мѣсто держать гальбцвельфъ.

— Нѣтъ, господа, гальбцвельфъ дѣтская игра. По моему, играть, такъ играть! Сядемте въ ландскнехтъ.

Разумѣется, всѣ согласились, сѣли вокругъ стола, набросали денегъ въ пульку и ландскнехтъ начался.

Досталось метать Бирону.

— Ставка десять червонныхъ, кому угодно? спросилъ Биронъ.

— Идетъ, отвѣчалъ князь Андрей Дмитріевичъ, занявшій мѣсто подлѣ Бирона, и проигралъ.

— Ставка двадцать червонныхъ, господа.

— Идетъ! отвѣчалъ Трубецкой, Никита Юрьевичъ, сидѣвшій подлѣ Зацѣпина и тоже проигралъ.

— Ставка сорокъ червонныхъ, господа.

Придержалъ Генриковъ и проигралъ опять.

Глаза Бирона загорѣлись.

— Ставка 80 червонныхъ, господа! кто держитъ?

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, — подержалъ Лестокъ. Бironъ выигралъ опять.

— Ставка 160 червонныхъ! самодовольно и весело заявлялъ Бironъ.

Подлѣ Лестока стоялъ Шубинъ. Онъ вынулъ изъ кармана 1,000 р., присланныя ему на экипировку, изъ которыхъ онъ почему-то не издержалъ ни рубля.

— Держу, ваша свѣтлость, сказалъ онъ герцогу.

Бironъ обдернулся, метнулъ и остановился. Шубинъ выигралъ.

— Ваше счастье! сказалъ Бironъ, придвигая деньги.

Когда Бирону досталось вторично метать, ему было опять повезло, но опять онъ оборвался на Шубинѣ.

Тоже случилось и въ третій разъ. Бironъ нахмурился.

Метать досталось Шубину.

Ставка дошла до 300 червонныхъ; держалъ Трубецкой и проигралъ.

— 600 червонныхъ, сказалъ Шубинъ.

Бironъ заявилъ, что держитъ и проигралъ.

— Передаю игру, сказалъ Шубинъ, придвигая къ себѣ тысячу двѣсти золотыхъ.

Бironъ принялъ. Шубинъ поставилъ весь выигрышъ противъ своей игры и выигралъ опять. Бironъ съ досады бросилъ карты подъ столъ, заплатилъ проигрышъ и всталъ.

Кто это? спросилъ онъ у Шипова, который стоялъ тутъ.

— Шубинъ, ваша свѣтлость! отвѣчалъ Шиповъ.

— Шубинъ! а это Шубинъ! и герцогъ остановилъ на Шубинѣ свой пристальный взглядъ.

— Только, ваша свѣтлость, онъ у насъ числится сержантомъ! Я два дня самъ нарядъ на посты дѣлалъ и разсчиталъ его въ сержантахъ, а теперь онъ въ офицерскомъ мундирѣ. Не изволите-ли приказать допросить...

— Нѣтъ, онъ произведенъ.

— Но когда-же, ваша свѣтлость? Въ приказахъ по полку не было, я доподлинно знаю! Сегодня только...

— Воля государыни! лаконически отвѣчалъ Биронъ и отошелъ.

— Вы много выиграли? спросилъ у Шубина Лестокъ.

— Около четырехъ тысячъ червонныхъ! скромно отвѣчалъ Шубинъ.

— Вамъ везетъ рѣдкое счастье, шутливо продолжалъ Лестокъ, — и въ картахъ, и въ любви! Вы подъ счастливою звѣздою родились! Только одно скажу: берегитесь Бирона!

— А что?

Да такъ! Герцогъ любитъ играть, любитъ выигрывать, но страшно не любитъ проигрывать. Сегодняшняго проигрыша онъ, разумѣется, не забудетъ.

Въ это время заявили о пріѣздѣ императрицы. Всѣ бросились ее встрѣчать. Вслѣдъ за императрицею вошли принцъ и принцесса Брауншвейгскіе, а за ними цесаревна Елисавета.

Балъ начался длиннымъ польскимъ. Въ первой парѣ шелъ хозяинъ-маркизъ съ государынею, за ними принцъ Антонъ съ маркизою, за ними герцогъ съ принцессою, а за ними цесаревна съ фельдмаршаломъ Минихомъ. Обойдя кругъ, Шетарди передалъ государыню принцу Антону, а самъ повелъ принцессу Анну Леопольдовну, тогда какъ маркиза шла подъ руку съ герцогомъ. Затѣмъ новая перемѣна и Шетарди пошелъ подъ руку съ цесаревною.

— Я передамъ васъ, ваше высочество, не по чину, а по сердцу, сказалъ ей Шетарди.

Цесаревна тогда не поняла, но за то съ благодарностью вспомнила его слова, когда совершенно неожиданно она очутилась подъ руку съ Шубинымъ.

— Мавра Егоровна васъ ждетъ къ себѣ послѣ бала, сказала она, пожимая ему руку.

Шубинъ былъ внѣ себя отъ восторга. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдкое, невѣроятное счастье было ему и въ картахъ, и въ любви.

Князь Андрей Васильевичъ не успѣлъ взять дамы къ польскому

и, идя въ танцовальный залъ изъ игорной комнаты, замѣтилъ въ гостиной молоденькую, очень молоденькую дѣвочку, съ портретомъ императрицы, осыпаннымъ бриліантами, на груди и съ фрейлинскимъ шифромъ на плечѣ, которая, уединившись, сидѣла у жардиньерки и, казалось, не знала, что ей дѣлать. Онъ узналъ ее и сейчасъ же подошелъ. Эта дѣвочка была Гедвига-Лизавета Бирона. Она пріѣхала съ государынею и была забыта въ суетѣ представленій, общаго движенія и начавшагося танца. Такая забывчивость была, тѣмъ понятнѣе, что при малѣйшемъ разстройствѣ Бирона императрица обыкновенно забывала себя, а тутъ онъ вошелъ хмурый, недовольный и видимо сильно разстроенный.

Проходя польскій съ маркизомъ, потомъ съ принцемъ Антономъ, потомъ съ Гессенъ-гомбургскимъ, она никакъ не хотѣла окончить польскій, прежде чѣмъ ей достанется идти съ Бирономъ.

Наконецъ, ей пришлось идти съ нимъ и она спросила о причинѣ его пасмурности и разстройства.

— Какой вздоръ! рѣзко отвѣчалъ Биронъ, — я не только не разстроенъ, но очень веселъ. Мнѣ только кажется, и это точно меня волнуетъ нѣсколько, что поведеніе цесаревны Елисаветы становится до того уже неприличнымъ, что можетъ возбудить европейскій скандалъ. Влюбилась и связалась съ какимъ-то солдатомъ. Знаете, на дняхъ я долженъ былъ согласиться, чтобы Минихъ, вопреки всѣмъ правиламъ, отъ вашего имени выдалъ ему офицерскій патентъ, потому что вѣдь смѣшно же: фаворитъ цесаревны—солдатъ.

— Что же, это что нибудь новое? спросила императрица, видимо невѣрившая въ чистоту жизни цесаревны.

— Да и взгляните, въ какой степени дерзко она ведетъ себя съ этимъ новымъ. Вотъ она, въ присутствіи вашемъ, рѣшилась идти съ нимъ въ польскомъ и какъ идетъ, взгляните, какъ опирается на его руку, шепчетъ что то на ухо, и—смотрите даже не передала его по окончаніи тура.

— Да, это неловко.

— Недовольно сказать: неловко; это гадко, неприлично! Я удивляюсь его дерзости; какъ онъ смѣлъ, при васъ и всемъ обществѣ. Да, это долженъ быть человѣкъ въ высшей степени дерзкій и нахальный.

— Ну, что-жъ, ты убери его! сказала императрица и сѣла съ Бирономъ въ гостиной. Въ это время она увидѣла молодаго Зацѣпина, разговаривавшаго съ молоденькою Бирономъ.

— Кто это, спросила императрица, — съ твоею дочерью?

— Это молодой князь Зацѣпинъ, племянникъ князя Андрея Дмитріевича.

— Онъ, кажется, не дуренъ; представь его послѣ мнѣ.

Государыня сѣла и польскій кончился. Явилась характерная кадриль въ шестнадцать паръ изъ дѣйствующихъ лицъ романовъ рыцарей круглаго стола.

Маркизъ пригласилъ императрицу взглянуть на замаскированныхъ. Бирономъ подошелъ къ дочери.

Молодой Зацѣпинъ, подойдя къ молоденькой дѣвушкѣ, сперва не зналъ, что ей сказать; хотя поговорить съ ней ему очень хотѣлось. И вотъ нежданно ему пришелъ въ голову банальный вопросъ; онъ и предложилъ его:

— Отчего вы не танцуете?

Маленькая, смугленькая, но съ нѣжною сквозистою кожицею, дѣвушка, съ живыми, выразительными, черненькими глазками и милою улыбкою тоненькихъ губокъ своего маленькаго, очень маленькаго ротика, сперва сконфузилась, но потомъ наивно отвѣчала:

— Меня никто не взялъ, не замѣтили; я и прошла сюда.

— А вы любите танцовать?

— Польскій — нѣтъ. Какой это танецъ! А вотъ экосезъ или гросъ-фатеръ — очень люблю.

— А кадриль?

— Французскую — да! А русскую или англійскую — нѣтъ. Это очень скучно и запутанно. Я всегда забываю фигуры.

— А менуэтъ?

— Да, если кавалеръ пріятный и хорошо танцуетъ.

— Могу-ли я просить васъ доставить мнѣ удовольствіе протанцовать со мною менуэтъ.

— А вы хорошо танцуете?

Ну, этого нельзя сказать; однакожъ, умѣю. Танцуя съ вами, я постараюсь танцовать хорошо.

— Отчего же именно со мною?

— Чтобы угодить вамъ.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна! А то мнѣ никто не угождаетъ, даже Карлуша, мой младшій братъ, и тотъ меня только дразнитъ. Онъ видите хочетъ, чтобы я ему угождала.

— А я буду вамъ угождать! Вы скажите мнѣ, что вы любите, и я постараюсь дѣлать то, что вы скажете.

Въ это время къ нимъ подошелъ герцогъ.

— Князь, васъ желаетъ видѣть императрица. Пойдемте, я васъ представлю.

Андрей Васильевичъ всталъ.

— Папа, ничего, что я обѣщала князю танцовать съ нимъ менуэтъ? Вы мнѣ позволите?

— Съ удовольствіемъ, мой другъ! Танцуй, если это тебѣ пріятно. А князь, я надѣюсь, будетъ тебѣ пріятнымъ кавалеромъ! сказалъ онъ, любезно улыбнувшись.

И они вмѣстѣ пошли къ императрицѣ, которая говорила въ это время съ его дядею. Она удостоила племянника весьма милостиваго привѣта, пригласивъ обоихъ, и дядю, и племянника, къ себѣ завтра утромъ на стрѣльбу.

Вечеръ, впрочемъ, не окончился безъ приключенія. Когда на Мѣѣ былъ зажженъ фейерверкъ и бураки съ швермерами начали лопаться въ воздухѣ, то принцъ Гесенъ-гомбургскій, вспомнивъ канонаду подъ Хотинымъ, вообразилъ, что и теперь онъ находится подъ выстрѣлами крѣпости, и до того струсилъ, что бросился бѣжать и уткнулся прямо въ жену Миниха, стоявшую въ дверяхъ. Но такъ какъ плотная, высокаго роста и здоровая жена фельдмаршала не подалась отъ его толчка, то, по отраженіи, онъ попалъ прямо на худенькую, болѣзненную и хилую герцогиню Биронъ, наступивъ ей на ногу. Та завопила благимъ матомъ, и въ дѣло долженъ былъ вмѣшаться фельдмаршалъ Минихъ, принося герцогинѣ извиненія за своего храбраго генерала-принца, который, находясь у него подъ командою, постоянно находилъ, что тотъ побѣждаетъ не такъ.

— И даже ставучанскую битву мою, говорилъ Минихъ, — гдѣ мы такими орлами налетѣли на турокъ и разгромили ихъ такъ, что

они и до сихъ поръ въ себя придти не могутъ, а ихъ было десять противъ каждаго нашего одного, — такъ даже эту битву онъ назвалъ трусливою. Ужъ извините этого храбраго принца. Онъ вѣрно не побѣжитъ отъ бураковъ!

Минихъ продолжалъ еще острить, говоря любезности герцогинѣ. А принцъ Гомбургскій, поджавъ хвостъ, давно пропалъ.

Послѣ фейерверка открылись двери столовой и тамъ былъ сервированъ на маленькихъ столикахъ, съ разноцвѣтнымъ хрусталемъ и освѣщеніемъ, роскошный ужинъ. За столикомъ императрицы, кромѣ хозяина, расположились: принцъ и принцесса Брауншвейгскіе, герцогъ и герцогиня Биронъ, Рейнгольдъ Левенвольдъ, князь Черкаскій и князь Зацѣпинъ. Остермана на балѣ не было; онъ сослался на обычное нездоровье. Маркиза Шетарди сидѣла за столикомъ цесаревны Елисаветы, гдѣ сидѣли также графиня Остерманъ, Лестокъ, Бестужевъ-Рюминъ, Воронцовъ, Шуваловъ, Шепелевъ и между ними, какъ-то нечаянно, попалъ Шубинъ. Молодой Зацѣпинъ, тоже должно быть случайно, сидѣлъ подлѣ Лизаньки Биронъ, съ ея братомъ—принцемъ Петромъ, принцемъ Гессенъ-гомбургскимъ, Густавомъ Бирономъ и Карломъ Левенвольдомъ. Ужинъ былъ очень оживленъ; вина превосходныя, и въ заключеніе всѣмъ дамамъ были поднесены бонбоньерки, украшенныя живыми цвѣтами, съ сюрпризомъ для каждой, и мадригалами отъ хозяина, которыми воспѣвалась ихъ красота. Всѣ смѣялись, всѣ были веселы и разъѣхались по домамъ въ два часа. Молодой князь Зацѣпинъ тоже уѣхалъ вмѣстѣ съ дядей. Петлица его шитаго золотомъ кафтана украшалась геліотропомъ и розой, которые конечно подарила ему чья нибудь женская рука.

VI.

Другой міръ—другіе люди.

Окла не забыла своего обѣщанія Елпидифору, пришла за нимъ и отвела его въ свою каморку, которую она занимала за церковью Рождества у самыхъ почти торговыхъ рядовъ, нанимая уголокъ отъ дворника. Тамъ она усадила своего бывшаго любовника, поставила

передъ нимъ пирогъ съ кашей, а другой — съ ягодами; потомъ достала ендову и налила изъ нея чего-то въ бутылку.

— Что это? спросилъ Елпидифоръ.

— А вотъ попробуй! Меня научилъ это приготовлять одинъ хохолъ, тоже изъ нашихъ, запеканкой называютъ. Берешь ты, сударь мой, солоду, кладешь въ кубъ, вмѣстѣ съ оржаной мукой... И Ѳекла начала разсказывать домашнее приготовленіе сперва вонючей раки, потомъ чистой, пречистой какъ слеза, водки. Эту водку сливаютъ послѣ въ горшокъ на сливу или грушу, замазываютъ и ставятъ запекаться что ни на есть въ жаркой печи, потомъ пропускаютъ сквозь полотно.

— Скусъ-отъ такой особый, своеобычный бываетъ, вотъ попробуй! прибавила Ѳекла.

Елпидифоръ попробовалъ и нашелъ, что хорошо, очень хорошо! Выпилъ съ удовольствіемъ, закусилъ пирогомъ и выпилъ опять.

Въ глазахъ у него заискрилось. Ѳекла показалась ему опять молодою красавицею, которую онъ поджидалъ, бывало, когда она уйдетъ отъ своего пьянаго мужа, усыпивъ его.

Онъ посадилъ ее подлѣ себя, обнялъ, поцѣловалъ...

Ѳекла не отнѣживалась, но сказала:

— Слушай, Елпидифоръ, сегодня твой день; я потомъ отмаливаться стану; но знай, что теперь я не твоя, а Божья!

— Какъ Божья?

— Такъ, вотъ пойдемъ порадѣть со мной, такъ увидишь! Хорошо таково, отрадно! Себя не помнишь, будто на седьмомъ небѣ находишься, а тутъ тебя благодать Божія и осѣнитъ.

— Постой, да какъ же?..

— Да такъ! Я ужъ говорила о тебѣ Ермилу Карпычу. Онъ такой набожный и хорошо таково ученіе читаетъ. Онъ у насъ набольшій, патріархомъ зовется. Я сказала, что ты былъ нашей двухперстной вѣры и только неволей въ злобу никоніанцевъ впалъ и образа человѣческаго лишился! Теперь же благодати ищешь. Онъ сказалъ: приводи! Вотъ на той недѣлѣ первое осеннее радѣнье будетъ, тогда и пойдемъ.

— Гдѣ-же вы радѣете?

— А вотъ увидишь. Сказать нельзя, языкъ отымется. Зарокъ

такой. А придешь, увидишь — и знай про себя, другимъ не говори. Коли не достоинъ благодати Божіей, такъ Богъ память отниметъ и не найдешь; а коли найдешь опять самъ, стало Богу угоденъ ты, стало быть нашъ...

— Какое же такое радѣнье бываетъ?

— А вотъ увидишь! Таинство Божіе, о немъ зря говорить нельзя. Просвѣтитъ Богъ очи, увидишь и поймешь; а не просвѣтитъ Богъ, такъ и передъ глазами будетъ — не увришь, и передъ ушами — не услышишь и не поймешь. Во всемъ власть Божія бываетъ и безъ нея не сгинетъ ни единъ волосъ человѣческій.

Задѣли за живое Елпидифора слова Ѳеклы.

— Ну чтобы это такое? Обряды и толкованья прежнія, безпоповскаго толка, онъ знаетъ, самъ при молельнѣ служилъ; а тутъ не то, видимо не то! Что же такое тутъ? какая тамъ новая благодать открылась?

— Нишкни, нишкни! Говорю: о таинствѣ Божіемъ зря говорить станешь, языкъ отнимется! Ты вотъ лучше скажи, что княжичъ-то началъ службу?

— А кто ихъ знаетъ, какая у нихъ служба? Всякій вечеръ къ ахтеркѣ французской ѣздитъ, да къ нему учителя разные ходятъ, наукамъ какимъ-то обучаютъ; а еще вотъ солдатъ приходитъ, да какой-то нѣмчура: надѣнутъ на себя личины желѣзныя, да другъ въ друга тоненькими шпаженками пыряютъ; на шпаги-то впрочемъ пуговки насажены.

— А въ Филиповки, княжичъ-то постное ѣлъ?

— Куда-те постное! И нашему-то брату постное не больно на руку дается. Кромѣ того, что этотъ, какъ его — дворецкій не дворецкій, а какъ-то мудрено зовется... методель, такъ этотъ методель говоритъ: «пустое, ѣшь, что даютъ! Ѣда у насъ не худая». Да и своя-то братья смѣется и надутъ все, оскоромить желаетъ! Однако мнѣ Богъ помогъ соблюсти, я то не оскоромился!

— То-то, великій грѣхъ! Иные, Филиповки больше поста великаго почитаютъ. Выпей еще запеканки-то, да вотъ пирогъ сладкій, съ ягодами; а на предки я тебѣ съ здѣшнею рыбою пирогъ приготовлю, хорошая рыба, сладкая такая, у насъ на Волгѣ нѣтъ, сигъ и лососина зовется!

Елпидифоръ не отказался.

— Ну спасибо, Ѳекла Яковлевна, на привѣтѣ и ласкѣ, благодарю за угощенье! Мнѣ пора!

— Куда? посиди!

— Нѣтъ, боюсь! Завтра княжичъ на мошкару али балъ тамъ какой ѣдетъ, такъ пожалуй утромъ лошадей смотрѣть захочетъ, приготовить нужно.

— Ну прощай! А на той недѣлѣ отпросишься?

— Я ужъ отпросился. Парамону Михайлычу очень тамъ какія-то нѣмецкія рукавицы понравились, просили рубль, показалось дорого, не далъ. Я взялъ, да и купилъ; прихожу съ поклономъ, да и говорю, на старый-то новый годъ, дозволь къ своимъ сходить?

— Что-жъ онъ?

— А онъ разсмѣялся, да и говоритъ: ахъ ты, бритая рожа, туда же къ своимъ! Рази хочешь, чтобы помеломъ вымазали? Выбрился — такъ отдѣлился, самъ знаешь; свои не подъ-стать.

— Да рази я волей, Парамонъ Михайлычъ, говорю я. А онъ на это: — а ты думаешь и я волей? Нѣтъ такая ужъ тутъ линія подошла, ничего не подѣлаешь. Сходи, сходи впрочемъ, и мнѣ разскажи, что увидишь!

Перваго сентября вечеромъ Ѳекла и Елпидифоръ, не смотря на вѣтеръ и слякоть, завернувшись насколько было можно, шли Невскою перспективою въ Гончарную слободу. Вечеръ былъ темный, небо заволокло тучами, не было видно ни зги. У воротъ нѣкоторыхъ домовъ висѣли фонари, давая тусклый свѣтъ, сквозь закопченныя стекла, отъ поставленныхъ въ нихъ сальныхъ свѣчей и жирниковъ. Но этихъ фонарей, не смотря на строгое распоряженіе полиціи, чтобы они горѣли у каждаго дома, было очень мало, такъ что можно сказать, что свѣта не было вовсе. Въ Аничкиной слободѣ еще попадалось кое-гдѣ болѣе яркое освѣщеніе въ окнахъ кабаковъ, харчевенъ и заѣзжихъ домовъ, но за Вшивою биржею такихъ домовъ стало попадаться меньше, а въ Гончарной слободѣ не было уже освѣщено ни одного дома и не горѣло ни одного фонаря. Ѳекла и Елпидифоръ шли, какъ говорится, ощупью.

Посреди слободы стоялъ длинный двухъ-этажный домъ, съ высокимъ досчатымъ заборомъ и крѣпкими дубовыми воротами, къ

вереямъ которыхъ была прикована большая и злая цѣпная собака; домъ уже почернѣвшій и облупившійся отъ времени. Въ домѣ не было видно ни малѣйшаго огня и никакого признака живаго существа. Однакожъ собака была подвязана у своей конуры, такъ что она могла ревѣть и рваться на мѣстѣ, не хватая калитки, къ которой нѣтъ-нѣтъ, да и подходили разныя темныя личности. Эти личности постукивали условнымъ образомъ въ замокъ, калитка отворялась и приходившій исчезалъ въ глубинѣ двора. Такъ вошли и наши пѣшеходы. Ѳекла подошла къ Елпидифору и сказала: —

— Ты запримѣть, какъ я стучу, и не забудь, чтобы войти когда послѣ, какъ одинъ придешь! Съ этими словами она постучала и калитка отворилась. Затѣмъ на дворѣ они подошли къ какому-то низкому зданію, безъ оконъ и только съ одною дверью. Пройдя въ эту дверь, они вошли въ темныя сѣни и Ѳекла проговорила:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

За стѣной раздалось: аминь! и двери передъ ними растворились.

Елпидифоръ увидѣлъ довольно обширную низкую храмину безъ оконъ, съ нарами по стѣнамъ, поставленными на два ряда, одинъ вдоль самыхъ стѣнъ, другой — нѣсколько отступя. Еще нѣсколько наръ было устроено тамъ и сямъ въ безпорядкѣ. Посреди комнаты стоялъ столъ, съ поставленнымъ на немъ осьмиконечнымъ крестомъ, а за столомъ стоялъ нѣсколько въ сторонѣ аналой, на которомъ лежалъ старинный образъ Спасителя. Подлѣ стола тоже устроены были однѣ нары и особое возвышеніе въ видѣ амвона, на которомъ стоялъ табуретъ. Храмина по стѣнамъ была увѣшана старинными образами и ярко освѣщена сотнею лампадъ и нѣсколькими сотнями восковыхъ свѣчей разныхъ величинъ, поставленныхъ въ высокіе свѣтцы. На столѣ, передъ распятіемъ, стоялъ подсвѣчникъ о семи свѣчахъ. Кругомъ стѣнъ на нарахъ садились приходящіе, одинъ подлѣ другаго, безъ всякаго порядка. Ѳекла и Елпидифоръ сѣли рядомъ на однихъ нарахъ, на которыхъ впрочемъ сидѣлъ кто-то еще изъ пришедшихъ до нихъ.

Въ храминѣ царствовало мертвое молчаніе, изрѣдка прерываемое размѣщеніемъ вновь входящихъ.

Почти всѣ нары, расположенные кругомъ стѣнъ, были уже за-

няты сидящими, стѣснившимися сколько было возможно; нѣсколько пришельцевъ расположилось уже на нарахъ во второмъ ряду, нѣсколько стояло у стѣнъ между нарами.

Раздался звонъ колокольчика, къ столу подошла дѣвушка и стала читать молитву, окончившуюся словами: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!» Неизвѣстно откуда раздался отвѣтъ: аминь! Дѣвушка стала читать другую молитву, окончила ее тѣми же словами и получила тотъ же отвѣтъ.

Дѣвушка была молоденькая и хорошенькая. Нѣжное личико, тонкія брови и общая дѣвственность и нѣжность рѣзко оттѣнялись отъ ея грубаго платья, и она невольно представлялась какъ бы не тѣмъ, что есть. Когда она окончила, изъ толпы выдѣлился старикъ. Густые сѣдые волосы и небольшая сѣдая круглая бородка, при совершенно черныхъ, широкихъ бровяхъ, придавали его лицу особую выразительность. Взглядъ его темно-карихъ глазъ и тонко сложенныя губы довольно широкаго рта, обозначали не только умъ, но и какое-то добродушное лукавство, какую-то искренность себѣ на умѣ. Видимо было, что это старикъ серьезный, но и мягкій; что онъ мастеръ убѣждать, но готовъ и уступить, когда это нужно. Съ тѣмъ вмѣстѣ, по морщинѣ, проходящей по его лбу и складочкамъ, обозначавшимся на его вискахъ, можно было заключить о жесткомъ характерѣ его даже въ томъ случаѣ, когда онъ уступалъ, когда онъ склонялся. Одѣтъ онъ былъ просто, по-русски, въ длиннополой сибиркѣ, застегнутой на три серебряныя пуговицы, въ русской красной рубашкѣ съ косымъ воротомъ и высокихъ сапогахъ. На плечи его однакожъ было наброшено широкое тонкое полотенце съ узорочнымъ шитьемъ и шелками на концахъ.

— Ермилъ Карпычъ, сказала на ухо Елпидифору Ѳекла и встала.

Она подошла къ амвону, набросила на него коверъ, и потомъ встала на колѣни передъ старикомъ, проговоривъ молитву. Тотъ перекрестилъ ее двух-перстнымъ знаменіемъ и тоже что-то проговорилъ. Ѳекла встала, а онъ, опираясь на нее, вошелъ на амвонъ. Она сняла съ него сапоги, подала какія-то бѣлыя туфли, при благословеніи и выполненіи тоже какой-то обрядности. Затѣмъ, вставъ подлѣ молодой дѣвушки, она начала читать псалмы по книгамъ отеческимъ, т. е. изданнымъ до Никона.

Прочитавъ «Помилуй мя Боже, Живый въ помощи вышняго» и еще одинъ-два псалма, Ѳекла заключила: помоги Господи послушати поученій твоихъ и благослови радѣніе наше.

Когда Ѳекла проговорила эти слова, Ермилъ Карпычъ всталъ съ табурета и, стоя на амвонѣ, началъ говорить.

— Братіе, сказалъ онъ, — не мои нечистыя скверныя уста несутъ вамъ поученія сіи, не мой слабый разумъ и блазное помышленіе будете слушать вы, а указаніе свыше, указаніе святаго Духа, иже да снидетъ нынѣ на ны.

Ермилъ Карпычъ склонилъ голову, какъ бы повторяя про себя слова молитвы. Всѣ присутствовавшіе тоже склонили свои головы.

— Братіе! поднявъ голову, началъ тихо говорить Ермилъ Карпычъ. — Богъ создалъ свѣтъ, создалъ человѣка, далъ ему разумъ и слово, отличающіе его отъ другихъ, безсловесныхъ, и сказалъ: плодитеся и множитеся, да будетъ надъ вами мое благословеніе! И подобаетъ намъ по велѣнію Всевышняго, иже сына своего послалъ намъ во искупленіе; радѣти и молитися, безъ хитрости и лукавства, безъ упорства и сомнѣнія, а съ теплымъ чувствомъ и вѣрою отдавать себя промыслу Божію. Передъ Богомъ всѣ равны! Нѣтъ передъ его премудростію ни сильныхъ ни слабыхъ, ни богатыхъ ни бѣдныхъ, ни знатныхъ ни простыхъ, ни красивыхъ ни безобразныхъ! Всѣ братья и должны быть братьями! Правда и въ семьѣ есть старшій и младшій братъ, есть отецъ и покровитель. Богъ создалъ такъ, что старшій долженъ учить младшаго, разумный — глупаго, сильный помогать немощному! Такъ и между людьми. Богъ создалъ князей и бояръ, создалъ богатыхъ и бѣдныхъ, больныхъ и здоровыхъ, и сказалъ: пусть богатый помогаетъ бѣдному, здоровый больному, князья и бояре оберегаютъ простыхъ и неразумныхъ! Что же люди сдѣлали? Богатый бѣднаго грабитъ, здоровый слабаго давитъ, а князья и бояре, тѣ совсѣмъ душу свою ваалу отдали. Даже по постамъ скоромное ѣдятъ! Вотъ братіе, и собрались мы истинную вѣру держать и Христово имя прославлять, и избрали изъ среди себя, согласно древнимъ уставамъ и преданіямъ, агницу Божію, дѣвицу непорочную, да ниспошлетъ на нее всевышній благодать свою и да послѣдуетъ въ ней вновь воплощеніе духа Божія.

Съ этими словами Ермилъ Карпычъ взялъ за руки читавшую

передъ тѣмъ дѣвицу и ввелъ ее на амвонъ. Ѳекла сняла съ нея коты и чулки, подостлала коврикъ и босыми ногами поставила ее передъ табуретомъ. Ермилъ Карпычъ взялъ со стола распятіе и поднесъ къ ней.

— Онъ страдалъ на крестѣ за насъ, и ты молись, да пошлетъ онъ тебѣ силу страданія!

Дѣвушка приложилась къ кресту. Потомъ онъ взялъ съ аналоя образъ, тоже поднесъ къ ней и сказалъ:

— Онъ благословлялъ все живущее, — и ты молись о благословеніи.

Она приложилась и къ образу. Ермилъ Карпычъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ и посадилъ на табуретъ. Елпидифоръ замѣтилъ въ это время, что за аналоемъ стоялъ кто-то, весь въ бѣломъ, высокаго роста и съ закрытымъ лицомъ. На бѣлой, нѣжной лѣвой рукѣ его, нѣсколько высунувшейся изъ широкаго рукава бѣлой рясы, на мизинцѣ сверкалъ крупный бриліантъ.

— Кто бы это? подумалъ онъ, когда Ермилъ Карпычъ повторялъ еще надъ дѣвицей свои благословенія.

Между тѣмъ кругомъ присутствующихъ обходили съ блюдомъ, на поддержаніе святыя храмины и на бѣдныхъ братій нашихъ.

За ними несли хлѣбъ и вино.

— Во здравіе и спасеніе! подавая квасную просфору говорила Ѳекла.

— На веселіе и радость! говорила другая женщина, поднося чарку крѣпкаго, настояннаго на чемъ-то вина.

Послѣ къ дѣвицѣ подошла Ѳекла и другая женщина, дали ей выпить вина, съѣсть просфоры, распустили на ней сарафанъ, сняли проймы, разстегнули рубашку и обнажили упругую, еще дѣвственную грудь.

— Порадѣемте-же братья и сестры и помолимся, да пріиметъ Господь жертву нашу.

По этимъ словамъ всѣ присутствующіе встали съ своихъ мѣстъ, женщины подошли къ амвону, мужчины остались на мѣстѣ. Ермилъ Карпычъ и Ѳекла сошли съ амвона. Первый сѣлъ на нары у стола, а Ѳекла вошла въ кругъ женщинъ и затянула ихъ безпоповскую молитву.

Помилуй насъ Господи!
Помилуй Іусъ Христосъ!
Помоги радѣти намъ и проч.

Всѣ женщины одна за другой къ ней пристали; послѣ начали вторить и мужчины, стоя на мѣстѣ и раскачиваясь подъ однообразный, монотонный тактъ напѣва. Ѳекла, подъ тотъ же напѣвъ, тихо пошла кругомъ амвона, женщины шли за ней. Обойдя амвонъ, онѣ пошли кругомъ всей храмины, проходя вдоль всѣхъ стоявшихъ на мѣстахъ мужчинъ. Потомъ онѣ пошли опять вокругъ амвона. Дѣвица, съ распущенными волосами, съ обнаженной грудью, сидѣла на табуретѣ. Напѣвъ учащался, женщины шли за Ѳеклой ускоряя шагъ; наконецъ, Ѳекла, проходя мимо Ермила Карпыча, дрогнула какъ-то особо ногой и приподняла сарафанъ до колѣна. За ней и всѣ женщины начали приподнимать сарафаны и подергивать ногами и плечами. Пѣсня шла живѣй, темпъ учащался, ускорялось и движеніе. Скоро къ кругу стали приставать и мужчины. Пѣсня ускорялась болѣе и болѣе, движеніе шло живѣй и живѣй, темпъ учащался; мужчины и женщины подпрыгивали, поднимали руки, кобянились и скакали какъ изступленные; пѣсня полилась еще скорѣй, всѣ начали вертѣться. Вдругъ, по колокольцу Ермила Карпыча, все смолкло и остановилось.

— Начинайте дѣти славословіе и радость, сказалъ онъ. Полилась веселая ухорская пѣсня, все закричало, заскакало съ совершеннымъ бѣшенствомъ, раздались звуки сопѣлки и рожка; все кружилось, бѣсновалось, скакало подъ мотивъ сопѣлки и рожковъ, ускоряемый съ каждымъ тактомъ. Между тѣмъ, не замѣтно, свѣчи тушились, лампады гасли, въ храминѣ становилось темно, горѣлъ на столикѣ только подсвѣчникъ о семи свѣчахъ. Пляска становилась живѣе, безумнѣе; мѣстами, среди пѣсни, раздавались взвизги и восклики, иногда слышались собачій лай, мяуканье кошки, ржаніе лошади или мычанье быка; скаканье, прыганье, верченье, въ общемъ крикѣ и гамѣ, казались чѣмъ-то бѣшеннымъ, невѣроятнымъ... Потомъ вдругъ разомъ погасъ и послѣдній огонь въ подсвѣчникѣ. Сопѣлка, рожокъ и пѣсня еще продолжались. Въ это время Елпидифоръ почувствовалъ что его кто-то обхватилъ. Овца или баранъ? спросилъ охватившій у него на ухо. — Баранъ! маши-

нально отвѣчалъ Елпидифоръ. Охватившій исчезъ, но черезъ минуту онъ былъ охваченъ вновь и опять тотъ же вопросъ. Баранъ! отвѣчалъ опять Елпидифоръ. Тутъ кто-то нѣжно прижался къ нему, шепча на ухо: — овца. И онъ очутился съ своей овцой на нарахъ. Темнота покрыла общій развратъ.

— Ты видѣлъ теперь? спросила Ѳекла, когда они возвращались съ Елпидифоромъ изъ Гончарной слободы уже подъ утро.

— Какъ не видать, хоть и не знаю, кого мнѣ Богъ далъ. Будто и молодая, а Богъ ее вѣсть какая!

— Отъ того-то я и сказала, что я уже не твоя, а Божья. Кому Богъ приведетъ, тому и достаюсь.

— Сказывай сказки! Будто нельзя сговориться, да держать другъ друга на примѣтѣ.

— Великій грѣхъ! Людей обманешь, а Бога нѣтъ. Накажетъ Богъ! Сказано: — безъ хитрости, лукавства, а съ теплымъ чувствомъ и вѣрою... На меня за тебя и такъ эпитимію наложили. Ты не долженъ знать кто къ тебѣ; она не должна знать къ кому... Богъ знаетъ, кому что нужно. А дѣти всѣ общіе.

— Ну, признаться, пошалить такъ, хорошо, отчего и нѣтъ, потомъ попу покаяться можно. А чтобы жить такимъ средствіемъ... Нѣтъ, не хотѣлъ бы! Подумай, вотъ у меня теперь только одна и радость, это мой Пахомка... Ужъ какъ отмолилъ-то я нонче, чтобы его въ Москву не посылали, такъ кажись самъ родился вновь... Да и живу, — вотъ съ тобой тогда разстался, оженили, — съ женой живемъ ладно; оно особой какой любови, какъ вотъ хоть бы тебя напримѣръ любилъ, у насъ нѣтъ; а жизнь-то вся вотъ въ нихъ въ дѣткахъ-то, каковы есть. Помню, какъ Пахомка первый разъ пошелъ мнѣ лошадь запрягать, измаялся я за него, думаю: «Вдругъ лошадь-то ударитъ, или лягнетъ какъ», не выдержалъ, пошелъ самъ. А какъ подалъ-то онъ мнѣ молодцомъ такимъ, такъ будто царствомъ подарилъ; даже слезы изъ глазъ посыпались. А тутъ какъ же, главной-то радости — видѣть и любить дѣтей своихъ и не будетъ. Нѣтъ, Ѳекла Яковлевна, какъ хочешь, а не такъ Богъ велѣлъ.

— Ты може и правъ! сказала Ѳекла Яковлевна, — да мы старую вѣру хранимъ и себя отъ соблазна сберегаемъ; а то какъ бы того, гдѣ бы тѣла и крови, т. е. хрисосика добыли!

— А что ту дѣвицу-то, что на амвонѣ-то раздѣтую посадили, ту для себя Ермилъ Карпычъ приготовилъ, что-ли?

— Нишкни! что ты? Нѣтъ, Ермилъ Карпычъ тоже какъ и мы, сами не знаемъ кому достанемся и кто намъ достанется. А въ этой дѣвицѣ и сила вся! Выбираютъ чистую, непорочную и красивую. Коли найдетъ на нее благодать и она принесетъ ребенка, онъ-то и есть агнецъ, готовимый на закланіе во спасеніе грѣховъ міра!

— Ну благодать-то черезъ Ермила Карпыча и приходитъ!

— Можетъ и черезъ него, да не отъ него! Перво-на-перво онъ старъ! Отъ него, пожалуй, и не забременѣла бы; а второе, человѣкъ онъ хотя и жестній, но пожалѣлъ бы своихъ дѣтей. Онъ же такой чадолюбивый, у него есть два сына отъ жены, родились еще прежде, чѣмъ онъ въ нашу общину поступилъ, такъ онъ весь въ нихъ живетъ.

— Такъ отъ кого-же?...

— Да коли ужъ говорить откровенно, такъ, признаюсь, я думаю: что онъ подготовляетъ. Не даромъ богатство у него не по днямъ, а по часамъ растетъ! Вѣдь здѣсь богачей много, не прочь въ тайности поцаловать, особливо когда дѣвушка хорошая, да чистая, и дорого заплатить готовы! Вотъ и думаю я: сговорится онъ съ кѣмъ, и подведетъ. Тотъ не знаетъ, что коли сынъ будетъ, такъ непремѣнная жертва. А она, ты слышалъ, безъ упорства и хитрости, а съ смиреніемъ, послушаніемъ, съ чистымъ сердцемъ и доброй волею должна отдаться; нары-то у стола, гдѣ Ермилъ Карпычъ сидѣлъ, для того и приготовлены. Онъ только свѣтильникъ потушитъ, отходитъ въ сторону и тамъ отдается той, на кого попадетъ. А дѣвушка, хоть и знаетъ, что коли у нея сынъ будетъ, такъ его возьмутъ, но не знаетъ, что съ нимъ сдѣлаютъ, да и молода еще, не много о томъ думаетъ! За то, потомъ, цѣлый вѣкъ счастлива, покойна и въ уваженіи живетъ; община ее содержитъ и богородицей зоветъ!

— И все обманъ, обманъ! Гдѣ же правды-то искать?

— Правда на небѣ, а тутъ всѣ мы люди, всѣ человѣцы и всѣ жить хотимъ! Ермилъ Карпычъ человѣкъ начетистый, умный и

старую вѣру до тонкости произошелъ! И знаешь, что я подозрѣваю, для кого сегодняшняя-то дѣвчина была приготовлена?

— Нѣтъ, почему же мнѣ знать?

— Да для вашего стараго князя!

— Для кого?

— Для стараго князя, для дядюшки-то, князя Андрея Дмитріевича.

— Что ты?

— Да, думаю, что для него! Перво-на-перво онъ такія игрушки любитъ, и на то денегъ не жалѣетъ; а второе, не даромъ Ермилъ Карпычъ ужъ разъ пять къ нему ходилъ и все съ нимъ самимъ говорилъ; а князь не любитъ съ нашей братіей разговаривать; да и еще кое-что я замѣтила.

— И часто бываетъ у васъ такое радѣнье?

— Да на каждый новый мѣсяцъ, стало быть тринадцать разъ въ годъ.

— И всегда новая дѣвица?

— Ну нѣтъ, случается и старая, когда благодати не было! Вѣдь Ермилъ Карпычъ это лучше самой дѣвицы знаетъ. Ну прощай, намъ здѣсь расходиться! Ты домой, а я къ себѣ! Смотри же никому ни слова! Обѣщаешь?

Елпидифоръ поклялся, и они разошлись.

VII.

Что съѣдено и выпито, то наше.

Недѣли черезъ три послѣ посольскаго бала, князь Андрей Васильевичъ сидѣлъ у себя, въ такъ называемыхъ орлеанскихъ комнатахъ дома его дяди. Комнаты эти назывались орлеанскими, во первыхъ, потому, что въ нихъ помѣщался во весь ростъ портретъ герцога Орлеанскаго, бывшаго регента Франціи; а во вторыхъ, потому, что убранство ихъ было скопировано съ отдѣлки одного изъ загородныхъ домовъ, прославившагося знаменитыми вакхическими ужинами, которые давалъ въ нихъ принцъ-регентъ и на которыхъ не разъ случалось быть приглашеннымъ князю Андрею Дмитріевичу, такъ какъ объ его патентованныя фаворитки, де-Куаньи и де-Шуа-

зель, пользовались всегда особою благосклонностью принца. Въ этихъ комнатахъ, увѣшанныхъ головками Греза и рисунками Леонарда-де-Винчи, въ своемъ пудремантѣ, накинутымъ вмѣсто шлафрока, въ шелковыхъ чулочкахъ и туфляхъ, шитыхъ золотомъ, князь Андрей Васильевичъ выглядѣлъ уже совершенно французскимъ франтомъ-маркизомъ или петиметромъ парижскихъ салоновъ. Обращеніе шло довольно успѣшно. Нѣсколько французскихъ книгъ было разбросано на разныхъ столикахъ и этажеркахъ; нѣкоторыя изъ нихъ были раскрыты, но Андрей Васильевичъ ничего не читалъ; онъ думалъ: «Чтобы тамъ дядя ни говорилъ, а онъ не правъ, оставляя безъ вниманія такой прекрасный задатокъ будущаго какъ Лизанька Биронъ. Правда, она еще очень молода, тринадцать лѣтъ не больше; но она уже фрейлина государыни и притомъ черезъ два съ половиной года ей будетъ шестнадцать, и она такая миленькая, такая симпатичная. Дядѣ, по его лѣтамъ, разумѣется, два года кажутся чуть не вѣкомъ; но я молодъ. Для меня два и три года не Богъ знаетъ что! Черезъ три года мнѣ будетъ двадцать три, стало-быть, по лѣтамъ я буду ей какъ разъ пара. А она хорошенькая; смугловата немного, но это ничего, это къ ней идетъ; дядя говоритъ, что она нездорова. Богъ дастъ выздоровѣетъ. Вѣдь это все именно критическій возрастъ. Глазенки у нея прелесть, такъ и бѣгаютъ; а губки, а маленькій ротикъ, — просто очарованіе. И государыня видимо очень ее любитъ; ну что если въ самомъ дѣлѣ она ея дочь? Да, тогда ужъ не камеръ-юнкеромъ сдѣлаютъ!»

И честолюбивыя мечты разомъ пронеслись въ головѣ юноши, съ ихъ блескомъ, общимъ поклоненіемъ и роскошью жизни.

«Государыня не стара, думалъ онъ:—ей далеко нѣтъ еще пятидесяти. Съ ея здоровьемъ, мужественною корпуленціею и крѣпкимъ сложеніемъ, она можетъ процарствовать еще двадцать лѣтъ, а въ двадцать лѣтъ ужъ точно можно поднять свой родъ, и поднять на такую высоту, что... Положимъ, что хоть и не будешь владѣтельною особою... впрочемъ, почему-же и не быть? Вѣдь сталъ же владѣтельнымъ княземъ Ижорскимъ князь Меншиковъ; или Биронъ теперь вѣдь владѣтельный-же герцогъ Курляндскій и Семигальскій! Отъ императрицы зависитъ возстановить пожалуй самое княжество

Зацѣпинское и отдать его мнѣ на феодальныхъ правахъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что, съ лѣтами, государыня не будетъ въ такомъ послушаніи у Бирона, какъ теперь, и зная, что онъ не жалуетъ ея дочь, хотя и признаетъ ее своею, приметъ всякое возраженіе отъ него за видимое нежеланіе сдѣлать что нибудь для ея дочери! Эту мысль можно будетъ въ ней развить, поддержать... Я надѣюсь на себя, я съ умѣлъ-бы и къ императрицѣ стать поближе! А чего ближе,—мужъ ея дочери, родной зять! Наконецъ и герцогъ будетъ мнѣ номинальный тесть; изъ одного приличія ужъ онъ долженъ будетъ помогать мнѣ, а не мѣшать!

Да, точно! Это дѣло соотвѣтственное, подходящее... И дядя, я увѣренъ, если-бы сообразилъ, если-бы не пугали его эти два съ половиной года, то первый-бы сталъ совѣтовать... Впрочемъ можетъ быть онъ не хочетъ этого по другимъ причинамъ, напримѣръ, не желаетъ сближенія съ Бирономъ, котораго онъ ненавидитъ... Признаться и точно это отталкивающій и непріятный человѣкъ! Притомъ эти жестокости, казни, пытки. Наконецъ и жадность-то его несообразная!.. Вонъ на балу нашъ новый офицеръ у него выигралъ, и пожалуй за этотъ выигрышъ не обойдется безъ непріятностей! Вѣдь это подло, гадко! Офицеръ игралъ безъ обмана! Онъ могъ послѣдній свой грошъ проиграть. А герцогъ даже намекъ какой-то подлый сдѣлалъ... скверно! Не играй, коли не хочешь проиграть! Вѣдь я же не играю, а я помоложе его! А право—странно: отчего я не играю, когда играютъ всѣ? Да я думаю просто отъ того, что не люблю рисковать! Люблю идти по разсчитанному пути. По моему лучше потерять согласно своей мысли, чѣмъ выиграть на уру! Помню разъ, Леклеръ уговаривала меня: рискни, говоритъ, на мое счастье! Ну на сотню золотыхъ рискни, тебѣ ничего не значитъ. Зачѣмъ говорю,—я лучше тебѣ подарю сто золотыхъ, а ты и кидай ихъ, куда знаешь. И подарилъ ей сто золотыхъ!.. А милая женщина эта Леклеръ. Она мнѣ поможетъ терпѣливо ожидать два съ половиною года, пока подростетъ Лизеточка Биронъ, хотя дядя и правъ, замѣчая, что входитъ-же она мнѣ въ копѣйку!

Однако-жъ дядюшка мой задача, право задача. Что онъ дѣлаетъ? чего добивается? Вотъ когда Волынскаго казнили, я ему и говорю: что-жъ дядюшка, можетъ быть васъ на его мѣсто министромъ?—

Э, нѣтъ мой другъ! отвѣчалъ онъ. Я не пойду! Старъ ужъ я за государственныя дѣла приниматься, и арена скользкая, да и не то,—я хочу жить, а не работать! Другой разъ онъ развилъ свою мысль съ практической стороны.—«Зачѣмъ? говорилъ онъ. Для вліянія? Да у меня больше вліянія теперь, когда я въ сторонѣ. Теперь для меня каждый кабинетъ-министръ старается сдѣлать все, что можетъ, даже больше чѣмъ и самъ бы я для себя сдѣлалъ. Для наградъ? Да наградами меня никогда противъ кабинетъ-министровъ не обходятъ, даже будто даютъ какое-то предпочтеніе. Для того, чтобы чаще съ императрицей видѣться, чаще имѣть случай говорить съ нею? Да мнѣ и теперь дверь къ ней всегда открыта. Безъ доклада всегда принимаютъ, и всегда провожаютъ съ благодарностью, какъ человѣка, который доставилъ удовольствіе... А вѣдь кабинетъ-министръ, какой-бы онъ ни былъ, не всегда приноситъ сладкое, иногда и горькое; положимъ за первое благодарятъ, а за второе—куда не рады! Ну такъ зачѣмъ-же? Взятки брать, воровать,—не умѣю; учиться поздно, да и не хочу! Князьямъ Зацѣпинымъ куда во что, а въ воры идти не приходится».—Такъ-то оно такъ, да что-же онъ дѣлаетъ, и за что награды получаетъ?

А живетъ онъ роскошно, нужно сказать правду:—завтраки, ужины, обстановка дома, все это такое,—чуть-ли не первое въ Петербургѣ; но на это ему ненужно много времени. Призоветъ это онъ къ себѣ своего Жозефа и скажетъ: дескать завтракъ или ужинъ, завтра на шесть или на двадцать персонъ,—и какъ этотъ римскій богачъ, Лукуллъ что-ли, всегда имена забываю,—прикажетъ: дескать въ маленькой столовой или въ розовой, не то въ большой, не то въ павильонѣ, и ужъ тотъ понимаетъ, что это значитъ, и какой завтракъ или ужинъ ему готовить. И дѣйствительно, угощаетъ на зависть! Меня раза два-три приглашалъ, и хоть у насъ стодъ всякій день хорошъ, но тутъ, просто, какъ говорятъ по-русски, пальчики обдижешь! И все рѣдкостное, все невиданное,—въ февралѣ земляника, въ маѣ виноградъ! Будто птицы на крыльяхъ приносятъ. Рыба невиданная,—изъ Средиземнаго моря или изъ Астрахани, не то вонъ изъ Сибири какую-то нельму привезли;—фрукты изъ Испаніи; вина такія, что и сказать нельзя! Вонъ, прошлый разъ, изъ Китая ему птичьихъ гнѣздъ прислали! Однимъ сло-

вомъ, чортъ знаетъ чего не бываетъ! Онъ говоритъ: обѣдъ—дѣло важное; много дѣлъ можно сдѣлать, благодаря обѣду; вѣдь только то, что съѣдено, да выпито, то и наше... Тѣмъ не менѣе онъ самъ все знаетъ, хотя и мало входитъ; все этотъ Жозефъ.

Кстати о Жозефѣ, смѣшной анекдотъ. Всѣ говорятъ, что хоть дядя платитъ ему жалованье большое, больше полковника, но онъ воруетъ, гдѣ только можно. Дядѣ говорятъ объ этомъ воровствѣ со всѣхъ сторонъ и чуть-ли не каждый день. Онъ долго пропускалъ мимо ушей; по его правилу: самъ живи и людямъ давай жить; но, наконецъ, и ему надоѣло. Онъ позвалъ Жозефа къ себѣ и говоритъ:—«Слушай, Жозефъ, я тебѣ назначилъ жалованье, сколько ты просилъ, и, кажется, ни въ чемъ тебя не обижалъ, а мнѣ со всѣхъ сторонъ говорятъ, что ты воруешь страшно. Я-то бы и ничего; но знаешь, скучно чуть не каждый день слышать, что, дескать Жозефъ укралъ, Жозефъ обманулъ. Такъ вотъ что: скажи, сколько ты воруешь всего въ годъ, и уговоримся: я назначу тебѣ именно это жалованье, но съ тѣмъ, чтобы ужъ ты далъ мнѣ честное слово не красть ни копѣйки». Жозефъ расчувствовался, сказалъ, что милости его сіятельства безпримѣрны, что онъ такому господину-князю радъ всею душою служить и проч., однако высказалъ довольно круглую цифру, какую онъ въ годъ наживалъ отъ воровства, чуть-ли не въ десять разъ противъ своего жалованья. Дядя назначилъ ему эту сумму; но обязалъ уже ни копѣйки не красть и ни въ чемъ ни обманывать, чтобы дѣло какъ есть шло на чистоту. И что же? Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ является къ нему Жозефъ и говоритъ:—«Ваше сіятельство, вы были такъ добры, назначили мнѣ большое жалованье съ тѣмъ, чтобы я не обманулъ и не укралъ у васъ ни копѣйки. Я честный человѣкъ, ваше сіятельство, крѣпился, сколько могъ, но вижу, что никакъ нельзя; потому не хочу ваши деньги даромъ брать, прошу оставить меня на прежнемъ положеніи и жалованье прежнее, маленькое давать». Вотъ какой мой дядя. Меня онъ упрекаетъ чуть не ежедневно, зачѣмъ я его въ расходы не ввожу, завтраки и обѣды рѣдко дѣлаю, гостей къ себѣ мало зову. А на свои завтраки зоветъ рѣдко, развѣ какая высокая особа будетъ, съ которою хочетъ меня познакомить. Ты говоритъ, живи самъ по себѣ, а я самъ собою, съ тѣмъ,

чтобы другъ другу не мѣшать. Я свое дѣло дѣлаю, а ты свое дѣлай;—да дѣло-то какое же?»

Въ это время офиціантъ подалъ ему на серебряномъ подносѣ записку.

— Отъ его сіятельства, князя Андрея Дмитріевича, сказалъ офиціантъ.

Съ пріѣздомъ племянника, въ домѣ былъ принятъ такой этикетъ: дядѣ подавать на золотѣ: сервизы, подносы, шандалы, кубки, чарки, ложки, вилки и ножи—наверху, все было золотое, а внизу, у племянника, все подавалось на серебрѣ и все было серебряное. Князь Андрей Дмитріевичъ самъ озаботился всѣмъ этимъ распорядиться, все устроить и все пріобрѣсти. Андрей Васильевичъ взялъ записку и прочиталъ:

«Первое, мой другъ, поздравляю тебя офицеромъ гвардіи, писалъ дядя,—съ переводомъ въ семеновскій полкъ. Приказъ будетъ завтра, а послѣ-завтра ты вѣроятно получишь и патентъ. Тебѣ придется завтра явиться къ своему новому начальнику, А. И. Ушакову; отвези ему кстати и мое приглашеніе на обѣдъ въ воскресенье. Ты на балу у маркиза очень понравился и этимъ нужно пользоваться. Ты теперь уже маіоръ арміи; еще производство—и можешь получить полкъ. Вотъ и случай наживаться, если ты хочешь; но, думаю, что ты не захочешь. Лучше подождать чего нибудь лучшаго. Сегодня прошу тебя обѣдать со мною. У меня будутъ обѣдать: президентъ комерцъ-колегіи, баронъ Менгденъ, съ женою-баронесою и съ кузиною Юлькою, знаешь, неразрывная пріятельница принцессы. Мы къ барону, помнишь, заѣзжали, но никого не застали дома. Сегодня вѣрно онъ захочетъ и тебѣ сдѣлать честь, оставивъ свою карточку. Всего лучше, если тебя тоже не будетъ. Ты познакомишься со всѣми съ ними за обѣдомъ. Это будетъ и проще, и естественнѣе. А въ понедѣльникъ тебя проситъ обѣдать герцогиня, и проситъ одного. Смотри, не ударь лицомъ въ грязь! У герцога чуть не каждый день обѣдаетъ государыня и, разумѣется, ты приглашенъ не иначе, какъ съ ея соизволенія. Такъ, какъ приказъ о тебѣ выйдетъ только завтра, то тебѣ къ обѣду мундира ненужно. Къ Ушакову же ѣхать нужно непремѣнно въ мундирѣ. Поэтому я послалъ къ Шевалье и велѣлъ ему сейчасъ къ тебѣ явиться, снять

мѣрку и къ послѣ завтрему приготовить; а все, что къ тому еще нужно, какъ-то: шарфъ, плюмажъ, шпага, киверъ, знакъ и проч., тебѣ сегодня же принесутъ.

Этимъ, вмѣстѣ съ своимъ поздравленіемъ, кланяется тебѣ любящій тебя дядя. К. А. З.»

Эта записка заставила нашего юношу вспыхнуть отъ радости. Во первыхъ, ему давно уже страшно хотѣлось офицерскаго шарфа; а во вторыхъ, черезъ три-четыре дня онъ увидитъ свою Лизаньку и, можетъ быть, будетъ обѣдать съ самою государынею. И все это не болѣе какъ черезъ семь мѣсяцевъ по пріѣздѣ. Нечего и говорить о какомъ-то полкѣ, возьметъ-ли онъ какой бы то ни было полкъ! Ему нуженъ Петербургъ, дворъ, нужны люди! Дядя правъ, когда говорилъ, что лучше быть послѣднимъ при дворѣ, чѣмъ первымъ въ Зацѣпинѣ.

Въ этихъ мысляхъ онъ приказалъ заложить карету и поѣхалъ въ Петропавловскій соборъ, поблагодарить Бога; затѣмъ, подумалъ онъ: «заѣду къ Леклеръ, чтобы и дома не быть, и ее обрадовать, а обѣдаю у дяди».

Ѳедоръ, въ блестящей ливреѣ князей Зацѣпиныхъ, одѣтый, какъ и всѣ въ домѣ, въ напудренномъ парикѣ, хотя видимо еще съ медвѣжьими зацѣпинскими привычками и ухватками, надъ которыми княжеская дворня обыкновенно потѣшалась, сталъ подавать ему одѣваться.

У Леклеръ Андрей Васильевичъ встрѣтилъ Лестока. Лестокъ началъ свои привѣтствія съ поздравленія. Онъ уже зналъ о его производствѣ.

— Одно меня безпокоитъ, досадуетъ и тревожитъ при каждомъ взглядѣ на васъ, сказалъ ему Лестокъ,—одно, чего я себѣ не прощу во всю мою жизнь и буду раскаяваться умирая...

— Чѣмъ это я могу вызывать раскаяніе въ вашемъ превосходительствѣ? спросилъ его Андрей Васильевичъ.

— Тѣмъ, что я познакомился съ вами мѣсяцемъ позже, чѣмъ это было необходимо! И я простить себѣ этого не могу, узнавъ, что далеко болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до нашего офиціальнаго зна-

комства, вы уже были въ Петербургѣ, и что даже мы встрѣчались здѣсь, у прелестной м-мъ Леклеръ. Я помню даже, что я какъ-то спросилъ у ней вашу фамилію, но не обратилъ особаго вниманія, такъ какъ въ ту минуту былъ занятъ большою игрою, а мнѣ сказали, что вы не играете.

— Что же ваше превосходительство, въ этотъ мѣсяцъ развѣ ушло что нибудь?

— Все ушло! Теперь мы заняты и заняты самымъ неподходящимъ, заняты тѣмъ, что не представляетъ въ дѣйствительности ни энергіи, ни тонкости, т. е. заняты тѣмъ, что въ сущности ровно ничего и можетъ даже кончиться весьма плачевно. Вотъ вы собственно такой молодой человѣкъ, который былъ намъ нуженъ. Чѣмъ болѣе смотрю я на васъ, чѣмъ болѣе узнаю васъ, тѣмъ болѣе въ томъ убѣждаюсь. Въ васъ есть характеръ, есть энергія; вы не побоялись бы за себя, чтобы достигнуть того, чего мы всѣ добиваемся; притомъ въ васъ есть гибкость, ловкость, умъ. Вы бы съумѣли ждать случая, выдерживать... Правда, за то послѣ вы, можетъ быть, всѣхъ бы насъ, какъ говорятъ, по шапкѣ; но по крайней мѣрѣ вы сдѣлали бы дѣло. А то теперь—причемъ мы? Возимся съ простотой, которая не понимаетъ даже того, что выигрышъ не кстати бываетъ иногда хуже проигрыша кстати; а простота—русская поговорка справедлива—бываетъ иногда хуже воровства!

— Ваше превосходительство приписываете мнѣ такія достоинства...

— Да полноте вы съ вашимъ превосходительствомъ, ваше сіятельство! Я докторъ, поэтому никакихъ титуловъ не признаю, хоть и буду очень радъ быть произведеннымъ въ самые дѣйствительные и самые тайные не только совѣтники, но даже сердечники. У доктора страсть имѣть все, а пользоваться только разумнымъ и дѣловымъ. Вотъ со стороны разумности-то, я и досадую на себя, что мѣсяцемъ прежде не имѣлъ чести ближе васъ узнать. Могу завѣрить, что ужъ теперь-то васъ не забуду; при первомъ случаѣ—вы моя надежда и убѣжище.

Съ этими словами, сказанными полушутливо полусерьезно, Лестокъ раскланялся.

У дяди уже всѣ гости почти собрались. Обѣдали: президентъ комерцъ-колегіи тайный совѣтникъ и камергеръ Карлъ Альбертовичъ баронъ фонъ-Менгденъ, его жена Христина Карловна, ихъ кузина Юлія Густавовна—фрейлина принцессы Брауншвейгской, ея сестра Анна Густавовна, графиня фонъ-Минихъ, съ мужемъ, гофмейстеромъ принцессы, графомъ Иваномъ Христофоровичемъ, сыномъ фельдмаршала; былъ еще молодой человѣкъ, считающійся въ свойствѣ и съ Минихомъ, и съ Менгденомъ, нѣкто фонъ-Сиверсъ. Онъ служилъ вахмистромъ въ конномъ полку и тоже со дня на день ждалъ, что его произведутъ.

Князь Андрей Дмитріевичъ ждалъ фельдмаршала графа Христофора Антоновича Миниха, знаменитаго побѣдителя при Ставучанахъ, но онъ еще не пріѣхалъ, когда вошелъ Андрей Васильевичъ. Дядя представилъ его Менгденамъ, познакомилъ съ фонъ-Сиверсомъ. Съ Минихами онъ былъ знакомъ прежде. Молоденькая графиня Анна Густавовна очень привѣтливо протянула ему свою маленькую ручку и подвела къ сестрѣ. Ея мужъ гофмейстеръ встрѣтилъ его шутливымъ желаніемъ.—«Дождаться бы скорѣе, чтобы поздравить васъ фельдмаршаломъ, соперникомъ моего отца!» сказалъ онъ, тоже пожимая руку молодому вновь испеченному офицеру, и видимо сказалъ просто, безъ заднихъ мыслей и отъ всей души. Другое дѣло были Менгдены.

Баронъ Карлъ Альбертовичъ былъ нѣмецъ отъ подошвы башмаковъ до верхушки парика, раздѣлявшій людей на двѣ категоріи: на просто людей и на нѣмцевъ, которые, разумѣется, въ этомъ смыслѣ, признавались людьми по преимуществу; а нѣмцевъ раздѣлявшій также на двѣ половины: на разныхъ народовъ, какъ-то: прусаковъ, вестфальцевъ, баварцевъ, австріяковъ, и нѣмцевъ собственно, т. е. лифляндцевъ, которымъ, разумѣется, передъ всѣми нѣмцами отдавалось преимущество. Это была сухощавая, бѣлобрысая, надутая фигура, умѣвшая только съ пренебреженіемъ смотрѣть на окружающую его богатую обстановку, такъ какъ такой у него не было, и уважающая только одного человѣка въ мірѣ, котораго эта фигура находила образцомъ ума, искусства, храбрости и всѣхъ добродѣтелей,—это Бургардта, Христофора фонъ-Миниха, графа и фельд-

маршала глупой россійской имперіи, которую онъ возвышаетъ, украшаетъ и укрѣпляетъ.

Жена его, длинная, вытянутая, рыжеватая, чопорная нѣмка, неспособная даже на то, чтобы квасить капусту, и вмѣстѣ разсуждающая о томъ, что здѣсь, въ этой глупой Russland невозможно жить сколько нибудь порядочной женщинѣ, ибо всякая русская дрянь считаетъ себя чуть-ли не равною съ ней, урожденной фонъ-Вильдеманъ и представьте себѣ невѣжество этихъ людей, что они о Вильдеманъ никогда не слыхали, тогда какъ и отецъ и дѣдъ ея были ландратами Нейгаузена, для взятія котораго фельдмаршалу Шереметеву нужно было посылать цѣлый взводъ казаковъ.

Когда къ этой парочкѣ князь подвелъ своего племянника, то, окинувъ его взглядомъ полнаго пренебреженія, оба подумали: «ну что—русскій молодой ослятъ»; но когда тотъ прибавилъ: «и мой единственный наслѣдникъ», то оба разомъ встали и поклонились. Менгденъ подумалъ: «можно къ себѣ на вечеръ звать: съ Биромъ въ карты сажать можно, а при случаѣ и самому занять; процентовъ вѣрно брать не станетъ!» А жена его подумала: «вотъ бы хорошая партія для нашей Шарлоты, хорошо бы устроить! А то бѣдная сестра не знаетъ, что и дѣлать!» Шарлота, извольте видѣть, была ея племянница, внучка того самаго великаго ландрата Нейгаузена, отъ котораго произошла и сама баронеса Христина Карловна, дочь той сестры, которая вмѣсто того, чтобы выйти замужъ за барона Менгдена или другаго такого же, который былъ бы теперь въ глупой русской имперіи комерцъ-колегіи президентомъ, вышла за шведскаго офицера Энгофа, который умеръ, оставивъ жену съ двумя дочерьми безъ всякихъ средствъ. Шарлота эта, теперь дѣвица лѣтъ 29-ти, весьма похожая съ фигуры на тетку, только золотушная и съ покрытымъ веснушками лицомъ, жила у тетушки въ надеждѣ не найдется ли какой нибудь русскій дуракъ изъ богатенькихъ, который соблазнится славой быть племянникомъ Менгденъ и внукомъ Вильдеманъ.

Поэтому, когда князь Андрей Дмитріевичъ прибавилъ о своемъ племянникѣ, что ему впрочемъ о наслѣдствѣ отъ него много думать нечего, такъ какъ его отецъ, а его сіятельный братъ, князь Василій Дмитріевичъ, живущій въ своемъ княжескомъ замкѣ, будучи стар-

щимъ и главнымъ представителемъ славнаго рода князей Зацѣпиныхъ, въ десять разъ богаче его, то мужъ и жена совершенно растаяли отъ удовольствія, разсчитывая, сколько же онъ долженъ будетъ получать со временемъ дохода. «Состояніе князя Андрея Дмитріевича они знаютъ. Онъ получаетъ въ годъ тысячъ двѣсти, если не больше, а если тотъ въ десять разъ...» И баронеса не выдержала и спросила: а у вашего фатерхенъ вы одинъ сынъ? и потупилась невольно передъ насмѣшливымъ отвѣтомъ князя Андрея Дмитріевича, который, понимая, что она уже разсчитываетъ доходы, съ улыбкой прибавилъ:

— Нѣтъ, у него есть еще два брата, но тѣ должны довольствоваться громаднымъ состояніемъ ихъ матери, урожденной княжны Кубенской. Состояніе же мое и его отца должно все перейти къ нему полностью, какъ старшему послѣ насъ представителю нашего рода.

Этимъ представленіе князя Андрея Васильевича знаменитой четѣ окончилось. Баронеса просила его бывать у нихъ по четвергамъ; а баронъ сказалъ, что какъ только его сдѣлаютъ камеръ-юнкеромъ, то онъ запишетъ его въ свою комерцъ-колегію совѣтникомъ, такъ какъ хотя мундиръ преображенскаго и семеновскаго полка и не представляетъ никакого ручательства въ его знаніяхъ и полезныхъ совѣтахъ по комерціи, но владѣлецъ такихъ обширныхъ помѣстій не можетъ не желать комерціи всякаго успѣха, и потому онъ полагаетъ, что вправѣ, для народной пользы и выгодъ казны, и проч. Очередь дошла до Юліаны Менгденъ. Для того, чтобы обратить на своего племянника особое вниманіе этой молодой дѣвицы, князь Андрей Дмитріевичъ, рекомендуя его Менгденамъ, прибавилъ къ могущему быть будущему богатству Андрея Васильевича цифру такого размѣра, что она даже не могла умѣститься въ ихъ нѣмецкой головѣ.

Юліана Густавовна Менгденъ, нѣмочка средняго роста съ жиденькими каштановыми волосами, недурной фигурой, кругловатымъ лицомъ и маленькими карими глазками, отличалась полнымъ отсутствіемъ всякаго выраженія. Носъ у нея былъ приплюснутый, роть будто съ замершею полуулыбкою. Ей было не болѣе двадцати лѣтъ, но по смугловатости и какой-то одеревенѣлости своей, она казалась

далеко старше своей старшей сестры графини Минихъ. Она не говорила ни о чемъ, кромѣ какъ о своей принцессѣ, употребляя при этомъ постоянно мѣстоименіе «мы» будто бы дѣйствительно принцесса составляла часть ея самой.

— Мы нынче кушали чай въ восемь часовъ утра, говорила Юліана.—Принцъ Антонъ стучался, но мы его не пустили. Потомъ мы поѣхали новое платье покупать; на той недѣлѣ, говорятъ, карусель устроить хотятъ, мы будемъ въ новомъ платьѣ изъ бѣлаго гроде-муслинъ, съ золотымъ шитьемъ и краснымъ бархатнымъ спензеромъ. Не правда-ли, будетъ очень мило? Жаль только, что мы не умѣемъ верхомъ ѣздить и боимся лошадей.

— Какъ, сестра? спросилъ Минихъ.—Да вѣдь ты порядочно ѣздила? Помнишь, въ Ригѣ, когда моя Анюточка еще невѣстою была?

— Я не о себѣ, а о принцессѣ говорю! Намъ тоже проѣхать нужно будетъ, государыня это любитъ; и птицъ стрѣлять придется, а мы страхъ какъ боимся!

Къ этой-то тупоумной полуидіоткѣ князь Андрей Дмитріевичъ и подвелъ своего племянника, рекомендуя его.

Юліана не поняла размѣра цифры, которую бросилъ Андрей Дмитріевичъ вскользь Менгденамъ для оцѣнки значенія своего племянника, но она слышала, что онъ его наслѣдникъ, стало быть и домъ, и все это, его будетъ, стало быть онъ будетъ очень богатъ; одной золотой посуды, у насъ далеко столько нѣтъ хотя мы и принцы,—и она взглянула невольно на молодаго человѣка.

— Ахъ Боже мой! вдругъ вскрикнула она.—Ну совершенный графъ! Боже мой, ну точно графъ! Только тотъ по-старше будетъ! Не была ли когда нибудь ваша матушка въ Саксоніи?

Князь Андрей Дмитріевичъ улыбнулся, понимая, что лучшей похвалы наружности его племянника она не могла даже выдумать, и спѣшилъ только завѣрить, что матушка его въ Саксоніи не была, а графъ Линаръ—отецъ тоже мимо Зацѣпина не проѣзжалъ. Но Андрею Васильевичу, какъ истинному петиметру, желающему не терять своей характерности, восклицаніе это очень не понравилось.

— Если я такъ напоминаю знакомаго вамъ графа, сказалъ онъ,—то не будете ли вы столь добры, баронеса, чтобы сказать

мнѣ, чѣмъ я могу также какъ и онъ удержаться въ вашемъ воспоминаніи.

— Ахъ Боже мой, этотъ графъ Линаръ, красавчикъ, душка! мы его очень любили! Мы желали-бы съ нимъ цѣлый вѣкъ время проводить, какъ тетушка проводитъ свое время съ герцогомъ! Вотъ онъ придетъ бывало тайкомъ, будто къ Адеркасъ, мы и садимся играть! Онъ намъ разсказываетъ и ручки цѣлуетъ, и время такъ пріятно идетъ, что мы и не видимъ. Думали, когда будемъ царствовать, такъ его оберъ-камергеромъ своимъ сдѣлаемъ. Чего бы кажется лучше? Такъ нѣтъ! герцогу завидно стало. Онъ и выжилъ! Дѣлать нечего, приходится почтой довольствоваться. Но все равно! Я выйду за него замужъ, тогда онъ хоть и не посланникъ будетъ, а все можетъ сюда пріѣхать и къ намъ приходить! Но вотъ, постойте: приходите къ намъ, въ понедѣльникъ или вторникъ вечеромъ, я васъ проведу къ принцессѣ и скажу, что пріѣхалъ графъ.

— Однако нашъ акуратный герой сегодня опоздалъ, сказалъ князь Андрей Дмитріевичъ, посматривая на часы.—Уже пять минутъ шестаго, а назначено было съѣхаться въ пять. Хотя правило хорошаго обѣда заставляетъ никого не ждать болѣе пяти минутъ, но изъ уваженія къ герою-побѣдителю, мы отложимъ свой обѣдъ еще на пять минутъ, подъ опасеніемъ, что пирожки пережарятся и перепела засохнутъ.

Но князю Андрею Дмитріевичу не пришлось опасаться за своихъ перепеловъ. Черезъ минуту офиціантъ доложилъ: Его сіятельство графъ-фельдмаршалъ.

— Прошу великодушнаго прощенія, что заставилъ себя ждать; понимаю всю силу вины своей противъ такого великаго гастронома, какимъ считаю нашего почтеннаго, многоуважаемаго хозяина; кладу голову на плаху, въ надеждѣ, что повинную голову мечъ не сѣчетъ! Виноватъ; знаю, что виноватъ! Но чтожъ дѣлать? Въ колегіи задержали, а тутъ старику принарядиться захотѣлось, сказалъ Минихъ входя и пожимая обѣ руки князю Андрею Дмитріевичу.—Вѣдь я зналъ, что я у васъ встрѣчу и прелестную баронесу Христину, въ которую я былъ влюбленъ когда она еще была только м-ль Вильдеманъ, и непремѣнно бы отбилъ ее у барона и женился самъ, если-бы не былъ до того, къ несчастію, уже женатъ; зналъ, что встрѣчу

здѣсь и нашу общую очаровательницу м-ль Жюли, для которой сейчасъ же бросилъ бы мою фельдмаршальшу. И Минихъ перецѣловалъ руки у обѣихъ дамъ, поцѣловалъ въ лобъ жену своего сына, похваливъ цвѣтъ ея лица, протянулъ руку сыну и Сиверсу. Князь Андрей Дмитріевичъ представилъ ему племянника.

— А, юный любимецъ Марса, мой будущій соперникъ, сказалъ Минихъ:—я сейчасъ только подписалъ вашъ патентъ.—Поздравляю. Жалѣю только, что вы насъ, преображенцевъ, оставляете! Ну все равно, вы поступаете въ хорошую школу. Андрей Ивановичъ и графъ Апраксинъ, ваши подполковникъ и премьеръ-маіоръ, это такіе люди, что имъ даже Минихъ дорогу даетъ; отличные, почтенные люди!

Въ эту минуту толстый метръ-д'отель вошелъ въ гостиную, какъ-бы окинулъ своимъ взглядомъ гостей, остановивъ глаза на князѣ Андреѣ Дмитріевичѣ, потомъ какъ-то особо моргнулъ бровью, отставилъ правую ногу назадъ и поклонился въ полъ-пояса, важно проговоривъ: «кушанье подано». Двери въ розовую столовую отворились. Метръ-д'отель сталъ около дверей.

Андрей Дмитріевичъ подалъ руку графинѣ Минихъ, прося фельдмаршала вести баронесу, а барона—Юліану. Гофмейстеръ, Андрей Васильевичъ и фонъ-Сиверсъ были безъ дамъ и вошли позади всѣхъ. Но Андрей Дмитріевичъ распорядился мѣстами за столомъ такъ, что подлѣ Юліи Менгденъ досталось сидѣть его племяннику.

Обѣдъ былъ вполнѣ гастрономическій, по картѣ Вателя, знаменитаго повара Людовика XIV; обѣдало девять человѣкъ; вина были подобраны къ каждому блюду и подобраны такъ, что можно было только благодарить. Фельдмаршалъ повеселѣлъ, сталъ подшучивать и разсказывать анекдоты. Его сынъ, гофмейстеръ, больше молчалъ, за-то много шутила и смѣялась съ тестемъ его супруга. Баронеса смотрѣла на все будто проглотила аршинъ и все разсчитывала, много-ли же дохода будетъ имѣть молодой Зацѣпинъ. Ея мужъ, президентъ, старался какъ можно больше ѣсть и пить, что и выполнялъ со всею своею нѣмецкою грубостью, не стѣсняясь иногда спрашивать у хозяина: что это подаютъ? Разъ даже онъ не церемонился спросить: какъ это приготовляютъ? на что, разумѣется, получилъ отвѣтъ князя: не знаю. Фонъ-Сиверсъ молчалъ, думая:

«честь-то какая, обѣдаю съ самимъ фельдмаршаломъ!» или начиналъ провѣрять себя, въ родѣ вопроса: «неужели точно все это золото? И ложки, и блюда, и соусники, и крышки, и солонки? Не можетъ быть! Тутъ было бы пуда четыре или больше!» или:—а что неужели въ самомъ дѣлѣ соусъ-то изъ настоящей черепахи сдѣланъ, или это только такъ, для вида говорится?» А нашъ юноша, князь Андрей Васильевичъ, настолько заинтересовалъ Юліану, что она иначе и не называла его, какъ графъ, и смѣялась до упаду, пробуя вина, которыя онъ ей подливалъ. Послѣ обѣда она шепнула ему на ухо:—«приходите непремѣнно; я васъ къ принцессѣ проведу, а принца Антона мы выгонимъ!»

Пока всѣ пили кофе и ликеръ, баронъ убѣжалъ къ monsieur Жозефу разспрашивать, какъ приготовляется какой-то особенно понравившійся ему соусъ. Баронесса повторила князю Андрею Васильевичу свое приглашеніе и спрятала поданный ей ананасъ въ свой ридикюль. Молодые Минихи просили его чаще ихъ навѣщать. Старикъ фельдмаршалъ обѣщалъ покровительство, а Юліана знаменательно пожала руку. Обѣдъ имѣлъ успѣхъ полный, и князь Андрей Дмитріевичъ видимо былъ этимъ доволенъ.

— Ну вотъ тебѣ, другъ, дороги открыты на всѣхъ путяхъ. Ищи теперь случая. Отъ тебя зависитъ! Видишь самъ, что обѣдъ—дѣло, и дѣло нешуточное! Не всякій это сознаетъ, да дѣло вѣдь и не въ сознаніи, а въ самомъ дѣлѣ; только то, что нами съѣдено, да выпито, то дѣйствительно наше!

Племянникъ и дядя успѣли еще обмѣняться мыслями о будущихъ предположеніяхъ. Потомъ племянникъ распрощался и ушелъ къ себѣ, а дядя отдалъ приказаніе никого, кромѣ графа Андрея Ивановича, не принимать.

И точно не прошло и часу, какъ князю Андрею Дмитріевичу доложили:

— Его сіятельство, графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ!

— Просить въ кабинетъ! сказалъ князь Андрей Дмитріевичъ и отправился къ нему на встрѣчу.

VIII.

Старики-шалуны.

— На-силу вырвался подъ покровительство вашего сіятельства! началъ Остерманъ, оправляя на себѣ свой неряшливо одѣтый, коричневый шелковый, безъ всякихъ петлицъ и выпивокъ, французскій кафтанъ и широкій, съ высокимъ тупеемъ, и густо напудренный парикъ.—Эти господа думаютъ, что канцлеръ, это вьючная скотина, которой не должно и отдыха давать! Съ самаго утра, т. е. прежде еще утра, потому что я съ шести часовъ за работу принимаюсь, да вотъ до сихъ поръ! Ни пообѣдать порядочно не дадутъ, ни отдохнуть. Просилъ себѣ только полчаса,—думаю передъ нашими подвигами нужно; такъ нѣтъ! чортъ принесъ французскаго посла, этого проклятаго маркиза, узнать дескать о здоровьѣ вашего сіятельства; такъ какъ вы не удостоили своимъ присутствіемъ моего празднованія тезоименитства нашего великаго короля, то я дескать счелъ обязаннымъ просить, не изволите ли по крайней мѣрѣ удостоить посѣщеніемъ предстоящаго празднованія двадцатипятилѣтія его благополучнаго царствованія. Я, разумѣется, заохалъ, застоналъ, жалуясь на ноги, и сказалъ, что онъ самъ видитъ мое здоровье; что какъ ни желалъ бы я принимать участіе во всѣхъ празднествахъ, но постоянно долженъ отказываться отъ приглашеній даже своей всемилостивѣйшей государыни; что до сихъ поръ никуда не выхожу, а въ день праздника тезоименитства и я, и мои, думали, что я умру, но и тутъ изъ уваженія къ его великому королю, я отправилъ графиню, а самъ, если буду сколько нибудь въ силахъ, непремѣнно за долгъ поставлю принести въ день праздника свое почтительнѣйшее поздравленіе, но обѣщать впередъ не могу. Едва выпроводилъ, и прямо къ вамъ.

Ваше сіятельство изволите всегда на работу жаловаться, а согласитесь, что вѣдь безъ работы не захотѣли бы жить! Не любятъ работы только такіе лѣнтяи-фланеры, какъ напр. я, который вотъ числится по флоту въ званіи вице-адмирала, а съ тѣхъ поръ, какъ вернулся въ Россію, ни разу даже на кораблѣ не бывалъ.

— А все отдохнуть нужно иногда, вздохнуть; а и вздохнуть не хотятъ дать! Лестокъ будетъ?

— Онъ прислалъ записку, что пріѣдетъ прямо въ нотрплезиръ, но что его потребовала цесаревна, поэтому онъ долженъ прежде заѣхать къ ней.

— Кто же еще будетъ? Ахъ, старика Гаврилы Ивановича нѣтъ, а то онъ всегда первый.

— Да, любилъ покойный поразвратничать, не хуже насъ грѣшныхъ.

— Насъ то далеко перещеголялъ! Ваше сіятельство были въ то время въ Парижѣ и его не знали, а я вамъ могу доложить, что и въ голову намъ съ вами не придетъ, что́ они тутъ выкидывали! Вотъ сынокъ, тотъ не въ батюшку! Такой филистеръ, что упаси Господи! Мы въ Килѣ и въ Гетингенѣ всегда такихъ скромничковъ, да благонравныхъ, филистерами называли.

— Н-да! отвѣчалъ князь Андрей Дмитріевичъ.—За то въ другомъ смыслѣ... Впрочемъ вольному воля! А сегодня будетъ у насъ Степанъ Ѳедоровичъ Лопухинъ, да еще новенькій, Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, а можетъ быть и Куракинъ.

— Вотъ какъ! компанія хоть куда: канцлеръ и графъ, вице-адмиралъ-сенаторъ и князь; оберъ-церемоніймейстеръ, оберъ-гофъ-медикъ и камергеръ; да другой камергеръ и полковникъ, залучили еще генералъ-поручика, а можетъ еще и оберъ-шталмейстера, настоящіе бурши и со звѣздочкой... смѣясь, сказалъ Остерманъ.—А что вѣдь право насъ бы всѣхъ посѣчь слѣдовало, какъ разсудить! Ха-ха-ха! Вотъ шалуны-то!

Остерманъ весело смѣялся.

— Ужъ и посѣчь; за что же? Кому мы мѣшаемъ, у кого что отнимаемъ?

— Напротивъ, поощряемъ и помогаемъ. Такъ? А все не мѣшало бы посѣчь такихъ солидныхъ и высокопоставленныхъ людей за апробацію такого рода шалостей! Ужъ что таить, надо согласиться, я это самъ себѣ всякій разъ говорю, какъ ѣду...

— Ни-ни! Не соглашаюсь ни въ какомъ случаѣ! Солиднымъ людямъ еще болѣе развлекаться нужно! Положимъ, я лѣнтяй, ничего особаго не дѣлаю; а вотъ хоть бы вашему сіятельству, при вашихъ государственныхъ трудахъ, да хоть на нѣсколько минутъ не забыться,—по моему лучше не жить! Мнѣ, какъ вдовому, не приня-

шему никакихъ обѣтовъ, ужъ ради нервнаго успокоенія необходимо! Правда, товарищи у меня все люди женатые, но это ихъ дѣло. Положимъ, готовъ согласиться, что вашему сіятельству и другимъ нашимъ женатымъ не худо бы отъ своихъ женъ эвакуцію вынести! смѣясь, проговорилъ Зацѣпинъ.—Оно же, говорятъ, и жизни придаетъ!

— Отъ моей Марфы Ивановны я давно разрѣшеніе получилъ. Она говоритъ: дури сколько хочешь, только здоровье свое побереги, и меня не забывай.

Немного такихъ прекрасныхъ женщинъ и добрыхъ женъ, какъ графиня Марфа Ивановна. Впрочемъ и Лестоку отъ его подруги дана свобода на вся! Говоритъ: знаю, что мой дружокъ безпутный, да чтожъ дѣлать то? ничего не подѣлаешь! Лопухинъ, тотъ самъ жену освободилъ; разумѣется, и ей съ него нечего требовать! Бутурлину тоже съ горя,—кое откуда прогнали, а женился, такъ жена умерла, по-неволѣ бросишься въ омутъ, т. е. къ намъ! Да и то сказать,—мужъ да жена, говорятъ, одна сатана, гдѣ ужъ тутъ ихъ разбирать. Ну что же, ваше сіятельство, прикажете ѣхать, вѣдь время!

— Я свою карету домой отпущу? сказалъ Остерманъ.

— Разумѣется, ваше сіятельство! Вамъ, человѣку офиціальному, нельзя афишировать себя, разъѣзжая по загороднымъ мѣстамъ! Мы—другое дѣло! Будьте покойны, мы васъ какъ всегда доставимъ такъ, что даже тѣнь ваша не будетъ знать, гдѣ вы были, а Лопухинъ заѣдетъ за Бутурлинымъ.

И они скоро усѣлись въ карету Андрея Дмитріевича и двинулись на Аптекарскій островъ, гдѣ князь Андрей Дмитріевичъ устроилъ себѣ пріютъ, какъ онъ называлъ—«наше удовольствіе», въ подражаніе загороднымъ пріютамъ принца-регента Орлеанскаго, и тамъ съ нѣкоторыми любителями распущенной чувственности, повторялъ на старости лѣтъ то, чѣмъ увлекался такъ страстно въ молодости.

Въ этомъ домикѣ, круглая комната безъ оконъ, обставленная зеркалами и широкими диванами, драпированная цвѣтами и ярко освѣщенная — была ареною ихъ эротическихъ подвиговъ. По срединѣ комнаты стоялъ круглый столъ, уставленный яствами и

лакомствами и также убранный цвѣтами. Въ этой комнатѣ ихъ уже ожидали шесть или семь богинь, подъ предводительствомъ Леклеръ, одѣтой въ костюмъ Авроры.

Остерманъ, въ этой кутящей, разгульной компаніи, естественно былъ первымъ лицомъ. Онъ всегда увѣнчивалъ себя вѣнкомъ изъ плюща, принимая на себя роль Вакха. Это весьма смѣшило всю собиравшуюся компанію, такъ какъ его широкая, толстая фигура, съ подагристыми ногами и краснымъ лицомъ, очень напоминала собой бога пьянства, хотя пилъ онъ вообще очень мало, а иногда даже и вовсе не пилъ. Князь Андрей Дмитріевичъ изображалъ Аполлона; Лопухинъ — бога Пана, услаждавшаго себя виноградным сокомъ и за себя, и за Вакха; Лестокъ любилъ разыгрывать роль Сатира. Для Бутурлина была предположена роль Марса. Богини могли одѣваться, какъ которой угодно, съ тѣмъ только условіемъ, что на свой костюмъ онѣ могли употребить не болѣе двухъ аршинъ газа и гирлянды цвѣтовъ. Надъ потолкомъ игралъ хоръ музыки, въ пустой комнатѣ, не зная ни для кого, ни для чего онъ играетъ; изъ комнаты нѣсколько дверей вели въ отдѣльные кабинеты, устроенные въ видѣ палатокъ, нишей, маленькихъ будуаровъ и разнаго рода убѣжищъ. Кругомъ дома было темно; все было закрыто и замаскировано, такъ что и въ голову никому не могло придти, что тутъ, въ этомъ небольшомъ уединенномъ домикѣ, гдѣ-то близъ Карповки, идетъ полный разгулъ русскихъ вельможъ, подъ предсѣдательствомъ самого канцлера, того больнаго, слабаго старика, который все охаетъ, и по болѣзни въ кабинетъ не можетъ ѣздить, и котораго даже къ государынѣ иногда носятъ въ креслахъ.

— Ну что-жъ? Старички шалятъ! говорила Леклеръ. — Почему-же имъ и не пошалить, когда есть деньги; а намъ угодить имъ нужно, чтобы имъ весело было!

И богини тянулись изо всѣхъ силъ, чтобы угодить.

Лопухинъ съ Бутурлинымъ и Куракинъ пріѣхали почти одновременно, а Лестока еще не было. Онъ поѣхалъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ.

Цесаревна, въ слезахъ, ждала его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Увидѣвъ, что онъ подъѣхалъ, она не выдержала и побѣжала къ нему на встрѣчу.

— Они его взяли у меня, они его отняли! лихорадочно сказала она, заливаясь слезами, — докторъ, вы правы! Я была глупа, что не воспользовалась! Но развѣ я могла знать, могла думать? И чего они хотятъ отъ меня?

Лестокъ не отвѣчалъ. Онъ только поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и увелъ въ кабинетъ, указывая знаками на необходимость осторожности.

— Что случилось? скажите! Кто у васъ что отнялъ? Цесаревна, да полноте-же!

— Его, его, отняли! убили его, моего Алексѣя, моего друга! Можетъ быть теперь ломаютъ его, пытаютъ, жгутъ, мучатъ, за меня, за меня! . .

— Успокойтесь, цесаревна, что такое случилось, разскажите! Боже мой, развѣ можно такъ плакать?

— Они украли его, увезли . . . Поймите, докторъ, я ничего не хотѣла, ничего не просила у нихъ. Я все уступала имъ. Они могли разсчитывать, что я женщина, которая сама очень рада избавить себя отъ всякихъ хлопотъ и съ удовольствіемъ предоставляетъ имъ право думать даже о ней самой. Во мнѣ нѣтъ честолюбія. Я хотѣла только спокойствія. Вы знаете — я веселаго характера; можетъ быть немножко легкомысленна. Я осталась послѣ матери такъ молода. Удивительно-ли, что мнѣ хотѣлось иногда повеселиться, хотѣлось даже иногда помотать. Вѣдь молодой дѣвушкѣ въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ это такъ естественно. А я нуждалась, стѣснялась даже въ необходимомъ! Бывало нужно ѣхать къ племяннику на куртагъ или на выходъ, и я наканунѣ должна была перенизывать свой жемчугъ, чтобы было незамѣтно, что надѣваю тотъ же, который былъ на мнѣ дня два назадъ; другаго у меня не было. Но я ограничивала себя, стѣснялась, уступала мѣсто всѣмъ: и Меншиковой, и Долгорукой, и Левенвольду, и Бирону. . . однимъ словомъ, всѣмъ, кому они хотѣли, чтобы я уступала! Я не обращала вниманіе ни на ихъ выходки, ни на клеветы, переносила даже оскорбленія. . . Я требовала себѣ только одного, чтобы меня оставили въ покоѣ. . . Первый разъ я приблизила къ себѣ человѣка; первый разъ попросила не за себя, а за него, и что же? Правда, они исполнили мою просьбу, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько

недѣль убить, задушить, единственнаго человѣка, который мнѣ дорогъ. . . Вѣдь я человѣкъ, докторъ, поймите это! я женщина! Не могу же я заглушить въ себѣ всякое чувство, всякое сознаніе; не могу же быть наконецъ внѣ желаній, естественныхъ во всякой женщинѣ!

— Такъ, такъ, прекрасная цесаревна! Но что же дѣлать? Они боятся...

— Чего? кого? Меня и гвардейскаго прапорщика! Вѣдь это даже и не смѣшно. Я могла бы и должна ихъ бояться, потому что дѣйствительно могу всего отъ нихъ ожидать. . . Меня упрекаютъ, зачѣмъ я такъ доступна гвардіи, зачѣмъ такъ фамильярно отношусь къ каждому солдату, который вздумаетъ ко мнѣ обратиться; но упрекъ этотъ совершенно неосновательнъ. Въ любви гвардіи, въ сохраняемой ею памяти моего великаго отца, мое спасеніе! Я сама не знаю какъ, — при своей молодости, когда скончалась матушка, надо полагать инстинктивно, — но въ первый же день какъ я осталась сиротой, я почувствовала, что пока меня любитъ гвардія, они не посмѣютъ со мной ничего сдѣлать, не посмѣютъ даже отравить! Тогда это было инстинктивное движеніе самосохраненія, теперь же это сознательное чувство необходимости опоры. Я знаю, что пока гвардія меня любитъ, они могутъ мучить меня мелкими уколами, но предпринять собственно противъ меня ничего не смѣютъ. . . Другое дѣло въ разсужденіи человѣка, который — гвардія не знаетъ этого — для меня все! На немъ они могутъ вымѣстить всю злобу свою, всю свою ненависть ко мнѣ! И мнѣ некому даже сказать, некому довѣриться. . . Одни вы, докторъ, одни вы, который отказался меня продать имъ! Правда, мои камеръ-юнкеры, моя Мавруша. . . я въ нихъ увѣрена; но они такъ еще молоды и такъ, не въ обиду имъ будь сказано, такъ незначительны, обставлены такъ слабо и мизерно, что для дочери Петра Великаго опираться на нихъ вещь невозможная, немыслимая! Мой гофмейстеръ тоже человѣкъ честный; но онъ слишкомъ придворный человѣкъ. Онъ старается не понимать всей неловкости моего положенія. Одни вы можете пожелать помочь мнѣ, тѣмъ болѣе, что вы знаете, что я рѣшилась на извѣстный вамъ поступокъ отчасти по вашему же настоянію!

Помогите мнѣ, докторъ, умоляю васъ, — спасите отъ отчаянія, вырвите его изъ ихъ рукъ.

— Но что же съ нимъ сдѣлалось? Куда его дѣвали?

— Ничего не знаю. Сегодня утромъ я ждала его, но его не было; послала узнать — говорятъ, вчера вечеромъ явился къ нему ординарецъ съ командою и увелъ въ тайную канцелярію, а тамъ этотъ страшный Ушаковъ. Я васъ умоляю докторъ, съѣздите къ Андрею Ивановичу отъ моего имени, скажите ему, что я прошу его, ... вѣкъ ему благодарна буду. ... скажите, что тутъ нѣтъ ничего политическаго, что тутъ только слабость женщины, даже и того нѣтъ, а просто увлеченіе дѣвушки, доживиней до 29-ти лѣтъ. За что же тутъ ломать, мучить? Пусть отпустятъ его. Наконецъ, съѣздите къ герцогу, скажите, что я сама готова ему во всемъ повиноваться, но пусть мнѣ отдадутъ его, пусть только не мучатъ его за меня. Вы скажите, что у самой императрицы была сестра Парасковья Ивановна, которая была обвѣнчана тайно съ своимъ же подданнымъ, почему же я не могу? Скажите, что я на все готова. . что я прошу, умоляю! О, Боже мой, и это униженіе должна переносить дочь Петра Великаго!

— О комъ же просить и о чемъ просить? Вѣдь все это было такъ скоро, что, признаюсь, цесаревна, я еще не успѣлъ даже ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, хотя и самъ привезъ тогда патентъ.

— Только о его свободѣ! только о томъ, чтобы его не трогали и предоставили насъ самимъ себѣ. Вотъ записка о немъ, она написана моею рукою. По ней они могутъ видѣть, что вы просите не отъ себя и не за себя. Неужели они хотятъ, чтобы я сама бросилась передъ императрицею и открыто, передъ цѣлымъ свѣтомъ, заявила, что онъ мнѣ дороже самой себя.

И она заплакала опять, заплакала истерически.

На запискѣ было написано:

«О помилованіи и отпущеніи на свободу прапорщика преображенскаго полка, Алексѣя Никифоровича Шубина, слезно умоляю. Е.»

Съ этою запискою Лестокъ поѣхалъ къ Ушакову.

Андрей Ивановичъ принялъ его привѣтливо, но, выслушавъ его просьбу, поморщился.

— Ну, просьба великой княжны опоздала. Нечего и говорить, мы сегодня его порядочно-таки поломали. Одно, что могу обѣщать, это, что, исполняя желаніе дочери моего благодѣтеля, больше его ломать не буду; освободить же его зависитъ не отъ меня. Это уже прямо дѣло герцога, на это нужно высочайшее повелѣніе. Одно могу сказать, что онъ ничѣмъ великую княжну не оговорилъ, ничѣмъ не смутилъ и ровно ничего не высказалъ; сказалъ только, что онъ преданъ ей безпредѣльно.

— Теперь, простите, генералъ, что безпокою васъ вопросомъ, сказалъ Лестокъ, — что же я долженъ дѣлать? Какъ докторъ, я долженъ сказать, что такое полное изолированіе великой княжны не можетъ не отозваться весьма неблагопріятно на ея здоровьѣ; что наконецъ, неестественно, чтобы женщина въ эти годы, съ ея темпераментомъ оставалась. . . Вы понимаете меня, ваше высокопревосходительство, и не мнѣ раскрывать передъ вами послѣдствія, какія могутъ происходить отъ неправильности и неестественности жизни.

Ушаковъ задумался, потомъ проговорилъ тихо, сдержанно, обдумывая каждое слово.

— Дорогой мой докторъ, вы знаете, въ политикѣ нѣтъ чувства, нѣтъ благодарности. Люди политики не хотятъ знать, какъ отзывается то или другое ихъ желаніе на человѣкѣ, который попалъ въ ихъ затянутую на-глухо политическую сѣть, и думаютъ только о томъ, какъ-бы эта сѣть не расползлась, какъ бы не открылся выходъ. Что-жъ дѣлать, что цесаревна, не смотря на всю свою осторожность, не смотря на всю свою сдержанность, до сихъ поръ возбуждаетъ въ нихъ опасеніе. Они хорошо знаютъ, что она не захочетъ рисковать собою, да и не въ ея характерѣ добиваться верховенства, что, наконецъ, у нихъ подъ руками есть всегда средства ее удовлетворить; но знаютъ также что если не она, то другіе легко могутъ воспользоваться ея положеніемъ; тѣмъ болѣе, что есть прямой мужской потомокъ... Еще сегодня только императрица выразилась: «чортушко-то живъ еще!»... Этотъ потомокъ, этотъ чортушко, понятно, имъ какъ бѣльмо на глазу. Теперь вы сами знаете, какъ цесаревну

любить гвардія и особенно преображенскій полкъ. Если бы она сблизилась съ кѣмъ нибудь изъ посторонних, изъ чужихъ... а то она выбрала преображенца. Не наводитъ-ли ато на мысль, что, можетъ быть, этотъ избранный будетъ проводникомъ, будетъ руководителемъ и выразителемъ тѣхъ желаній, которыя давно, если не высказываются, то подразумѣваются, и не опасаться которыхъ, разумѣется, имъ нельзя. Я это говорю потому, что такъ думаю. Будучи внѣ политики и представляя собою только молотъ, только грозу политическимъ страстямъ, я дѣлаю свое дѣло именно какъ молотъ, давлю то, что мнѣ бросаютъ, не думая о томъ, зачѣмъ и какія будутъ изъ того послѣдствія, какъ не думаетъ о томъ молотъ. Я закалилъ себя на этой работѣ, отрицаясь отъ самого себя. Я не вижу въ томъ, кого мнѣ бросаютъ, человѣка; я вижу только политическую жертву; а политическая жертва для меня безразлична, кто онъ, отчего и за что. Мнѣ пришлось одинаково слушать стенанія Долгорукова, брань Волынскаго, безъискусственное показаніе Шубина, и я слушалъ ихъ такъ же, какъ еще въ молодости, состоя подручникомъ Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, я смотрѣлъ на изувѣрское молчаніе стрѣльцовъ. Тѣ и другіе попали въ политическую сѣть, попали подъ молотъ; а молотъ бьетъ, а не разсуждаетъ. Поэтому мой совѣтъ: поѣзжайте къ герцогу, попробуйте убѣдить, хотя, признаюсь, я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Того, кто запутался, не освобождаютъ. А всего лучше убѣдить великую княжну,—къ которой преданность моя безмѣрна,—побороть свое чувство, забыть отсутствующаго и выбрать въ свои приближенные человѣка, котораго бы они менѣе опасались. Вотъ все, что я могу посовѣтовать. Скажите это цесаревнѣ и передайте ей, что я, съ своей стороны, употреблю всѣ мѣры, чтобы облегчить его положеніе.

Послѣ этихъ словъ Ушакова, Лестоку не оставалось ничего болѣе, какъ ѣхать къ Бирону. Но Биронъ не былъ такъ мягокъ и привѣтливъ, какъ Ушаковъ.

Онъ принялъ его не въ кабинетѣ, а въ одной изъ проходныхъ комнатъ своей внутренней половины. За дверью былъ слышенъ разговоръ нѣсколькихъ дамъ и Лестоку показалось, будто между ними онъ слышитъ густой и рѣзкій голосъ государыни. Биронъ даже не предложилъ ему сѣсть, хотя самъ, какъ вощелъ, такъ и сѣлъ на

одно изъ креселъ, стоявшихъ у стола. Онъ не далъ высказать Лестоку ни слова, а началъ съ горячихъ упрековъ, какъ приближенному двора цесаревны. Онъ говорилъ по-нѣмецки, говорилъ скоро, такъ что Лестону приходилось только слушать и молчать, будто не онъ прибылъ къ Бирону съ своимъ дѣломъ, а Биронъ его вытребовалъ.

— Это глупо, это нелѣпо! говорилъ Биронъ.—Великой княжнѣ, цесаревнѣ такой великой имперіи, дочери столь славнаго отца сойтись, сблизиться съ какимъ-то преображенцемъ, съ какимъ-то сержантомъ! Что такое Шубинъ? Слыхалъ-ли кто о Шубинѣ?

Лестокъ подумалъ: «А о тебѣ-то кто когда слышалъ пріятель?»

— Это все затѣи ея двора, все выдумки ваши, нарышкинскія, воронцовскія и всей этой челяди, которая успѣла задушить царевну Софію и запереть въ монастырь царицу Авдотью. Я вырву съ корнемъ эти затѣи, уничтожу ихъ въ зародышѣ. Скажите цесаревнѣ, что императрица весьма огорчена ея поведеніемъ,—поведеніемъ, неприличнымъ для ея сана, ея званія, ея титула; что она не можетъ перенести, чтобы ея двоюродная сестра до того себя унизила, что снизошла до какого-то преображенскаго солдата...

— Онъ родовой дворянинъ, успѣлъ вставить свое слово Лестокъ.

— Дворянинъ! дворянинъ! ха, ха, ха! Развѣ есть русскіе дворяне? Это быдло, рогатый скотъ, который надо душить, когда онъ не нуженъ. Это, это... Впрочемъ, что мнѣ вамъ о томъ говорить. Передайте великой княжнѣ мои слова и скажите, что если до государыни дойдетъ, что это не только увлеченіе, но и интрига, то пусть не жалуется, пусть пеняетъ на себя. Вотъ все, что я могу вамъ сказать. Прощайте, да совѣтую держать себя поосторожнѣе, я уже давно вглядываюсь въ васъ.

Разумѣется, Лестокъ долженъ былъ ѣхать къ цесаревнѣ передать о неуспѣхѣ своего ходатайства, уговаривать и успокоивать ея нервное разстройство. Она долго плакала, плакала нервно, истерически, наконецъ, подъ вліяніемъ даннаго ей морфія, заснула. Поэтому Лестокъ могъ пріѣхать къ компаніи кутящихъ государственныхъ людей только въ полночь. Тамъ онъ успѣлъ передать о томъ, что съ нимъ было, князю Андрею Дмитріевичу и прибавить отъ себя:

— Богъ все дѣлаетъ къ лучшему. Разумѣется, время успокоитъ цесаревну и она будетъ свободна. Вотъ случай вашему племяннику; по-моему, это далеко цѣлесообразнѣе, чѣмъ Шубинъ, который, не смотря на явную опасность своего положенія, успѣлъ еще разсердить Бирона своимъ выигрышемъ съ него, и, разумѣется, далеко соотвѣтственнѣе, чѣмъ Александръ Шуваловъ, находящійся въ такой зависимости отъ своего братца Петра Ивановича, что, надо полагать, самое увлеченіе его есть дѣло братца; а ума этого братца, признаюсь, я очень и очень начинаю бояться.

Этотъ разговоръ происходилъ въ то время, какъ Остерманъ, подъ руководствомъ Леклеръ, съ какою-то молоденькою нимфою разыгрывали сцену похищенія Европы и когда богъ Панъ предлагалъ Марсу разыграть между собою въ лотерею тѣхъ двухъ харитъ, которыя свели съ-ума Нарциса.

. . . . . .

— Такъ, неоцѣненный дядюшка, заключилъ свой разговоръ черезъ нѣсколько дней племянникъ, приглашенный къ нему утромъ пить кофе,—у меня, выходитъ, оба случая на ладони: у принцессы я сегодня вечеромъ, а у цесаревны—черезъ недѣлю. А притомъ сегодня, въ дополненіе всему, обѣдаю у герцога, гдѣ, можетъ быть, встрѣчу и нашу всемилостивѣйшую государыню.

— Да, только тутъ надо умѣть воспользоваться, умѣть выбрать и, главное, не увлекаться самомнѣніемъ и не поддаваться на то, что нравится самому.

Этимъ разговоръ ихъ и закончился, потому что племянникъ только подумалъ, а не сказалъ:

«Да я ужъ выбралъ; это—Лизанька Биронъ».

IX.

Капиталъ.

Нѣсколько времени спустя, послѣ того какъ прошли всѣ дни, въ которые обыкновенно разсыпались милости императрицы, князь Андрей Васильевичъ совершенно неожиданно былъ обрадованъ сообщеніемъ о пожалованіи ему званія камеръ-юнкера и о производствѣ въ поручики; теперь, пожалуй, и полкъ дали бы, вѣдь онъ пол-

ковникъ арміи. Но онъ не возьметъ никакого полка. Да и къ чему ему? Въ настоящее время онъ здѣсь можетъ ожидать всего. Онъ обѣдалъ у герцога вмѣстѣ съ государынею. О герцогѣ и герцогинѣ нечего и говорить, но и государыня отнеслась къ нему весьма милостиво: много говорила съ нимъ, интересовалась происхожденіемъ князей Зацѣпиныхъ, ихъ настоящимъ положеніемъ и состояніемъ, высказала свое расположеніе къ его дядѣ, котораго называла развлеченіемъ въ минуты грусти, говорила о немъ самомъ. Послѣ обѣда, говоря съ нимъ, она два раза подзывала свою Лизаньку, говоря, что она ея крестница и любимица; говорила, что объ ея приданомъ она не дастъ заботиться герцогу, а позаботится сама; сказала даже, что она очень еще молода, но что въ Россіи въ обычаѣ выдавать весьма молодыхъ замужъ, и что ее, лично, дядя выдалъ также, когда ей не было еще 15-ти лѣтъ отъ роду. Однимъ словомъ, видно было, что государыня нисколько не прочь отъ партіи, которую Андрей Васильевичъ находилъ для себя и лестною, и соотвѣтственною. Лизанька Бирона ему нравилась. Послѣ обѣда, когда усѣлись играть въ карты, онъ нашелъ время поболтать съ нею.

«И какой задушевный она ребенокъ, думалъ онъ,—какъ мило поднимала она на него свои каренькіе глазки и разспрашивала о княжествѣ зацѣпинскомъ, объ Андреѣ Боголюбскомъ и о всемъ, что изъ его разсказа ее заинтересовывало. А государыня здорова, она процарствуетъ много лѣтъ, и я, послѣ Бирона, буду первымъ человѣкомъ. А можетъ быть Бирона, въ концѣ концовъ, потеряетъ свое вліяніе, тогда, разумѣется, я не дамъ вертѣть дѣлами какому нибудь Остерману» и т. д.

Мечтая о томъ, какъ бы онъ все забралъ въ свои руки, онъ наговорилъ много весьма тонкихъ и остроумныхъ любезностей дѣвочкѣ, которая его заслушивалась; разсказалъ ей нѣсколько анекдотовъ, нѣсколько смѣшныхъ сценъ, которыя заставили ее отъ души смѣяться. Затѣмъ, прощаясь, онъ получилъ опять отъ нея цвѣтокъ, перевязанный ленточкою, на которой ея собственными ручками было вышито: Souvenir. Она сама ему сказала, что вышивала нарочно для него. Отъ герцога и герцогини онъ получилъ приглашеніе бывать за-просто. Государыня тоже милостиво протянула ему руку, которую тотъ почтительно поцѣловалъ, и сказала, что она

надѣется нерѣдко съ нимъ встрѣчаться. Однимъ словомъ, все шло такъ хорошо, такъ хорошо, что лучше рѣшительно не могло идти, и доказательство—его пожалованіе и производство, о которомъ дядя даже говорить считалъ рановременнымъ.

Не менѣе удачно было посѣщеніе и принцессы, которая тоже нашла въ немъ большое сходство съ графомъ Линаромъ. Хотя она недавно только оправилась отъ родовъ, но его приняла и весьма весело и милостиво съ нимъ разговаривала. Принца Антона не было, а Юліана видимо была на его сторонѣ. Молодой Минихъ также, кажется, былъ не прочь, чтобы между нимъ и принцессою послѣдовало сближеніе, долженствовавшее разумѣется изгладить ея воспоминанія о графѣ Линарѣ, можетъ быть и потому, что это сблизило бы принцессу съ политическими видами его отца, стоящаго за союзъ съ Пруссіей, которому графъ Линаръ, будучи посланникомъ саксонскаго двора, былъ естественный противникъ. Принесли маленькаго великаго князя, и принцесса находила, что онъ очень походитъ на Андрея Васильевича. Однимъ словомъ все шло такъ, что молодой человѣкъ считалъ себя въ правѣ не торопиться рѣшеніемъ, но выжидать.

Цесаревна Елисавета была еще слишкомъ потрясена постигшимъ ее огорченіемъ, слишкомъ грустна для того, чтобы искренно отдаваться новымъ впечатлѣніямъ; но и она приняла его весьма привѣтливо. Вспоминая нѣсколько разсказовъ своего отца о его дѣдѣ, котораго Великій Петръ прозвалъ непоборимымъ старьевщикомъ, она сказала, что очень рада, что внукъ въ этомъ отношеніи не похожъ на дѣда, а внявъ разуму ея отца, хочетъ знакомиться съ науками, слѣдить за просвѣщеніемъ... А тутъ Лестокъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ и добился того, что цесаревна пригласила его на вечерній чай. За чаемъ онъ видѣлъ и Воронцова, и Шувалова, и замѣтилъ, что онъ вызываетъ къ себѣ отъ цесаревны болѣе вниманія, чѣмъ они. Послѣ чая, когда, пользуясь теплымъ весеннимъ вечеромъ, они сидѣли на балконѣ и говорили объ итальянскихъ поэтахъ, съ которыми едва успѣлъ познакомиться Андрей Васильевичъ, и то только по французскимъ переводамъ, хотя онъ и началъ уже учиться итальянскому языку, онъ подмѣтилъ даже у цесаревны нѣсколько задушевныхъ теплыхъ словъ, относившихся лично къ нему, такъ

что онъ могъ надѣяться, что будетъ въ силахъ заслужить себѣ впослѣдствіи, когда ея горе нѣсколько успокоится, нѣкоторую симпатію.

Эти успѣхи ясно увлекали и кружили голову молодому человѣку и помогали ему заноситься мечтами Богъ знаетъ куда. Тѣмъ не менѣе онъ совершенно практически разсуждалъ: «Все это прекрасно, но все это далеко. Принцесса—наслѣдница государыни, но это наслѣдство Богъ знаетъ когда придетъ, тѣмъ болѣе, что государыня не цѣнитъ ее и можетъ перенести наслѣдство на малолѣтняго внука. До тѣхъ поръ, пока это не выяснится, сближеніе съ принцессой ведетъ къ отсутствію значенія и даже къ опасности. Будущность цесаревны еще отдаленнѣе. Чтобы что нибудь сдѣлать, опираясь на ея положеніе, нужно рисковать всѣмъ; а такой рискъ вовсе не соотвѣтствуетъ родовымъ преданіямъ князей Зацѣпиныхъ, принявшимъ въ основаніе правило — въ московскіе раздоры не мѣшаться, а ими только при случаѣ пользоваться! Дизанька Бирономъ совсѣмъ другое дѣло. Тутъ можно получить все, чуть не сейчасъ».

«Да, думалъ онъ, черезъ годъ объявятъ женихомъ, а въ этотъ годъ могутъ вывести въ люди, поставить на приличную ступень; еще черезъ годъ свадьба, а до того могутъ засыпать милостями, и этимъ разумѣется я съумѣю воспользоваться!»

Думая это, онъ позвонилъ.

— Попросите позволенія у дядюшки придти къ нему на нѣсколько минутъ, сказалъ онъ офиціанту.

Но дядя сошелъ къ нему самъ. Онъ получилъ извѣстіе о пожалованіи его камеръ-юнкеромъ и о его производствѣ, и пришелъ поздравить.

Послѣ обычныхъ фразъ, Андрей Васильевичъ сказалъ дядѣ:

— Не знаю, дядюшка, будете ли вы меня бранить: но вчера я у Генриковыхъ сдѣлалъ тоже, или еще хуже чѣмъ, помните, у Леклеръ съ Левенвольдомъ. Я далъ Густаву Бирону 15 тысячъ, т. е. все, что у меня было. Онъ игралъ и проигрался. Потомъ его вызвалъ играть Велio. Онъ и обратился ко мнѣ, прося ссудить его чѣмъ могу на нѣсколько дней. Я, по вашему правилу—не жалѣть денегъ, имѣлъ слабость не отказать, и остался только съ нѣсколькими десятками золотыхъ.

— А онъ проигралъ?

— Не знаю. Я уѣхалъ прежде, чѣмъ окончилась игра. Знаете, счелъ неделикатнымъ сидѣть, будто ожидая разсчета.

— Ну, разумѣется, мой другъ, ты сдѣлалъ прекрасно. Нѣтъ ничего мѣщанистѣе ожидать денегъ, будто боишься за то, что ихъ выпустилъ. За это я опять могу тебя только хвалить. Въ тебѣ есть это прирожденное чувство деликатности, этотъ истинный аристократизмъ...

— Да, только вотъ бѣда: черезъ недѣлю карусель, а потомъ балъ. Императрица пожелала, чтобы я участвовалъ и въ карусели, и въ бальной кадрили, съ Лизанькой Бирономъ. Нужны костюмы, нужна лошадь, а у меня, какъ я сказалъ, всего нѣсколько золотыхъ.

— Къ сожалѣнію, въ настоящую минуту я не могу тебѣ ничего дать; тоже, будто нарочно, кое на что поистратился. Но это ничего. Мы тебѣ поможемъ. Только, смотри, не увлекись! Ты что-то нынче очень часто о Лизанькѣ Бирономъ вспоминаешь. Ты гдѣ обѣдаешь сегодня?

— У Трубецкихъ.

— Прекрасно, недалеко. Такъ послѣ обѣда заѣзжай домой, мы твою бѣду исправимъ.

Онъ позвонилъ.

— Послать курьера къ Ермилу Карпычу, сказалъ онъ явившемуся секретарю, — потребовать, чтобы къ половинѣ седьмаго онъ былъ здѣсь.

Когда племянникъ воротился съ обѣда и прошелъ въ комнаты дяди, который, какъ онъ узналъ, пилъ кофе одинъ въ розовой столовой, потому что обѣдалъ съ гостями и гости уже разъѣхались, то первое, что его поразило, это сидѣвшій при самомъ входѣ у швейцарской, на ясеневой скамьѣ, чистенькій, сѣдинькій старичокъ, мужичокъ-не-мужичокъ, мѣщанинъ-не-мѣщанинъ, а такъ что-то среднее между дьячкомъ и мѣщаниномъ. Старичокъ былъ окруженъ: Елпидифоромъ, Ѳедоромъ, швейцаромъ и цѣлой стаей офиціантовъ, которые его слушали, разинувъ ротъ.

Но, пройдя къ дядѣ, онъ изумился еще болѣе, когда, при ударѣ часовъ половины седьмаго, офиціантъ доложилъ о томъ, что Ермилъ

Карпычъ пріѣхалъ по приказанію его сіятельства, то дядя велѣлъ проводить его въ венеціанскую гостиную. Венеціанская гостиная, это была одна изъ тѣхъ комнатъ, въ которой дядя принималъ только тѣхъ, кого онъ хотѣлъ поразить своею особою роскошью и вкусомъ; неужели туда онъ велѣлъ просить и видѣннаго имъ, бесѣдовавшаго съ лакеями, приземистаго сѣдинькаго старичка.

Это однакожъ оказалось такъ. Когда они пришли въ гостиную, то старичокъ, бесѣдовавшій до того съ лакеями, стоялъ посреди гостиной и разсматривалъ великолѣпную венеціанскую вазу изъ цвѣтнаго хрусталя, съ залитыми въ нее мозаиковыми медальонами, производившими черезъ грань хрусталя дѣйствительно изумительный эффектъ. Старичокъ, при входѣ ихъ поклонился почтительно, по-русски, но безъ особаго униженія.

— Къ тебѣ дѣло Ермилъ Карпычъ, сказалъ князь Андрей Дмитріевичъ, садясь на диванъ, подлѣ античнаго столика, въ то время какъ князь Андрей Васильевичъ сѣлъ подлѣ него на стулъ.— Садись-ка, поговоримъ.

Ермилъ Карпычъ спокойно усѣлся противъ нихъ на канапе, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что канапе, какъ и вся мебель и стѣны, была обита великолѣпною пунцовою съ золотомъ парчею.

— Вотъ что, Ермилъ Карпычъ, началъ князь Андрей Дмитріевичъ: — племянника камеръ-юнкеромъ пожаловали; ему нужны деньги, недѣли на полторы или на двѣ, тысячъ семь-восемь; а я тутъ нынче съ вами по-истратился, да и въ деревнѣ велѣлъ домъ передѣлывать, такъ до того мѣсяца ссудить его не могу. Вотъ для перваго раза услужи-ка ему въ этомъ дѣлѣ, какъ услуживалъ ты мнѣ въ другихъ, разныхъ; много одолжишь! А я за него порука и отвѣтчикъ. Ему это крайне нужно, и если можно, сегодня-же. Понимаешь, очень нужно!

— Такъ-съ, ваше сіятельство, такъ-съ! отвѣчалъ Ермилъ Карпычъ, принявъ при этомъ сразу какую-то особую, свободную позу.— Нынче молодымъ господамъ всегда деньги нужны-съ!

— Ну этого нельзя сказать. И я съ молоду терпѣть не могъ займовъ, а онъ занимаетъ первый разъ, да и то потому, что свои деньги ссудилъ знакомцу; разсчетъ такой подошелъ. Признаться,

ни я, ни онъ не думали, чтобы раньше новаго года намъ нежданно такую милость оказали. Знаешь, Ермилѣ Карпычъ, это дѣло выходящее изъ ряда! Чтобы такъ, ни съ того, ни съ сего... безъ представленія даже. Это дѣло небывалое; особая милость!

— Точно-съ, ваше сіятельство, — безъ особой милости не вспомнили бы. Какъ же, ваше сіятельство, вы тамъ запись написать изволите, или заемное письмо, или ручательство какое, что-ли?

— Что хочешь, то и напишу. Онъ заемное письмо напишетъ, а я порукой по немъ буду. Хотя, я думаю, ты меня знаешь. Я отъ слова не откажусь?

— Такъ оно такъ, ваше сіятельство. Мы васъ знаемъ; и знаемъ, что не такую сумму вашему сіятельству на слово вѣрить можно; но все-же, знаете, въ животѣ и смерти Богъ воленъ!..

— Хорошо, напишу, что хочешь. Самъ придумай, чтобы твердо было; что придумаешь, то я и сдѣлаю!

— И на мѣсяцъ, ваше сіятельство?

— Нѣтъ, недѣли на полторы, на двѣ, всего.

— Ужъ что тутъ, ваше сіятельство, недѣли; мѣсяцъ круглый срокъ и ваше сіятельство покойнѣе будете.

— Хорошо, на мѣсяцъ.

— Десять тысячъ?

— Нѣтъ, тысячъ семь, восемь.

— Ужъ что ваше сіятельство, круглый счетъ...

— Ну ладно, все равно! Такъ услужи же, Ермилъ Карпычъ, сегодня.

— А что ваше сіятельство, какой ростъ изволите положить?

— Да какой-же тутъ ростъ! Онъ продержитъ ихъ всего двѣ недѣли. Я за себя не скупъ и, знаешь, самъ всякую услугу оплачиваю, но его мнѣ жаль. Онъ молодой человѣкъ акуратный. Какой-же тутъ ростъ?

— Нельзя, ваше сіятельство, дерево-ли, трава-ли, и одного часа въ землѣ не лежитъ, чтобы не рости, такъ и денежки; сами изволите знать, наживаются онѣ съ большимъ трудомъ; а коли наживутся, да сберегутся, такъ наростать должны, что волосы на головѣ. Зерно молъ въ землю положилъ, расти должно.

— Ну какой-же тебѣ ростъ?

— Да рубликовъ пятьсотъ въ мѣсяцъ положите, а тамъ и держите сколько хотите. За первый мѣсяцъ впередъ, а тамъ помѣсячно.

— Пятьсотъ въ мѣсяцъ? Да что ты, Ермилъ Карпычъ, христіанинъ-ли ты?

— Какъ же, ваше сіятельство, сами изволите знать, христіанинъ, да еще самой настоящей, старинной, апостольской вѣры;— въ Никона вашего не вѣрую, а Троицу святую и единую наблюдаю.

— Пятьсотъ въ мѣсяцъ! Коли десять мѣсяцевъ продержать, значитъ заплатить пять тысячъ, т. е. половину всего того, что у тебя взяли!

— Что-жъ, ваше сіятельство, самое сходственное дѣло! Теперича, если деньги эти на ярмарку послать — и тысячи не пожалѣютъ; пожалуй онѣ еще скорѣй воротятся, чѣмъ отъ вашего сіятельства, хоть мы и знаемъ, что вы большой баринъ и не любите никого обижать. Теперича, ваше сіятельство, денежки-то днемъ съ огнемъ поискать, да и то съ большимъ то-ись стараніемъ!

— Ну, такъ какъ онъ больше мѣсяца не продержитъ, не то я внесу, пусть будетъ пятьсотъ. Такъ рѣшено, сегодня?

— Такъ-съ, ваше сіятельство, только вотъ-съ что. Денегъ-то у меня нѣтъ.

Андрей Дмитріевичъ разсердился.

— Такъ о чемъ-же мы говоримъ? Да вѣдь и вздоръ ты говоришь, Ермилъ Карпычъ; на прошлой недѣлѣ я тебѣ больше 3.000 передалъ, а ты не изъ таковскихъ, чтобы промоталъ... Но это все равно, и говорить стало-быть нечего было!..

Не смотря на всю сдержанность Андрея Дмитріевича, можно было замѣтить, какъ на лбу его сверкнула зацѣпинская жилка и онъ хотѣлъ встать.

— Эхъ, ваше сіятельство, сказалъ Ермилъ Карпычъ: — напрасно гнѣваться изволите! Деньги не такой товаръ, чтобы ихъ торопиться изъ рукъ выпускать нужно было. Правда, я съ васъ на той недѣлѣ не то три, а около четырехъ тысячъ съ хвостикомъ получилъ; но перво-на-перво: четыре — не десять, да и, сами

изволите знать, получилъ ихъ я за услугу. Я свое слово выполнилъ, какъ слѣдуетъ, честно; вы изволили, какъ слѣдуетъ, княжески наградить, на чемъ мы благодаримъ и нижайше кланяемся. Но что получилъ, то куда слѣдуетъ и поставилъ, и на томъ никому отчета не даю. А денежки счетъ любятъ и о нихъ нужно думать, очень думать. Вашему сіятельству хорошо; вамъ по роду и безъ денегъ честь. Вотъ сами изволите говорить, княжичъ-то, племянникъ-отъ вашъ, пріѣхалъ безъ году недѣлю, а ужъ и офицерство получилъ, и ко двору назначенъ; пожалуй жалованье получаетъ, а послужитъ и награждать станутъ. А мы другое дѣло! Насъ никто награждать не будетъ; наша честь и слава — деньги! Есть деньги, намъ и почетъ, намъ и уваженіе; а нѣтъ — такъ куда-же мы годимся? Вотъ вы, ваше сіятельство, меня въ гостиную просили и на золото посадили, а отчего? оттого, то у меня мошна толста, что запасы и большіе запасы есть. Вотъ Липману вчера двѣсти тысячъ понадобилось, — батюшка Ермилъ Карпычъ распоряшься! Дѣлать нечего, далъ! На прошлой недѣлѣ въ штатсъ-контору сто тысячъ потребовалось. Призываетъ этотъ кабинетъ-министръ новый, что вмѣсто Волынскаго, Бестужевъ что-ли, — русскій человѣкъ. Ну и туда снесъ. За то вотъ я и Ермилъ Карпычъ, и почтенный, именитый человѣкъ. А не будь у меня денегъ, такъ не то что у вашего сіятельства въ золотой гостиной, я и у вашего швейцара и то-бы въ конурѣ у притолки настоялся. Такъ, ваше сіятельство, сами изволите признать, что мы должны беречь денежки, должны держать ихъ твердо. Распустить ихъ легко, а собирать — у-ухъ какъ тяжко! Вонъ съ Павла Ивановича Ягужинскаго который годъ ужъ получить не могу, а баринъ былъ то-исъ первый сортъ! Потому ваше сіятельство сердиться тутъ вамъ не за что. Десять тысячъ деньги большія, однѣхъ тысячъ въ нихъ — десять. Какъ ихъ нѣтъ, у-у какъ спину поломаешь, чтобы ихъ добыть. Да я и не сказалъ, что я вашему племяннику отказываю; напротивъ, мы къ вашему сіятельству всегда съ нашимъ удовольствіемъ, всякую то-исъ услугу оказать готовы. Я только сказалъ, что у меня нѣтъ. Ну а это ничего не значитъ. У меня на примѣтѣ есть пріятель; онъ согласится. Только мнѣ ваше сіятельство, за мою услугу и хлопоты, отъ

вашей щедрости, хоть сотенку-другую, вѣрно пожаловать не откажете.

Князь Андрей Дмитріевичъ засмѣялся.

— Въ томъ только и дѣло? Пожалую, пожалую! Знаешь я не скупъ. Только чтобы сейчасъ все было. А то, знаешь, я люблю: или дѣлать, или не дѣлать...

— Такъ зачѣмъ-же откладывать, ваше сіятельство; вотъ у меня и запись готова; поставимъ сумму, племянничекъ вашъ подпишетъ, а вы поручитесь—и дѣло въ шляпѣ. Деньги у меня съ собой, и не десятокъ тысячъ есть,—сейчасъ отсчитаемъ!

— Хорошо! Ты отсчитай въ конторѣ Кондратьичу девять тысячъ пятьсотъ рублей для племянника; вели ему отъ меня за прошлыя и будущія услуги выдать тебѣ двѣсти пятьдесятъ рублей и пусть принесетъ подписать запись, если она составлена вѣрно. Очень, очень благодаренъ. Черезъ двѣ недѣли заходи, получить обратно можешь.

— Благодарны вашей княжеской свѣтлости. А въ томъ мѣсяцѣ у насъ опять новинка. И еще какая! у-у какая!

— Ну-ну! Послѣ поговоримъ, послѣ...

Ермилъ Карпычъ исчезъ.

Князь Андрей Васильевичъ провожалъ его глазами. Когда видно было, что онъ прошелъ уже три или четыре комнаты и что слова не могутъ быть ему слышны, онъ обратился къ дядѣ и, кивая головой вслѣдъ ушедшему, съ улыбкой сказалъ:

— Кулакъ же однако, отчаянный кулакъ!

— Разумѣется кулакъ! Да чѣмъ же ты хочешь, чтобы онъ и былъ? И если подумаешь, то, пожалуй, скажешь, что онъ совершенно правъ. Въ самомъ дѣлѣ: разорись онъ, не будь у него денегъ, кто его знать захочетъ? Никто и не вспомнитъ о какомъ-то Ермилѣ Карпычѣ! Первый подъячій его за шиворотъ возьметъ и въ будку. А теперь онъ человѣкъ почтенный, уважаемый. Самъ генералъ-прокуроръ ему руку жметъ, а Бироны,—разумѣется, кромѣ герцога,—Левенвольды, Менгдены,—да онъ у нихъ, послѣ жида Липмана, первый человѣкъ. Ему не только кланяются и уважаютъ, но даже мирволятъ во всемъ. Напримѣръ, знаютъ, что онъ раскольникъ, сектаторъ, и еще какой сектаторъ—изувѣръ, безпоповецъ,

даже болѣе, — знаютъ, что его секта одна изъ самыхъ вредныхъ, однако никто его не трогаетъ; никто не привязывается. А отчего? Оттого, что у него есть деньги, есть капиталъ и большой капиталъ. Всѣ знаютъ, что помощью этого капитала онъ можетъ все купить и все продать. Для многихъ это весьма важно. Кромѣ того знаютъ, что, при случаѣ, могутъ у него перехватить, а иногда и просто поживиться. А это, ты самъ знаешь, очень любитъ нашъ приказный людъ, да и не только приказные, а всѣ, которые любятъ пожить, а жить-то не изъ чего! Изъ нашихъ свѣтилъ власти и управленія, гражданскихъ военныхъ и придворныхъ, я знаю только двоихъ, которыхъ нельзя соблазнить даже хорошею взяткою; это себя и Остермана, да и то потому, что мы богаты!

— А Остерманъ богатъ?

— Да, ему еще Петръ подарилъ хорошее имѣніе, а при управленіи Меншикова онъ получилъ другое. Главное-же, по женѣ своей, Стрѣшневой, онъ очень богатъ. Но Черкаскій богаче насъ обоихъ вмѣстѣ, а пусть ему предложатъ хорошую взятку, ручаюсь что возьметъ; да еще какъ возьметъ-то — горячую!

— Что это значитъ?

— Значитъ то, что наши приказные, наше крапивное сѣмя, какъ ихъ называютъ, дѣлятъ взятки на два рода: однѣ спокойныя, а другія горячія, которыя жгутся, т. е. за которыя можно отвѣчать. Я увѣренъ, что Черкаскій не откажется даже отъ горячей взятки, хоть онъ и трусъ. Ну а понятно, что тотъ, кто хочетъ взять, долженъ льнуть къ тому, у кого есть что взять. Вотъ всѣ и льнутъ къ Ермилу Карпычу, всѣ и теребятъ его на всѣ лады. А нашъ Карпычъ не дуракъ. Онъ себѣ и своему капиталу цѣну знаетъ. Онъ знаетъ, во первыхъ, что капиталъ слѣдуетъ держать твердо, а то расплывется и не увидишь; а во вторыхъ, что капиталъ долженъ расти. Онъ говоритъ, что зерно въ землѣ и одной минуты безъ роста не лежитъ. Онъ знаетъ, что съ ростомъ капитала растетъ и его сила, увеличивается его значеніе; стало быть, онъ долженъ стараться, чтобы капиталъ этотъ росъ больше и скорѣе. Все дѣло въ томъ, что съ капиталомъ и только съ капиталомъ связана вся его жизнь. Поневолѣ онъ долженъ держать этотъ капиталъ

именно въ кулакѣ, и драть съ живаго и мертваго, что только можетъ содрать. Не даромъ ими, такими Ермилами Карпычами, придумана поговорка: деньги не Богъ, а полбога есть. Преданіе о золотомъ тельцѣ становится яснымъ до осязательности въ народѣ, у котораго было только одно преемственное наслѣдство—капиталъ.

— Такъ, дядюшка; но все-же, подумайте. Во всемъ должна быть мѣра, долженъ быть предѣлъ. Неужели тотъ, кто, во время общаго голода, получилъ бы откуда нибудь хлѣбъ, долженъ былъ бы всѣхъ ограбить?

— Само-собой разумѣется, другъ, что тотъ, кто во время общаго голода одинъ обладалъ бы источниками питанія и этихъ источниковъ у него нельзя было бы никакими способами отнять, тотъ сталъ бы царемъ всего міра, да еще какимъ царемъ, самымъ самовластнымъ, самымъ деспотическимъ. Но твой примѣръ не идетъ къ дѣлу. Ермилъ Карпычъ не одинъ, у котораго есть деньги. Если-бы намъ было удобно вызвать желающихъ дать намъ деньги на болѣе льготныхъ условіяхъ, нашлось-бы много охотниковъ. Но дѣло въ томъ, что мы предпочитаемъ взять ихъ у него. Его скромность, предоставленіе полной свободы оборачиваться какъ мы хотимъ, только платили-бы ему ростъ, удобство разсчета не одними деньгами, но и всѣмъ, что только можетъ дать намъ наше хозяйство, наконецъ, возможность полученія другихъ услугъ — заставляютъ насъ предпочитать его другимъ. Онъ это знаетъ и, разумѣется, этимъ пользуется. Пользоваться нуждой — это свойство капитала, его качество. Не заключая въ себѣ ничего, на что сила его могла бы опираться, кромѣ количественнаго значенія, капиталъ долженъ стремиться роети во что бы то ни стало. Отсюда ясно, что онъ долженъ быть абсолютнымъ эгоизмомъ, абсолютнымъ безсердечіемъ. Это именно и есть характеръ капитала, его основное свойство, отличающее его отъ другихъ элементовъ общественности: рода и труда.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, дядюшка. Хотите ли вы сказать, что капиталистъ всегда безсердечнѣе, жестче человѣка родоваго, или живущаго своимъ трудомъ. Противъ этого можно указать на многія пожертвованія. Наконецъ, вѣдь и родовые люди тоже часто обладаютъ большими капиталами.

— Я хочу сказать то, что общественное положеніе человѣка объусловливаетъ его дѣйствія, которыми опредѣляются потомъ и его свойства. Человѣкъ, положеніе котораго и его значеніе въ обществѣ опредѣляется исключительно количествомъ принадлежащаго ему капитала, не можетъ не стремиться наживать капиталъ всѣми способами, хотя бы эти способы шли прямо въ разрѣзъ его человѣчности. Надобно тебѣ сказать, что въ молодости я много читалъ Локка и увлекался имъ. Вотъ человѣкъ истинно геніальный! Человѣкъ, который, по моему мнѣнію, первый подвинулъ впередъ научныя изслѣдованія древнихъ, т. е. возстановилъ науку въ ея истинномъ значеніи; вызвалъ ее на свѣтъ изъ того схоластическаго мрака, въ которомъ она находилась въ теченіи среднихъ вѣковъ. Однимъ словомъ, первый и пока, къ сожалѣнію, единственный ученый, который, въ противорѣчіе царствующей доселѣ схоластической болтовнѣ, принялъ въ основаніе каждаго изъ своихъ разсужденій математическую точность. Высоко стоитъ его имя въ области науки и знанія, но, могу сказать, что доселѣ онъ не понятъ и не оцѣненъ. Бэконъ, котораго возносятъ англійскіе критики, по моему, далеко ниже его, ниже настолько, насколько отвлеченныя разсужденія ниже дѣйствительнаго раскрытія практической истины. Вдумываясь въ труды Локка, какъ философа и экономиста, труды, въ которыхъ онъ касается всѣхъ жизненныхъ вопросовъ общественнаго устройства и, можно сказать, раскрываетъ тайны самой ихъ сущности въ накопленіяхъ труда, образующихъ капиталъ, и въ выраженіи этого капитала въ денежномъ обращеніи, вдумываясь въ его мысли по этимъ столь существеннымъ вопросамъ жизни, и потомъ сравнивая его выводы съ общественнымъ устройствомъ европейскихъ государствъ, — нельзя не придти къ такому заключенію: что общественное устройство, въ сущности своего учрежденія, представляетъ три основные элемента своего практическаго осуществленія: родъ, капиталъ и трудъ. Основаніе всему, разумѣется, составляетъ трудъ. Но въ вознагражденіи за трудъ являются два взаимно противоположныя свойства, объусловливаемыя отчасти сущностью самаго труда, отчасти тѣмъ отношеніемъ къ обществу, въ которомъ исполненіе его происходило. Одно — вознагражденіе чисто матеріальное, исходящее изъ взаимнаго обмѣна, какъ услуга

за услугу; другое — основанное на той силѣ общественнаго уваженія и благодарности, которыя опредѣляются принесеніемъ самопожертвованія на пользу общую. Если часть этого общаго уваженія, заслуженной почести и общественнаго значенія, можетъ переноситься человѣкомъ на своихъ наслѣдниковъ, то въ обществѣ образуется начало рода и является родовое значеніе, имѣвшее столь громадное вліяніе на средне-вѣковую жизнь; если ничего изъ заслуженнаго онъ передать не можетъ, то становится преобладающимъ капиталъ. Это исходитъ изъ того естественнаго чувства, пожалуй, слабости человѣческой, по которой люди своего глупаго, безпутнаго сына любятъ болѣе, чѣмъ величайшихъ геніевъ чужихъ. Ты мнѣ не сынъ, а только племянникъ, сынъ моего брата, котораго я не видалъ около сорока лѣтъ, тѣмъ не менѣе я желаю, чтобы все принадлежащее мнѣ досталось скорѣе тебѣ, чѣмъ, напримѣръ, Остерману или Монтескье или хотя тому же Локку. А вѣдь ты не можешь обидѣться, если до тѣхъ поръ, пока ты себя ничѣмъ не заявилъ, цѣлый міръ признаетъ ихъ умнѣе, дѣятельнѣе и полезнѣе тебя. Такъ какъ права, исходящія изъ нравственнаго уваженія и общественнаго значенія, бываютъ всегда выше исключительно матеріальныхъ, тѣмъ болѣе, что онѣ непремѣнно совпадаютъ съ матеріальнымъ вознагражденіемъ, то общее стремленіе направляется преимущественно къ пріобрѣтенію этихъ родовыхъ правъ; когда же такихъ правъ нѣтъ, то, разумѣется, къ матеріальному вознагражденію...

— И въ томъ, и въ другомъ случаѣ подавляютъ трудъ; такъ ли, дядюшка? улыбнувшись сказалъ племянникъ.

— Да! подавляютъ трудъ потому, что принимаютъ на себя обязанность опредѣлять размѣръ его вознагражденія. Но дѣло въ томъ, что подавляютъ совершенно противоположнымъ образомъ. Родовое начало — изъ права вознаграждать трудъ создаетъ фаворъ, о которомъ я съ тобой какъ-то разсуждалъ; а капиталъ заставляетъ просто всѣхъ умирать съ голоду. Правильность общественнаго устройства заключается въ томъ равновѣсіи, которое требованіями одного элемента общественности уничтожало бы недостатки другаго, т. е. чтобы родъ не допускалъ капитала давить трудъ; капиталъ, съ своей стороны, помогалъ бы труду стоять въ соотвѣтственномъ зна-

ченіи противъ рода, не допуская ни его презрѣнія, ни его благодѣяній, а только единственно правильное вознагражденіе, а трудъ, чтобы ограничивалъ ихъ обоихъ и устранялъ возможность фавора. Но это задача равносильная знаменитой задачѣ сфинкса; надъ нею сотни вѣковъ бьются всѣ законодатели, экономисты и философы всѣхъ странъ въ мірѣ!

— Вотъ что, дядюшка, сказалъ съ улыбкою племянникъ. — Простите за нескромный вопросъ! Слушая васъ и стараясь, по мѣрѣ моего малаго разума и недостатка образованія, усвоить ваши наставленія и совѣты, запомнить ваши мнѣнія и соображенія, — я всегда изумляюсь, почему вы не стоите во главѣ нашего управленія? Всѣ цѣнятъ васъ, начиная съ государыни; всѣ отдаютъ справедливость вашему уму, знанію, опытности, даютъ вамъ полный почетъ, и, какъ вы мнѣ говорили, не обходятъ наградами, а между тѣмъ во главѣ дѣлъ стоятъ два иностранца: одинъ хотя дѣловой, а другой, просто сынъ случая. Я думаю, они сами, иностранцы эти, съ удовольствіемъ захотѣли бы прикрыться вашимъ именемъ...

— Э, мой другъ! За кого же ты меня считаешь, что я захочу ихъ разные шахеръ-махеры прикрывать своимъ именемъ? Но все это не то! Прежде всего: дѣла — это не моя стихія! Я не хочу никакихъ дѣлъ. Ты скажешь, что это злоупотребленіе своимъ положеніемъ. Да, злоупотребленіе въ пользу эгоизма; злоупотребленіе, къ которому всего чаще приводитъ родовое начало, къ которому пришелъ и я, потому что, нужно сказать правду, я эгоистъ до кончика моихъ ногтей и думаю, что прежде всего: всякій для себя. Чтобы ты меня зналъ, а таиться отъ тебя мнѣ нѣтъ надобности, я тебѣ скажу, что я то, что французы называютъ вивёръ, эпикуреецъ въ превосходной степени, и думаю, что жить стоитъ только для наслажденія. Фланеръ и парижскій пётиметръ съ-молоду, я остался фланеромъ цѣлую мою жизнь. Моя спеціальность — удовольствія. Я живу, готовъ и другихъ учить жить, собственно для того, чтобы наслаждаться. Я не отвергаю стремленій другихъ людей къ дѣлу, къ добру, къ пользѣ, не отвергаю ни честолюбія, ни стремленій къ власти, ни даже желаній наживы. Не отвергаю, напримѣръ, твоего стремленія возвысить и доставить политическое значеніе нашему роду. Буду счастливъ видѣть князей Зацѣпиныхъ

дѣйствительно первенствующими и, насколько могу, буду всѣми мѣрами тебѣ содѣйствовать. Но самъ я... да за одинъ день заботы и работъ Остермана я не возьму трехъ зацѣпинскихъ княжествъ! Я фланеръ и не хочу ничѣмъ болѣе быть, какъ только фланеромъ. Впрочемъ, не стану говорить о томъ, въ какой степени я могъ бы имѣть вліяніе на дѣла въ качествѣ вѣтренаго и временнаго поклонника всего изящнаго; но знаешь ли ты, что я былъ женатъ?

— Вы, дядюшка?

— Да, я! Что-жъ тутъ удивительнаго? Я былъ женатъ на княжнѣ, такой же поклонницѣ фланерства и удовольствій, какъ и я самъ, къ сожалѣнію только слабенькой и хворенькой. Она была не красавица, но милая, веселая, общительная. Вмѣстѣ съ ней мы хотѣли составить общій культъ поклоненія комусу, богу смѣха и удовольствій; къ сожалѣнію, она недолго прожила. Черезъ полтора года послѣ свадьбы ея не стало. Разумѣется бракъ нашъ былъ тайный, потому что, съ начала царствованія дома Романовыхъ, царевны явно никогда не сближали царствующій домъ съ его подданными. Тѣмъ не менѣе, мы очень любили другъ друга, и главная часть моего состоянія, начиная съ этого дома, принадлежитъ мнѣ, благодаря ея любви и ея заботамъ обо мнѣ!

— А моя почтенная тетушка была изъ дома Романовыхъ?

— Она была родная сестра царствующей императрицы, пятая дочь царя Іоанна Алексѣевича, Парасковья Ивановна (*). Послѣ ея смерти мнѣ пришлось дѣлиться по землѣ именно этого дома съ Екатериною Ивановною герцогинею Мекленбургскою, другою сестрою государыни, матерью нынѣшней принцессы. Петръ Великій все это мѣсто, отъ самаго лѣтняго сада, отдалъ своимъ дочерямъ и племянницамъ. Половина его поэтому и принадлежала царевнамъ Екатеринѣ и Парасковьѣ Ивановнамъ, а другая — царевнамъ Елисаветѣ и Аннѣ Петровнамъ. Послѣдняя, уѣзжая въ Голстинію, уступила свое мѣсто сестрѣ и та выстроила здѣсь свой зимній дворецъ, въ которомъ живетъ и теперь. Дворецъ Екатерины Ива-

(*) Парасковья Ивановна была въ тайномъ бракѣ за генералъ-аншефомъ графомъ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Авторъ извиняется въ романической вольности, что соединилъ ее съ вымышленнымъ лицомъ князя Зацѣпина.

новны, послѣ ея смерти, императрица отдала графу Апраксину, наслѣднику графа Ѳедора Матвѣевича, генералъ-адмирала при Петрѣ Великомъ, который, умирая бездѣтнымъ, свой домъ на Невѣ завѣщалъ Петру второму, такъ какъ видѣлъ необходимость расширить зданія зимняго дворца, а мѣста для такого расширенія не было. Императрица, рѣшившись воспользоваться этимъ завѣщаніемъ, не захотѣла остаться у наслѣдниковъ Апраксина какъ бы въ долгу, тѣмъ болѣе, что смерть Петра втораго скорѣй уничтожала силу завѣщанія, чѣмъ передавала ей права на завѣщанное имущество. А часть земли, принадлежавшая Парасковьѣ Ивановнѣ, за исключеніемъ участка, проданнаго ею еще прежде своего замужества, вмѣстѣ съ московскимъ ея домомъ, ея волостями и вотчинами, всего болѣе 7,000 душъ, согласно ея посмертной волѣ была отдана мнѣ. Дѣло въ томъ, что совокупность условій моего воспитанія и жизни сдѣлали меня лѣнтяемъ-не лѣнтяемъ, а человѣкомъ недѣловымъ; я и не берусь за то, къ чему не гожусь. Но постой, ты еще молодъ; а вотъ будешь постарше, мы и тебя введемъ въ нашъ кружокъ анахоретовъ, которые наслажденіе предпочитаютъ всему. Впрочемъ, ты не думай, чтобы этотъ кружокъ состоялъ только изъ такихъ лѣнтяевъ какъ я, — далеко нѣтъ! Между нами есть люди, извѣстные своею неутомимостью на дѣлѣ. Между ними и мною та разница, что они посвящаютъ себя удовольствіямъ между дѣломъ, а я посвящаю себя дѣлу между удовольствіями.

— Какъ же вы посовѣтуете, дядюшка, мнѣ посвящать себя этимъ удовольствіямъ? смѣясь спросилъ племянникъ.

— Э, другъ мой, какъ тебѣ будетъ угодно! Мы враги всякаго насилія и никакъ не доктринеры. Говоримъ свое мнѣніе, выясняемъ взглядъ, а никакъ не полагаемъ, что фанатизмъ и изувѣрство могутъ совпадать съ разумомъ, образованіемъ и свободою. Однимъ словомъ, правило аристократизма и благородства соблюдается нами вполнѣ: живи и давай жить!... Но перейдемъ же къ дѣлу; теперь у тебя деньги есть... какой же костюмъ тебѣ назначенъ для кадрили?

— Султана Саладина!

— А принцессѣ Биронъ?

— Попавшейся къ нему въ плѣнъ грузинской княжны!

— Недурно! тебѣ — бѣлая чалма, украшенная бриліантами и страусовымъ перомъ; зеленая бархатная шитая золотомъ куртка, красные широкіе шальвары и осыпанное драгоцѣнными камнями оружіе. Ей — фіолетовый вышитый жемчугомъ спензеръ или какъ тамъ называется эта грузинская одежда; бѣлая съ золотомъ по газу чадра и синія шальвары. Императрица сама назначила вамъ роли?

— Сама. А главное, что визави мнѣ будетъ англійскій король рыцарь Ричардъ Львиное Сердце съ швейцарской пастушкой. Императрица выбрала для этихъ ролей сына герцога, принца Петра, и Анюту Скавронскую. Съ нами же въ кадрили будутъ: молодой Лопухинъ, Иванъ Степановичъ; молодой Остерманъ, Ѳедоръ; Куракинъ и Стрѣшневъ; а изъ дѣвицъ: Соничка Минихъ, Олинька Бѣлосельская и еще право не помню кто. Всѣ въ своихъ характерныхъ костюмахъ, по назначенію самой государыни. Съѣзжаться для репетицій велѣно каждый день въ лѣтнемъ дворцѣ.

— А карусель?

— Я, въ костюмѣ Монтгомери, побѣждая всѣхъ, долженъ упасть съ лошади передъ взмахомъ креста Петра пустынника, котораго будетъ представлять Карлуша Бирон, въ сѣрой рясѣ, подпоясанный веревкою и съ нашитымъ на плечѣ краснымъ крестомъ.

— А ты выучился падать съ лошади?

— Еще какъ! Поднимая ее на дыбы! Надѣюсь выполнить роль къ общему удовольствію.

Но выполнять роль ему не пришлось. Въ минуту самаго разсужденія о предстоящей кадрили и каруселі, торопливо вбѣжалъ камердинеръ князя Андрея Дмитріевича и, видимо сдерживая себя отъ неприличной одышки, стоя въ почтительной позѣ, доложилъ ему, что его свѣтлость герцогъ и его сіятельство графъ Левенвольдъ разомъ прислали нарочныхъ просить его пожаловать сію минуту въ зимній дворецъ; государынѣ очень дурно. — Они оба убѣдительно просятъ, ваше сіятельство, поспѣшить.

— Что такое? что случилось? Карету скорѣй!

И оба князя встали.

— Знаешь, другъ: я бы тебѣ совѣтовалъ подождать дома моего

возвращенія. Богъ знаетъ, можетъ быть что нибудь и нужно будетъ!

Андрей Дмитріевичъ торопливо оправилъ свой костюмъ и уѣхалъ, а Андрей Васильевичъ ушелъ къ себѣ и написалъ къ кому-то записку, чтобы его не ждали.

X.

Шуты.

Утромъ пятаго октября тысяча семьсотъ сороковаго года, государыня императрица Анна Іоанновна, ступила съ постели на коверъ лѣвою ногою. Новокшенова, ея сказочница и попрошайка, съ утра забравшаяся въ спальню императрицы и лежавшая до пробужденія государыни на коврѣ какъ сурокъ, держа въ рукахъ ея туфли, подала было ей туфлю съ правой ноги, но, замѣтивъ, что туфля не та, перемѣнила и начала нескончаемый разсказъ о томъ, какъ она съ молоду тоже разъ какъ-то стала лѣвою ногою, и мать ее начала бранить: дескать вѣрно неудачѣ быть, вѣрно кофе обѣжитъ или молоко скиснетъ, не то кошка жаркое унесетъ. — «А я себѣ сижу, да и думаю, говорила Новокшенова: — мнѣ то какая же бѣда? За кофеемъ-то ужъ какъ нибудь посмотрю, а коли молоко скиснетъ или кошка жаркое унесетъ, такъ это не моя бѣда, а мамкина! Развѣ вотъ сарафанъ свой новенькій запачкаю, — а сарафанчикъ у меня былъ такой хорошенькій, розовый, съ желтыми и зелененькими цвѣточками, таково красиво выходило, — такъ развѣ его... такъ какъ же запачкать? Я и надѣвать-то его вовсе не думала, да и не зачѣмъ, ни праздникъ, ни что... къ тому же мы съ сосѣдками за грибами идти собирались, такъ зачѣмъ же тутъ новый сарафанъ? А собирались за грибами мы, Палашка Гусева, да Анютка Дылева...»

— Перестань болтать, надоѣла! сказала государыня, снимая ночную кофту и, при помощи камеръ-юнгферы, надѣвая батистовый съ англійскими прошивками пеньюаръ, обшитый брюсельскими кружевами, въ то время, какъ другая камеръ-юнгфера приготовляла въ серебряномъ умывальникѣ воду для умыванья и разставляла на умывальномъ столикѣ, по заведенному порядку:

мыло, зубные порошки, одеколонъ, померанцовую воду и другія принадлежности умыванья.

— Кто ждетъ въ пріемной? спросила государыня.

— Его высокопревосходительство кабинетъ-министръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, его высокородіе бригадиръ Петръ Васильевичъ Измайловъ и его превосходительство Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, да еще два генерала, отвѣчала камеръ-юнгфера.

А Новокшенова все это время болтала:

— Ну какая бѣда случиться можетъ, какъ грибы буду собирать? Медвѣдей въ нашей сторонѣ нѣтъ; лихихъ людей тоже не слышно, да и отъ села близко; опять же я не одна, насъ десять дѣвицъ собралось! Ну сами, милостивая государыня, посудите, какая же бѣда выйти можетъ? Дома еще все, знаете, не то такъ другое случиться можетъ, а въ лѣсу? Рази дождь пойдетъ? Такъ и тутъ, у меня большая хустка (платокъ) была, да такая плотная, что твоя кожа! прикроюсь, бывало, и грибы-ли, ягоды-ли прикрою, да и иду себѣ, и горюшки мало! Ну, думаю, какая же бѣда будетъ? А въ это время къ сосѣду-то Новокшенову сынъ пріѣхалъ, офицеръ изъ какого-то казылбашскаго или какъ его, не по нашему зовутъ, какого-то мурманскаго... или вотъ дай Богъ память... такъ и вертится... какъ то... да, астраханскаго полка. Намъ, дѣвкамъ, очень хотѣлось на офицера посмотрѣть, мы и собрались зайти къ священнику, будто отдохнуть, а изъ оконъ-то отца Василія...

— Перестань болтать, повторила государыня Новокшеновой,— надоѣла! Скажи, что кромѣ Бестужева я никого не приму! прибавила она, обращаясь къ камеръ-юнгферѣ. Камеръ-юнгфера вышла передать приказаніе; другая камеръ-юнгфера стала подавать государынѣ умываться, а Новокшенова, не смотря на двукратное приказаніе государыни, все болтала.

— Вотъ только какъ вошли мы въ березнякъ-то, — подъ самый Курскъ подходилъ,—грибовъ такое множество, что страхъ! Я иду, да собираю. Думаю, какая же бѣда-то будетъ: вотъ и часу не ходимъ, а ужъ корзинка-то почитай полная; ну и дѣвицы разошлись по рощѣ-то, собираютъ, изрѣдка аукнемся. Только вотъ это вышла я на проталинку, тутъ камень еще такой большой лежитъ, а около камня малинникъ, такъ передъ самымъ малинникомъ масленики,

цѣлое гнѣздо, да такое большое... я обрадовалась, нишкну, и давай собирать, думаю, другіе-то придутъ съ березовиками, а я принесу масленниковъ, хоть бы и всегда такая бѣда приходила. Я къ тому говорю, всемилостивѣйшая моя государыня, что вотъ примѣты-то какъ врутъ! Ну какая бѣда?...

— А такая тебѣ бѣда будетъ, что я до обѣда заставлю тебя въ ступѣ воду толочь; говорятъ—надоѣла, такъ убирайся!

— Власть ваша, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ хоть голову снять прикажите, словечка не скажу, коли вашей милости нежелательно; а безъ бѣды все же не обошлось... собираю я это масленики, думаю на зависть всѣмъ, да еще какъ на зависть-то! Думаю я все это, да сама не замѣтила, въ малинникѣ-то прикурнула, да тамъ и заснула. Во снѣ вижу будто кругомъ меня не то масленики, все бѣлые грибы ростутъ, только собираюсь будто я поднять одинъ грибъ, а онъ будто выскочилъ и прямо въ губы укололъ; я проснулась, а прямо надо мной, нагнувшись, стоитъ мущина и меня цѣлуетъ. Это и былъ Новокшеновъ, пріѣзжій изъ полка офицеръ, ставшій скоро моимъ женихомъ, а потомъ и мужемъ. Вотъ бѣда какая вышла, что я и не думала. А все отъ того, что лѣвою ногою съ постели стала...

Императрица приказала ее вытолкать; а она все еще разсказывала:

— И вѣдь какъ это вышло, говорила она. — Собрался онъ купаться. Пошелъ на рѣку, да и заблудился, и вдругъ видитъ... Но она была уже за дверью.

— Какая сумасшедшая, сказала государыня про себя, — болтаетъ безъ умолку! Иногда это очень забавно.

Вошли еще двѣ камеръ-юнгферы съ различными принадлежностями туалета. Дежурная фрейлина подала ей проектъ обѣденнаго menu.

— Отъ гофмаршала, ваше величество, сказала фрейлина, присѣдая по формѣ.

— Здравствуйте, сказала государыня фрейлинѣ и взглянула на menu.

— Ну что это, все дичь да дичь, надоѣло! сказала она. — Напишите гофмаршалу, что на жаркое я желаю молодыхъ до-

машнихъ утокъ. Теперь утки должны быть хороши и дешевы! замѣтила императрица, будто цѣна утокъ могла имѣть какое нибудь значеніе въ ея бюджетѣ.—Приготовить по-курляндски, съ каштанами! Фрейлина поклонилась.

— Да постойте! Кто же у меня будетъ обѣдать? Скажите, что кромѣ всегдашнихъ, я прошу пригласить старика Ивана Юрьевича Трубецкаго. Онъ нонче по старости рѣдко изъ Москвы пріѣзжаетъ, а я люблю его видѣть. Онъ всегда меня ужасно смѣшитъ, когда разсердится. Сегодня я напущу на него Новокшенову разговаривать и отъ души посмѣюсь, когда онъ сердиться и заикаться начнетъ.

Фрейлина присѣла опять и вышла, а государыня прошла въ уборную, гдѣ ее ждалъ парикмахеръ, и велѣла чесать ему косу.

Уходя, парикмахеръ замѣтилъ, что государыня сегодня должно быть не въ духѣ; изволили быть очень нетерпѣливы, когда я ей голову убиралъ.

— Лѣвою ножкою съ постели ступить изволила, начала было разсказывать Новокшенова, услышавъ сдѣланное парикмахеромъ замѣчаніе.—Примѣта несомнѣнная! Вотъ и я тоже разъ, мнѣ тогда только что подарили новенькій, хорошенькій сарафанчикъ, и такъ это онъ мнѣ нравился; только вотъ...

Но парикмахеръ ее не слушалъ и ушелъ.

Государыня вышла въ кабинетъ и приказала позвать Бестужева.

Бестужевъ вошелъ, раскланялся какъ истинный придворный и принесъ государынѣ поздравленіе съ добрымъ утромъ и свѣтлымъ осеннимъ днемъ.

— Благодарю, Алексѣй! сказала государыня. — Такъ ты говоришь—погода хороша. Я очень рада! Проѣдусь послѣ обѣда. А то вотъ дни три какъ я никуда не выѣзжала, все отъ этихъ дождей. Ну что ты мнѣ принесъ?

— Съ шведскимъ дѣломъ, ваше величество! Брать извѣщаетъ о полученіи десяти тысячъ ефимковъ и надѣется, что онъ употребить ихъ съ пользою. Швеція просто дурить, государыня! Партія шляпъ, которая все время бредила войной, пока войска вашего величества были въ Турціи, теперь, для поддержанія идеи о войнѣ въ народѣ, вздумала распространять слухи, что Россія отъ этой побѣдоносной войны такъ ослабѣла, что едва-ли въ силахъ защищать даже Петербургъ.

— Что же Андрей Ивановичъ объ этомъ думаетъ?

— Андрей Ивановичъ полагаетъ, въ отвѣтъ на ихъ слухи усилить отрядъ подъ Выборгомъ тремя или четырьмя полками.

— Да! Но не вызовемъ ли мы этимъ въ шведахъ озлобленіе? Ты знаешь, Алексѣй, я не люблю войны! Я думаю, что рѣшаться на войну можно только въ совершенной крайности. Но я также не боюсь войны, и гдѣ честь Россіи требуетъ... Оставь мнѣ это дѣло, я его просмотрю. Потомъ, скажи, есть у васъ донесеніе о Татищевѣ? что сдѣлано для раскрытія всѣхъ производимыхъ имъ непорядковъ?

— Какъ же, ваше величество, объясненіе его препровождено въ особую комиссію для разслѣдованія.

— Хорошо! Когда комисія разсмотритъ, представитъ мнѣ. Я не держу тебя больше. Признаюсь, сегодня я что-то сама не своя. И не знаю право, что со мною дѣлается. Прощай!

Бестужевъ откланялся.

Къ обѣду собрались въ лѣтнемъ дворцѣ свои, какъ говорила государыня. Герцогъ и герцогиня Биронъ, дѣти ихъ: Петръ, Карлъ и Гедвига или Елисавета, какъ звали дочь Бирона порусски; дежурные: фрейлина и камергеръ, приглашаемые всегда, когда обѣдъ происходилъ въ комнатахъ императрицы, а не герцога. Въ этотъ день дежурными были фрейлина Шишкина и камергеръ курляндскій баронъ Симолинъ. Къ этимъ своимъ, особо былъ приглашенъ старый фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, послѣдній русскій бояринъ, высокій и сѣдой старикъ.

За кресломъ императрицы стояла ея любимая дурка Ксюшка; въ углу столовой, на скамеечкахъ, подлѣ маленькаго столика лѣпились два шута: одинъ — старикъ Балакиревъ; другой, съ знаменитымъ именемъ, сдѣланный шутомъ по настоянію Бирона, для униженія русскихъ знатныхъ родовъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, будто бы, служа при французскомъ посольствѣ, измѣнилъ православію и за такой поступокъ подлежалъ пыткѣ и страшной казни сожженія живымъ, Биронъ предложилъ ему на выборъ, или подвергнуться тому и другому, или принять вакантное мѣсто шута императрицы, съ обезпеченнымъ содержаніемъ, наградами и всѣми послѣдствіями занятія этого мѣста.

— Между русскими дураками такъ трудно найти сколько нибудь образованныхъ, которые могли бы иногда и тонкія шутки говорить, и на иностранныхъ языкахъ, что я готовъ просить императрицу о снисхожденіи къ вашему преступленію, если вы примете предлагаемую вамъ должность, сказалъ ему Бирономъ по-нѣмецки.

Бѣднякъ не рѣшился отвѣчать и просилъ два дня сроку подумать.

Бирономъ далъ ему эти два дня, но велѣлъ его водить каждый день въ застѣнокъ тайной канцеляріи, посмотрѣть, какъ пытали тамъ козака, пойманнаго въ распространеніи слуховъ, что императоръ Петръ II живъ.

Взглянувъ на то, какъ ломаютъ кости, вывертываютъ руки, поджариваютъ ноги на жаровнѣ, онъ не выдержалъ и двухъ часовъ и объявилъ Бирону, что онъ проситъ высокой милости его свѣтлости и принимаетъ предложенную должность. Это былъ князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, родной внукъ знаменитаго, нѣкогда могучаго и славнаго князя оберегателя посольскихъ дѣлъ и государственныя печати, руководителя политики Россіи и фаворита царевны-правительницы Софьи, Василья Васильевича Голицына, прозваннаго иностранцами великимъ Голицынымъ.

Дорого обошлось спасеніе своей жизни князю Михаилу Алексѣевичу. Онъ выкупилъ ее не только полнымъ нравственнымъ униженіемъ, но и обязанностью переносить матеріальныя истязанія.

Въ тотъ же день, въ который онъ изъявилъ согласіе на принятіе должности шута, онъ былъ одѣтъ въ шутовской нарядъ: куртку, правая половина которой была изъ краснаго бархата, а лѣвая изъ желтой крашенины; панталоны изъ небольшихъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ треугольниковъ яркихъ и противуположныхъ цвѣтовъ, сапоги, одинъ красный, другой желтый, съ колокольчиками, и высокій полосатый дурацкій колпакъ съ погремушками; и въ тотъ же день, за произнесеніе какой-то непонравившейся шутки или за то, что онъ на вызовъ шутки не отвѣчалъ тѣмъ же, онъ, по приказанію Бирона, былъ жестоко высѣченъ. — Взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ! сказалъ Балакиревъ, когда князя вели на расправу, и точно,—согласился быть шутомъ, такъ и будь шутъ. Въ тотъ же или на другой день, два другіе шута императрицы, Лакоста

и Педрилло, привязались къ нему за что-то, и больно таки, при самой государынѣ, прибили. Государыня очень смѣялась, что дуракъ сердится. Вѣдь они шутятъ!

Тяжко отозвалась пятидесятилѣтнему князю и устроенная зимою въ томъ году для увеселенія государыни его свадьба въ ледяномъ домѣ, сооруженномъ Волынскимъ. Шутовскій маскарадъ, составлявшій свадебный поѣздъ князя, котораго насильно обвѣнчали на смѣшной, сердитой и страстной тридцатилѣтней дѣвицѣ изъ проходимокъ, не могъ не усиливать его нравственныхъ страданій какъ представителя шутовства. Но эти нравственныя страданія усугубились физическими, когда мучимый холодомъ, замерзая въ своемъ ледяномъ пріютѣ, онъ невольно, для спасенія своей жизни, долженъ былъ прижимать крѣпко къ своей груди свою шутовскую подругу, которая, съ страстностію перезрѣлой дѣвы, хотѣла пользоваться правами его жены. Рожденіе сына отъ этого брака было новымъ мученіемъ его княжеской гордости. Онъ боялся повторенія сценъ, бывшихъ передъ тѣмъ съ шутомъ Педриллой, когда онъ представлялъ будто бы новорожденную свинку.

Впрочемъ теперь онъ уже привыкъ ко всему. Никакое оскорбленіе его не выводило изъ себя. Шутокъ, которыя не нравятся, не говоритъ; когда хотятъ, чтобы онъ болталъ — не молчитъ; передъ товарищами гордость свою княжескую смирилъ и съежился. Сидятъ они съ Балакиревымъ вдвоемъ на скамеечкахъ и, какъ собаченки, ждутъ подачекъ.

Въ сторонѣ отъ шутовъ, въ углу, стояли двѣ говорильни государыни. Одна, извѣстная уже читателю Новокшенова; другая, выписанная ей на смѣну, на случай ея смерти, княжна Вяземская. Онѣ обѣ разомъ что-то разсказывали другъ другу вполголоса.

Императрица вошла подъ руку съ своимъ любимцемъ маленькимъ Карлушей Бирономъ. За нею шелъ герцогъ съ семействомъ и дежурная фрейлина. Камергеръ и Трубецкой уже дожидались въ столовой.

— А, князь, сказала императрица, увидавъ Трубецкаго, который ей почтительно поклонился.

— Я-я-я счастливъ м-м-милостію вашего в-в-величества!

Трубецкой заикался и сильно заикался, особливо когда бывалъ чѣмъ разсержент или сконфужент.

— Поди-ка сюда, моя красавица, сказала государыня Новокшеновой, садясь за столъ, — стань за стуломъ у его сіятельства фельдмаршала, разскажи ему твою войну съ масленниками, да пораспроси, въ чемъ тутъ была твоя вина, въ чемъ твоя ошибка!

Новокшенова начала свой разсказъ скороговоркой, что вотъ она съ матушкой жила въ деревнѣ, только разъ утромъ она и ступила съ кровати лѣвою ногою. Мать и говоритъ ей: — Марфушка, не хорошо, бѣда какая нибудь будетъ...

Въ это время Трубецкой хотѣлъ ее о чемъ-то спросить, заикнулся и началъ д-д-д-д...

Новокшенова, боясь, чтобы ее не перебили, начала чаще и громче: — или молоко скиснетъ, а не то, не приведи Богъ...

Трубецкой заторопился тоже высказать свой вопросъ и заиканье усилилось, такъ что одно время только и слышны были болтовня тараторки, а со стороны фельдмаршала «д-д-д-д.» Государыня разсмѣялась. Шуты, замѣтивъ, что это доставляетъ ей удовольствіе, стали передразнивать: Балакиревъ-Новокшенову, а Голицынъ — Трубецкаго. Та-та-та-та, кричалъ Балакиревъ, голосомъ Новокшеновой; д-д-д-д, передразнивалъ князя Голицынъ. А дурка затянула какую-то пѣсню, что-то въ родѣ:

Красота твоя Анна,
Что отъ Бога тебѣ дана...

Вяземской стало скучно стоять въ углу одной и ни съ кѣмъ не говорить. Она подошла къ Новокшеновой и начала, тоже не переръшая рѣчи и не слушая, что говоратъ:

— Со мной тоже было, говорила Вяземская и тоже безъ перерыва и скороговоркой. — Матушка у меня строгая, любила порядокъ. Только вотъ разъ и говоритъ: къ намъ твой дѣдушка, мой отецъ, ѣдетъ; я обрадовалась...

И рѣчь у нея полилась еще скорѣе, еще неутомимѣе, чѣмъ у Новокшеновой.

Отуманенный этимъ потокомъ чужихъ рѣчей, Трубецкой не могъ выговорить ни слова. Онъ бросилъ ѣду и какъ-то судорожно задвигался. Заиканье его перешло въ какое-то хрипѣнье.

Императрица расхохоталась чуть не до истерики. Даже Биронъ улыбнулся, а Карлуша, сидя подлѣ государыни, началъ поддразнивать, подражая заиканью Трубецкаго и тоже повторяя «д-д-д»...

Вдругъ императрица схватила себя за бокъ съ правой стороны и визгливо вскрикнула.

— Что съ вами, государыня? хотѣлъ спросить Биронъ, но увидѣлъ, что она валится со стула. Онъ поспѣшилъ ее подхватить.

Императрица застонала. Подбѣжала прислуга и помогла герцогу донести ее до спальни.

Въ это время дежурный метръ д'отель, вѣрный указаніямъ этикета, шелъ впереди несомаго блюда съ молодыми жареными утками, приготовленными согласно указанію государыни.

Но императрицѣ было уже не до утокъ.

— Докторовъ! докторовъ! кричалъ Биронъ.—Послать за оберъгофмейстеромъ!

Герцогиня ушла къ государынѣ. Камертеръ и фрейлина тоже встали. Трубецкой, который любилъ покушать, посмотрѣлъ голоднымъ взглядомъ на вкусно приготовленное блюдо съ утками. Но видя, что оставаться за столомъ неудобно, онъ, скрѣпя сердце, тоже всталъ. А Вяземская съ Новокшеновой все еще переговаривались:

— Нѣтъ, позвольте, я разскажу: вотъ со мной что было.

— Нѣтъ, вотъ я скажу.

— Нѣтъ, вотъ послушайте: я ступила.

— Нѣтъ, вотъ со мной: встала я...

— Перестаньте болтать, сороки проклятыя! сказалъ имъ Балакиревъ.—Все отъ васъ!...

Голицынъ не сказалъ ни слова. Онъ съ презрѣніемъ оглянулъ разстроенный обѣдъ, посмотрѣлъ съ неуловимою улыбкою на Трубецкаго и вышелъ, но въ это время до его слуха дошло сказанное вполголоса слово старика Трубецкаго: «ш-ш-ш-шутъ!»

Онъ воротился и сказалъ:

— Не знаю, ваше сіятельство, кто изъ насъ сегодня шутомъ былъ?

Трубецкой опять сталъ заикаться, но Голицынъ, не ожидая его отвѣта, ушелъ.

XI.

Не бойся!

Внезапная болѣзнь государыни застала герцога Бирона совершенно въ расплохъ. Онъ не зналъ, что дѣлать, и растерялся даже до того, что объ опасномъ положеніи государыни не послалъ увѣдомить ни сенатъ, ни синодъ, ни колегіи. Онъ до того потерялъ голову, что рѣшился послать просить совѣта Остермана, забывая, что уже давно не можетъ признавать Остермана въ числѣ своихъ союзниковъ. Но какъ онъ считалъ совершенно невозможнымъ ѣхать къ Остерману самъ, а зналъ впередъ, что, на самыя настоятельныя требованія, Остерманъ не пріѣдетъ, а пришлетъ только заявленіе о своей болѣзни, то онъ и рѣшилъ послать къ нему Левенвольда, чтобы спросить, что слѣдуетъ сдѣлать? потому что русскіе, разумѣется, хоть и быдло, но если настойчиво захотятъ всѣхъ давящихъ ихъ нѣмцевъ перевѣшать, то съ ними пожалуй и не справиться! Онъ забылъ даже, что Остерманъ и Левенвольдъ живутъ между собою въ такой дружбѣ, что про нихъ говорили: гдѣ Левенвольдъ, тамъ непремѣнно и Остерманъ, а гдѣ Остерманъ, то онъ безъ всякаго сомнѣнія покрываетъ собой гдѣ нибудь и Левенвольда.

Въ виду могущей быть опасности, куда дѣвалось и высокомѣріе герцога, куда исчезла и его заносчивость. Онъ обратился къ Левенвольду, какъ истинный нѣмецъ, съ подходцемъ и увертюрою.

— Послушайте, другъ Рейнгольдъ, сказалъ онъ ему дружески.—Вы знаете, что я для васъ всегда готовъ былъ на все. Вы не можете сказать, чтобы, послѣ отъѣзда вашего брата, я не поддерживалъ и не охранялъ ваши интересы болѣе, чѣмъ бы онъ самъ могъ ихъ охранить. Его желанія я считалъ для себя закономъ. Наконецъ, по его просьбѣ я назначилъ кабинетъ-министромъ Волынскаго. Вы знаете, какъ онъ насъ за это отблагодарилъ! Теперь у меня къ вамъ просьба.

Левенвольдъ, котораго извѣстіе о болѣзни императрицы подняло съ постели, такъ какъ онъ передъ тѣмъ всю ночь проигралъ въ карты и легъ только въ часъ дня, невольно изумился отъ этой рѣчи, совершенно непохожей на обыкновенный тонъ герцога.

— Что изволите приказать ваша свѣтлость? Всегда благодаренъ за вашу милость и поставлю за счастіе заслужить!

— Она опасна, Рейнгольдъ, сказалъ герцогъ,—очень опасна! Теперь боится умереть и мучится ужасно! Она не встанетъ, а безъ нея мы пропадемъ! Вотъ что: поѣзжайте къ Остерману и спросите, что дѣлать? Онъ былъ сердитъ на меня послѣднее время, ну да мы, свои нѣмцы, сочтемся!

Левенвольдъ поѣхалъ и привезъ отвѣтъ Остермана, что нужно прежде всего подумать о томъ, кого назначить наслѣдникомъ.—Если принца Іоанна, то естественно, что Анна Леопольдовна должна быть правительницей, а при ней можетъ быть совѣтъ подъ предсѣдательствомъ, если это будетъ угодно, вашей свѣтлости.

Бирономъ поморщился.

— Гм! Съ такой правительницей да совѣтъ... нѣтъ, это вздоръ! «Это Остерманъ себѣ на руку тянетъ! подумалъ герцогъ.—Въ совѣтѣ всякій свое начнетъ».

Онъ позвалъ кабинетъ-министровъ.

Пріѣхали князь Черкаскій и Бестужевъ-Рюминъ.

— А Остерманъ?

— Онъ уже недѣли съ двѣ никуда не выѣзжаетъ! отвѣчалъ Рюминъ.

— Съѣздите, господа, къ нему, поговорите что дѣлать? Совѣтъ, по моему, неудобно!

Рѣшительно неудобно, ваша свѣтлость:—напомнитъ только «верховниковъ», поддакнулъ Бестужевъ-Рюминъ.

Регентство! проговорилъ князь Черкаскій, едва-ли думая, что говоритъ.

— Да! замѣтилъ Бирономъ,—это было бы хорошо! Только кто же будетъ регентомъ? И онъ какъ-то неопредѣленно поглядѣлъ на Черкаскаго, потомъ на окно, потомъ на свой собственный портретъ, который висѣлъ тутъ, изображая его въ герцогской мантіи и курляндскомъ, кетлеровскомъ вѣнцѣ.

— Поѣзжайте, господа, поговорите и всего лучше убѣдите его пріѣхать самого. Понимаю я, что онъ нездоровъ; да вѣдь бываютъ случаи, когда и нездоровье перемочь можно.

Но Остерманъ былъ не такой человѣкъ, который бы, безъ видимой для себя пользы, сталъ перемогать свое нездоровье.

Когда Бестужевъ и Черкаскій пріѣхали къ Остерману, онъ, вмѣстѣ съ своими, только что перешелъ послѣ обѣда изъ столовой въ гостиную.

Онъ сидѣлъ на диванѣ и весело разговаривалъ съ Стрѣшневымъ, вспоминая паденіе Меншикова и свои бюлетени къ нему, въ которыхъ онъ никогда не забывалъ упомянуть о чувствахъ уваженія своего питомца къ его опекуну и преданности къ его невѣстѣ.

Правда, ноги его были увязаны и лежали на табуретѣ, но это было скорѣе по привычкѣ, чѣмъ вслѣдствіе тяжкой боли, или просто для формы, такъ какъ онъ сказывался больнымъ. Разсказывая, какъ онъ перефразировалъ слова своего царственнаго воспитанника, напримѣръ, слова: «пусть убирался бы къ чорту», замѣнялъ словами: «чтобы вы неизмѣнно слѣдовали къ вашему благополучію», Остерманъ смѣялся.

Но какъ только офиціантъ доложилъ о пріѣздѣ кабинетъ-министровъ, вся фигура и поза Остермана измѣнили свое положеніе. Онъ какъ-то опустился; лицо его приняло выраженіе болѣзненнаго страданія; весь корпусъ сгорбился.

Бестужевъ, войдя, началъ говорить о приключившемся несчастіи; сказалъ что императрицѣ очень дурно и что они, какъ высшее правительство, должны принять заблаговременно мѣры, чтобы, въ случаѣ несчастія, не произошло какого-либо недоумѣнія и безпорядка, могущаго отразиться смутами и безпокойствомъ на всемъ государствѣ.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Остерманъ застоналъ, прикладывая руку къ правой сторонѣ груди, будто чувствовалъ въ ней невыразимыя страданія. Потомъ онъ началъ высказывать свою всегдашнюю вѣчную жалобу, что онъ больной, хилый старикъ, не въ силахъ шевелиться и, пожалуй, находится самъ въ положеніи болѣе опасномъ, чѣмъ государыня; что подагра его уже поднялась къ груди и его душитъ; что, наконецъ, онъ, какъ иностранецъ по происхожденію, не считаетъ себя вправѣ подавать свои совѣты въ такомъ важномъ дѣлѣ, касаю-

щемся благополучія всей имперіи. Однакожъ, въ заключеніе прибавилъ, что, по его мнѣнію, главнѣйше слѣдуетъ озаботиться назначеніемъ наслѣдника, и что если императрица желаетъ назначить наслѣдникомъ своего внука, принца Іоанна, такъ какъ суксесоры мужскаго пола, по завѣщанію императрицы Екатерины, должны имѣть предпочтеніе передъ суксесорами женскими, то онъ постарается заготовить о томъ манифестъ.

— Да кто-же управлять-то станетъ? спросилъ Бестужевъ,— не шестимѣсячный же ребенокъ? Нужно что нибудь установить! Герцогъ находитъ, что назначеніе совѣта неудобно. Въ маломъ числѣ персонъ совѣтъ напомнитъ верховниковъ, а въ большомъ обернетъ насъ въ польскую кожу, гдѣ всякій свое кричитъ, а дѣла никто не дѣлаетъ.

Но только Бестужевъ началъ это говорить, какъ Остерманъ такъ застоналъ и завопилъ и такъ началъ поводить глазами, что Бестужевъ и Черкаскій подумали: да и въ самомъ дѣлѣ ужъ не кончается ли онъ? Графиня Марфа Ивановна забѣгала, засуетилась, стала прикладывать какія-то примочки, давать лекарство; Стрѣшневъ поѣхалъ за докторомъ. Однакожъ, между стономъ и возгласами, Остерманъ успѣлъ проговорить:

— «Это дѣло не къ спѣху! Будетъ назначенъ наслѣдникъ, правительство всегда успѣютъ установить. Если-бы, не приведи Богъ, и случилось несчастіе, все найдется время подумать»!

Потомъ онъ сталъ просить извиненія и велѣлъ отнести себя въ спальню и тамъ велѣлъ даже закрыть окна, говоря, что дневной свѣтъ его раздражаетъ. Только прощаясь, онъ опять прибавилъ, что манифестъ о наслѣдникѣ, если государыня избираетъ внука, у него готовъ, стоитъ только подписать. Болѣе ничего у него кабинетъ-министры выжать не могли. Но когда они уже садились въ карету, онъ вдругъ выслалъ имъ готовый проектъ манифеста о наслѣдствѣ, чисто переписанный и совсѣмъ готовый къ подписи.

Около государыни ухаживала въ это время герцогиня Биронъ, состоявшая при ней фрейлиною еще въ бытность ея герцогинею курляндскою, и неразлучавшаяся съ нею никогда, поэтому знакомая со всѣми ея привычками, и старшая камеръ-фрау Юшкова. Онѣ видѣли, что фрейлины, и камеръ-юнгферы только суетятся и мѣша-

ютъ, поэтому распорядились позвать еще комнатную дѣвушку Авдотью Андреевну и выгнали всѣхъ остальныхъ. Вмѣстѣ они раздѣли государыню и уложили въ постель. Прибыли доктора: Блюментростъ, Лестеніусъ и Фишеръ. Они приняли рѣшительныя мѣры. Къ больному боку приложили мушку, ноги приказали растирать особою мазью. Дали какихъ-то порошковъ. Императрица начала приходить въ себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ доктора не могли еще уловить значеніе припадка той странной болѣзни, которая поразила государыню, и послали пригласить бывшаго тогда въ Петербургѣ знаменитаго португальца Рибейру-Санхеца. Блюментростъ просилъ герцогиню, чтобы она передала своему мужу-герцогу, что не худо бы послать нарочнаго въ Москву за престарѣлымъ Быдлау, въ діагностической опытности котораго онъ имѣлъ случай убѣдиться.

Между тѣмъ въ залахъ дворца собрались всѣ, приглашенные Бирономъ по случаю внезапной болѣзни императрицы. Между ними царствовало молчаніе. Никто не рѣшался высказывать своихъ мыслей. Всесильный временщикъ былъ тутъ, а участь Волынскаго была у всѣхъ въ памяти. Бестужевъ сталъ говорить о необходимости назначить наслѣдника; рѣшили просить Бирона представить императрицѣ общую мольбу о таковомъ назначеніи и разъѣхались съ тѣмъ, чтобы собраться на другой день, въ случаѣ если облегченія въ болѣзни государыни не послѣдуетъ.

На другой день, въ лѣтнемъ дворцѣ, въ комнатахъ Бирона, собрались опять особо приглашенныя лица изъ высшихъ гражданскихъ, военныхъ и придворныхъ сановниковъ для обсужденія положенія государства, въ случаѣ несчастія съ императрицею.

Пріѣхали оба кабинетъ-министра, князь Черкаскій и Бестужевъ-Рюминъ; Остерманъ по-прежнему лежалъ у себя въ темной спальнѣ и на освѣдомленія о его здоровьѣ отвѣчалъ, что ему хуже; пріѣхалъ оберъ-шталмейстеръ государыни князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, сынъ бывшаго посла въ Парижѣ, тамъ и воспитавшійся, вельможа разумный и деликатный, только весьма заносчивый. Онъ былъ большой пріятель съ княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ Запѣпинымъ и извѣстенъ тѣмъ, что не смотря на то, что любилъ болтать, тоже никогда не разговаривалъ ни съ какою прислугою. Онъ былъ кровный и непримиримый врагъ Волынскаго.

Пріѣхали также: начальникъ тайной канцеляріи генералъ-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, генералъ-аншефъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, оберъ-гофмейстеръ Рейнгольдъ Ивановичъ Левенвольдъ, предсѣдатель комерцъ-коллегіи Карлъ Ивановичъ Менгденъ, фельдмаршалъ Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ и вице-адмиралъ, оберъ-егермейстеръ и сенаторъ Андрей Дмитріевичъ Зацѣпинъ.

— Посмотрю, чѣмъ эта комедія кончится, сказалъ онъ племяннику, садясь въ карету и назначивъ ему видѣться съ нимъ вечеромъ на игрѣ у Леклеръ.

Только что всѣ показанныя особы собрались въ лѣтнемъ дворцѣ, какъ къ нимъ еще, по особому приглашенію герцога, присоединились: генералъ-поручикъ командиръ измайловскаго полка Густавъ Карловичъ Бирнъ—братъ герцога, и сенаторъ Григорій Петровичъ Чернышевъ.

Герцога Бирона не было, онъ былъ у императрицы.

Разумѣется, интересомъ минуты было здоровье государыни и общій разговоръ обращался около новостей, сообщаемыхъ докторами.

Иванъ Юрьевичъ Трубецкой разсказывалъ князю Андрею Дмитріевичу, какъ вчера, будучи приглашенъ императрицею къ обѣду, онъ остался голодный; какъ государыня сперва была весела и смѣялась надъ его заиканьемъ, и какъ потомъ вдругъ...

Но всѣ, говоря объ императрицѣ, старались всѣми мѣрами избѣгать подводнаго камня, ради котораго собрались тутъ, т. е. случая ея смерти. Ни одинъ изъ нихъ даже намека не сдѣлалъ на вопросъ: а что будетъ, если императрица скончается?

Вошли—Минихъ и генералъ-прокуроръ Никита Юрьевичъ Трубецкой, племянникъ фельдмаршала. Минихъ окидывалъ всѣхъ своимъ привѣтливымъ взглядомъ и улыбался своею обыкновенною, добродушною улыбкою.

— Ну что наша покровительница, наша матушка-царица? Да пошлетъ ей Богъ исцѣленіе! Что доктора? Гдѣ герцогъ? спрашивалъ Минихъ, обращаясь къ Левенвольду, протягивая руку и здороваясь по очереди со всѣми, кромѣ Густава Бирона и Бестужева, съ которыми былъ въ ссорѣ.

Тѣ тоже старались сдѣлать видъ, будто не замѣтили прихода Миниха.

Съ Густавомъ Бирономъ Минихъ былъ во враждѣ еще съ осады Хотина, за то, что тотъ отказался исполнить его какое-то весьма дерзкое предположеніе. Бестужева же онъ не любилъ, какъ явнаго сторонника Бирона, а въ послѣднее время имѣлъ, кромѣ того, съ нимъ въ кабинетѣ крупный разговоръ по вопросу объ отпускѣ денегъ на артилерію.

Бестужевъ зналъ, что поступившія въ штатсъ-контору деньги Бironъ полагалъ выпросить у государыни, чтобы приличнымъ образомъ обставить домъ своего сына, наслѣднаго принца курляндскаго и семигальскаго Петра, командира полка конной гвардіи, за котораго, впрочемъ, по его молодости, управлялъ полкомъ премьеръ-маіоръ Ливенъ. Принцу въ будущемъ февралѣ должно было минуть семнадцать лѣтъ и онъ долженъ былъ вступить самъ въ исправленіе своихъ должностей; а Минихъ, ни съ того, ни съ сего, узнавъ что въ штатсъ-конторѣ есть остатки, вздумалъ просить ихъ на артилерію. Бестужевъ говорилъ, что, по случаю окончанія побѣдоносной войны, подъ предводительствомъ самого Миниха, Россіи не откуда ждать непріятелей; что съ Швеціею, еслибы та вздумала воевать, можно управиться и съ тою артилеріею, какая есть, а что есть другія, болѣе настоятельныя государственныя нужды и проч. Минихъ же говорилъ: воюй на миръ, а мирись на войну; оружіе и въ мирѣ, и въ войнѣ одинаково должно быть въ исправности, и это есть первѣйшая государственная необходимость; наконецъ, что, сидя дома за бумагами, легко управляться не только съ Швеціею, а съ цѣлымъ міромъ, но когда дойдетъ до дѣла, такъ бумажные-то борзописцы обыкновенно по угламъ прячутся; а онъ знаетъ, легко-ли въ полѣ управляться.

Бестужевъ не уступалъ. Минихъ горячился и тѣмъ болѣе считалъ себя вправѣ требовать, что просилъ на дѣло дѣйствительно необходимое, и что не зналъ тѣхъ мотивовъ, по коимъ кабинетъ такъ упорно ему отказываетъ.

Вышелъ герцогъ. Высокомѣрно окинувъ взглядомъ присутствующихъ, привѣтствовавшихъ его низкими поклонами, онъ объявилъ, что императрица опасна.

— Теперь она заснула, прибавилъ онъ,—и доктора надѣются, что этотъ сонъ подкрѣпитъ ея силы и будетъ содѣйствовать благопріятному исходу болѣзни.

«То-то ты такой опять гордый сталъ», подумалъ Левенвольдъ.

— Съ тѣмъ вмѣстѣ, по своей материнской заботливости о спокойствіи своихъ подданныхъ, продолжалъ Биронъ,—она приказала заблаговременно обсудить и принять надлежащія мѣры къ сохраненію спокойствія государства на случай несчастія...

Проговоривъ это по-нѣмецки, Биронъ вновь гордо окинулъ взглядомъ присутствующихъ.

Всѣ безмолвствовали.

— Долгомъ считаю присовокупить, продолжалъ герцогъ:—что государыня ни въ какомъ случаѣ не желаетъ, чтобы ей наслѣдовала ея племянница. На мое предложеніе утвердить ее наслѣдницею престола она соизволила отвѣтить: «Развѣ ты ее не знаешь? Она слишкомъ безпечна, чтобы управлять». При томъ же и законъ, опредѣляемый завѣщаніемъ императрицы Екатерины, по коему мужскіе суксесоры должны быть предпочитаемы женскимъ, заставилъ ее назначить наслѣдникомъ престола своего внука, принца Іоанна. Манифестъ объ этомъ приготовленъ, но она желаетъ подписать его при всѣхъ васъ. Теперь вамъ предстоитъ обсудить вопросъ, какъ устроить правленіе во время малолѣтства императора?

Минихъ съ Ушаковымъ сидѣли въ сторонѣ и тихо разговаривали между собою. Густавъ Биронъ стоялъ у дверей и подозрительно всѣхъ оглядывалъ, постукивая шпорами и сообщая что-то Левенвольду. Остальные всѣ молчали.

Нужно подумать, господа, какъ это сдѣлать, началъ опять Биронъ.—Можетъ быть вы найдете нужнымъ учредить при особѣ малолѣтняго императора чрезвычайный совѣтъ.

Противъ совѣта началъ говорить Бестужевъ, приводя тѣ же доводы, что говорилъ и вчера, т. е. что совѣтъ съ малымъ числомъ членовъ будетъ ненавистенъ, потому что напомнитъ верховниковъ, а при большомъ числѣ—сдѣлаетъ въ Россіи повтореніе польскихъ и шведскихъ смутъ и интригъ.

Многіе стали поддерживать мнѣніе Бестужева и говорили

противъ назначенія совѣта. Всѣ знали, что Бирономъ совѣта не желаетъ.

Съ особымъ рвеніемъ сталъ доказывать вредъ совѣта тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ.

— Задалъ бы ему жару Остерманъ, если-бы слышалъ, сказалъ князь Андрей Дмитріевичъ генералъ-прокурору Трубецкому.—Я думаю, что и прислалъ-то онъ его съ тѣмъ, чтобы совѣтъ отстаивать—вѣдь это мысль Остермана,—а онъ... Вотъ ужъ именно своя своихъ не познаша.

— Пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ, отвѣчалъ генералъ-прокуроръ Никита Юрьевичъ Трубецкой.—Послѣ, захотимъ, по своему передѣлаемъ.

— Тс! сказалъ князь Зацѣпинъ, улыбаясь и шутливо грозя генералъ-прокурору, который ту же минуту замолчалъ и потупилъ глаза.

— Графъ, сказалъ Бирономъ, обращаясь къ Миниху:—слышите, что говорятъ, и что особо объясняетъ г. Неплюевъ? Скажите ваше слово?

— Виноватъ, не слыхалъ, отвѣчалъ Минихъ, добродушно улыбаясь.

— Я предложилъ имъ учредить при малолѣтнемъ императорѣ совѣтъ. Они не согласаются.

— Что-жъ, и я скажу: въ совѣтѣ будетъ сколько головъ, столько умовъ, а ужъ куда неладно дѣло дѣлать, коли одинъ тянетъ въ одну сторону, а другой—въ другую.

— Такъ что же дѣлать? Государыня не находитъ возможнымъ поручить управленіе племянницѣ.

— Съ назначеніемъ правительницею принцессы пріѣдетъ сюда ея отецъ, герцогъ мекленбургскій, а мы знаемъ, что это за человѣкъ! сказалъ Минихъ.

— Прежде всего онъ поссоритъ насъ съ римскимъ дворомъ. У него кровная вражда съ Вѣною и за интересы, совершенно чуждые Россіи, прибавилъ Неплюевъ.

— И намъ всѣмъ головы порубитъ. Нечего сказать, характеръ! Нѣтъ, ужъ отъ такого правителя избави Богъ! сказалъ Черкаскій.

— Такъ кого же? Развѣ принца Антона? спросилъ опять Бирономъ.

Минихъ поморщился.

— Графъ Андрей Ивановичъ, полагаю, былъ бы очень радъ, если-бы императрица назначила правителемъ принца Антона, улыбнувшись сказалъ Минихъ.—Большіе нонче пріятели стали. Но я скажу про него: онъ былъ со мною въ двухъ кампаніяхъ, но я не знаю, что онъ такое; кажется, не трусъ, а такъ: ни рыба, ни мясо. Да и русскихъ дѣлъ совсѣмъ не знаетъ. Россіи не видалъ, даже въ Москвѣ не былъ.

— Что-жъ?—регентство! сказалъ опять князь Черкаскій, замѣтивъ, что наканунѣ слово это произвело благопріятное впечатлѣніе на Бирона.

— Что-же это будетъ? спросилъ Зацѣпинъ у фельдмаршала Трубецкаго.

— Н-н-н-нѣмцевъ с-спр-спросить нужно, н-н-наше д-д-дѣло с-ст-ст-сторона, отвѣчалъ Трубецкой.

И оба они незамѣтно исчезли.

— Да что тутъ говорить? Регентство, если оно будетъ утверждено, слѣдуетъ принять вашей свѣтлости. Больше нѣкому, началъ было говорить Бестужевъ-Рюминъ.—Вы одни можете...

На этихъ словахъ онъ замялся, оглядывая всѣхъ кругомъ.

Биронъ мгновенно весь покраснѣлъ.

— Что же, ваша свѣтлость, сказалъ Минихъ,—Россію вы знаете; давно находитесь у дѣлъ; по близости вашего герцогства вы можете управлять и имперіею и герцогствомъ, къ благополучію обѣихъ; наконецъ, чего же лучше: по вашей преданности къ государынѣ, никто кромѣ васъ не можетъ больше заботиться о ея внукѣ.

Слова Миниха отрадно отозвались въ душѣ Бирона, но онъ молчалъ, оглядывая присутствующихъ.

— Разумѣется, въ иностранныхъ земляхъ начнутся толкованія о томъ, что мы обошли отца и мать; но когда ни тотъ, ни другая не могутъ, началъ Бестужекъ,—когда вы одни можете успокоить государство въ его сиротствѣ, въ случаѣ, чего не дай Богъ слышать, кончины государыни, то...

— Да, въ иностранныхъ государствахъ безъ ненависти не обойтись; пробурчалъ Биронъ.

Всѣ окружили Бирона и стали просить его потрудиться для

Россіи. Тотъ началъ отнѣкиваться, но отнѣкиваться такъ, какъ голодный котъ отнѣкивается отъ сыраго мяса.

Въ это время доложили, что государыня проснулась.

— Объ этомъ послѣ, господа, сказалъ Биронъ;—теперь вопросъ о наслѣдникѣ. Намъ нужно отправиться къ императрицѣ и просить ее, чтобы она подписала манифестъ.

Всѣ пошли.

— Бѣда, если герцогъ не приметъ регентства, сказалъ Менгденъ, идя вмѣстѣ съ Бестужевымъ,— мы, нѣмцы, пропадемъ!

Государыня лежала на кровати, которая, стоя на возвышеніи, драпированная шелковою матеріею и украшенная императорскою короною и другими орнаментами императорской власти, всего болѣе напоминала катафалкъ. Драпировка была откинута. На лицѣ государыни присутствующіе видѣли слѣды чрезвычайнаго страданія. Подлѣ кровати, на креслахъ, сидѣла ея неизмѣнная Бенигна Биронъ. На ступеняхъ кровати сидѣли и перебирали что-то двѣ говорильни императрицы, Новокшенова и Вяземская, и дурка Ксюша, а въ углу шутъ Педрилло устраивалъ люльку для козленка. Императрица и въ болѣзни не могла остаться безъ шутовъ и сказочницъ.

Биронъ отъ имени всѣхъ пришедшихъ съ нимъ сказалъ, что вотъ они пришли просить подписать манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола ея внука, принца Іоанна.

Государыня не сказала ни слова и начала пробѣгать глазами манифестъ. Потомъ приподнялась и дрожащею рукою подписала его.

Затѣмъ Биронъ предложилъ присутствующимъ подписать на этомъ манифестѣ удостовѣреніе въ дѣйствительности подписи государыни. Всѣ подписывали.

— Да, Анна не можетъ, проговорила государыня какъ бы про себя и повернулась въ сторону.

Присутствующіе постояли, помялись, но никто изъ нихъ не рѣшился начать говорить. Государыня закрыла глаза; нужно было уходить, и всѣ начали уходить, кромѣ Бирона. Минихъ уходилъ послѣднимъ. Остановившись въ дверяхъ и держась за ручку, онъ сказалъ:

— Всемилостивѣйшая государыня! мы рѣшили всеподданнѣйше просить о назначеніи на время малолѣтства императора регентомъ

герцога Бирона. Не оставьте, всемилостивѣйшая государыня!.. Онъ поклонился и вышелъ.

Государыня не вслушалась и спросила у Бирона:

— Что онъ сказалъ?

У Бирона не хватило духу повторить. Онъ отвѣчалъ, что тоже не вслушался.

На слѣдующій день опять зашелъ разговоръ о регентствѣ и опять всѣ убѣждали Бирона. Наконецъ, опредѣленіе о его регентствѣ было написано и отнесено въ спальню больной при общемъ прошеніи лицъ, которымъ нельзя было отказаться отъ подписи.

— Да ты развѣ хочешь? спросила государыня, когда Биронъ успѣлъ ей доложить объ этомъ.

Биронъ началъ было говорить о благодарности, о готовности служить Россіи, и самъ запутался въ своихъ словахъ.

— Бѣдный, мнѣ жаль тебя! сказала государыня и подписала опредѣленіе, поданное ей Остерманомъ, который на это время счелъ нужнымъ выздоровѣть.

Биронъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ съ опредѣленіемъ въ рукахъ къ государственнымъ чинамъ, которые ежедневно собирались во дворецъ утромъ, чтобы узнать о состояніи здоровья императрицы.

— Государыня ваше прошеніе всемилостивѣйше соизволила утвердить, сказалъ Биронъ подписавшимъ прошеніе.—Вотъ это опредѣленіе! Ну, господа, прибавилъ онъ затѣмъ:—вы поступили, какъ римляне!

Что хотѣлъ выразить герцогъ Биронъ этимъ сравненіемъ, такъ и осталось неразъясненнымъ.

На другой день императрицѣ стало хуже. Она страдала невыносимо. Биронъ стоялъ подлѣ ея постели. Въ сторонѣ стояли: племянница Анна Леопольдовна, принцъ Антонъ и цесаревна Елисавета; въ глубинѣ—приближенные, государственные чины и генералитетъ. Молчаніе было мертвое; можно казалось было слышать каждое біеніе сердца больной. Она тяжело дышала. Вдругъ она какъ бы хотѣла приподняться, потомъ какъ бы вздрогнула и чисто, ясно, своимъ рѣзкимъ и громкимъ голосомъ сказала Бирону:—«не бойся!» потомъ повернулась на бокъ, вытянулась и умерла...

XII.

Баринтонъ.

Катафалкъ императрицы былъ устроенъ великолѣпно. Зала была обита чернымъ сукномъ съ серебряными орлами, означающими русскій государственный гербъ, и серебряными же слезами, долженствующими изображать слезы ея подданныхъ. Балдахинъ былъ сдѣланъ изъ золотаго и серебрянаго глазета и украшенъ коронами владѣемыхъ императрицею государствъ и атрибутами императорской самодержавной власти. Статуи, эмблемы и надписи, согласно общему алегорическому направленію того времени, хотя до нѣкоторой степени противорѣчили строгости христіанскаго ученія, но увеличивали собою торжественность.

Какъ любила жить покойница, такъ и хоронилась великолѣпно.

Но не видно было ни истинныхъ слезъ, ни горя, ни грусти, которыми сопровождается всегда смерть великихъ міра, даже болѣе жестокихъ и болѣе самовластныхъ, чѣмъ была императрица Анна.

Ни во дворцѣ, ни въ городѣ, ни въ Россіи, никто не поминалъ ее добрымъ словомъ, никто не сожалѣлъ о ней, не подходилъ къ ея раскрытому гробу съ молитвою. Всѣ будто боялись, будто стыдились чего-то; всѣ ходили приниженными, убитыми. Никто не рѣшался хотя бы между собой проронить одно слово. Всѣ молчали. Всѣ знали, что хотя императрицы не стало, но остался ея страшный фаворитъ, и этотъ фаворитъ теперь всесиленъ. Казни и пытки, которыми ознаменовывались особенно послѣдніе годы царствованія Анны, были передъ глазами каждаго; у всѣхъ мелькали передъ глазами вымогательство недоимокъ, экзекуція, насиліе, ссылки. Всѣ знали, что эти казни, эти насилія исходили не непосредственно отъ императрицы, что главною причиною, началомъ ихъ былъ именно этотъ фаворитъ, а у него теперь самодержавная власть! И страшно, и стыдно было каждому.

Тѣмъ не менѣе обстановка дворца и архіерейское служеніе паннхидъ поражали рѣдкою роскошью и блестящею торжественностью.

Вельможи по три раза въ день съѣзжались на панихиды въ своихъ траурныхъ экипажахъ, сопровождаемые траурною свитою

и прислугою. Были въ глубокомъ траурѣ и ихъ жены, но вообще безъ слезъ, безъ сожалѣнія, какъ бы по формѣ выполняя обрядъ, въ который никто не вѣритъ, но отказаться отъ выполненія котораго признается неудобнымъ; будто обрядъ этотъ тоже составлялъ часть выполненія условныхъ аллегорій, будто всѣ представляли живую картину. Не плакала о теткѣ даже ея родная племянница Анна Леопольдовна. Она признавала себя обиженною и униженною.

Молодой Зацѣпинъ, въ званіи офицера гвардіи, по очереди занималъ съ своими гренадерами караулъ у гроба. Семеновцы чередовались съ преображенцами въ отданіи этой послѣдней почести покойной государынѣ.

Рано утромъ, когда молодой Зацѣпинъ стоялъ у гроба, въ залъ вошла молоденькая Гедвига—Елисавета Биронъ. Помолившись передъ гробомъ, она вдругъ заплакала горько, горько и припала къ ступенямъ катафалка. Молодой Зацѣпинъ подошелъ къ ней.

— Полноте, принцесса! сказалъ онъ.—Воля Божія! Мы всѣ умремъ, и плакать такъ грѣшно.

— Вы ничего не знаете, князь! отвѣчала сквозь слезы дѣвушка.—Она была единственная особа въ мірѣ, которая меня любила. Теперь я сирота, круглая сирота.

— Вашъ отецъ...

— Онъ отецъ моихъ братьевъ, но не мой. Я его пріемная дочь... Я ничего не говорю. Пока онъ не обижаетъ меня; но сердцу нельзя указать... я не люблю, я боюсь его. Я вижу, что для меня онъ и жена его чужіе... Они меня не любятъ! Боже мой! Я всѣхъ хочу любить, люблю цѣлый міръ! А меня никто не любитъ. Любила вотъ она одна, да и ее Богъ взялъ.

— Отчего вы думаете, что васъ никто не любитъ, принцесса? спросилъ князь.—Правда, теперь вашъ батюшка будетъ регентъ имперіи. Мы всѣ его подданные, обязаны будемъ ему повиноваться, поэтому будемъ ли смѣть любить?

— Развѣ это утѣшаетъ? Развѣ не все равно, отчего я буду страшна людямъ, отъ того ли, что я сама по себѣ не хороша, или отъ того, что будутъ бояться моего отца? Тяжело быть одинокой, всегда одинокой, и видѣть, что тѣ, которыхъ должна признавать своими близкими, слишкомъ далеки, даже далѣе, чѣмъ чужіе.

Тяжести этого уединенія вамъ, какъ мущинѣ, имѣющему свой кругъ дѣятельности внѣ семейства, даже не понять.

Когда она это говорила, глазки ея сверкали. Слезинка, висѣвшая на ея рѣсницѣ, какъ-бы замерла и щечки покрылись румянцемъ. Въ ней не было ничего дѣтскаго, ничего легкомысленнаго. Она видимо смотрѣла на жизнь далеко серьезнѣе своихъ лѣтъ. Вдругъ она неожиданно прибавила:

— Я хотѣла бы быть не страшною, а привлекательною.

— Вы будете очаровательны, прекрасная принцесса, сказалъ Зацѣпинъ, невольно увлекаясь ея милымъ личикомъ и едва начинавшими еще обрисовываться формами.—Чувство, которое вы не находите дома, будетъ всюду сопровождать васъ.

— Благодарю за доброе слово, сказала дѣвушка,—я такъ рѣдко его слышу.

Начали съѣзжаться къ панихидѣ. Пріѣхала цесаревна Елисавета Петровна; Анна Леопольдовна не пришла. Она рѣдко показывалась на панихидахъ; ей лѣнь было одѣваться.

Зацѣпинъ стоялъ позади принцессы Биронъ, и та неоднократно обращалась къ нему, прося его разныхъ мелкихъ услугъ. Князь выполнялъ ихъ съ чувствомъ истиннаго удовольствія.

Онъ думалъ:

«Теперь не то. Положеніе измѣнилось. Матери нѣтъ. Но все же ея названный отецъ—регентъ имперіи и будетъ управлять всѣмъ въ теченіи почти семнадцати лѣтъ. Изъ приличія, изъ собственной гордости, онъ долженъ будетъ поставить ее въ высокое положеніе; а она такая милая, такая задушевная».

— Зачѣмъ вы, принцесса, съ такою акуратностью выполняете всѣ обряды нашей религіи? спросилъ у нея князь Андрей Васильевичъ, зажигая по ея просьбѣ свѣчу, которая погасла какъ-то при ея земномъ поклонѣ.—Вѣдь вы нѣмка?

— Нѣтъ! Я не знаю почему, но, мнѣ кажется, я вовсе не нѣмка. Я русская въ душѣ и не знаю, зачѣмъ меня захотѣли сдѣлать лютеранкою. Правда, я родилась въ Митавѣ, а тамъ и церкви русской не было. Но все равно, вѣдь Богъ одинъ.

Такого рода разговоры происходили между молодымъ княземъ и принцессою каждую панихиду, т. е. три раза въ день. Они видимо

сближались. Ребенокъ-дѣвушка начинала уже понимать, что жизнь ведетъ къ живому. Дорогой прахъ, который она оплакивала, самою безмолвностью своею какъ-бы указывалъ ей будущую радость.

Цесаревна Елисавета тоже не пропускала ни одной панихиды. Стройная, величественная, въ глубокомъ траурѣ, она была какъ-бы воплощеніемъ идеи о судѣ совѣсти. Сколько перенесла она обидъ, огорченій, сколько непріятностей, самыхъ тяжкихъ, наиболѣе огорчающихъ. Она перетерпѣла все. А вотъ теперь эта, обижавшая ея, лежитъ бездыханна и она молится, чтобы Господь простилъ ее.

«Чего они отъ меня хотѣли? думала она.—Развѣ они не видѣли, какъ я далека отъ всѣхъ притязаній, отъ всякаго насилья. Они не могли не видѣть, что я хочу только спокойствія, только жизни. Наконецъ, за что уничтожили они, за что разбили мое сердце, послѣднимъ страшнымъ дѣломъ, при одной мысли о которомъ стынетъ кровь и я вся дрожу? Дѣломъ, которое смутило бы кажется и перевернуло душу даже ангела. Положимъ, что я увлеклась. Но вѣдь это такъ естественно. Вѣдь мнѣ двадцать... Послѣдней цифры цесаревна не выговорила даже въ своей мысли.—Ну что-жъ? Развѣ это было имъ опасно? Развѣ это нарушало ихъ порядокъ, ихъ собственныя увлеченія и удовольствія?.. Нѣтъ! Такъ чтоже имъ было нужно? Они не подумали каково мнѣ, когда я знаю, что человѣка жгутъ, давятъ, ломаютъ у него кости, и за что? За то только, что онъ полюбилъ меня, что далъ мнѣ узнать хоть на одну минуту счастье. Боже мой, Боже мой! Чѣмъ я искуплю себя, чѣмъ я искуплю мой грѣхъ, что моя любовь обрекла на гибель человѣка? И гдѣ-то теперь онъ, мой Алексѣй? что онъ обо мнѣ думаетъ? И думаетъ ли онъ еще обо мнѣ? Не представляюсь ли я ему жалкою интригантокю, исчадіемъ ада, погубившимъ его молодую жизнь?.. А все она, она! прости ей Господи!»

Цесаревна опустилась на колѣни и тепло, съ чувствомъ, молилась. Но глаза ея были сухи, слезы не шли.

Пѣвчіе пѣли концертъ, грустный, заупокойный, въ переливахъ и тонахъ котораго слышались слезы, горькія слезы о потерѣ.

Баритонъ, чудный, нѣжный, бархатный, съ теноровыми нотами, трогающими прямо за сердце, выдѣлывалъ соло:

Вознесемъ молитвы ко Господу,
И онъ успокоитъ ны!

Цесаревна чувствовала, что ее дѣйствительно схватили за сердце эти слова, и она съ растерзаннымъ сердцемъ, не помня себя, припала головою къ паркету и искренно отрѣшилась отъ всего живущаго въ молитвѣ.

А баритонъ продолжалъ своимъ задушевнымъ, серебристымъ голосомъ пѣснь о благодати и радости, о свѣтломъ будущемъ въ небесныхъ, загробныхъ странахъ, и разливалъ отраду, утѣшеніе, надежду. Цесаревна заслушивалась этого голоса и съ теплою вѣрою твердила:—«Боже, прости меня! помяни мя, егда пріидеши во царствіе Твое!»

Панихида кончилась; пѣвчіе ушли. Зацѣпинъ проводилъ принцессу Гедвигу до комнатъ ея отца; а цесаревна все еще стояла на колѣняхъ, молясь и вспоминая нѣжный, бархатный звукъ: «И Онъ успокоитъ ны!»

Другая панихида—и опять то же ощущеніе; слѣдующая—и опять тоже.

Послѣ одной изъ панихидъ цесаревна не выдержала; она захотѣла узнать, кто это поетъ соло и, подойдя къ Левенвольду спросила:

— У васъ въ капеллѣ новый баритонъ, графъ?

— Да, это, какъ его... Разуминскій... Размихинскій.. или, какъ его?.. А неправда-ли, ваше высочество, хорошій голосъ? Главное—чистый, молодой, безъ всякихъ этихъ выкрутасъ итальянскихъ съ горловыми украшеніями! Просто сильный, грудной и симпатичный голосъ! Не правда-ли?

— Я бы хотѣла его просить пропѣть мнѣ что нибудь... Признаюсь, въ настоящія, грустныя минуты, музыка и пѣніе для меня одна отрада... Могу я просить...

— Помилуйте, ваше высочество. Онъ поставитъ себѣ за счастіе. Сегодня же, послѣ вечерней панихиды, онъ къ вамъ явится.

Вечеромъ цесаревна сидѣла въ томъ же своемъ голландскомъ кабинетѣ, въ которомъ мы видѣли ее разговаривающею съ Лестокомъ. Ей доложили: пѣвчій изъ придворной капеллы отъ графа Левенвольда, Разумовскій. Цесаревна велѣла его позвать.

Вошелъ молодой хохолъ, высокаго роста, съ блѣднымъ лицомъ, небольшими черными глазами и мягкими черными же и вьющимися волосами. Онъ былъ одѣтъ въ старинный костюмъ пѣвчихъ византійскихъ императоровъ, съ откинутыми назадъ рукавами, обшитый позументами и весьма прикрашенный какими-то узорочными, искусственными украшеніями, въ родѣ шнурковъ, кистей и т. п.,—костюмъ, сохранившійся для пѣвчихъ до сихъ поръ.

— Какъ васъ зовутъ? спросила цесаревна.

— Алексѣй Разумовскій! отвѣчалъ пѣвчій.

— Алексѣй... прекрасное, дорогое для меня имя, замѣтила про себя цесаревна, вспоминая Алексѣя Никифоровича Шубина.—Вы давно въ капеллѣ?

— Четыре мѣсяца.

— Можете мнѣ что нибудь спѣть?

— Что изволите приказать, ваше высочество?

— Что нибудь... что хотите!

Разумовскій откашлялся, ударилъ камертономъ и началъ своимъ чистымъ, бархатнымъ, серебристымъ голосомъ:

«Свѣте тихій, святыя славы» и т. д.

Цесаревна слушала и задумалась. Чѣмъ больше она слушала, тѣмъ болѣе этотъ чистый, симпатичный звукъ доходилъ до ея сердца, тѣмъ большая отрада разливалась по ней самой. Она чувствовала, что, подъ вліяніемъ этого голоса, она забываетъ и свое одиночество, и наносимыя ей безпрерывно обиды; она чувствовала, что, слушая его, она прощаетъ своихъ враговъ.

Такъ на другой день, такъ и на третій. Разъ, во время его пѣнія, подали чай. Пѣвчій передъ тѣмъ пѣлъ долго. Цесаревна приказала и ему подать чаю. Но какъ же ему пить? Стоя—не ловко! А какъ посадить пѣвчаго въ его костюмѣ?

Да зачѣмъ онъ въ этомъ костюмѣ ходитъ? Оказалось, что ходить ему болѣе не въ чѣмъ! Есть хохлацкая свитка, да въ той и на улицу стыдно показаться, не то что во дворецъ идти. Цесаревна приказала сшить ему гражданскій костюмъ и напудрить волосы. Тогда она могла по крайней мѣрѣ его посадить.

— Спой, голубчикъ, Алексѣй, «Да исправится молитва моя»!

приказывала цесаревна уже сидящему противъ нея въ гражданскомъ костюмѣ Разумовскому.—Такъ грустно, такая тоска на сердцѣ! Все же вѣдь двоюродная тетка была.

И пѣлъ Алексѣй: «Да исправится молитва моя! Господи воззвахъ къ тебѣ, услыши мя Господи»!

Цесаревна заслушивалась. Иногда она тоненькимъ голоскомъ своимъ пробовала вторить. И голоса ихъ сливались въ восторженной молитвѣ.

Разъ цесаревна спросила:

— А что, Алексѣй, ты не знаешь какого нибудь романса, пѣсенки или чего нибудь изъ простаго, нецерковнаго?

Разумовскій задумался на минуту и запѣлъ извѣстную малороссійскую пѣсню.

Віютъ вітры, віютъ буйны...

Нѣжный задумчивый мотивъ и искренность гармоническаго малороссійскаго языка глубоко тронули цесаревну. Передъ ней пронеслось все ея дѣтство, съ ея великимъ, вѣчно занятымъ и вѣчно озабоченнымъ отцомъ, съ доброй, но слабой и невладѣющей собою матерью; потомъ интриги и злоба двора, гдѣ не было искренняго слова, гдѣ все было ложь и притворство, гдѣ самое чувство едва только прикрывало порокъ. И она невольно стала думать о своемъ серденькѣ, растерзанномъ и разметанномъ бурями жизни прежде, чѣмъ оно получило истинный отзывъ, прежде чѣмъ отразилось оно въ чужомъ чувствѣ. Разумовскій кончилъ и сидѣлъ задумчиво. Она просила повторить, взяла арфу, подобрала тонъ и запѣла вмѣстѣ съ нимъ. Разумовскій ее поправлялъ. Они спѣлись. И нѣжная, задушевная, грустная малороссійская пѣсня раздалась тихо и стройно по заламъ дворца.

Послѣ они стали часто пѣть вмѣстѣ подъ акомпаниментъ арфы. Цесаревна знакомила Разумовскаго съ новыми произведеніями итальянской музыки. Тогда въ ходу былъ Спонтини и Чимароза начиналъ уже свою славную музыкальную карьеру. Полныя мелодіи и чувства аріи Чимарозы вполнѣ совпадали съ ихъ голосами и съ ихъ внутреннимъ чувствомъ.

Однажды Левенвольдъ встрѣтился съ цесаревной во дворцѣ и спросилъ ее: угодилъ ли ей пѣвчій?

— О да! отвѣчала цесаревна, не подозрѣвая въ вопросѣ иронiи.—Я очень благодарна вамъ, графъ. Только, къ сожалѣнiю, у меня часто отнимаютъ его, то на службу, то на спѣвку; ну а въ другое время бываетъ что и мнѣ некогда!

— Хотите, ваше высочество, я его подарю вамъ совсѣмъ?

— Какъ это?

— Очень просто! Прикажу исключить изъ капеллы и зачислить въ вашъ штатъ. Намъ же изъ Кiева новаго баритона прислали, тоже хорошiй баритонъ!

— Вы меня обяжете! отвѣчала Елисавета Петровна. — Мнѣ очень нравится его голосъ.

Бывая ежедневно у цесаревны и уже не какъ пѣвчiй, прикованный къ своей капеллѣ хуже чѣмъ крѣпостнымъ правомъ, а какъ артистъ, доставляющiй цесаревнѣ удовольствiе, нашъ хохолъ понемногу началъ отшлифовываться и становиться похожимъ на людей. Имъ занимались уже и Нарышкинъ, и Шуваловы, и Лестокъ, и Воронцовъ. Особенно же заботилась о немъ Мавра Егоровна Шепелева, проводившая цѣлые часы въ томъ, чтобы удовлетворять его любознательности.

— Отчего ты всегда такой грустный, Алексѣй? спросила у него однажды цесаревна.

— Якъ же мiнi не буть грустнымъ, милостывая цесаревна моя, отвѣчалъ онъ.— Чи моя жизнь гарно бiжить? Бачу, люди живутъ, якъ люди, яжъ одынъ якъ бiсъ, прости Господи, въ колпакѣ!

— Чего же не достаетъ тебѣ? Ты нуждаешься въ чемъ?

— Нi-нi, милостывая моя государыня! Я не тронулъ ще йтого, що вы мiнi на прошлой недiли прислалы! Куды менi и на що? А вотъ у людей отецъ есть, маты, братья... А я туть одинъ якъ перстъ! Вона слышу: батько умеръ, а маты и грамотi брата обучить не може.

— Ну Богъ дастъ обучимъ! Не скучай! спой чтонибудь! Разумовскiй, подъ вліянiемъ грустныхъ мыслей, запѣлъ:

У сусiда хата бiла,
У сусiда жiнка мила,
А у мене, сиротынки,
Немà хаты, немà жiнки!

Елисавета взглянула на него; у хлопца на глазахъ были слезы.

— Ну, не грусти же; о чемъ такая грусть?

— Якъ же не грустыть, прекрасная цесаревна! Сиротынкой живъ, сиротынкой и умру!

— А какъ знать, можетъ, Богъ дастъ, найдешь кого себѣ по сердцу; тебя тоже дивчина полюбитъ, вотъ и жинка будетъ; а «хату билу» я тебѣ выстрою!

— Ні, цесаревна, хто полюбить мене безталаннаго? Да йне хочу я ничьей любви!

— А чтобы ты сказалъ, если-бы я тебя полюбила?

Хохолъ задрожалъ.

— Ні, ні! Якъ же то можно, щобъ звіздочка зъ неба сама упала! Не гарно дразнить удальца! Не быть чистому золоту въ деревенской грязи, не горіть місюцю яснымъ солнышкомъ.

Онъ это говорилъ, а самъ безумно цѣловалъ протянутую руку цесаревны и обливалъ ее слезами...

Въ то же время молодой Зацѣпинъ разсчитывалъ такъ:—«Гедвига, прекрасное имя! звучитъ чѣмъ-то средневѣковымъ, чѣмъ-то романическимъ! Гедвига—Елисавета! Разумѣется, по-русски нужно звать Елисаветой, но и Гедвига хорошо. Ей скоро будетъ четырнадцать лѣтъ, стало быть всего ожидать два года, и видимо, что до своего регентства ни герцогъ, ни герцогиня были не прочь... Теперь дѣло другое. За то теперь-то игра и стоитъ свѣчъ; теперь-то и нужно добиться, чтобы сближеніе пришло само собой, а съ нимъ и политическое значеніе рода князей Зацѣпиныхъ, которыхъ я долженъ быть представителемъ». И онъ задумался. Но черезъ минуту мысли его приняли другое направленіе.—«А то вотъ еще,—вспоминалъ онъ про себя,—вчера провелъ я вечеръ у Анны Леопольдовны. Она, положимъ, мать императора; но въ такой мѣрѣ безъ значенія, что пожалуй не смѣетъ перемѣнить своего камердинера безъ воли герцога. А о цесаревнѣ и говорить нечего: та сама должна зависѣть отъ милостей герцога. Думаю, ей очень обидно зависѣть отъ проходимца! Чтожъ дѣлать, когда вся сила въ этомъ проходимцѣ, когда все соединилось, слилось въ его рукахъ?.. Одна-

кожъ всѣ вообще имъ недовольны. Вездѣ глухой ропотъ! Я, разумѣется, держу себя въ сторонѣ, но не слышать не могу. Лизета говорила, что она боится, что ея названный отецъ бросится въ жестокости. Отъ его характера легко можно ожидать этого. Тогда онъ погубитъ себя навѣрное. Ни Остерманъ, ни Минихъ не прозѣваютъ. Они слѣдятъ зорко... Давно я дяди не видалъ; нужно бы съ нимъ поговорить и посовѣтоваться, да все съ своей Лизанькой вожусь. Этотъ ребенокъ, кажется, привязался ко мнѣ искренно. Признаться, и я очень люблю ее, особенно когда вспоминаю, что все же она законная, признанная и единственная дочь владѣтельнаго герцога Курляндіи и Семигаліи и самодержавнаго регента русской имперіи. Что тутъ ни говори, а это стоитъ того, чтобы подумать, очень подумать и пожалуй, прибавилъ онъ засмѣявшись,—бросить свою Леклеръ....

XIII.

Бирономъ въ политикѣ.

Политическая жизнь Россіи текла своимъ чередомъ. Биронъ принялъ въ свои руки самодержавную власть и опеку надъ имперіей и императоромъ. Изъ получаемыхъ со всѣхъ сторонъ донесеній онъ не могъ не видѣть, что сдѣланнымъ покойной императрицею распоряженіемъ недовольны; что его правленіе признаютъ недостойнымъ величія Россіи, оскорбляющимъ ея народное чувство. Какъ истинный курляндецъ, онъ не признавалъ за русскими способности къ народному чувству, къ народной гордости, поэтому относилъ это неудовольствіе и чувствуемый всюду глухой, но общій ропотъ, къ причинамъ внѣшнимъ.

Въ виду его не было знатныхъ фамилій, которыя могли бы возстать противъ его правленія въ силу своего авторитета въ народѣ; между русскими не было уже людей, которые могли бы отстаивать народныя права и народное достоинство. Давно уже всѣ части управленія были въ рукахъ нѣмцевъ. Откуда-же ропотъ, откуда неудовольствіе? Подозрительность указала ему на мать и отца императора, принцессу Анну Леопольдовну и принца Антона Брауншвейгскихъ.

Но онъ зналъ, что принцесса слишкомъ апатична, слишкомъ лѣнива, чтобы самой начать дѣйствовать. Онъ зналъ, что для нея высшимъ наслажденіемъ было сидѣть, повязанною бѣлымъ платкомъ и неодѣтой, съ своей неизмѣнной подругой Юліаной Менгденъ, перебирать какія-нибудь бирюльки, въ родѣ старыхъ бусъ или браслетовъ, читать романы, а по вечерамъ играть въ карты съ близкими людьми, между которыми, для разнообразія, могли быть одинъ или двое молодыхъ людей, которыхъ можно было бы задѣвать въ видѣ шутки, съ которыми можно бы было безцѣльно пококетничать, вспоминая графа Линара. Дайте ей все это и она будетъ счастлива. Такъ неужели это все маленькій, хворенькій, тихонькій принцъ Антонъ?

«О если такъ, я уничтожу его! говорилъ себѣ Бирономъ.—Я окружу его шпіонами, выведу изъ себя непріятностями, выгоню изъ Россіи. Притомъ развѣ нельзя ему сдѣлать противовѣсъ, развѣ нельзя найти другого? А цесаревна Елисавета Петровна?

«Если они не хотятъ понять, если не умѣютъ цѣнить, что самый манифестъ о наслѣдованіи былъ подписанъ покойною императрицею по моему настоянію, что если-бы я захотѣлъ, то не было-бы никакихъ Антоновичей,—то я съумѣю принять мѣры: во первыхъ, можетъ быть революцъ; во вторыхъ, самое естественное—ребенокъ можетъ умереть...: Вѣдь въ политикѣ надъ такими вещами не задумываются. А тогда прямой наслѣдникъ принцъ голштинскій и цесаревна Елисавета. Объ этомъ можно поговорить, можно приготовить! Я могу остаться регентомъ. Голштинскій принцъ можетъ жениться на Гедвигѣ. Можно придумать впрочемъ и другую комбинацію. Мой сынъ Петръ можетъ жениться на цесаревнѣ. Правда, по лѣтамъ онъ ей не пара, ему семнадцать, а ей тридцать; но опять-таки въ политикѣ на это не обращаютъ вниманія. Она же такъ хороша, увлекательно хороша! Пожалуй я самъ могу жениться на ней. Я не старъ, мнѣ нѣтъ пятидесяти. Бенигна мнѣ сослужила службу и довольно! Она останется герцогиней курляндской. Я предоставлю ей весь свой герцогскій доходъ. Елисавета будетъ императрицей, а я регентомъ и ея первымъ министромъ, или просто въ качествѣ супруга буду управлять ея именемъ».

Въ это время дежурный камеръ-юнкеръ доложилъ ему о пріѣздѣ

генералъ-аншефа Андрея Ивановича Ушакова. Биронъ велѣлъ позвать.

Вошелъ сѣдой старикъ въ полной формѣ и александровской лентѣ.

Помощникъ суроваго князя-кесаря Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, принявшій отъ него преображенскій приказъ, обращенный потомъ въ тайную канцелярію, коей Ушаковъ былъ неизмѣннымъ начальникомъ, онъ на своемъ вѣку переломалъ столько человѣческихъ костей, сколько не найдешь, перекопавъ большое кладбище. Онъ былъ человѣкъ сдержанный, спокойный, пожалуй доброжелательный, но неотступающій ни на одну іоту отъ того, что онъ считалъ долгомъ повиновенія, какъ-бы долгъ этотъ ни казался всякому другому жестокимъ. Внѣ служебныхъ отношеній, онъ всякому готовъ былъ помочь, услужить, ко всякому былъ привѣтливъ, ласковъ и доступенъ,—что читатели и видѣли изъ разговора его съ Лестокомъ о Шубинѣ. Но чуть дѣло касалось обязанности, то ни мольбы, ни слезы, ни подкупъ, ни вліяніе, ничто уже не могло ни остановить его вѣчно карающей руки, ни даже измѣнить его взглядъ, всегда спокойный и снисходительный, но смотрящій на всевозможныя страданія совершенно безчувственно. Это былъ тотъ страшный Ушаковъ, при одномъ имени котораго, надо полагать, вздрагиваетъ прахъ уже истлѣвшихъ костей нашихъ пра-прадѣдовъ.

— Къ вашему высочеству по приказу имѣю честь явиться! сказалъ Ушаковъ, стойдя отъ двери три шага и сохраняя позицію офицера въ формѣ, являющагося къ своему начальнику, хотя не далѣе какъ недѣли съ полторы назадъ, онъ, начальникъ тайной канцеляріи, генералъ-аншефъ Ушаковъ, разговаривалъ съ оберъ-камергеромъ Бирономъ, какъ съ равнымъ, и пожалуй могъ еще смотрѣть на него, какъ на зависимаго, такъ какъ оберъ-камергеръ могъ попасть въ руки начальнику тайной канцеляріи, а начальникъ тайной канцеляріи никогда не могъ попасть въ руки оберъ-камергера.

— Здравствуйте, Андрей Ивановичъ, сказалъ Биронъ нѣсколько слащеватымъ, но низкомѣрнымъ голосомъ.—Ну что у васъ тамъ, какъ?

— Согласно приказу вашего высочества, экзаменовалъ крѣпко. Ханыкова полчаса на дыбѣ держалъ, далъ четырнадцать ударовъ.

Руки почитай совсѣмъ вывернулись, такъ что пришлось вправлять, и до укрѣпленія новую встряску давать нельзя.

— Огнемъ не пытали?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество; къ огню полагается на второмъ пристрастіи прибѣгать, а въ колодку и тиски ставилъ; руки-то испорчены были, такъ думаю, въ ногахъ еще есть сила. Больше четверти часа держалъ, семь оборотовъ сдѣлалъ!

— Ну что-жъ, выяснилось?

— Двухъ новыхъ участниковъ открыли; велѣлъ взять. Завтра допрашивать буду. Еще, по доносу вашему высочеству князя Черкаскаго, подполковника Пустошкина велѣлъ арестовать; тоже экзаменовать завтра стану. Но чтобы было видно прямое, непосредственное участіе принца Брауншвейгскаго, этого не могу еще сказать.

Впродолженіи всего времени Ушаковъ стоялъ на вытяжку, тогда какъ Бирономъ сидѣлъ въ своихъ высокихъ герцогскихъ креслахъ, хотя Ушакову въ то время было лѣтъ около семидесяти. Но старый петровскій служака вида не подалъ, что это для него тяжело или обидно. Онъ стоялъ передъ нимъ такъ, какъ не позволилъ бы себѣ требовать такой стоянки даже отъ своего крѣпостнаго лакея.

Бирону, наконецъ, самому стало совѣстно. Не смотря на все нахальство, на всю низость обычаевъ и понятій этой польско-нѣмецкой полушляхты, этихъ княжескихъ дворецкихъ и маршаловъ въ домахъ и дворахъ польскихъ магнатовъ и нѣмецкихъ барономъ, изъ среды которой вышелъ Бирономъ, онъ понялъ, что не подобающе отнесся къ старому заслуженному генералу, тѣмъ болѣе что этотъ генералъ нуженъ. Отъ него зависятъ допросы, стало-быть и раскрытіе тѣхъ подпольныхъ интригъ, которыхъ Бирономъ всего болѣе боялся. Для этихъ допросовъ, думалъ про себя Бирономъ,—онъ незамѣнимъ по своему хладнокровію и навыку.

— Садись, Андрей Ивановичъ, побесѣдуемъ! сказалъ Бирономъ, стараясь держать себя на высотѣ владѣтельной особы.

Но Ушаковъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ послѣднихъ словъ и остался въ прежней позѣ.

Тогда Бирономъ почувствовалъ самъ неловкость своего положенія. Повторить своихъ словъ ему не хотѣлось, а между тѣмъ не хотѣлось

и отпустить старика въ такомъ видѣ, что онъ можетъ считать себя обиженнымъ. Онъ рѣшился вывернуться изъ этого положенія лакейскою фамильярностью. Подойдя къ Ушакову, онъ взялъ его ляпу и проговорилъ:

— Идемъ завтракать, Ушаковъ; успокой герцогиню, скажи, что ничего особаго нѣтъ, и все спокойно.

Но спокойно не было.

— До чего мы дожили? говорилъ Аргамаковъ, поручикъ преображенскаго полка.—Позоръ! Все русское царство на позоръ отдали! Лучше-бы самъ закололъ себя, а не допустилъ бы до такого стыда нашего. И хоть-бы жилы изъ меня тянуть стали, я говорить это не перестану.

На другой день Ушаковъ и тянулъ у него жилы, спрашивая у него, когда тотъ висѣлъ уже на дыбѣ: кто его подучалъ, да съ кѣмъ говорилъ и т. п.? Аргамаковъ молчалъ.

Съ спокойною, даже какъ-бы съ соболѣзнующею улыбкою Ушаковъ приказалъ дать ему встряску и три удара. И когда, въ страшныхъ мученіяхъ отъ вывертки рукъ, въ нервныхъ судорогахъ отъ боли, Аргамаковъ застоналъ, то Ушаковъ спросилъ опять:

— Говори, любезный Аргамаковъ, не мучь ни себя, ни насъ; зачѣмъ ты говорилъ, когда тебя никто не подучалъ и ты ни для кого не старался?

— Сердце наболѣло, потому и говорилъ; родную землю жалко стало... вотъ что!

Его спустили съ дыбы, безъ чувствъ, и не добились болѣе ни слова.

Но подозрѣнію Бирона была дана новая пища. Онъ имѣлъ уже основаніе подозрѣвать родительницу императора и ея супруга въ козняхъ противъ себя. Секретарь принцессы, Михайло Семеновъ, распространялъ слухъ, что указъ покойной императрицы Анны о назначеніи регентства—подложный, и въ этомъ дѣлѣ оказались замѣшанными кабинетъ-секретарь Яковлевъ и адъютантъ принца Антона Петръ Гр[illegible]атинъ.

Биронъ поѣхалъ самъ въ зимній дворецъ, гдѣ помѣщался императоръ и жили его родители, принцъ и принцесса Брауншвейгскіе.

Это было рано утромъ. Герцогъ вошелъ во дворецъ въ сопровожденіи генерала Бисмарка и двухъ адъютантовъ. Не говоря никому ни слова, онъ прямо прошелъ во внутреннія покои принцессы. Разумѣется, все преклонилось передъ грознымъ и всесильнымъ регентомъ. Пройдя пріемныя комнаты, въ послѣдней изъ нихъ, передъ самой спальней принцессы онъ нашелъ принца Антона, въ халатѣ, переговаривающимся черезъ щелку запертыхъ дверей съ любимицею принцессы Юліаною Густавовною Менгденъ.

Принцъ просилъ отворить, Юліана не соглашалась.

— Нельзя къ намъ, никакъ нельзя! мы только что заснули!

— Полноте, mademoiselle Жюли, отворите; вы вчера еще обѣщали; сказали, что сегодня будетъ можно!

— Никакъ нельзя, никакъ нельзя! Вѣдь я не знала, что принцесса сегодня всю ночь на пролетъ не заснетъ.

— Да полноте-же, вѣдь я на одну минуту...

— Ни на секунду нельзя! Вы только разбудите!

Дѣло въ томъ, что принцъ спалъ у себя въ кабинетѣ и ему дозволялось приходить къ принцессѣ только по утрамъ. Но часто, отправляясь утромъ, онъ находилъ двери спальни запертыми и долженъ былъ переговариваться съ Менгденъ, которая всегда спала съ принцессою на одной кровати.

Въ такую-то критическую минуту, когда Менгденъ рѣшительно отказалась отворить двери, принцъ Антонъ встрѣтилъ Бирона съ генераломъ Бисмаркомъ и двумя адъютантами.

— Ваше высочество! сконфуженно проговорилъ принцъ Антонъ, завертываясь крѣпче въ свой бархатный халатъ и теряя съ одной ноги туфлю.

— Да! Ваше высочество! Мое высочество пришло съ тѣмъ, чтобы объявить вамъ, что если еще такъ продолжаться станетъ, то кончится худо, очень худо! Что вы затѣваете? Что вы думаете? На что вы надѣетесь? Вы думаете, что васъ вашъ полкъ поддержитъ? Я не боюсь никакихъ полковъ! Я вамъ покажу! Я прикажу пытать Граматина! Прикажу пытать Семенова! Прикажу съ нихъ съ живыхъ кожу содрать! И если окажется, что вы... то берегитесь!

Принцъ, пришедшій въ эту комнату совершенно съ иными цѣ-

лями и надеждами и ничего неслыхавшій объ арестованіи своего адъютанта и секретаря его жены, совершенно растерялся.

— Что вы думаете? кричалъ уже Бирон, расходясь болѣе и болѣе.—Что вы отецъ императора? Что вы неприкосновенны? Вы ошибаетесь, очень ошибаетесь! Да, вы отецъ императора, но съ тѣмъ вмѣстѣ вы его первый подданный. И если окажется, что вы виноваты хотя только въ подъискиваніи, въ подзадориваніи, то я велю сейчасъ же васъ арестовать! Императоръ Петръ далъ примѣръ. Онъ не пожалѣлъ отдать на пытку бунтовщика-сына! Мнѣ нѣтъ повода жалѣть бунтовщика-отца! Если вы надѣетесь на цесарцевъ, на вѣнскій дворъ, то тоже ошибаетесь, очень ошибаетесь. Вамъ здѣсь отрубятъ голову прежде, чѣмъ вѣнскій дворъ надумается о васъ писать!

Принцъ Антонъ слушалъ эту жесткую съ угрозами и крикомъ рѣчь разсвирѣпѣвшаго герцога, только хлопая глазами. Онъ не находилъ словъ для отвѣта и даже не ясно понималъ, въ чемъ дѣло.

Въ это время двери изъ спальни отворились и показалась принцесса Анна Леопольдовна. Въ ночномъ пеньюарѣ, какъ она встала съ постели, съ головою, повязанною по-русски платкомъ и съ накинутою на плечи душегрѣйкою, она походила скорѣе на явленіе съ того свѣта, походила на что-то вышедшее изъ прошлой жизни. Тѣмъ не менѣе стройная фигурка и свѣженькое личико принцессы, съ заспанными глазками, заставили принца Антона облизнуться.

— Ну, полно, дядя-герцогъ, сказала принцесса по-нѣмецки.— Не брани его! Не дѣлай напрасно шума!... Помнишь, покойная тетушка любила, когда я звала тебя дядюшкой, такъ ты не сердись очень на племянника. Онъ вѣдь самъ не знаетъ, что иногда болтаетъ! Я даю тебѣ слово смотрѣть за нимъ! Прошу... И принцесса положила свою руку на плечо Бирона.—Не сердись же!

— Ваше высочество, отвѣчалъ Бирон, понижая голосъ. — Вы знаете, какъ я былъ преданъ покойной моей благодѣтельницѣ, вашей тетушкѣ, и, ради ея памяти, готовъ все сдѣлать! Съ тѣмъ вмѣстѣ я долженъ сказать, что не только онъ, но если-бы даже сами вы рѣшились покуситься на спокойствіе государства, то и васъ бы я не пожалѣлъ! Потому впередъ прошу васъ подчиниться вполнѣ волѣ и распоряженію покойной вашей тетушки. Что оно дѣйствительное, а не подложное,—какъ сателитамъ принца угодно утверж-

дать,—это я ему докажу. Но опять повторяю: если еще будутъ продолжаться движенія въ этомъ смыслѣ, — можетъ кончиться худо, очень худо, и прежде всего я буду вынужденъ выпроводить васъ съ вашимъ супругомъ изъ Россіи.

Бирономъ съ спутниками уѣхалъ; принцесса съ Менгденъ опять заперлась въ своей спальнѣ, даже не взглянувъ на своего сконфуженнаго супруга; а принцъ Антонъ, подобравъ халатъ и повѣся носъ, по неволѣ долженъ былъ отправиться въ свой кабинетъ.

Тамъ ждало уже его приглашеніе явиться въ чрезвычайное засѣданіе кабинетъ-министровъ, сената и генералитета, для объясненія по важному государственному дѣлу.

Въ собраніи онъ нашелъ Бирона и не менѣе двадцати человѣкъ—министровъ, сенаторовъ, предсѣдателей колегій, фельдмаршаловъ, генералъ-аншефовъ и адмираловъ. Биронъ предсѣдательствовалъ; противъ Бирона сидѣлъ Остерманъ.

Для принца не приготовлено было даже стула. Онъ долженъ былъ стоять какъ подсудимый. Только что онъ вошелъ, двери за нимъ закрылись. Принцъ слышалъ, какъ щелкнулъ замокъ. Невольно сконфуженный онъ подошелъ къ столу противъ Бирона, поклонился, но Биронъ будто его не замѣтилъ, оставивъ его поклонъ безъ отвѣта. Онъ излагалъ передъ присутствующими сущность дѣла, на основаніи показаній, данныхъ на допросахъ съ пристрастіемъ лицами, оказавшимися приверженцами Брауншвейгской фамиліи. Онъ объяснялъ, что хотя ни Ханыковъ, ни Аргамаковъ, ни Пустошкинъ и др. не указали на непосредственное сношеніе съ принцемъ, но что ихъ дѣйствія основывались на слухахъ, распускаемыхъ умышленно его секретаремъ и адъютантомъ о подложности будто бы сдѣланнаго покойною императрицею распоряженія,—слуховъ, распускаемыхъ видимо съ цѣлью произвести смуту, волненіе и привести можетъ быть къ кровопролитію. Затѣмъ, выяснивъ о сношеніяхъ принца, черезъ Семенова, съ кабинетъ-секретаремъ Яковлевымъ, который поддерживалъ мысль о подложности всѣхъ составленныхъ бумагъ, Биронъ вынулъ изъ портфеля подлинное распоряженіе императрицы о регентствѣ и спросилъ у Остермана: та-ли это бумага, которую онъ носилъ къ подписи и при немъ-ли государыня ее подписала? На утвердительный отвѣтъ Остермана онъ обра-

тился къ Левенвольду и спросилъ: та-ли это бумага, которую при немъ государыня приказала своей камеръ-фрау Юшковой положить въ шкатулку съ драгоцѣнностями? Получивъ тоже утвердительный отвѣтъ, онъ обратился къ фельдмаршалу князю Трубецкому съ вопросомъ: та-ли это бумага, которую онъ, уже послѣ смерти государыни, вынулъ изъ шкатулки съ бриліантами въ присутствіи Куракина и Левенвольда?

— Д-д-д-да! Э-эт-т-т-та с-с-с-самая! отвѣчалъ Трубецкой.

— При комъ подписала государыня опредѣленіе, ей вами поданное? спросилъ онъ у Остермана опять.

— При вашемъ высочествѣ, князѣ Куракинѣ, тайныхъ совѣтникахъ Неплюевѣ и Нарышкинѣ, отвѣчалъ Остерманъ.

— Господа! подтвердите принцу, что это такъ было!

Поименованныя лица встали и подтвердили, что они были свидѣтелями въ дѣйствительности подписи императрицы.

— Стало быть вопросъ о подложности не имѣетъ мѣста? продолжалъ Биронъ.

— Теперь я прошу васъ сказать собранію, чего вы хотѣли? Какая ваша цѣль? продолжалъ Биронъ, обращаясь къ принцу.—Говорите искренно, во избѣжаніе болѣе тяжкихъ послѣдствій.

И онъ остановилъ на принцѣ свой жесткій, пристальный взглядъ.

Принцъ, запуганный, сконфуженный, сквозь слезы сталъ просить снисхожденія; винился, что хотѣлъ измѣнить распоряженіе о регентствѣ, хотѣлъ взять на себя управленіе имперіею во время малолѣтства сына.

— Вы хотѣли произвести бунтъ? спросилъ его генералъ-прокуроръ Трубецкой.

— Я, нѣтъ... я... началъ было принцъ, но Трубецкой перебилъ его.

— Какъ же нѣтъ, когда вы хотѣли поднять войска, арестовать министровъ... Извольте говорить искренно!

Принцъ со слезами на глазахъ признался, что онъ хотѣлъ достигнуть этого, хотя бы при помощи бунта, и опять просилъ снисхожденія.

Тогда къ нему обратился Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

— Ваше высочество! началъ говорить Ушаковъ.—Ваше высокое положеніе опредѣляетъ вамъ ваши обязанности! По своей молодости и неопытности вы могли быть обмануты, вовлечены въ противность тому, что составляетъ народное благополучіе. Но подумайте! Если вы будете держать себя какъ слѣдуетъ, то мы будемъ почитать васъ, какъ отца нашего императора, и всѣ сатисфакціи вамъ отдавать съ почтеніемъ. Если же вы, противу всякаго чаянія, будете оказывать противность, то будемъ признавать васъ подданнымъ вашего и нашего государя, и тогда съ крайнимъ моимъ прискорбіемъ, я принужденъ буду отнестись къ вамъ съ тою же строгостью, какъ и къ послѣднему изъ подданныхъ его величества.

Эта грозная рѣчь управляющаго тайною канцеляріею, страшнаго Ушакова, въ соединеніи съ мыслью, что вѣдь онъ можетъ быть сейчасъ же взятъ, арестованъ, и пожалуй подвергнутъ пыткѣ, такъ какъ между присутствующими, онъ видѣлъ, не было никого, кто бы рѣшился сказать за него хоть слово, — заставили принца нервно вздрогнуть; а тутъ раздалась еще высокомѣрная рѣчь Бирона.

— Впрочемъ, господа, можетъ быть кто нибудь изъ васъ находитъ, что его высочество съ бо́льшимъ достоинствомъ и пользою можетъ управлять столь обширнымъ государствомъ, какова россійская имперія, то прошу высказаться! По распоряженію покойной императрицы, я имѣю право отказаться отъ регентства, и если это будетъ согласно съ общимъ желаніемъ, то я сейчасъ же, и мое мѣсто, и управленіе, передамъ въ руки его высочества.

Но кто же смѣлъ бы отвѣтить на такой вызовъ всесильнаго регента, и еще въ присутствіи начальника тайной канцеляріи, когда всѣ присутствующіе знали, что караулъ на дворѣ занятъ съ заряженными ружьями отъ полка его брата, Густава Бирона, и что шесть армейскихъ полковъ подъ начальствомъ Броверна и Бисмарка идутъ, а частью уже пришли для охраны спокойствія столицы. Миниха въ засѣданіи не было. Разумѣется, не отвѣчалъ никто. Напротивъ, поднялось нѣсколько голосовъ, которые выразили свое всепреданнѣйшее желаніе, чтобы герцогъ, ради общаго блага, посвятилъ свои труды Россіи. Между этими голосами особо ярко выставлялись всепреданнѣйшія прошенія кабинетъ-министровъ Остермана, Черкаскаго и Бестужева.

Когда это было высказано, герцогъ гордо обратился къ принцу:

— Вы слышали, ваше высочество, общее мнѣніе высшихъ чиновъ управленія и убѣдились, что назначеніе мое есть дѣйствительно воля покойной государыни; теперь скажу: берегитесь! Малѣйшее движеніе ваше—и вы не надѣйтесь на мою снисходительность! Я покажу вамъ... продолжалъ онъ возвышая голосъ,—что въ Россіи строго караютъ бунтовщиковъ, кто бы они ни были!

— Да я... началъ было говорить принцъ, машинально трогая эфесъ своей шпаги.

Бирономъ опять строго перебилъ его и, ударая по эфесу своей шпаги, проговорилъ желчно:

— И на этомъ я готовъ раздѣлаться съ вами, если вамъ угодно! А пока извольте молчать! Вы слышали рѣшеніе; извольте же держать себя соотвѣтственно тому, что вы слышали. На дняхъ вы получите извѣщеніе о вашемъ содержаніи, которое возвышено до 200,000 р. Постарайтесь своимъ скромнымъ поведеніемъ заслужить эту милость! Можете теперь идти и помните-же...

Герцогъ позвонилъ и обѣ половинки дверей отворились.

Принцъ вышелъ изъ залы собранія, какъ отуманенный.

Возвратясь къ себѣ, Бирономъ послалъ просить къ нему цесаревну Елисавету.

Цесаревнѣ показалось очень обидно такое требованіе, но, подчинясь обстоятельствамъ, она сейчасъ же поѣхала къ регенту.

Бирономъ встрѣтилъ ее съ особымъ привѣтомъ.

— Простите меня, ваше высочество, что я нарушилъ ваше спокойствіе, прося къ себѣ. Но у васъ тамъ много любопытныхъ ушей; а мнѣ хотѣлось поговорить съ вами о многихъ весьма серьезныхъ предметахъ, и прежде всего скажу, что ужъ никакъ нельзя сказать, чтобы я не думалъ объ обезпеченіи и удовольствіи тѣхъ, къ кому мое всегдашнее уваженіе и преданность не имѣютъ предѣловъ. Во вниманіе къ тому, что такая прекрасная принцесса, какъ наша цесаревна, дочь такого великаго отца, не должна нуждаться въ средствахъ жизни, вамъ назначено содержаніе, не касаясь доходовъ съ вашихъ имѣній, прямо изъ казны пятьдесятъ тысячъ рублей.

Это сообщеніе въ такой степени было пріятно цесаревнѣ, крайне нуждавшейся въ деньгахъ, такъ какъ она получала всего на-все

вмѣстѣ съ доходами отъ имѣній только 40 тысячъ, въ счетѣ которыхъ имѣнія давали 25 тысячъ, казна же только 15 тысячъ, что улыбка удовольствія невольно оживила ее пріятное и красивое лицо. Она посмотрѣла на Бирона съ невольною благодарностью, тѣмъ болѣе что очень мучилась, не зная чѣмъ покрыть нѣкоторые счеты, которые ее весьма безпокоили.

Усадивъ цесаревну въ гостиной съ любезностью уже привыкшаго ко двору кавалера, Биронъ началъ:

— Разумѣется, ваше высочество, для меня чрезвычайно неловко говорить съ вами о такихъ щекотливыхъ предметахъ, какъ мои отношенія къ покойной вашей тетушкѣ, ваше замужество и другіе, тому подобные предметы, требующіе въ большей или меньшей степени интимности и взаимной довѣренности. Я никогда не былъ такъ счастливъ, чтобы пользоваться вашимъ милостивымъ расположеніемъ и могъ расчитывать на ту или другую. Но что дѣлать, иногда интимность вызывается обстоятельствами. Я нахожусь именно въ такихъ обстоятельствахъ, и прошу милостиво простить, если въ объясненіи моемъ коснусь такихъ предметовъ, которые не всегда допускаются въ общемъ разговорѣ.

— Что такое, герцогъ? я васъ слушаю!

— Вы разрѣшаете мнѣ говорить все?

— Я прошу васъ!

— Не стану говорить объ отношеніяхъ моихъ къ вашей тетушкѣ. Вы ихъ знаете. Полагаю, что вы знаете также, что мои дѣти—Петръ, Гедвига и Карлъ,—дѣти не моей жены!

— Я думаю, ваше высочество, что вѣдь вы нехотите сдѣлать меня судьею вашей совѣсти? сказала цесаревна съ любезною улыбкою.

— Нѣтъ! Я говорю это потому, чтобы выяснить вамъ желаніе вашей покойной тетушки сдѣлать для моихъ дѣтей все, что можетъ только желать любящая и попечительная мать. Естественно, что она желала наградить ихъ всѣмъ, что было въ ея власти, не исключая даже своихъ правъ царствующей государыни!

Цесаревна строго взглянула на Бирона, однакожъ промолчала.

— Я говорю только о ея желаніи. На этомъ основаніи и составлено было предположеніе, чтобы когда ея племянница подростетъ, то императрица объявитъ ее наслѣдницей съ тѣмъ, чтобы она вы-

шла замужъ за моего старшаго сына, принца Петра. Правда, сынъ мой годомъ или двумя ея моложе; но вы сами знаете, что въ политикѣ о такихъ вещахъ не разсуждаютъ!

— Да, графъ Андрей Ивановичъ хотѣлъ же меня выдать замужъ за племянника! припомнила цесаревна.

— Тогда ясно, что престолъ оставался бы въ ея потомствѣ, и законная, прямая наслѣдница не была бы отстранена. Вопросъ разрѣшался просто и къ общему удовольствію.

«Забывали только обо мнѣ; какое мнѣ то было бы удовольствіе?» подумала цесаревна, но тоже не сказала ни слова.

— Къ сожалѣнію, ея племянница, а ваша кузина, оказалась совершенно невозможною женщиною. Съ ней нельзя говорить, не только что нибудь дѣлать! Она не слушаетъ ни убѣжденій, ни просьбъ, не принимаетъ никакихъ совѣтовъ, и живетъ въ какомъ-то своемъ мірѣ, вопреки всѣмъ доводамъ разума.

Чтобы сдѣлать наперекоръ мнѣ, она вышла за принца Антона, который, къ сожалѣнію, оказывается такимъ же невозможнымъ, невѣроятнымъ человѣкомъ, какъ и она. Императрица, видѣвъ это и не желая внести смуту и разгромъ въ свое государство, гдѣ она столь достославно царствовала, по материнской заботливости своей о благѣ подданныхъ и по чувству справедливости, назначила своимъ наслѣдникомъ малолѣтняго внука, нынѣ императора, съ тѣмъ, чтобы, до его совершеннолѣтія, имперіей управлялъ я. Но вы, вашимъ свѣтлымъ разумомъ, цесаревна, понимаете, что, поступая по совершенной справедливости, ея симпатіи, ея желанія оставались на сторонѣ моего сына, и что она назначила наслѣдникомъ принца Іоанна только потому, что не видѣла возможности, какимъ образомъ желанія свои прилично соединить съ справедливостью и разумомъ. Я принялъ управленіе и, признаюсь убѣдился совершенно, что принцъ и принцесса оба люди именно невозможные. Сегодня я долженъ былъ отнестись весьма строго къ принцу Антону; но вижу, что моя строгость подѣйствуетъ едва на нѣсколько дней; въ немъ еще столько ребяческаго, мальчишескаго, что ввѣриться ему и ввѣрить столь важный государственный интересъ какъ воспитаніе будущаго императора, просто немыслимо.

Въ этомъ моемъ крайнемъ, можно сказать, безвыходномъ поло-

женіи, я рѣшился обратиться къ вамъ, цесаревна: не поможете ли вы мнѣ изъ него выйти? Не пожелаете ли спасти Россію отъ многихъ и многихъ несчастій, которыя неминуемо ждутъ ее впереди, если дѣло останется въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь? И въ то же время не пожелаете ли вы осуществить желаніе вашей тетушки видѣть ея потомство на престолѣ... не согласитесь ли вы выйти замужъ за моего сына Петра? Тогда мы сдѣлаемъ революцію и царствовать будете вы!

— Вы знаете, герцогъ, я не честолюбива и принимать на себя заботу управленія государствомъ... это не въ моемъ характерѣ. Не потаю, что когда умеръ мой царственный племянникъ Петръ II, и покойная государыня была еще въ Курляндіи, многіе говорили, чтобы я чѣмъ нибудь заявила о себѣ и тогда избраніе могло бы состояться въ мою пользу; но я отказалась прямо! Мое желаніе: жить покойно и счастливо въ скромной долѣ частныхъ лицъ. Я желаю только избѣжать тѣхъ преслѣдованій и наблюденій, которыми меня со всѣхъ сторонъ окружаютъ; а болѣе я не желаю ничего. Тѣмъ болѣе, что ваше высочество изволили мнѣ благосклонно сообщить, что теперь мнѣ предоставляются средства, которыя всѣ мои умѣренныя требованія вполнѣ удовлетворяютъ.

— Но и тогда вы будете совершенно спокойны. Управленіе вы поручите мнѣ; сынъ мой будетъ не только вашъ супругъ, но и первый вашъ подданный.

— Но, герцогъ, мнѣ кажется, вы смѣетесь. Принцъ Петръ еще мальчикъ, я противъ него старуха! Развѣ я могу идти замужъ за мальчика, который черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ мною пренебрегать? Проектъ о замужествѣ моемъ съ племянникомъ, съ моей стороны, встрѣчалъ возраженіе въ томъ, что я была старше его. Но тогда разность лѣтъ была незначительна, ему было 14—15, а мнѣ 17—18 лѣтъ; стало быть на два на три года всего; а теперь мнѣ—30, а принцу Петру нѣтъ и 17. Вѣдь такое мое замужество, ваше высочество, будетъ простите, курамъ на-смѣхъ! Вы говорите: въ политикѣ на это не смотрятъ. Да, не смотрятъ тѣ, которые честолюбивы, которые въ словахъ царствовать, повелѣвать — видятъ все! А для меня—скромная жизнь, тихія удовольствія, пріятная бесѣда, далеко предпочтительнѣе всѣхъ видовъ на блестящее царствованіе.

— Если вы находите принца Петра столь молодымъ и несоотвѣтственнымъ... то есть другая комбинація:—что вы скажете обо мнѣ? Вѣдь я буду поклонникомъ и рабомъ вашимъ.

— О васъ? Какъ о васъ, герцогъ?

— Выйти замужъ за меня?

— Герцогъ, вы рѣшительно смѣетесь! Вѣдь вы женаты?

— Бенигна никогда не была моею женою. Притомъ мы лютеране, у насъ разводъ не такъ труденъ, какъ у православныхъ. Я могу принять греческую вѣру и тогда... Подумайте, цесаревна! Я не старъ; мнѣ нѣтъ еще и пятидесяти. Гедвигу мы выдадимъ за вашего племянника, принца голштинскаго. И если-бы у насъ не было потомства, то вы назначите его своимъ наслѣдникомъ... но я надѣюсь... Впрочемъ, въ этомъ отношеніи я совершенно полагаюсь на васъ. Что вы объ этомъ думаете?

— Герцогъ, ваше предложеніе такъ неожиданно и, позволю себѣ сказать, такъ странно, что право я не умѣю на него отвѣчать? Позвольте мнѣ подумать и очень подумать.

— Подумайте. Притомъ обратите вниманіе, что всякое замужство съ другимъ поставитъ васъ непремѣнно въ фальшивое положеніе къ этому другому. Дѣло Шубина не можетъ не отозваться болѣе или менѣе на вашу будущую семейную жизнь. Я же обязуюсь предоставить вамъ полную свободу. Вы будете царствовать и надъ Россіей, и надо мной... Подумайте, цесаревна.

Цесаревна покраснѣла. Въ душѣ у нея волновалась цѣлая буря. Ей хотѣлось сказать: развѣ она виновата, что она не рыба; хотѣлось спросить: думаютъ ли они, что поступали съ нею по-человѣчески? И теперь послѣ всего, что они—и преимущественно онъ—съ нею дѣлали, онъ рѣшается предлагать... О! это ужасно!

Однако цесаревна ни однимъ словомъ не высказала своихъ мыслей и разсталась съ герцогомъ на томъ, что слова его она обсудитъ и подумаетъ.

Провожая цесаревну и идя назадъ по дворцу, Биронъ замѣтилъ въ зеркало, что изъ комнатъ герцогини вышла на парадную лѣстницу провожать молодаго князя Зацѣпина его дочь Гедвига. Биронъ остановился передъ зеркаломъ. Онъ видѣлъ, что они тоже остановились за большимъ померанцовымъ деревомъ, что она подала ему

объ свои руки, и тотъ страстно нѣсколько разъ ихъ поцѣловалъ. Потомъ ему показалось, будто Гедвига приподнялась, а Зацѣпинъ наклонился и будто онъ своими губами коснулся ея щеки, потомъ ея шейки, а она поцѣловала его голову и потомъ охватила ее обѣими ручками. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ нѣжностей Зацѣпинъ ушелъ.

«Скажите на милость, подумалъ Биронъ,—еще дѣти, а ужъ тоже... Однако этотъ Зацѣпинъ смѣлъ... Дерзость непростительная! Впрочемъ, государыня сама была не прочь... Но теперь другое дѣло. Нужно отправить его подальше». И онъ пошелъ на встрѣчу дочери.

— Гедвига, сказалъ онъ, когда та подошла близко:—я тебѣ пріискалъ жениха. Одинъ нѣмецкій принцъ, молодой, красивый... Ты должна знать это, чтобы, говоря съ молодыми людьми, помнить, что ты уже предназначена.

Дочь не отвѣчала ничего, только щечки ея покрылись нежданно яркимъ румянцемъ. Но въ тотъ же день князь Андрей Васильевичъ получилъ отъ нея залитую слезами записку.

«Папа мнѣ сказалъ, что онъ мнѣ сыскалъ жениха, какого-то нѣмецкаго принца; но будь покоенъ, кромѣ тебя я не пойду ни за кого, хотя бы это стоило мнѣ жизни.

Твоя вѣчно
Лиз. Б.»

А въ это время принцъ Антонъ и его супруга Анна Леопольдовна жаловались Миниху на регента и объясняли, какія оскорбленія они терпятъ.

— Придумайте, помогите графъ; сдѣлайте, что можно! А то: я просто боюсь его. Вотъ спросите у нея, говорила Анна Леопольдовна, указывая на Юлію Менгденъ.—Онъ довелъ меня до того, что я дрожу, когда онъ приходитъ. Становлюсь сама не своя. Даже дядюшкой называть согласилась... Но вижу, что съ нимъ ничего не помогаетъ. Онъ просто бранится. Грозитъ Богъ знаетъ чѣмъ. Хочетъ выслать въ Германію. Пожалуй и сына отниметъ.

— Тогда въ собраніи, признаюсь, я струсилъ, да такъ, что и не думалъ никогда! сказалъ принцъ.—Я ужъ полагалъ, что изъ собра-

нія, да прямо на пытку. Даже двумъ стамъ тысячамъ не обрадовался. Богъ съ ними!

— Будьте благодѣтелемъ, милый, добрый графъ! говорила принцесса.—Окажите услугу вашему императору, спасая его отца и мать. Помогите! Я никогда васъ не забуду!

— Хорошо, прекраснѣйшая принцесса и добрѣйшій принцъ, отвѣчалъ Минихъ.—Положитесь на меня. Онъ не будетъ вамъ страшенъ. Вотъ вамъ моя рука, рука стараго фельдмаршала, который привыкъ держать свое слово. Только и вы не отступайте, помните... Однимъ словомъ, положитесь на меня.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	стр.
I. Петербургъ	1
II. Русскій помѣщикъ въ первой половинѣ XVII-го вѣка	16
III. Противъ силы	34
IV. Князья Зацѣпины	66
V. Рукопись монаха	81
VI. Дядя и племянникъ	106
VII. Русскій петиметръ	122

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. Леклеръ	151
II. Вліятельные типы прошлаго вѣка	161
III. Дворъ Цесаревны Елизаветы	181
IV. Маркизъ Шетарди	199
V. Балъ въ посольствѣ	213
VI. Другой міръ другіе люди	224
VII. Что съѣдено и выпито, то наше	235
VIII. Старики-шалуны	250
IX. Капиталъ	260
X. Шуты	278
XI. Небойся	287
XII. Баритонъ	299
XIII. Бирономъ въ политикѣ	308

Stanford University Libraries
3 6105 124 448 494

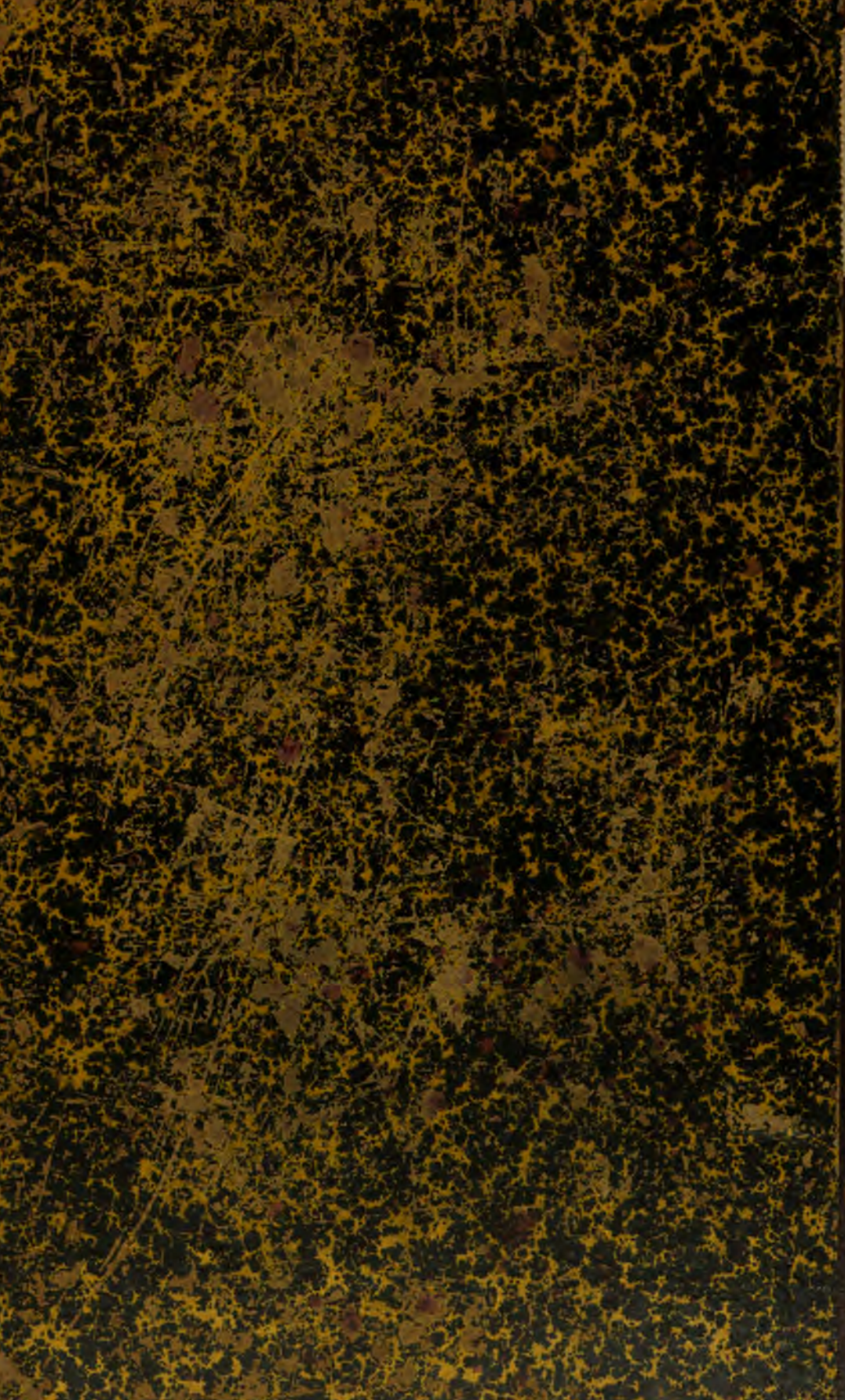
5037

7-2 DM 24.

P(
33
S7
R6
18
v.

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

OCT 2 8 1972

JUN 2 1 1973